1725

Д.А.ШИРИНА

ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК и Северо-Восток

1917

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЯКУТСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Д.А. ШИРИНА

ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК и Северо-Восток 1725 – 1917 гг.

Ответственный редактор
член-корреспондент РАЕН *В.Н. Иванов*

ВО "НАУКА"
НОВОСИБИРСК
1994

ББК 63.2
Ш 64
УДК 930

Рецензенты

доктор исторических наук *О.Д. Якимов*
кандидат исторических наук *Т.Н. Оглезнева*

Утверждено к печати
Якутским институтом языка, литературы и истории СО РАН

Ширина Д.А.

Ш 64 Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725—1917 гг. — Новосибирск: ВО "Наука". Сибирская издательская фирма, 1994. — 272 с.
ISBN 5—02—030881—1.

В исследовании представлена деятельность Академии наук по научному освоению Северо-Востока на протяжении почти двух столетий. Выявлен большой комплекс разнообразных документов на русском, немецком, английском языках, проанализированы их содержание, эволюция, преемственность. Показано формирование естественно-научных знаний о регионе, расширены представления о историко-этнографическом наследии коренного населения, его роли в освоении края.

Книга рассчитана на историков, источниковедов, культурологов.

$Ш\frac{0503020000-079}{042(02)-94}$ 38—94 II полугодие

ББК 63.2

ISBN 5—02—030881—1

Светлой памяти
Льва Владимировича Черепнина
посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

Северо-Восточная Азия — регион по-своему уникальный. Его отличает многообразие самобытных культур и языков, богатые возможности для хозяйственного освоения, сравнительная экологическая чистота.

В обществе происходили и происходят мощные интеграционные процессы. Человечество становится все более единым благодаря этническим связям, развитию экономики и науки, разнообразным средствам общения, международному сотрудничеству. Однако все это не обеспечивает духовной близости народов — важнейшего условия сохранения жизни на Земле, решения экологических и политических проблем. Основу этой близости составляет духовное здоровье людей, их нравственность, глубокое уважение национальных культур, знание истории этносов, понимание условий сохранения жизни на планете во всем ее богатстве и разнообразии. В сутолоке нынешнего времени как доброе знамение воспринимается интерес к языкам, традициям, быту и искусству различных народов. Представляется закономерным (хотя, увы, и запоздавшим) начало работ по национальному возрождению малочисленных народов Северо-Восточной Азии, внимание к их культурным ценностям, направлениям экономического и политического развития региона.

Одним из симптомов здоровья личности, нации, общества является память. И замечательно, что интерес к народам Северо-Востока и их прошлому неизменно растет. Поэтому резонно желание воссоздать традиционные культуры народов этого региона, найти объяснение ряду современных явлений, выявить динамику изменений социальных и биологических процессов, обратиться к опыту деятельности государства в организации изучения этих проблем.

Обращение к опыту работы Академии наук до 1917 г. по исследованию Северного Ледовитого океана, островной части

Северо-Востока позволяет уточнить темпы человеческой деятельности по ухудшению среды обитания и одновременно способствовать формированию здорового экологического мышления в обществе.

Создание Государственного кадастра животного мира, определение влияния антропогенных факторов на природную среду, охрана природы и использование естественных ресурсов неизбежно требуют восстановления знаний о социальных процессах, флоре и фауне в прежние времена. На территории Якутии работает единственный в России Институт мерзлотоведения, под эгидой ЮНЕСКО в Якутске создается международный музей мамонта. Появление их неотделимо от деятельности отечественной Академии наук в прошлом столетии.

В связи с этим изучение опыта работы Академии наук на Северо-Востоке отвечает запросам современного развития. Работа научного центра во многом определяет становление знаний о населении края, его экономическом и политическом состоянии, физической географии, о растительном и животном мире, естественных богатствах, геологии, климатических условиях. Отечественная Академия является одним из учреждений, в процессе деятельности которого были заложены основы научного освоения Северо-Восточной Азии, формировалось бесценнс наследие о традиционных культурах многих народов Сибиı ; одновременно создавались предпосылки промышленно-промысловой эксплуатации региона.

Создание научного центра в России связано с именем Петра Великого. Им в 1724 г. был утвержден "Проект об учреждении Академии наук и художеств". Самобытность созданного в Петербурге научного центра определяли одновременное выполнение им исследовательских и учебных функций, освобождение Университета от богословских кафедр (это отличало его не только от университетов Западной Европы, но также от Киевской и Московской славяно-греко-латинской академий), включение в сферу деятельности ученых естественных и общественных наук (во Франции существовала система параллельных академий, что же касается Англии, то в программу работ Лондонского королевского общества занятия гуманитарными науками не включались), финансирование работы Академии государством (в Англии общество поддерживалось членскими взносами практикующей части его состава, во Франции жалованье из королевской казны получали лишь менее половины сотрудников, в Германии оплата труда в Академии определялась доходами от изданий календарей и устройства лотерей). Естественно, что преимущества Петербургской академии, возможность науч-

ной работы на обширнейшей территории привлекли в Россию лучших ученых мира различных специальностей, а это сказалось и на уровне исследований, в том числе выполняемых по Северо-Востоку.

В данной работе впервые обобщается деятельность научного центра по исследованию края за почти двухвековой период его изучения (1725—1917 гг.). Главную цель автор видит в формировании представлений об одном из звеньев дореволюционной истории отечественной науки, посильном участии в изучении эволюции духовной культуры общества.

На протяжении почти всего дореволюционного периода основной формой изучения региона были экспедиции. Любопытно, что ни в "Проекте", ни в первом "Регламенте" Академии наук они не упоминаются. Однако потребности социально-экономического и политического развития страны, протяженность ее территорий, отсутствие научных центров на местах, государственное финансирование Академии наук делали экспедиции и необходимой, и возможной формой ее деятельности.

По данным существующей литературы складывается представление, что изучение Северо-Восточной Азии Академией наук до 1917 г. носило в значительной мере случайный, импульсивный характер и выразилось в основном в деятельности разрозненных экспедиций. Так ли это? Что представляли собой путешествия как научные предприятия? Являлись ли они единственной формой работы Академии наук в регионе? До сих пор ученые не уделили должного внимания огромному специфическому пласту документального материала, выявление, анализ, сравнительное изучение которого позволяет отчасти ответить на эти вопросы и сформулировать положение о первых отечественных программах исследования Северо-Востока, а одновременно показать значение определенного документального корпуса как исторического источника. Для некоторых экспедиций не была установлена связь с Академией наук, не изучено направление научно-изыскательских работ, не подведены итоги историко-этнографических исследований. Вне поля зрения ученых практически оставались историко-этнографический материал второй половины XIX — начала XX в.; формирование, аспекты и развитие проблемы взаимосвязи Азии и Америки; история, этапы сравнительного метода изучения (по материалам исследований Северо-Восточной Азии); переход Академии к новым формам работы в регионе; палеонтологические разыскания; исследования в полярной области и др. Все это и определило конкретные задачи данной работы.

Следует отметить, что в форме монографических исследований, статей, научных отчетов материалы о каждой экспедиции Академии наук 1725—1917 гг. нами опубликованы по следующим разделам: организация, задачи, состав, маршруты, результаты*.

В предлагаемом исследовании по различным отраслям знаний обобщены материалы, явившиеся открытиями мирового значения, и те, которые не стали объектом специального изучения; предпринята попытка наметить аспекты историко-этнографических наблюдений. Работу завершает приложение—инструкция П.С. Палласа для экспедиции И.И. Биллингса—Г.А. Сарычева на немецком языке и перевод ее текста на русский язык, осуществленный специально для данной работы физиком Ю.А. Ромащенко.

Пользуясь случаем, автор выражает сердечную благодарность сотрудникам Петербургского отделения Архива Академии наук, Центрального государственного архива Военно-морского флота, Центрального государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Библиотеки Академии наук, библиотеки Якутского научного центра, Национальной библиотеки (Якутск), отдела истории Якутского института язы-

---

**Ширина Д.А.* Зарубежная публикация "Воспоминания" // Полярная звезда. — Якутск, 1977. — № 3. — С. 113; *Она же.* Академическая экспедиция 1806—1807 гг. по Якутии и Охотскому побережью // Развитие гуманитарных исследований в Якутии. — Новосибирск, 1981. — С. 42—55; *Она же.* По следам одной экспедиции // За науку в Сибири. — 1982. — № 6; *Она же.* Летопись экспедиций Академии наук на северо-востоке Азии в дореволюционный период. — Новосибирск, 1983. — 136 с.; *Она же.* Отечественная наука и изучение Якутии в дореволюционный период // Исторические связи народов Якутии с русским народом. — Якутск, 1987. — С. 40—76; *Она же.* И.Д. Черский — исследователь Якутии // Якутская политическая ссылка (XIX—начало XX в.): Сб. науч. тр. — Якутск, 1989. — С. 92—121; *Она же.* В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон и разработка теории общности и различий народов Азии, Америки // Освободительное движение в России и якутская политическая ссылка (XIX—начало XX в.): Материалы всесоюз. конф. — Якутск, 1990. — Ч. 2. — С. 30—48; *Он же.* Из истории освоения Арктики // Наука в Сибири. — 1991. — № 23; *Она же.* Плавание "Таймыра" — "Вайгача" // Доверие. — 1991. — Август; *Она же.* Академия наук и экспедиции М.Н. Станюковича—Ф.П. Литке // Изв. СО АН СССР. Сер. История, философия и филология. — Новосибирск, 1991. — Вып. 2. — С. 22—28; *Она же.* Из истории научных представлений о народах Северо-Востока // Научно-практическая конференция молодых ученых: Сб.тез. — Якутск, 1992; *Она же.* Международный полярный год: Экспедиция в устье Лены // Наука в Сибири. — 1992. — № 33; *Она же.* Экспедиционная деятельность Академии наук на северо-востоке Азии. 1861—1917 г. — Новосибирск, 1993. — 203 с.; *Она же.* Экспедиционная деятельность Академии наук на северо-востоке Азии. 1725—1861 г.; *Она же.* Экспедиционная деятельность Академии наук на северо-востоке Азии: 1861—1917 гг. — Новосибирск, 1993. — 205 с.

ка, литературы и истории СО РАН, а также чл.-корр. РАЕН В.Н. Иванову за предоставленную возможность работы в оптимальном режиме по выявлению документального материала по теме, внимательное и доброжелательное отношение к авторским рукописям.

Глава I

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Источниковый материал темы очень интересен, разнообразен и многогранен. Итогом знакомства с ним могло бы стать самостоятельное источниковедческое исследование. Нами проведена обширная работа по выявлению документов, переводу их на русский язык, сравнению, обобщению. Разыскания велись в архивохранилищах Санкт-Петербурга, Москвы, Тарту, Иркутска, Якутска (Архив Академии наук, его Петербургское отделение, Центральный государственный исторический архив, Центральный государственный архив Военно-морского флота, Научный архив Географического общества, рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Центральный государственный архив древних актов, Центральный государственный архив Эстонии, Государственный архив Иркутской области, Центральный государственный архив Республики Саха (Якутия) и др.).

Основной материал обнаружен в фондах департаментов (народного просвещения, земледелия, казначейства, общих дел и МВД, мануфактур и внутренней торговли, горного и морского министра), комиссий (по изучению ЯАССР, Полярной, по наряжению Русской полярной экспедиции), министерств (внутренних дел, земледелия, морского), комитетов (ученого, министров, Правления Академии наук), канцелярий (Конференции и Правления Академии наук, министра), частных лиц (В.Г. Богораза, Б.А. Вилькицкого, Ф.П. Аделунга, В.В. Радлова, И.Г. Вознесенского, К.К. Гильзена, И.И. Редовского, В.А. Обручева, В.Л. Комарова, В.И. Вернадского, В.И. Иохельсона, Босниных и др.), Сената, Кабинета Ее Величества, Главного гидрографического управления, Совета министров, Совета при высочайшем дворе, Государственного архива Восточно-Сибирского отдела

РГО, конторы великой княгини Александры Иосифовны, Управления внутренних водных путей, отдела торгового мореплавания и торговых портов, Архива гидрографии, фамильного архива баронов Врангелей, Оленинской системы, Погодинских автографов, портфелей Миллера и др.

Материалы представлены перепиской различных ведомств и лиц, докладами, текущими делами ведомств, особыми журналами, выписками из журналов и представлений, записками, справками, общими соображениями, дневниками, отчетами, рапортами, приказами, инструкциями, уведомлениями, сметами, донесениями, черновыми заметками, проектами, краткими обзорами, атласами, собраниями карт и рисунков, напоминаниями, статьями и др. Они содержат разрозненные данные об организационной деятельности Академии наук по изучению Северо-Востока; о составе, маршрутах и результатах работы экспедиций; накоплении историко-этнографических данных о народах края; проблемах и методах научных исследований.

Наиболее однородные комплекты документов — это протоколы заседаний Общего собрания, Физико-математического, Историко-филологического отделений и отчеты Академии наук. В наиболее полном собрании материалы сосредоточены в Санкт-Петербургском отделении Архива Академии наук, Центральном государственном историческом архиве, Библиотеке Академии наук (см. "Академическое собрание" Отдела редкой книги), Государственной библиотеке им. В.И. Ленина (в том числе в ее Музее книги). Протоколы изданы на правах рукописей. Те из них, которые хранятся в Библиотеке Академии наук, не имеют пагинации (в архивохранилищах дела пронумерованы), и исследователь может использовать лишь нумерацию параграфов. Протоколы снабжены именными и предметными указателями; материалы расположены в хронологическом порядке по заседаниям с пометкой о составе присутствующих. Высокой информативностью отличаются "Приложения" к протоколам. Они содержат предварительные отчеты ученых о путешествиях, материалы переписки в связи с работами в Северо-Восточной Азии, планы экспедиций, краткие донесения о них, ходатайства о награждении лиц, занятых в исследовании края. В отчетах Академии наук, которые составлялись ежегодно, имеются сообщения об организации экспедиций, их участниках, маршрутах, проведенных разысканиях, о поступлениях в различные музеи научного центра. Следует также отметить, что отчеты Академии, извлечения из протоколов Общего собрания, Физико-математического и Историко-

филологического отделений публиковались в "Записках императорской Академии наук".

Периодические издания Академии наук, различных обществ (Географическое, его Восточно-Сибирский отдел, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и др.), как то "Записки", "Известия", "Землеведение", "Русский антропологический журнал", "Антропологический архив", "Метеорологический сборник", "Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens", "Ежегодник зоологического музея", "Bulletin de la classe physico-mathematique de l'Academie impériale des sciences de Saint-Pétersbourg", "Труды Ботанического музея" и другие содержат в основном данные об организации экспедиций и результатах их деятельности. Документальный материал найден и в следующих изданиях: "Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом", "Journal du Nord", "Записки Гидрографического департамента морского министерства", "Extrait du Journal d'observations faites à l'occasion du Passage de Venus devant le Disque du Soleil a Yakoutsk par Mr. leCapitain Isleniеf", "Изъяснение прохождению Венеры по Солнцу, бывшему мая 23 дня 1769 г.", "Полное собрание законов Российской империи" и др.

Результаты изучения Северо-Восточной Азии академическим центром в наиболее развернутой форме представлены монографиями, статьями, черновыми и дневниковыми записями ученых-путешественников (К. Марк, Г.А. Сарычев, Ф.П. Врангель, А.Ф. Миддендорф, Г.Л. Майдель, Н.Д. Юргенс, О.Ф. Герц, Э.В. Толль, И.П. Толмачев, Е.Ф. Скворцов, В.И. Иохельсон, В.Г. Богораз, Д.Л. Иохельсон-Бродская и др.), изданиями типа "Трудов", "Отчетов", "Предварительных отчетов".

Для изучения темы использованы и фрагментарные публикации документального характера из ряда сочинений (Г.Ф. Миллер. "История Сибири"; С. Румовский. "Наблюдения явления Венеры в Российской империи, в 1769 г. учиненные"; М.В. Ломоносов. "Полное собрание сочинений"; Э.Х. Ленц. "Избранные труды"; Ф. Гельвальд. "В области вечного льда: История путешествий к Северному полюсу с древнейших времен до настоящего"; F. Boas. "The Jesup North Pacifik Expedition"; И.И. Любименко. "Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века"; В.Ф. Гнучева. "Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков" и др.) и обобщающих трудов по истории Академии наук ("Проект положения" об учреждении Академии, регламенты 1747 и 1803 г., "Устав" 1836 г.). Как правило, указанные источники содержат сведения о научных задачах экспедиций, проекты

изучения страны, в том числе Северо-Восточной Азии, данные об организационных начинаниях ученого центра.

Не менее интересным оказалось выявление и исследование архивного материала и документальных публикаций на немецком и английском языках и перевод их на русский язык. В настоящее время отечественная наука может располагать более широким кругом работ, авторами которых были ученые с мировым именем — П.С. Паллас, К.А. Майер, Ф.Ф. Брандт, К.М. Бэр, Э.Х. Ленц, В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон, Ф. Боаз. Введение в научный оборот дополнительных текстов названных авторов уточняет, иногда изменяет представление о деятельности Академии наук в Северо-Восточной Азии до 1917 г., помогает выделить научные проблемы, формирование и развитие которых непосредственно связано с изучением края. Удалось также установить тождество первого литературного произведения на якутском языке, — "Воспоминаний" А.Я. Уваровского и статьи "Voyage au paus des Yakoutes", опубликованной в Париже в 1860 г. на французском языке, получить дополнительное свидетельство о способах интеграции в мировую науку результатов работы академического центра по изучению региона.

Весьма важными для разработки темы оказались "инструкции", "наставления", "наказы", "представления", "записки", "росписи", "определения", опубликованные и хранящиеся в отечественных архивах и объединенные общим предназначением — организацией научных поисков, разработкой направлений и методов изучения Северо-Восточной Азии. Учитывая их цельность, внутреннее единство, направленность, высокую степень информативности и слабую изученность, этот документальный массив подробно рассмотрен в специальной главе — "Организация экспедиций: Первые отечественные программы научного освоения Северо-Востока".

Как же отражено в советской историографии изучение Северо-Восточной Азии Академией наук в 1725—1917 гг.? Рассмотрим основные работы, авторы которых формировали представление о деятельности научного центра в регионе.

В 1924 г. первым изданием вышла книга Л.С. Берга "Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга". Отмечая участие Академии наук в проведении Второй Камчатской экспедиции и используя дореволюционную литературу по этому вопросу, ученый привел данные о некоторых путешественниках, посланных от научного учреждения[1].

Одно из первых описаний Северо-Тихоокеанской экспедиции дано в работе В. Николаева "Политическая ссылка

в изучении Якутского края". Подчеркивая, что предприятие было организовано американским этнологом Францем Боазом на средства президента Музея естественных наук в Нью-Йорке Джезупа, он писал, что основной целью путешествия было "содействие выяснению истории населения Америки и его отношений к народам Старого света". Николаев отмечал, что на Азиатском континенте работало три партии, в одной них были немецкий доктор Б. Лауфер и американский археолог Г. Фауке. В результате переговоров Ф. Боаза и В.В. Радлова, отечественная Академия наук командировала для исследований В.Г. Богораза и В.И. Иохельсона, которые в течение почти двух лет объехали северную часть Камчатки, Гижигинский и Анадырский края, Чукотку, работали на о. Св. Лаврентия и в Беринговом море. Итогом их деятельности стали материалы по антропологии, этнографии, фольклору, быту, верованиям[2].

Ю. Гессен остановился на выявлении конкретных форм деятельности Академии по разработке научных задач экспедиции 1768—1774 гг. с учетом потребностей науки к хозяйственных интересов страны. Ученый писал об обращении Академии к Вольному экономическому обществу, к коллегиям (берг-, коммерц- и медицинской); о запросе Конференцией из Архива Академии инструкций, составленных для Второй Камчатской экспедиции, тексты которых предлагалось использовать С.Г. Гмелину и П.С. Палласу (в ту пору работавших над инструкциями к предстоящим экспедициям 1768—1774 гг.; окончательная доработка текста единой инструкции была поручена П.С. Палласу); об утверждении текста инструкции, планов и маршрутов экспедиций в ходе заседаний Конференции 23 мая, 2, 16 и 23 июня[3].

Одно из первых упоминаний об академической экспедиции И.Д. Черского — небольшой раздел в книге С.В. Обручева "Колымско-Индигирский край: Географический и геологический очерк". Наблюдения первого года путешествия, представленные в предварительном отчете, оценены автором монографии как содержащие "очень важные географическую и геологическую сводки, в сущности дающие первые разрозненные и еще неоформленные сведения о строении обширной страны". Тогда же С.В. Обручев отметил наличие неопубликованных материалов экспедиции[4].

Значительное место в работах экспедиций XIX — рубежа XX в. занимал вопрос о поисках новой Земли к северу от Новосибирских островов. В связи с этим рассмотрим некоторые публикации В.А. Обручева. В 1935 г. ученый опубликовал книгу "Земля Санникова (нерешенная проблема Арктики)", в которой писал: «Эта виденная только издали, но

никем не посещенная земля находится к северу от Новосибирских островов, примерно в 150—200 км, и даже имеет название "Земля Санникова", по имени промышленника, впервые заметившего ее на горизонте. Но географы не верят в ее существование, и на современных картах Арктики мы ее не найдем». Между тем, по свидетельству В.А. Обручева, на карте Новосибирских островов 1811 г. к северу от последних в Ледовитом океане обозначены две земли с надписью "Земля, виденная Санниковым" (первая — к северу от Фаддеевского острова и о. Новая Сибирь, вторая — к северо-западу от о. Котельного). Внимание ученого привлек маршрут Русской полярной экспедиции, одной из основных задач которой были поиски новой земли. Путешественники на судне "Заря", писал он, после зимовки у берегов Таймырского п-ова направились к Новосибирским островам; не доходя о. Котельного "Заря" повернула на северо-восток и наткнулась на густой лед. Шторм унес судно на северо-запад; "Заря" двинулась на юго-восток, подошла к о. Беннета; в поисках Земли Санникова судно было остановлено льдом у 77° 35′ с.ш. и 142° в.д. Обручев обратил внимание на то, что при «всех промерах моря к северу от Новосибирских островов "Заря" находила очень небольшие глубины». Это, по его мнению, свидетельствовало о продолжении на север континентальной платформы: «Земля Санникова, очевидно, находилась очень близко от места, которого достигла "Заря" при второй попытке пройти на север». В.А. Обручев считал совершенно очевидным, что "Фрам" Ф. Нансена и "Заря" "не дошли до Земли из-за окружающих ее льдов, хотя были близко от нее; туман помешал ее видеть". К числу данных в пользу утверждения о существовании Земли Санникова В.А. Обручев относил сведения о пролете птиц, об обилии песцов и медведей к западу от нее, малые глубины моря по курсу "Зари". Птицы, замеченные Э.В. Толлем во время пребывания на о. Беннета, "летели с какой-то более крупной Земли, расположенной севернее этого небольшого острова"; "возможно, что на эту Землю, никогда не видевшую истребителя-человека, уходят на летовку и четвероногие". По мнению Обручева, большой остров или архипелаг мог находиться между 78 и 80° с.ш., 140 и 150° в.д. Земля могла состоять из базальта в форме высоких плосконических гор. Он допускал ограниченность ее естественных богатств (песцы, белые медведи, тюлени, моржи, птицы; "об ископаемых богатствах ничего предсказать, конечно, нельзя"). Научное изучение предполагаемой Земли В.А. Обручев связывал с исследованием течений, состояния и движения льдов, геологии континентальной

платформы, флоры и фауны Арктики, разъяснением этнографической загадки — сбором сведений об "исчезнувшем народе", онкилонах, некогда населявших Чукотский полуостров[5].

В работе обобщающего характера по истории геологического исследования Сибири В.А. Обручев писал, что Черский в предварительном отчете об экспедиции в Колымский край показал его геологическое строение, описал рельеф местности и тектонику, составил маршрутную карту и три таблицы геологических профилей. Работы участников путешествия 1901—1902 гг. и исследования, написанные по его материалам, стали также предметом внимания ученого. Он отмечал, что И.П. Толмачев подробно описал ископаемый лед (где был найден труп животного) и пришел к заключению о его образовании в эпоху мамонта. Э.В. Толль считал, что ископаемый лед является остатками ледникового покрова и что мамонт "был жителем лугов севера и погиб, увязнув в болоте". В.А. Обручев сообщал также о выступлении В.В. Заленского на зоологическом конгрессе в Берне, о результатах изучения березовского мамонта, о публикации О.Ф. Герцем материалов экспедиции на английском языке, о статье Е.В. Пфиценмейера, изданной на русском и английском языках, в которой автор подверг критике прежние описания наружного вида мамонта ("в особенности формы и положения бивней"). В.А. Обручев писал и об изучении К.А. Воллосовичем миоцена (берега оз. Тастах), мезозоя (верховья Хромы и Селяхе, водоразделы Яны и Омолоя, западный берег губы Лассинцуса), палеозоя (правый берег Лены ниже Булуна), массивов на Большом Ляховском и Святого Носа. Он же отметил описание путешественником раскопок мамонта в четвертичных отложениях[6].

В.А. Обручев обстоятельно развил тему о непосредственной связи экспедиции А.Ф. Миддендорфа с научной деятельностью К.М. Бэра. Он конкретизировал интерес ученого мира в лице К.М. Бэра к Таймырскому п-ову, который простирался "особенно далеко на север", был "одинаково отдален от влияния теплых океанов Атлантического и Тихого" и представлял уникальную возможность для исследования органической жизни на Крайнем Севере. Вторая научная проблема, издавна интересовавшая К.М. Бэра, была "проверка наличия вечномерзлой почвы в Якутске... Необходимо было проверить самый факт мерзлоты и выполнить точные определения температуры в стенках колодца, чтоб выяснить географический градиент". В.А. Обручев сообщал также, что К.М. Бэр подготовил для Сибирской экспедиции "Перечень новейших сведений о местности между Пясиной

и Хатангой в виде вопросов и ответов", дал "подробную сводку всех имеющихся сведений о вечномерзлой почве и ископаемых льдах в Сибири с сопоставлением и критикой этих данных и выводами о сущности этого явления, его причинах и распространении". Особое внимание В.А. Обручев, однако, уделил выявлению конкретного круга задач Сибирской экспедиции в исследовании вечной мерзлоты[7].

В.А. Обручев продолжил тему о новой неоткрытой Земле в 1946 г., когда сообщил о докладе В.Н. Степанова на ученом заседании Арктического института. Его автор изучал грунты, динамику их отложения в Восточно-Сибирском море и установил, как отмечал В.А. Обручев, что "на месте предполагаемого нахождения Земли Санникова имеется значительное повышение морского дна и встречаются песчаные грунты". В этом районе, считал В.Н. Степанов, могла находиться суша, в сложении которой участвовал ископаемый лед; в условиях потепления суша могла подвергнуться разрушению. В.А. Обручев писал: "Таким образом, можно предполагать, что Земля Санникова, которую видели с северной оконечности острова Котельного в 1810 г. промышленник Санников и в 1886 г. геолог Толль и его спутник Джергели, была сложена из ископаемого льда и представляла относительно небольшой остров". Он отмечал также, что разрушению подвергаются острова Новосибирского архипелага — Васильевский, Диомида, Меркурия. Одновременно В.А. Обручев считал необходимым сбор дополнительных сведений о перелете птиц в районе устьев Яны, Индигирки, о. Ляховского и дельты Лены; привлекал внимание исследователей к сообщениям о белых медведях, песцах и заключал: "...существование Земли Санникова, по моему мнению, все-таки остается загадкой"[8].

К истории Северо-Тихоокеанской экспедиции обратился в статье, посвященной 80-летию со дня рождения В.И. Иохельсона, К.Б. Шавров. Отметив организацию ее на американские средства, оснащенность научным оборудованием (инструментарий антрополога, фонограф, фотоснаряжение), автор обозначил маршрут экспедиции — Берлин, Антверпен (здесь были сделаны основные закупки снаряжения и экспедиционного имущества), Нью-Йорк, Сан-Франциско, Иокогама, Владивосток, Гижига (на северном побережье Охотского моря экспедиция высадилась летом 1900 г.), Пенжинский залив (В.И. Иохельсон изучал корякские селения, кочевья коряков-оленеводов п-ова Тайгонос и внутренних тундр), Колымский край (туда отправились в конце лета 1901 г.), Верхнеколымск (прибыли в начале зимы). К основным результатам деятельности отряда

К.Б. Шавров относил "впервые" собранные и описанные многочисленные образцы каменной и костяной индустрии коряков (каменные скребки для выделки шкур, каменные и костяные наконечники стрел и гарпунов, мотыги-клубнекопалки, орудия собирательства); изучение их кузнечного промысла; сборы, разработку и опубликование антропологических данных. При раскопках была обнаружена керамика, "исчезнувшая вовсе из обихода с появлением ввозной посуды", что, по его мнению, совпадало по времени с развитием торговли мехами с русскими и американскими купцами. Наиболее полно, писал исследователь, было изучено отрядом изобразительное искусство коряков (изделия из кости и дерева, вышивка). Обильный материал был собран по фольклору и мифологии, что позволило наметить интересные параллели с мифологией чукчей, камчадалов, эскимосов, североамериканских индейцев; полевые исследования были проведены среди колымских юкагиров[9].

В статье "В.Г. Богораз — этнограф и фольклорист", опубликованной в сборнике "Памяти В.Г. Богораза", Д.К. Зеленин среди результатов работы Северо-Тихоокеанской экспедиции назвал монографию этого ученого о чукчах, содержащую описание материальной культуры народа, его религиозных и мифологических представлений, социальной организации[10].

В конце 30-х г. вышла в свет "История Сибири" Г.Ф. Миллера. Издание сопровождают статьи исследователей. Среди них работа С.В. Бахрушина "Г.Ф. Миллер как историк Сибири". Как и Л.С. Берг, автор уделял преимущественное внимание составу академического отряда Второй Камчатской экспедиции. Его формирование С.В. Бахрушин объяснял постановкой научных задач перед путешествием: землеописание, изучение различных территорий и народов, исследования в области естественной истории. Здесь же опубликована статья А.И. Андреева "Труды Г.Ф. Миллера о Сибири". Ученый отметил, что об участии Академии наук в организации экспедиции "говорилось... до сих пор очень мало". Причиной, предполагает автор, явилось то, что один из томов архива Конференции находился у частного лица и лишь в 1891 г. поступил в Архив Академии[11].

Одной из первых работ, автор которой обратился к вопросу организации экспедиции А.Ф. Миддендорфа 1842—1845 гг., была статья М. Райхенберга. Отметив, что в разработке задач путешествия приняли участие "академики Бэр, Ленц, Брандт и другие", исследователь подчеркнул цели путешествия следующим образом: "...подробное изучение орографии и гидрографии Таймыра, определение южной

границы вечной мерзлоты, исследование растительности и животного мира самой северной тундры в стране". Кроме того, "экспедиции поручалось побывать в Якутске и произвести там исследование вечной мерзлоты". Автор статьи замечал, что инициатива в территориальном расширении плана работ принадлежала А.Ф. Миддендорфу, который предложил Академии наук обсудить предложение об исследовании южного берега Охотского моря и Шантарских островов[12].

До сих пор исследователи — представители различных отраслей научных знаний обращаются к прекрасной, практически неисчерпаемой книге В.Ф. Гнучевой "Экспедиции Академии наук XVIII—XIX вв.", изданной в 1940 г. Отсутствие "возраста" названного исследования объясняет уже его подзаголовок: "Материалы для истории экспедиций Академии наук". Основное внимание автор уделила выявлению документов, хранящихся в Петербургском отделении Архива РАН, и публикациям по результатам деятельности участников путешествий. Касаясь названия Второй Камчатской экспедиции и отметив определение ее в литературе как "первой академической", В.Ф. Гнучева писала о его исторической неверности, так как в период с 1727 по 1730 г. состоялась астрономическая экспедиция Людовика Делиль де-ла-Кройера в Архангельск и на Кольский п-ов. Упомянув о работе в 1768—1774 гг. "физических" экспедиций как дополнительных к астрономическим, В.Ф. Гнучева писала о совершенно исключительном значении первых, осуществивших "всестороннее научное обследование почти всей территории Российской империи". Огромная кропотливая работа была ею проведена по выявлению архивного и опубликованного материала, отложившегося в ходе экспедиционной кампании 1768—1774 гг. Экспедиция И.И. Исленьева на северо-восток Сибири рассмотрена В.Ф. Гнучевой в составе его экспедиций 1768—1773 гг., в том числе в юго-западную часть Европейской России. Определяя задачи экспедиции в Сибирь, она писала, что И.И. Исленьев получил "задание по собиранию географических и естественно-исторических сведений".

В начале XIX в. состоялось первое кругосветное плавание И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского. В.Ф. Гнучева отмечала, что проект путешествия был составлен в 1799 г. И.Ф. Крузенштерном, а его скорому осуществлению способствовала одновременная разработка планов мореплаваний, предусматривавших развитие торговли с Китаем и Японией, эксплуатацию русских колоний в Северной Америке. Ею же отмечены факты участия Академии наук в подготовке путе-

шествия. Автор сообщала о деятельности И.Ф. Крузенштерна под руководством академика П.Б. Иноходцева по подготовке проведения астрономических наблюдений. Среди поступлений в Академию наук по возвращении экспедиции 1803—1806 гг. В.Ф. Гнучевой названы: русско-японский словарь, описания животных, три каталога птиц, присланные Н.П. Резановым; научные заметки, коллекции, письма И.Ф. Крузенштерна; рапорты, письма, списки коллекций Г.И. Лангсдорфа и другие материалы.

В.Ф. Гнучева выявила также материалы и публикации, освещающие деятельность экспедиций Ф.И. Шуберта, М.И. Адамса, И.И. Редовского и Г.Ю. Клапрота в составе русского посольства в Китай в 1805 г. Она перечислила документы, составленные Ф.И. Шубертом, и работы, в которых были использованы его наблюдения. Во время экспедиции Ф.И. Шуберт определил ряд астрономических пунктов Сибири и обнаружил, что на территории России проходят линии нулевого склонения. Другой участник экспедиции, Г.Ю. Клапрот, получив распоряжение от Академии наук продолжать лингвистические исследования в Сибири, собрал материалы о быте и языках тунгусов, башкир, якутов, киргизов; занялся изучением монгольского и маньчжурского языков; приобрел сочинения на тибетском языке. В.Ф. Гнучева же писала об использовании собранных материалов в издании “Asia Polyglotta“ (Paris, 1823). Большое внимание она уделила результатам деятельности экспедиции М.И. Адамса в устье Лены (1806—1807 гг.). Ею упомянуты его ботанические сборы, коллекции, описания. Одновременно исследовательница привлекла внимание читателей к изданиям, освещающим материалы экспедиции.

Экспедиция 1806—1807 гг., возглавляемая адъюнктом Академии наук И.И. Редовским, рассматривается в литературе преимущественно как ботаническая. Вместе с тем исследователи привлекали материалы, свидетельствующие и о его историко-этнографическом значении, важной работе по сбору лингвистического материала. В.Ф. Гнучева отметила наличие разнообразного рукописного фонда участников экспедиции. Исследовательница привела факты причастности Академии к подготовке кругосветного плавания М.Н. Станюковича и Ф.П. Литке и обработке результатов деятельности его участников. Она сообщила также о договоренности, согласно которой коллекции и рисунки, собранные и изготовленные А.Ф. Постельсом и Г. Киттлицем, приглашенными для участия в экспедиции 1826—1829 гг. Морским министерством, должны были по завершении путешествия поступить в Академию наук. В.Ф. Гнучеву заинтересовали

материалы экспедиций И.Г. Вознесенского 1839—1849 гг. Ею были названы дневники, заметки, инструкции, записи по орнитологии, зоологии и геогностике Камчатки, рапорт и записка в Академию наук, отчет о путешествии, акварельные рисунки, письма путешественника, хранящиеся в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН. Она указала и на публикации в академических изданиях. Кроме коллекций, которые, по ее словам, "захватывают широкий круг этнических взаимосвязей Аляски 40-х годов XIX в.", названы также рукописный фонд И.Г. Вознесенского, его альбом карандашных и акварельных зарисовок как содержащие этнографические сведения о народах Америки. Касаясь путешествия А.Ф. Миддендорфа, В.Ф. Гнучева в отличие от М. Райхенберга писала, что уже в "ориентировочном плане", разработанном специальной комиссией Академии наук, путешественникам предлагался маршрут: Таймырский п-ов — Якутск — Удский острог ("при оговорке благоприятных условий") — Шантарские острова.

Кроме того, она отмечала непосредственную связь экспедиции с научной деятельностью К.М. Бэра, его замыслами по изучению "крайних северных пределов Сибири, т.е. местности между реками Пясиною и Хатангой". Одновременно "для выработки инструкций Миддендорфу и для непрерывного наблюдения за ходом его работ в Академии была создана специальная комиссия, состоявшая из академиков К.М. Бэра, Ф.Ф. Брандта, Э.Х. Ленца и К.А. Мейера". Среди научных задач экспедиции В.Ф. Гнучева упоминала исследования Таймырского п-ова и "колодца Шергина у Якутска". А.Ф. Миддендорф должен был установить, "представляет ли такая толщина (54 сажени. — *Д.Ш.*) мерзлой почвы местное явление или же это результат общих физико-географических условий всего района". Кропотливая работа была проведена ею по выявлению материалов, связанных с подготовкой и работой экспедиции.

Назвала В.Ф. Гнучева и экспедицию д-ра А.А. Бунге в устье р. Лены; перечислила некоторые формы деятельности исследователя (врач экспедиции; поездки в окрестности Сагастыра; научные наблюдения; переписка с академиком Л.И. Шренком), а также сочинения, автором которых он являлся. Под номером 131 и заглавием "1884—1886 гг. Экспедиция А.А. Бунге и Э.В. Толля в районы систем рек Яны, Индигирки и Колымы и на Ново-Сибирские острова" В.Ф. Гнучева опубликовала краткие сведения о ней. Она писала, что предложение об организации двухгодичного путешествия было сформулировано академиками Л.И. Шренком, К.И. Максимовичем, А.А. Штраухом, Ф.Б. Шмидтом.

Впоследствии они же и академик Г.И. Вильд, по ее словам, вошли в состав комиссии, созданной в Академии "для руководства и контроля над работами экспедиции" и определившей следующим образом ее общие задачи: "изучение в естественно-историческом, физическом и других отношениях прибережья Ледовитого моря в Восточной Сибири, преимущественно к востоку от Лены по рр. Яне, Индигирке, Алазее, Колыме и в особенности острова, известного под названием Новой Сибири". В.Ф. Гнучева перечислила документы об этой экспедиции, хранящиеся в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН, а также опубликованные в академических (на немецком и русском языках) и периодических изданиях Русского географического общества. Освещая деятельность Академии наук в связи с организацией экспедиции И.Д. Черского (формирование специальной комиссии, определение основных задач путешествия), она писала о предложении путешественника исследовать территорию Яны, Индигирки, Колымы в течение четырех лет; привела перечень опубликованных и архивных материалов о проведенных исследованиях. Специальный раздел исследовательница посвятила путешествию Э.В. Толля—Е.И. Шилейко, воспроизвела его маршрут; привела практически исчерпывающий перечень документального фонда путешествия и публикаций, поставила вопрос о его связи с экспедицией И.Д. Черского.

Работа В.Ф. Гнучевой завершается анализом деятельности Русской полярной экспедиции. Автор писала, что проект путешествия появился как определенный итог предшествующей работы Э.В. Толля по изучению Севера, об участии Академии в подготовке и организации экспедиции (представление отчета Э.В. Толля об экспедициях на Новосибирские острова на заседании Физико-математического отделения; формирование специальной комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции под председательством Ф.Б. Шмидта). Она остановилась на вопросах финансирования экспедиции, изменениях в плане проведения путешествия, формирования состава экспедиционного отряда, маршрутах следования "Зари" и отдельных партий. В.Ф. Гнучевой названы также рукописи, содержащие исторический очерк экспедиции, биографии ее участников и основные публикации результатов проведенных работ[13].

В статье 1941 г. Ю. Бронштейн и Н. Шнакенбург отметили большое значение изданий 1802 и 1811 г. "Путешествия флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири с 1785 по 1793 год" и "Путешествия капитана Биллингса чрез Чукотскую землю" для изучения морского и

сухопутного походов экспедиции И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева. Вместе с тем они писали, что среди материалов о сухопутной части путешествия отсутствуют дневниковые записи К. Мерка, затерявшиеся во время отправки их в Крым профессору Т.С. Палласу. Авторы статьи упоминали о сохранившихся выписках из дневников, составленных, по их словам, самим К. Мерком и содержащих сведения о якутах (использованы в статье "О происхождении, вере и обрядах якутов", изданной в 1806 г.), чукчах (рукопись в 1887 г. приобретена Государственной публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина), алеутах и колошах-тлингитах (описание и выписки из которой опубликованы: Baessler Archiv, 1937, T. 20, № 1/2). Преимущественное внимание в статье уделено рукописи К. Мерка о чукчах. Ю. Бронштейн и М. Шнакенбург изложили содержание работы, отметили участие Луки Воронина в создании иллюстративного материала, перевели с немецкого и опубликовали отдельные части текста. "Описание чукоч, их обычаев и образа жизни" К. Мерка рассматривалось исследователями как первый наиболее полный для своего времени труд по этнографии этого народа[14].

А.И. Андреев подчеркнул разнообразие деятельности экспедиции И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева. Ученый писал об этнографическом значении работ К. Мерка, обширном картографическом и словарном материале, составленном и собранном путешественниками; о коллекциях "предметов и вещей", переданных в Кунсткамеру Академии наук[15].

В 1948 г. были изданы "Путешествия вокруг света" О.Е. Коцебу в обработке, под редакцией и с примечаниями Г.В. Яникова, написавшего и вступительную статью "О.Е. Коцебу и его плавание". Касаясь вопроса подготовки исследовательских работ экспедиции 1823—1826 гг., Г.В. Яников отметил формирование "научной части экспедиции" в составе астронома, минералога и физика Э. Ленца и студентов Дерптского университета[16].

Заметным вкладом в изучение экспедиции Ф.П. Врангеля и П.Ф. Анжу (1820—1824 гг.) был выход в свет в 1948 г. книги "Путешествия по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю" Ф.П. Врангеля. В книге опубликованы также "Прибавление к путешествию по Сибири и Ледовитому морю", письма Ф.Ф. Матюшкина к Е.А. Энгельгардту, директору Царскосельского лицея (из фонда рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина), "Журнал путешествия по тундре к востоку от Колымы 1822 года" Ф.Ф. Матюшкина с приложением "Описания пространства земли между Колымою и меридианом Шелаг-

ского мыса“ (из фонда рукописей Пушкинского дома). Издание названного документального материала сопровождалось рядом статей.

Б.Г. Островский и Ю.В. Давыдов написали очерки жизни и деятельности Ф.П. Врангеля и Ф.Ф. Матюшкина. В статье М.А. Сергеева рассматривалось значение работ экспедиции для изучения народов Северо-Восточной Сибири. Как пишет Б.Г. Островский, поводом для организации экспедиции Врангеля явились предположения о возможном существовании земли к северу от Азиатского материка и необходимость выяснения, соединяется ли Азия с Америкой; кроме того, отрядам предписывалось произвести точное описание северного побережья Сибири. Большое внимание исследователь уделяет выявлению результатов деятельности экспедиции по изучению полярного бассейна, астрономии, геодезии, навигации, гидрографии, метеорологии, земного магнетизма. Им отмечена заслуга Ф.П. Врангеля в организации первой метеорологической станции в Северной Якутии, собрание “замечательных по интересу и полноте сведений о народах“ Северо-Восточной Азии, составление Ф.Ф. Матюшкиным краткого словаря местных наречий, работы экспедиции по картированию северного побережья Сибири и прилежащих островов. Б.Г. Островский сообщает, что по поручению Адмиралтейского департамента астрономические и геодезические работы Ф.П. Врангеля и П.Ф. Анжу были рассмотрены академиком Ф.И. Шубертом. Последний написал и опубликовал в “Записках Государственного Адмиралтейского департамента“ положительный отзыв о сделанных наблюдениях, в котором дана высокая оценка “ревностности, деятельности, старанию, искусству и познанию сих офицеров“[17].

В конце 40-х — первой половине 50-х гг. появился ряд работ, посвященных Ф.П. Литке. Часть из них вышла в серии популярных очерков о замечательных географах и путешественниках; некоторые статьи опубликованы в качестве предисловий при переиздании трудов Ф.П. Литке. В работах этого времени исследователи особое внимание уделяли изучению маршрута экспедиции 1826—1829 гг., выявлению и оценке ее результатов. Определяя научные задачи кругосветного плавания, характер поступлений в Академию наук по окончании его, исследователи использовали тексты инструкций Адмиралтейского департамента и описание итогов экспедиции 1826—1829 гг. самим Ф.П. Литке[18].

Н.Г. Фрадкин развил тезис о связи экспедиционной кампании 1768—1774 гг. с деятельностью М.В. Ломоносова. Он пишет: “Для рассказа об астрономо-географических экспедициях важно отметить, что посылка Академией отрядов, работавших в 1768—1774 гг., была запоздавшим на несколь-

ко лет осуществлением замыслов Ломоносова". Документальным материалом из наследия этого ученого, непосредственно связанным с замыслом экспедиций, Н.Г. Фрадкин считает "Географические запросы", "Доношение Канцелярии в Сенат" от 23 октября 1760 г. и "Примерную инструкцию обсерваторам" 1764 г., т.е. материалы, отражающие работу Географического департамента Академии, в том числе М.В. Ломоносова, по созданию "Российского атласа". Работу исследователя отличает тщательное изучение документов, появление которых было обусловлено ходом подготовки самой кампании 1768—1774 гг.[19]

В серии "Классики науки" в 1950 г. Академией наук были изданы "Избранные труды" Э.Х. Ленца, сопровождавшиеся статьями К.К. Баумгарта, Л.С. Берга и Т.П. Кравца. Раскрывая основные моменты жизни и деятельности Э.Х. Ленца, значение его работ в области физической географии, К.К. Баумгарт и Л.С. Берг обратили внимание на роль профессора Дерптского университета Е.И. Паррота в организации плавания О.Е. Коцебу (1823—1826 гг.). Они подчеркнули, что Е.И. Паррот был автором инструкции для океанографических, метеорологических и геофизических наблюдений, участвовал в изготовлении приборов для предполагаемых исследований. К.К. Баумгарт пишет также о представлении Е.И. Парротом в 1828 г. работы Э.Х. Ленца "О солености и температурах воды океанов на разных глубинах" в Академию наук, о последующей связи Э.Х. Ленца с Академией (с 1828 г. он адъюнкт, с 1830 г. — экстраординарный, с 1834 г. — ординарный академик), в частности с ее физическим кабинетом[20].

В основном исследованию этнографических свидетельств в рукописях И.Г. Вознесенского посвятила свое сообщение Б.А. Липшиц в 1950 г. Ею отмечены американские заметки путешественника, его путевые записи о Калифорнии и Кенайском п-ове[21].

Изобразительный материал И.Г. Вознесенского, выполненный им в бывших американских владениях России, изучен Е.Э. Бломквист. Она опубликовала 36 из 50 рисунков, хранящихся в Архиве Музея антропологии и этнографии РАН, составила их перечень и описание, используя документы из архива путешественника[22].

Под редакцией Н.Н. Зубова в 1952 г. опубликованы материалы экспедиции 1785—1793 гг. Увидели свет книги: "Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану" Г.А. Сарычева, "Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от

Берингова пролива до Нижне-Колымского острова“ и «Плавание капитана Галла на катере “Черном орле“ 1791 года»[23].

Привлечение материалов “Путешествий...“ О.Е. Коцебу и других документов позволило О.А. Лежневой и Б.Н. Ржонсницкому несколько расширить представления о ходе подготовки экспедиции 1823—1826 гг. Исследователи пишут об участии в организации путешествия профессоров Дерптского университета Е.И. Паррота, Е.А. Энгельгардта и В.Я. Струве, а среди участников научного отряда названы Э.Х. Ленц (“по части физики“), астроном В. Прейс, минералог Э. Гофман и старший доктор экспедиции, профессор медицины И. Эпшольц (ему были поручены ботанические и экологические наблюдения). Интересно и сообщение авторов о том, что доклад Э.Х. Ленца, представленный в Конференцию 16 февраля 1828 г., было поручено рассмотреть академикам Е.И. Парроту, Н. Фуссу, Э. Коллинсу, после благоприятного отзыва которых Э.Х. Ленц 5 мая 1828 г. “был единогласно избран адъюнктом Академии по физике“[24].

Н.С. Вдовин провел большую работу по выявлению лексического материала по палеоазиатским языкам, собранного путешественниками. Им названы и словари, составленные К. Мерком, М. Робеком, И.И. Биллингсом, хранящиеся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (немецко-эскимосско-чукотский, немецко-оленно(чукотско)-айванский (азиатско-эскимосский), немецко-эскимосский, немецко-юкагирский) и в Архиве РАН (англо-юкагирский)[25].

В “Описи архивных материалов по языкам народностей Севера (XVIII в.)“ Н.С. Вдовин называет немецко-корякские словари. Упоминая национальность (“коряки гижигинские“) одного из них, он помечает: “по материалам Редовского“. О другом словаре, заключающем около 100 слов, ученый пишет: “из бумаг доктора Редовского“. На основе опубликованных материалов из дневника И.И. Редовского Н.С. Вдовин охарактеризовал этнический состав населения Охотского побережья, дополнил сведения о значении морского зверобойного промысла и рыболовства для оседлых коряков. При определении численности пеших коряков Охотского побережья и тунгусов Гижигинской округи он привлек данные из рукописного фонда экспедиции И.И. Редовского[26].

В 1956 г. под редакцией С.В. Обручева, П.П. Силинского, В.Н. Скалона, Е.А. Преснякова, П.П. Хороших, А.Н. Гранина состоялось замечательное издание — “И.Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма и дневники: Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском“. В сборник вошли и ма-

териалы академической экспедиции путешественника, среди которых: "Письма И.Д. Черского из Индигиро-Колымской экспедиции 1891—1892 г.", его "Этнографические заметки", "Заметки о млекопитающих животных (1891 г.)", "Дневник 1892 г. (Плавание по Колыме)", "Документы, относящиеся к болезни и смерти И.Д. Черского", подготовленные к публикации и комментированные С.В. Обручевым. Документальной части сборника предпосланы статьи, раскрывающие значение деятельности ученого в различных отраслях знаний (зоология, палеонтология, археология, метеорология)[27].

В монографии обобщающего плана "Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века" М.И. Белов уделил особое внимание работам экспедиции И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева в области географии. Ученый пишет, что путешественники получили новые данные о северной части Тихого океана, Беринговом море, Чукотской земле; что "по материалам экспедиции были составлены более совершенные карты Алеутских островов и побережья Северо-Западной Америки, положены на карту острова Гвоздева, берега Чукотского полуострова", северные отроги хребтов Чукотки, а также почти все ее реки и речки. Кроме того, И.И. Биллингс, замечает М.И.Белов, явился автором первой достоверной карты Чукотского п-ова.

Текст о Северо-Восточной экспедиции М.И. Белов дополнил публикацией интересного картографического материала ("План (копия) пролива в Чугацкую губу у американского берега, составленный штурманом Измайловым"; "План бухты Св. Лаврентия (Чукотка), составленный И. Биллингсом"; "План бухты Пуухта (Чукотка), снятый сержантом Гилевым"; "План бухты Уэлен (Чукотка), снятый сержантом Гилевым"), оригиналы которого хранились в фонде старинных карт Северного Ледовитого океана Архива древних карт Гидрографического управления военно-морских сил СССР. М.И. Белов отмечает, что Янской экспедицией (отряд, руководимый П.Ф. Анжу) "была составлена первая, наиболее точная карта Новосибирского архипелага и сибирского берега от реки Оленек до устья реки Индигирки", обследованы в ледовом отношении восточная часть моря Лаптевых и западная часть Восточно-Сибирского моря, составлено верное представление о промысловых богатствах Новосибирского архипелага. Ученый обратил внимание на утрату при пожаре 1829 г. большей части материалов экспедиции, в том числе дневника П.Ф. Анжу, в связи с чем вышли в свет лишь природоведческие наблюдения А.Е. Фигурина ("Записки, издаваемые Государствен-

ным Адмиралтейским департаментом“, ч. 5; “Сибирский вестник“, 1823, ч. 4). В 1849 г., замечает М.И. Белов, было напечатано описание путешествия П.Ф. Анжу, составленное военно-морским историком А.П. Соколовым по материалам журналов экспедиции, хранящихся в Гидрографическом управлении[28].

Ф.Г. Сафронов в 1957 г. опубликовал описание обнаруженного им в Санкт-Петербургском отделении Архива Академии наук плана г. Якутска, снятого в 1806 г. Им же было отмечено, что И.И. Редовский интересовался бытом и хозяйством крестьян Амгинской слободы[29].

В 1959 г. отдельным изданием вышло “Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 г.“ О.Е. Коцебу. Д.Д. Тумаркин, автор перевода и комментариев, провел разыскания и назвал исследования, появившиеся в результате работы экспедиции[30].

Г.А. Меновщиков отмечает научное значение этнографического и языкового материала, собранного участниками путешествия 1785—1793 гг. Он пишет, что наблюдения Г.А. Сарычева и словарь М. Робека являются одним из свидетельств этнического отличия чукчей и коряков от эскимосов[31].

В 1960 г. состоялось академическое издание “Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля“ П.В. Виттенбурга. В книге есть специальный раздел “Экспедиция в Приянский край и на Новосибирские острова“. В отличие от В.Ф. Гнучевой П.В. Виттенбург ее начальной датой называет 1885 г. Он отмечает, что мысль об организации путешествия была высказана еще в 60-х гг. прошлого столетия академиком К.М. Бэром. Основное внимание автор уделяет маршрутам экспедиции, результатам деятельности путешественников. Одним из направлений работ А.А. Бунге и Э.В. Толля, по наблюдению П.В. Виттенбурга, было исследование мест залеганий ископаемых животных с целью выяснения физико-географических условий прошлого. На Бытантае Э.В. Толль изучил обрыв, в котором находился труп носорога, обнаруженный в 1877 г., и пришел к заключению, что он был найден в переотложенном виде. На основании последовательности отложений по р. Бор-Юрях Э.В. Толль сделал вывод о залегании животного в породе, являвшейся каменным льдом, а изучая береговое обнажение на мысе Толстом Большого Ляховского острова, путешественник решил, что мамонт залегал в промерзлой почве. А.А. Бунге, замечает П.В. Виттенбург, “исследовал местонахождение послетретичных млекопитающих, впоследствии подробно описанных И.Д. Черским“.

В ходе геологического изучения региона экспедиция в районе р. Яны собрала коллекцию триасовой фауны, Э.В. Толль установил "мощное и последовательное развитие отложений триасового моря", придя к заключению о древнем мощном оледенении; им же были изучены разрез "деревянных гор" (установлена последовательность слагающих их пластов), песчаная область Новосибирских островов (впоследствии названа Землей Бунге); высказано предположение о существовании суши севернее Новосибирских островов ("с этого времени Толль сделался страстным полярным исследователем и руководящей идеей его работ стало познание неведомой Земли Санникова. С этой идеей он не расставался до самых последних дней жизни").

Значительную часть монографии П.В. Виттенбург посвящает Русской полярной экспедиции. Автором отмечена активная поддержка проекта экспедиции научными и правительственными кругами. Последнее он объясняет политико-экономическими условиями конца XIX — начала XX в. К их числу П.В. Виттенбург относит: необходимость обеспечить возможность переброски военного флота на Дальний Восток через Северный Ледовитый океан; заинтересованность американцев в эксплуатации природных богатств полярных областей (добыча полезных ископаемых и мамонтовой кости, промысел морского зверя), подготовительные работы к научным экспедициям в Германии, которых "особенно домогались немецкие торговые и финансовые круги". Исследователь остановился на задачах Русской полярной экспедиции, ее предварительном проекте (по материалам выступления Э.В. Толля на общем собрании Академии наук), выборе и оснащении судна. Специальные разделы книги знакомят с содержанием выступлений Э.В. Толля по поводу предстоящей экспедиции в Кронштадтском морском собрании (24 марта 1900 г.) и в Географическом обществе (29 марта 1900 г.). П.В. Виттенбург разделял мнение А.В. Григорьева (секретарь Русского географического общества) о том, что земли, виденные в 1810 г. с мыса Высокого о. Новая Сибирь, являлись островами, открытыми экспедицией Де-Лонга в 1881 г. (о-ва Жаннетта, Генриетта, о-в Беннета). В названной монографии П.В. Виттенбург опубликовал интересный фотодокументальный материал экспедиции[32].

О заслугах К.М. Бэра в организации экспедиции А.Ф. Миддендорфа пишет П.Б. Юргенсон, который считал А.Ф. Миддендорфа "учеником и прямым продолжателем замыслов академика К.М. Бэра". Одной из основных задач путешествия, пишет он, было "решение широчайшей зооге-

ографической проблемы — о количестве и качестве органической жизни на Крайнем Севере"[33].

В 1964 г. в серии "Замечательные географы и путешественники" была опубликована книга П.Б. Юргенсона "Неведомыми тропами Сибири". "Путешествие к Охотскому морю и в Приамурье, — пишет автор, — детально не планировалось, считалось только желательным и, по сути дела, было совершено по личной инициативе Миддендорфа"[34].

М.О. Косвен продолжил одну из литературных традиций относительно названия Второй Камчатской экспедиции — "Первая Академическая". Это название он предложил для сухопутной части Великой Северной экспедиции, в отличие от морской. Изучению истории организации, результатов деятельности участников сухопутного похода М.О. Косвен посвятил большую часть статьи "Этнографические результаты Северной экспедиции 1733—1743 гг." Особое внимание ученый уделил научной подготовке путешествия, разработке инструкций для участников экспедиции, посланных от Академии наук[35].

В 1961 г. Н.Г. Сухова написала о Сибирской экспедиции статью обобщающего плана, значительную часть которой посвятила обстоятельному выявлению вклада А.Ф. Миддендорфа в развитие географических представлений первой половины XIX в. о Сибири[36]. Отмечая научное значение путешествия 1806—1807 гг., Н.Г. Сухова пишет, что изучение доставленного М.И. Адамсом в Петербург скелета мамонта "позволило получить первые достоверные данные об особенностях этого животного и сделать предположение об условиях его существования". В этой же работе она замечает, что основные выводы И.Д. Черского о рельефе края "сохранили значение до 30-х годов XX в., когда на Северо-Востоке были собраны новые географические данные в результате новых геологических исследований и топографических съемок"[37].

На протяжении 1962—1966 гг. А.М. Черников и А.Д. Сыроватский осуществили публикацию извлечений из дневника путешествия И.И. Редовского, показав значительность этнографических наблюдений ученого. В их статьях и в монографии Ф.Г. Сафронова 1978 г. издания были опубликованы также "Карта-схема маршрута экспедиции И.И. Редовского 1806—1807 г." и вид Амгинской слободы в 1806 г.[38]

Б.Е. Райков писал об участии К.М. Бэра и Э.Х. Ленца в рецензировании сочинения Ф.П. Врангеля о путешествии и представлении его на полную Демидовскую премию. В монографии, посвященной изучению жизни и творчества К.М. Бэра, Б.Е. Райков представил богатый разнообразный

материал, появление которого напосредственно связано с путешествием А.Ф. Миддендорфа. Касаясь вопросов организации Сибирской экспедиции, ученый отмечает, что К.М. Бэр совместно с другими учеными разработал план и "составил инструкцию по ее проведению"[39].

В.А. Есаков определяет значение работ экспедиции И.Ф. Крузенштерна — Ю.Ф. Лисянского для географической науки, этнографии (были собраны "богатые этнографические коллекции", составлены "описания жизни, быта, верований, обычаев и языка"), зоологии, ботаники. Особенно подробно он исследует научный вклад путешественников в развитие новых для того времени отраслей знания — океанографии и климатологии. Внимательно изучая результаты научной деятельности экспедиции 1823—1826 гг., он замечает, что Э.Х. Ленц, избрав основной областью занятий физику, продолжал и после экспедиции работу по океанографии, в связи с чем 26 ноября 1858 г. в Академии состоялся его доклад об измерении температуры моря и воздуха[40].

В обобщающей работе Д.М. Лебедева и В.А. Есакова о географических открытиях отмечены как представляющие научный интерес описания районов тундры и вечной мерзлоты,сделанные А.Е. Фигуриным, наблюдения над замерзанием рек Ф.Ф. Матюшкина, работы Ф.П. Врангеля в области географического описания Северо-Восточной Азии, ее орографии, гидрографии, флоры и фауны[41].

В 1964 г. увидел свет второй том фундаментального труда по истории отечественной Академии наук. В издании представлены дополнительные данные об ученых, принимавших участие в работе научного центра, и списки действительных членов Академии наук. Материалы экспедиций кратко изложены в связи с результатами их деятельности, обработкой наблюдений и естественных сборов в Академии наук. Как правило, эти сведения помещены в разделах: "Геология", "География", "Зоология". Упоминая среди академиков, работавших в России в начале XIX в., В.-Г. Тиленау, Б.Е. Райков отметил его участие в описании скелета мамонта, привезенного М.И. Адамсом. Г.С. Тихомиров и Н.Г. Сухова пишут о разработке в Академии наук в 1883 г. плана экспедиции для изучения территории "вблизи рек Яны и Индигирки, а также Новосибирских островов". Как и П.В. Виттенбург, они относят начало деятельности экспедиции к 1885 г., так как А.А. Бунге в 1884 г. был занят в работах Ленского отряда. Исследователи касаются вопроса разделения труда между путешественниками: "Бунге вел съемки и метеорологические наблюдения... Э.В. Толль собирал ботанические, зоологические и геологические коллекции". В

качестве основного итога работ экспедиции Г.С. Тихомиров и Н.Г. Сухова называют “первое научное описание Новосибирских островов“. Ученые рассматривают экспедицию Э.В. Толля — Е.И. Шилейко (1892—1893 гг.) как продолжение исследований И.Д. Черского. По их мнению, маршруты этой экспедиции от Хатанги к Енисею через Таймырский п-ов “соединили наблюдения А.Ф. Миддендорфа, А.Л. Чекановского и Р.К. Маака и создали основу для новой, более точной карты северных районов Восточной Сибири“. С деятельностью экспедиции И.Д. Черского они связывают исправление географической карты верховьев Колымы и Индигирки, существенные изменения в орографической схеме Северо-Востока. Ученые пишут о создании в Академии наук в 1899 г. “Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции“, в состав которой входили Ф.Б. Шмидт (председатель), академики О.А. Баклунд, А.П. Карпинский, С.И. Коржинский, М.А. Рыкачев, Ф.Н. Чернышев и др. Г.С. Тихомиров и Н.Г. Сухова сообщают о плане Э.В. Толля провести зимовку 1900/01 г. на восточном берегу Таймырского п-ова, а 1901/02 г. — на островах севернее Новосибирских; затем пройти вдоль побережья Восточной Сибири через Берингов пролив во Владивосток; касаются вопроса о составе экспедиции. Б.Е. Райков среди поступлений в Зоологический музей Академии наук назвал “драгоценным“ труп мамонта, доставленный экспедицией в 1901 г. Особое значение он придавал сохранности его мягких частей, остатков пищи в желудке и полости рта, которые позволяли представить характер растительности, современной мамонтам. Относительно музейных экспонатов он замечал: мамонт (чучело) был выставлен в позе, в которой был найден; восстановлен скелет животного; сохранены в законсервированном виде его мягкие части. Б.Е. Райков считал, что “подобного экспоната нет ни в одном музее мира“. Н.Н. Бархатов и С.С. Кузнецов очертили район геологических разысканий К.А. Воллосовича в 1908 г.: тундра между Индигиркой и Леной, Большой Ляховский остров[42].

В 1965 г. вышла в свет работа Г.В. Наумова “Русские географические исследования Сибири в XIX — начале XX в.“ Автор в краткой форме излагает результаты деятельности экспедиции Толля — Шилейко, определяет значение путешествия Врангеля — Анжу для развития мировой географической науки. Приобретение Музеем Академии наук в начале XIX в. полного скелета мамонта, по словам Г.В. Наумова, позволило сравнить его с другими видами слонов и “подойти к решению проблемы о появлении и существовании на севере этих огромных животных“. Используя публикацию

1820 г., исследователь пишет, что адъюнкт Академии наук М.И. Адамс узнал о находке мамонта, находясь уже в Якутске, где городской голова Попов передал ему описание и рисунок животного. Ученый приводит также краткое содержание работ А.Э. Кибера и А.Е. Фигурина, посвященных изучению условий залегания трупов мамонтов, способов промыслов мамонтовой кости, особенностей залегания многолетнемерзлых грунтов и льдов, населения севера Якутии и его животного мира. Интересно сообщение Г.В. Наумова относительно составленного специально для Кибера "задания по естественно-историческим исследованиям". Определяя причину организации экспедиции Бунге — Толля, Г.В. Наумов обращается к материалам, позволившим ему заключить, что отечественные ученые считали необходимым закрепить приоритет отечественной науки. Основное внимание ученый уделяет результатам деятельности экспедиции: работе по раскопкам останков мамонта, изучению ледяных пластов на островах. Исследование Э.В. Толлем о. Новая Сибирь привело к выводу, что "деревянные горы" являлись отложениями третичного возраста. Г.В. Наумов отмечает также, что геологические, палеонтологические коллекции, ископаемая флора, собранные путешественниками, были обработаны И.Д. Черским и И.Ф. Шмальгаузеном. Специальный раздел монографии посвящен Русской полярной экспедиции. Преимущественное внимание уделено маршруту путешествия[43].

В работе "О чем шептали полярные маки" В.М. Пасецкий упоминал о плане экспедиции А.Ф. Миддендорфа, над которым работали К.М. Бэр и непременный секретарь Академии наук П.Н. Фусс[44]. Интересными представляются разыскания В.М. Пасецкого в связи с исследованием предыстории экспедиции Станюковича — Литке. Плавание 1826—1829 гг., замечал ученый, было задумано как особая секретная экспедиция на север от Берингова пролива для составления описи берегов и прилежащих островов в районах Северо-Западной Америки и восточного побережья Азии от Петропавловской гавани. По мнению В.М. Пасецкого, экспедиция "утратила свои прежние цели" (на судах "Моллер" и "Сенявин" были отправлены на Камчатку и в Русскую Америку железо, такелаж, изделия из холста), хотя и остались задачи по описи Северо-Восточной Азии, Алеутских островов и Аляски. Как писал исследователь, главной целью экспедиции О.Е. Коцебу было крейсерство у северо-западных берегов Америки. В.М. Головнин, И.Ф. Крузенштерн, Г.А. Сарычев предложили использовать плавание также и для научных наблюдений[45]. Интересны и неожиданны материалы, выяв-

ленные В.М. Пасецким по экспедиции М.И. Адамса. Среди документов Архива внешней политики России им были найдены сообщение о записках путешественника относительно северных районов и привезенное им прошение якутского купца третьей гильдии Степана Зотеева сына Протодьяконова и якутского мещанина Николая Семенова Белкова от 22 ноября 1806 г. Названные документы содержали сведения о важных географических открытиях промышленников (островов Столбового, Фаддеевского, Котельного, западной части Новой Сибири)[46].

Специальный раздел работы "Фердинанд Петрович Врангель" В.М. Пасецкий посвятил выявлению итогов научной деятельности экспедиции Врангеля — Анжу. Ее участниками было положено начало сбору материалов по земному магнетизму в Северо-Восточной Азии, рассмотрены особенности замерзания моря, открыты ледяные острова, описаны осенние, зимние, весенние торосы, организованы систематические метеорологические наблюдения в Нижнеколымске, окончательно доказано существование северо-восточного морского прохода и отсутствие "матерой земли" к северу от сибирских берегов между Колымой и Шелагским мысом, получены "драгоценные сведения" о коренном населении Северо-Восточной Азии и природе Чукотского края. Значительное внимание исследователь уделил выявлению свидетельств об участии Академии наук в оценке и публикации результатов деятельности экспедиции. В.М. Пасецкий сообщал об экстренном заседании в Петербургской Академии наук в 1829 г. (на заседании А. Гумбольдт дал высокую оценку геомагнитным наблюдениям экспедиции); о представлении Ф.П. Врангелем в Академию материалов по полярным сияниям и создании на их основе Е.И. Парротом новой теории явления; о публикации Академией наук в 1841 г. метеорологических, климатологических наблюдений участников экспедиции, наблюдений о Ледовитом океане, полярных льдах, северных сияниях, языках туземных народов, а также таблиц географического положения мест в "Прибавлении к путешествию по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годы экспедициею, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда Врангеля". Ученый привлек внимание читателей к метеорологическим и гидрологическим исследованиям, которые проводились на морских судах кругосветных экспедиций. В.М. Пасецкий писал, что участниками плавания под началом И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского на протяжении всего путешествия и во время стоянок в Нагасаки и Петропавловске-Камчатском велись инструменталь-

ные метеорологические наблюдения; выполнялись "ежечасные термометрические, барометрические и гирометрические измерения в тропической зоне Мирового океана"[47].

В работе 1983 г. В.М. Пасецкий упоминал о выступлении 18 января 1875 г. на заседании Академии наук в Вене лейтенанта австрийского флота К. Вайпрехта: отчитываясь о научных результатах австрийской экспедиции на судне "Тегетхоф", путешественник высказал предложение "создать в Арктике несколько обсерваторий и осуществить на них годичный цикл одновременных физических наблюдений". С именем В.М. Пасецкого связана разработка на основе богатых документальных материалов отечественных архивохранилищ темы об экспедиции А.А. Бунге в устье Лены в связи с проведением Первого международного полярного года. Ученый отмечает подготовленность международного мероприятия (приобретение к этому времени определенного опыта международного научного сотрудничества; постепенное освоение путешественниками полярных областей), показывает на конкретном материале вклад отечественной науки в дело международного сотрудничества, подчеркивает значение исследований Первой международной полярной экспедиции[48].

В обобщающей публикации по истории этнографии С.А. Токарев упоминает работы Г.А. Сарычева, И.И. Биллингса, К. Мерка как содержащие ценные данные о якутах, тунгусах, чукчах, камчадалах, алеутах и эскимосах. Отмечая разнообразие задач, выполнявшихся экспедицией Крузенштерна — Лисянского (организация морского сообщения с американскими владениями России; доставка посольства в Японию; географические, астрономические, гидрографические исследования), автор особое внимание уделяет сведениям о народах, населявших места, которые посетили путешественники. С.А. Токарев пишет, что участниками плавания составлены описания населения Маркизских и Гавайских островов, о. Пасхи, кадъякских эскимосов и тлингкитов; собраны сведения об айнах, японцах, народах Сахалина, камчадалах; привезены этнографические коллекции, составившие основу собраний по этнографии зарубежных стран. Ученый отмечает, что "Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю... Фердинанда фон Врангеля" содержит много ценных сведений о чукчах, юкагирах, чуванцах, тунгусах, ламутах, колымских якутах, русских. Указывая на участие Ф.Ф. Матюшкина в написании гл. 7 ч. 1 и гл. 3, 7 ч. 2 "Путешествия", ученый особо подчеркивает ценность его наблюдений о быте, обычаях, верованиях, торговле чукчей и охотничьих народов к востоку

от Колымы. «Надолго остались главным источником сведений о чукчах, — пишет С.А. Токарев — работы Кибера, опубликованные в “Сибирском вестнике“ Спасского». Коснулся автор и вопроса о наследии Северо-Тихоокеанской экспедиции. В серии капитальных трудов он называет монографии В.Г. Богораза “Чукчи“, “Сибирские эскимосы“ и В.И. Иохельсона “Коряки“, “Юкагиры и юкагиризированные тунгусы“, вышедшие в свет на английском языке в 1904—1907, 1913, 1920—1924 гг.[49]

Книга А.И. Алексеева “Гавриил Андреевич Сарычев“ посвящена в основном изучению жизнедеятельности этого путешественника, его роли в развитии отечественной гидрографии. Однако в ней есть также материалы о морском и сухопутном походах, научные результаты деятельности экспедиции 1785—1794 гг. Ученый обобщил имеющиеся и привел новые сведения, позволившие показать истинную роль И.И. Биллингса в этом предприятии. Интересны также разыскания А.И. Алексеева, касающиеся биографий участников путешествия[50].

В 1970 г. вышли в свет работы А.И. Алексеева — статья “Путешествия И.Г. Вознесенского по Дальнему Востоку и Русской Америке в 1839—1849 годах“ и книга “Сыны отважные России“, в которой И.Г. Вознесенскому посвящен специальный раздел “Неутомимый препаратор“. В заключительной главе книги “Илья Гаврилович Вознесенский“ (1977 г.) автор показал итоги деятельности экспедиции, подчеркнул разнообразие и обилие коллекций, собранных И.Г. Вознесенским. Среди отечественных сборов путешественника им перечислены рыбы, моллюски, зоофиты, более 10 тыс. экз. насекомых, кости морской коровы, клыки и зубы мамонтов, травник (“почти в 2000 листах“), собрание морских водорослей, образцы руд, коллекции одежды, оружия, домашней утвари, украшений. И.Г. Вознесенский, пишет А.И. Алексеев, собрал более 150 ящиков этнографических экспонатов, препарировал 3887 животных, дал науке более 400 новых видов представителей флоры и фауны. Внимание ученого привлекли статистические сведения И.Г. Вознесенского (“при должной обработке материалов мы можем говорить о них как о своеобразной переписи населения Камчатки в 1846—1848 г.“); его рисунки и физико-географические описания берегов, рек, островов, Русской Америки; данные об обучении путешественниками местных жителей грамоте и искусству препарировать. Работу отличают широкая документальная основа (использованы материалы СПбО АРАН, ЦГИА, АВПР, ГАИО, Архива Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН), тщательное исследование

многосторонней деятельности экспедиции в непосредственной связи с маршрутом ее следования, интерес к работе И.Г. Вознесенского на Камчатке (см. гл. 8 "По Камчатке")[51].

К литературе по истории географических открытий принадлежит и монография С.Е. Мостахова "Сподвижники путешественников и исследователей", вышедшая в 1966 г. в Якутске. Используя опубликованные и архивные документы, ученый попытался выяснить участие населения региона в изучении Северо-Восточной Азии. В книге находим специальную главу "Участие местного населения в экспедиционных исследованиях (XVIII — начало XX в.)". Отдельные разделы посвящены истории экспедиций — Второй Камчатской, Анжу — Врангеля, Русской полярной, И.Д. Черского, Воллосовича — Толмачева и Первого международного полярного года. С.Е. Мостахов отметил, что в географическом изучении северо-востока Сибири принимали участие представители различных слоев местного общества: губернатор Якутской области, вице-губернатор, исправники (верхоянский, колымский), столоначальник Якутской областной управы, служащие иногородней управы в Булуне, старосты, надзиратели Жиганского улуса, казаки Якутского полка. С особым вниманием исследователь собирал факты, свидетельствующие об участии в научном освоении края якутов, эвенков, эвенов, юкагиров, русских, чукчей. Местное население выполнило огромный комплекс работ (проводники, рабочие, переводчики, лоцманы, каюры, почтовая связь, метеонаблюдения, магнитные наблюдения, охота и т.д.). Неоценимо участие коренных жителей в организации продовольственных баз, угольной базы на о. Диксон. Якуты, эвенки, эвены, юкагиры обеспечивали экспедиции транспортом, кормом для собак, меховой одеждой, едой и топливом. С.Е. Мостахов отмечал знание ими края, опыт, бесстрашие, бескорыстие, гостеприимство, добродушие, приветливость. Исследование сопровождают документальные приложения: послание начальника Международной полярной станции в устье Лены губернатору Якутской области от 1 декабря 1884 г.; отзыв астронома Е.Ф. Скворцова об участниках Ленско-Колымской экспедиции под начальством К.А. Воллосовича[52].

В.Г. Мирзоев в исследовании по историографии Сибири связывает непосредственно с кругосветными путешествиями первой половины XIX в., участники которых продолжали изучение региона, прогрессивное значение Российско-Американской компании. Исследователь обратил внимание на описание путешествий офицеров Российско-Американской

компании Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова[53], содержащие и материалы по этнографии населения Русской Америки.

Тему об участии К.М. Бэра в издании материалов экспедиции Врангеля — Анжу продолжила Т.А. Лукина. В примечании к письму К.М. Бэра от 29 мая 1838 г. Ф.П. Врангелю она пишет о выступлении К.М. Бэра в Академическом собрании 25 мая 1838 г. относительно издания "Путешествия по северному Ледовитому океану", его просьбе о представлении средств, необходимых для завершения публикации; решении Академии ассигновать деньги "из сумм, выделяемых на Демидовские премии"[54].

Как бы продолжая разговор, начатый А.И. Андреевым об экспедиции Биллингса — Сарычева, С.Г. Федорова называет среди поступлений 1794 г. в Кунсткамеру предметы быта чукчей, эвенов, берингоморских эскимосов и других народов. В этой же работе автором дано описание альбома Л.А. Воронина, содержащего 21 лист акварельных рисунков с видами Сибири, Камчатки, о. Кадьяк[55].

В 1971 г. вышла в свет статья И.М. Колесницкой "В.Г. Богораз-Тан — фольклорист". Автор отметила, что изучение В.Г. Богоразом текстов сказок североамериканских индейцев и эскимосов, новейшей этнографической литературы, "главным образом работы Боаса", сопоставление их с материалами фольклора чукчей, юкагиров, эвенов позволило ему сделать заключение о наличии сходных черт в мифологии и сказках народов Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки еще в начале 1900-х гг. Перед участниками Северо-Тихоокеанской экспедиции, пишет И.М. Колесницкая, ставилась задача сравнительно-этнографического изучения фольклора народов этих регионов, "что должно было в какой-то мере содействовать выяснению их этногенеза и решению проблем заселения Америки". Характеризуя методологию ранних работ В.Г. Богораза в области фольклора, исследователь отмечает преобладание географического фактора ("азиатские и американские эскимосы; приморские жители северо-востока Сибири и урало-алтайские племена"); "географическими условиями нередко объяснялось и сходство или различие фольклора"[56].

Некоторые вопросы деятельности экспедиций на территории Северо-Восточной Азии нашли отражение в статье В.Н. Сакса и А.Л. Яншина. Авторы определили результаты работ Русской полярной экспедиции и спасательных партий в области геологии (первое изучение таймырского докембрия, открытие на о. Беннета "слабо дислоцированных отложений кембрия", детальное исследование островов Котельного, Новая Сибирь, в том числе "деревянных гор", сложен-

ных, “как мы сейчас знаем, верхнемеловыми и палеогеновыми континентальными отложениями со стволами деревьев“). Чучело березовского мамонта они считают “и поныне наиболее полной из всех известных находок“. Ученые пишут о В.Н. Сукачеве, исследовавшем остатки пищи в зубах и желудке животного и установившем, что мамонт питался растительностью, “очень близкой к современной в бассейне Колымы“; о К.А. Воллосовиче, который, работая в экспедиции 1908 г., изучил тундры между низовьями Яны и Индигирки, “открыл третичные, как он думал, миоценовые, а в действительности эоценовые отложения с остатками арктотретичной флоры на о. Тастах“. Особенно значительным им представляются его исследования четвертичной толщи Приморской низменности Якутии (мамонтовой фауны и ископаемых льдов)[57].

Некоторым вопросам из истории Северо-Тихоокеанской экспедиции уделила внимание Н.Ф. Кулешова в монографии, посвященной В.Г. Богораз-Тану. Наиболее подробно она воспроизвела маршрут путешествия[58].

Значительно расширила представления о деятельности И.Ф. Эшшольца в экспедиции О.Е. Коцебу Т.А. Лукина, издав в 1975 г. работу, освещающую жизнь и деятельность ученого[59].

Ф.А. Шибанов сообщает интересные новые сведения об И.И. Исленьеве[60].

Замечательным вкладом в изучение экспедиции Биллингса — Сарычева является выход в свет под редакцией И.С. Вдовина работы “Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции“ (составитель З.Д. Титова). В ней представлен обширный документальный материал по итогам деятельности путешественников, в том числе в переводе составителя. Публикациям предпослано “Введение“, в котором З.Д. Титова раскрыла значение рукописного наследия экспедиции (материалы Г.А. Сарычева, И.И. Биллингса, М. Зауера, К. Мерка, И. Кобелева, А. Ботакова, А. Гилева, Ф. Елистратова) для изучения этнографии народов Северо-Восточной Азии[61].

В плане историографическом В.Н. Иванов изучил работы Второй Камчатской экспедиции, труды И.И. Исленьева, Г.А. Сарычева, К. Мерка, И.Ф. Крузенштерна, Ю.Ф. Лисянского, Ф.П. Врангеля, А.Ф. Миддендорфа, А.Я. Уваровского, представив на страницах своей книги наблюдения путешественников о чукчах, эвенах, ительменах, якутах, о чукотско-корякских и чукотско-юкагирских отношениях. Ученый обратил внимание на описание г. Якутска, населения Амгинской слободы, материалы информативного ха-

рактера о локальных группах якутов, эвенов, эвенков и коряков, содержащиеся в дневнике И.И. Редовского; дал оценку основного направления работ Северо-Тихоокеанской экспедиции[62].

В статье, посвященной этнографии народов Северо-Восточной Азии, В.А. Туголуков отметил еще одну сторону деятельности экспедиции М.И. Адамса. "Записка" путешественника о поездке на берег Ледовитого океана, найденная исследователем в Центральном государственном историческом архиве, определена им как документ, содержащий сведения о тунгусах нижней Лены[63].

В работе обобщающего плана по истории изучения тюркских языков А.Н. Кононов называет: ряд словариков "из бумаг Редовского" (немецко-якутско-тунгусский; русско-якутский и два немецко-якутских); "Словарь человеческих языков северо-восточных народов — якутов, Удских, Учурских, Имайских зимовьев тонгусов и Охотских ламутов. 1807 г.", "собранный землемером И. Кожевиным"; "Северо-восточный словарь, или Лексикон. С русским (!) якутского и тонгуского (!) языков с чистыми грамматическими склонениями, переведенный Санктпетербургской имп. Академии наук геодезистом Государственной коллегии коллежским регистратором Иваном Кожевиным. Книга третия (!)". Кононов предполагает авторство И. Кожевина и для "Русско-якутско-тунгузского словаря", часть которого сохранилась в АВСОИВ[64].

Среди огромной массы научных исследований, авторы которых в той или иной мере касаются деятельности Академии наук на территории Северо-Восточной Азии до 1917 г., можно выделить монографии, публикации, статьи, посвященные отдельным экспедициям; работы о жизни и деятельности путешественников; сочинения по истории разнообразных отраслей знания (география, история, этнография, историография, языкознание, естествознание, геология), политической ссылке, в которых материалы путешествий представлены в контексте обобщающих тем: моря Советской Арктики, русские мореплаватели, отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов, история открытия и освоения Северного морского пути, история русской этнографии, история Академии наук, историография Сибири и народов Северо-Восточной Азии, география России, русские географические исследования в Сибири, история геологического исследования Сибири, история изучения тюркских языков в России и др. Значительным достижением отечественной историографии явился выход в свет работы С.Е. Мостахова "Сподвижники путешественников и исследовате-

лей“, в которой впервые обобщен документальный материал, позволивший автору показать участие коренных народов Северо-Восточной Азии в научном исследовании региона.

Блестящим итогом развития отечественной научной мысли после 1917 г. является всестороннее изучение работ экспедиций (Ю. Бронштейн, Н. Шнакенбург, А.И. Андреев, В.Ф. Гнучева, М.О. Косвен, С.А. Токарев, А.И. Алексеев, А.Н. Кононов, В.В. Невский, Н.Н. Зубов, В.А. Обручев, Н.А. Сухова, Г.Г. Тихомиров, П.В. Виттенбург, С.Г. Федорова, Р.Г. Ляпунова, З.Д. Титова, Ч.М. Таксами, В.А. Есаков, В.М. Пасецкий, В.Н. Иванов и многие другие). Ученые выявили, перевели на русский язык, опубликовали огромный массив документального материала, в том числе изобразительного и картографического (Ю. Бронштейн, Н. Шнакенбург, Н.Н. Зубов, М.И. Белов, И.С. Вдовин, М.О. Косвен, З.Д. Титова и др.). Знаменательными были 40—50-е г., когда исследователи подготовили к публикации материалы в форме “Путешествий“, написанные, как правило, руководителями экспедиций. Несомненной заслугой советских ученых является установление участия Дерптского университета в экспедиционной деятельности Академии наук (Б.Г. Островский, Н.Н. Зубов, Б.Е. Райков, Н.Г. Сухова, Т.А. Лукина, В.М. Пасецкий). Некоторый разнобой в датировке экспедиций, по-видимому, вызван использованием рядом авторов исчисления по старому стилю.

Экспедиции Академии наук XVIII—XIX вв. стали предметом специального исследования в монографии В.Ф. Гнучевой, основную направленность которой передает название — “Материалы для истории экспедиций Академии наук“. В работе главным образом выявлены документы, хранящиеся в Петербургском отделении Архива Академии наук и публикации по результатам деятельности путешественников.

Примечательно, однако, что в книгах различных авторов и в обобщающих трудах экспедиции часто лишь названы “академическими“, но как таковые не показаны. Например, не был введен в научный оборот документ, разработанный в Академии для путешествия И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева. Источником написания разделов о целях экспедиции А.Ф. Миддендорфа для большинства ученых явились самые различные материалы, среди которых заметное место занимает научное наследие К.М. Бэра по проблемам вечной мерзлоты и условий органической жизни на Крайнем Севере, а также документ, составленный на Физико-математическом отделении для министра просвещения уже в конце путешествия — 25 января 1844 г. Оказались опущенными ма-

териалы экспедиции Г.Л. Майделя и в специальной работе, посвященной академическим экспедициям, и в обобщающем труде по истории Академии, и т.д. Представляется, что это связано с недооценкой учеными документов типа "инструкций", сложностью работы с этой группой материалов, традиционным подходом в исследовании проблемы.

Глава II

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСПЕДИЦИЙ. ПЕРВЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ НАУЧНОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

В разделе об источниках исследования темы упоминались "инструкции", "наставления", "наказы", "представления", "записки", "росписи", "определения", некоторые материалы, разработанные Академией наук и путешественниками во время организации и проведения экспедиций, содержащие задачи предстоящих работ. Попытаемся внимательно рассмотреть содержание этого документального собрания, представляющие собой интересные и глубокие наблюдения исследователей, порой разрозненные и неоднородные, что позволит определить степень изученности вопроса в отечественной науке.

Как уже показано, ученые уделили большое внимание истории Второй Камчатской экспедиции. В.Ф. Гнучева писала об инструкциях, разработанных для профессоров, студентов, учеников, художников, переписчиков, тексты которых хранятся "во всем их разнообразии в материалах Камчатской экспедиции Архива Академии наук". Автор различала инструкции по времени их составления и предназначению. Она ввела следующие определения: инструкции главнейшие, общие, разработанные Академией наук во время подготовки экспедиции, и специальные, составленные уже во время ее проведения профессорами — участниками путешествий. В.Ф. Гнучева выделила также инструкции организационно-административного толка ("Должности генеральные", "Инструкция о должности профессоров, отправляющихся с учениками", "Инструкция ученикам") и те, в которых содержались научные задачи предстоящих работ ("Инструкция о истории натуральной" И.Г. Гмелина, "Для истории народов" Г.Ф. Миллера, "Инструкция об обсервациях астрономических, географических и физических" И.Н. Делиля, "Инструкция о гидромерных, маятниковых, барометрических наблюдениях" Д. Бернулли. Упомянуты и отдельные инструк-

ции для геодезистов и художников, а также документы, разработанные Миллером, Гмелиным и Делиль де ла Кройером. Среди них: "Instruktion was zur geographischen und historischen Beschreibung von Sibirien erforderet wird für die Herrn Adjuncten Jon, Eberh, Fischer"; "Инструкция, данная Академии наук от профессоров студенту Степану Крашенинникову, отправляющемуся в Охоцк на Камчатку" (подписана Миллером и Гмелиным); "Инструкция о постройке обсерватории (написана Делиль де ла Кройером); "География и нынешнее состояние земли Камчатки (собрано из разных письменных и словесных известиев в Якуцке в 1737 году"; перевод заметки Миллера, данной С.П. Крашенинникову при его отъезде на Камчатку "вместо предводительства"; "Допросы при описании народов и их нравов и обычаев" (подписана Миллером, дана Крашенинникову); "Инструкция Академии наук от профессоров служилому Михаилу Тарныкову" (подписана Миллером). Инструкции, аналогичные последней, были написаны для приказчика Анадырского острога, "прикащика на р. Колыме", "сына боярского Алексея Шестакова" и др. В этой же книге В.Ф. Гнучева опубликовала текст инструкции организационно-административного плана ("Должности генеральные"), утвержденной в Академии. Документом предусматривались порядок поступления корреспонденции из экспедиции в Сенат и Академию наук, а также публикация результатов работы прежде всего в России; профессорам предписывалось "прилежно и верно" обучать учеников и геодезистов, на Миллера возлагалась обязанность историографа[1].

Большое значение деятельности Академии наук в связи с работами, выполненными Второй Камчатской экспедицией, придает И.С. Вдовин. Исследования экспедиции в области лингвистики он непосредственно связывает с инструкцией, полученной от Академии, в которой перед путешественниками ставилась задача изучения народов Сибири (история, происхождение, расселение). Вдовин рассматривает шестой и седьмой параграфы документа как касающиеся "непосредственно лингвистических вопросов" (§ 6. Об языке каждого народа надобно сделать несколько примеров, например: переводы господней молитвы, числа, существительные, употребительнейшие имена; § 7. Имена каждого народа, страны, реки, города и проч. точно по настоящему того народа и соседних народов произношению записывать должно, прибавляя к ним, если только доискаться можно, и происхождение имен"). Заключая о соответствии пунктам инструкции Академии наук состоявшихся лингвистических сборов экспедиции ("был составлен ряд словарей, содержащих более

300 слов, включая сюда и 38 числительных“), ученый особо отмечает рукопись Я. Линденау “Описание тунгусов, обитающих в Удском остроге и его окрестностях“, которую заключает “небольшой словарь“ и работы Крашенинникова, его материалы по ительменскому, корякскому, айнскому, эвенскому языкам. Лингвистический материал, собранный участниками Второй Камчатской экспедиции, включает перечень существительных по тематическим комплексам, характеристику отдельных частей речи, анализ диалектов и сопоставление языкового материала. Вместе с тем ученый подчеркивает: “Словарные записи участников Второй Камчатской экспедиции больше служили источником для исторических построений, а не для лингвистических исследований“[2].

М.О. Косвен по поводу инструкции “О истории народов“ писал: “Полученная Миллером инструкция, которой он сам, видимо, является автором, предусматривает изучение и описание происхождения отдельных народов, их истории, древних мест обитания, их переселений, религии, культов, обычаев и обрядов, брака, торговли, земледелия, ремесел, военной организации, общественного строя и управления“. Исследователь отмечал, что текстом документа предусматривались также зарисовки предметов материальной культуры, культа, одежды, изображение людей. Отмечая в целом исторический характер задания Г.Ф. Миллера, М.О. Косвен считал, что оно имело “в весьма значительной мере этнографическое содержание“. Большая работа была проведена автором по изучению инструкции Г.Ф. Миллера (составлена путешественником в 1740 г. в Сибири), которая “должна была, по мысли ее составителя, явиться общим пособием и руководством при полевой географической, исторической, археологической и этнографической работе, будучи особо предназначена для исследований“ в этом регионе. Рассматривая документ как “результат большой и длительной работы“, М.О. Косвен предполагал, что он может быть предназначен “для гораздо более широкого использования“. “Данная программа Миллера, — писал ученый, — представляет собой замечательный этнографический документ. Нет сомнения, что она и сейчас может быть плодотворным образом использована в современной полевой этнографической практике“. В результате источниковой работы над документом Косвен пришел к выводу о необходимости публикации лишь отдельных его частей (§ 5 программы “Об описании древностей“ в переводе на рус. яз. в кн.: Радлов В. Сибирские древности, СПб., 1894. Т. 1, вып. 3; § 6 этнографической части программы на нем. яз. в Сборнике Музея по антропологии и этнографии. СПб., 1900. Т. 1, в котором

Д.А. Клеменц опубликовал также четыре приложения к основному документу.

М.О. Косвен дал описание всех шести параграфов, или разделов инструкции Миллера, состоящей из 1287 статей, из которых 923 составляют ее этнографическую часть. Среди ее разделов и приложений к ней М.О. Косвен назвал: "О ведении журнала" (§ 1, из 20 статей); "О географическом описании" (§ 2, из 75 статей); "О теперешнем состоянии городов и подведомственных им земель" (§ 3, из 38 статей); "О просмотре архивов и описании сибирской истории" (§ 4, из 22 статей); "Об описании древностей" (§ 5, из 100 статей); "Об описании нравов и обычаев народов" (§ 6, из 923 статей); "О ландкартах" (первое приложение, из 63 статей); "О рисунках" (второе приложение, из 30 статей); "О собирании различных предметов для Кунсткамеры" (третье приложение, из 16 статей); "Словарь, по которому надлежит собирать материалы для языков и диалектов народов" (четвертое приложение). Особое внимание исследователь уделял этнографическому разделу. Этот раздел "обширнейшей и детальнейшей программы" начинается статьей о пользе описания народов ("чтобы вывести взаимное родство народов из их общих нравов и языков"), а также содержит перечень народов Сибири. Родство отдельных народов, по утверждению Косвена, устанавливалось, главным образом, на основе изучения их языков и диалектов, в связи с чем в документе рекомендовалось составлять словари, прослеживать взаимовлияние языков различных народов. Предусматривался также сбор сведений о внешности, антропологических чертах, прическе, украшениях, одежде, жилище, посуде, умственном развитии, знаниях, искусствах, письменности, книгах, календаре, медицине, общественном устройстве, праве, суде, присяге, мерах веса, визитах, гостеприимстве, формах приветствий, конфликтах, войнах, оружии, заключении мира, земледелии, скотоводстве, оленеводстве, собаках, способах передвижения, охоте, рыболовстве, ремеслах, пище, напитках, табаке, наркотиках, развлечениях, воспитании детей, здоровье, болезнях, народной медицине, похоронах, трауре, религии. Косвен обратил внимание и на тот раздел документа, в котором изложены указания относительно приемов сбора полевого этнографического материала. Миллер, пишет автор статьи, рекомендовал "при описании сибирских народов использовать всевозможные отчеты о путешествиях, содержащие сведения о нравах и обычаях... в целях осмысления своего материала и проведения соответствующих сравнений" описание каждого народа составлять отдельно.

По материалам ЦГАДА исследователь опубликовал части инструкций Миллера и Гмелина, которые были разработаны для С.П. Крашенинникова и Г.В. Стеллера при отправлении их на Камчатку. Содержание документа, составленного для Крашенинникова, свидетельствует о постановке перед путешественником задачи разнообразных наблюдений по истории и этнографии народов Сибири. Инструкцией на имя Крашенинникова предписывался сбор сведений о границах расселения коряков, эвенков, гиляков, их численности, пище, внешнем облике, трудолюбии, женском и мужском труде, болезнях и их лечении, жилищах. В Охотском, Тауйском и Удском острогах Крашенинников должен был уточнить перечень народов, плативших ясак, их численность, роды, князьцов. На Камчатке следовало обратить внимание на расселение коряков, камчадалов и айнов; собирать, если представится возможность, сведения о Японии и японцах, о русском населении полуострова. Специальным пунктом инструкции предусматривались сборы женской, мужской и детской одежды для Кунсткамеры. Стеллер получил задание описать бурят (их веру, политический строй), эвенов и коряков (обряды, промыслы, воспитание детей). Предусматривались зарисовки бурятской семьи, жилища, посуды, а также одежды якутов и эвенков, обряда шаманства[3].

В работе обобщающего типа "Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке" В.А. Дивин особо подчеркнул важность изучения документов, разработанных Академией наук для понимания "всей грандиозности задуманной экспедиции и того научного и политического значения, которые ей придавались". Среди специальных инструкций, в которых "излагались методы определения географического положения островов и земель", исследователь выделяет "Инструкцию особливую о обсервациях географических", в которой содержалось указание точно описывать все посещенные места, "проверять и уточнять составленные ранее карты", фиксировать координаты мало исследованных, либо вновь открытых земель, проложить путь к Японии. Значительное место в инструкции отведено характеристике экономических выгод в случае установления с Японией торговых отношений. Изучен Дивиным и текст инструкции Бернулли, согласно которой наблюдатели должны были определять направление и силу ветра, степень солености океана и льда ("один из важных признаков близости земли"). Согласно документу "О других вещах, которые на земле примечать надлежит", предполагалось изучать закономерность распространения звука (его зависимость от направления ветра, времени года, атмосферного давления, высоты местности над

уровнем моря, температуры воздуха), ветры, изменения солености морской воды в зависимости от глубины, приливно-отливные явления, течения, используя при этом и данные опроса местного населения[4].

В 1979 г. Хабаровским книжным издательством был выпущен в свет сборник документов "Русская тихоокеанская эпопея" (составитель В.А. Дивин). Среди материалов издания впервые опубликована "Инструкция проф. Гмелина В.И. Берингу для составления описания народов, проживающих на пути к Камчатке" от 28 ноября 1732 г. Документ, составленный Гмелиным, содержит перечень рекомендаций для изучения различных народов. Наблюдатель должен был обращать внимание на их расселение, переселения, общественное устройство, предания и легенды о происхождении народов, жилища, церемонии, поступки, обычаи, обряды, языки, письменность. Следовало фиксировать названия провинций, рек, городов; зарисовывать старые каменные постройки, атрибуты погребения, сосуды, идолов, крепости и др.

Работы советских ученых в связи с изучением истории Второй Камчатской экспедиции содержат значительный материал об инструкциях, написанных как в период подготовки, так и во время проведения этого предприятия. Обращение к этим источникам неизменно сопровождается указаниями на их местоположение в фондах архивохранилищ, информацией о их публикациях, порой — попыткой установить разновидности этих документов, учитывая предназначение и время составления. Исследователи выявили, раскрыли содержание значительного количества документов; тексты некоторых из них опубликованы. В результате установлены авторы инструкций (И.Г. Гмелин, Г.Ф. Миллер, И.Н. Делиль, Д. Бернулли, Делиль де ла Кройер), отмечена связь инструкций с результатами деятельности экспедиции. Одна из них определена как "замечательный этнографический документ".

Как известно, 23 мая 1769 г. ожидалось прохождение Венеры через диск Солнца. В заседании Конференции Академии 22 апреля 1765 г. было принято решение о подготовке к астрономическим наблюдениям.

Заметное место в определении роли Академии наук при подготовке экспедиций 1768—1774 гг. занимает статья Ю.Г. Гессена, написанная на материалах Архива Академии наук (Санкт-Петербург) и протоколов заседаний Конференции. Особый интерес представляют разделы статьи, написанные на основе изучения труднодоступного документального комплекса, заключенного в "Протоколах заседаний Конференции императорской Академии наук". Перевод это-

го материала на русский язык позволил Гессену показать процесс разработки научных программ для планируемых экспедиций. По его словам, в Академии был поднят вопрос о более широких задачах исследований, необходимости изучения животного мира, растительности и минеральных богатств страны. С этими событиями исследователь связал состоявшиеся приглашения Гмелина из Тюбингена и П.С. Палласа, в ту пору работавшего в Голландии для работы в предстоящих экспедициях. Гессен писал, что во время разработки документов для кампании 1768—1774 гг. Гмелину и Палласу было предложено использовать тексты инструкций, составленных для Второй Камчатской экспедиции (окончательная доработка текста единой инструкции была поручена Палласу). В этой же статье Гессен изложил текст общей инструкции, в которой были сформулированы главные задачи работ на 1768—1774 гг.: исследование земли и водоемов, земледелия, лесных угодий, промыслов, фабрик, заводов, рудников, полезных ископаемых страны (соль, каменный уголь, торф, "полуметаллы", минералы), климата, болезней людей и скота и их лечения, нравов местного населения, обрядов, древних повествований народов, остатков давней материальной культуры. Отзывы учреждений, к которым обращалась Академия, по мнению Гессена, были вручены непосредственно руководителям экспедиций, так как "инструкция была уже выработана". Таким образом, изучение материалов заседаний академического Собрания и текста общей инструкции позволило Гессену показать, как постепенно, начиная с 1765 г., в ходе подготовки к астрономическим наблюдениям 1769 г. расширялся круг задач работы предполагаемых экспедиций. Основное внимание Гессен уделил экспедициям, которые исследовали состояние производительных сил России (участники, маршруты, результаты деятельности)[5]. Впоследствии эти экспедиции получили название "физических", в отличие от астрономических того же времени.

Текст общей инструкции для экспедиций 1768—1774 гг., содержание которой впервые было передано Гессеном, в 1950 г. был опубликован Н.Г. Фрадкиным. Анализ документа привел автора к выводу о том, что инструкция "продолжает ломоносовскую традицию в вопросах географического изучения страны". В согласии с замыслом М.В. Ломоносова Фрадкин рассматривает и формирование в ходе кампании 1768 г. "специальных астрономических отрядов"[6]. Повторная публикация "Инструкции для отправления от императорской Академии наук в Россию физических экспедиций" была осуществлена Фрадкиным в 1953 г. в монографии о

И.И. Лепехине. Отмечая широкий профиль деятельности участников экспедиций, ученый обратил также внимание на другую инструкцию Академии наук — "Роспись для памяти", подготовленную как "дополнение к основной инструкции". Исследователь привел подлинный текст вступительной части и шести пунктов из ее текста, касающихся перечня птиц, которые, по мнению ученых того времени, заслуживали особого внимания. Одновременно Фрадкин указывает, что "Роспись" состояла из 44 пунктов, в которых были перечислены животные, птицы, рыбы, представлявшие интерес для Кунсткамеры Академии наук[7].

В 1971 г. в "Известиях Академии наук СССР" была опубликована блестящая статья В.И. Грекова "Из истории организации академических экспедиций 1768—1774 гг.". Учитывая потребности экономического и общественного развития России, исследователь показал, как постепенно изменялся основной замысел экспедиций в процессе их подготовки. Автору удалось подметить различие в деятельности вновь учрежденной правительством Комиссии и Конференции (академического Собрания) при организации экспедиций, дать глубокий анализ текста "Общей инструкции", заключавшей основные задачи деятельности кампании 1768—1774 гг. Основной замысел Конференции, как пишет исследователь, сводился к отправке восьми астрономических экспедиций (при этом с ними для проведения "физических" исследований, изучения "натуральной истории" должны были отправиться Лепехин, Гмелин, И. Гильденштедт, Паллас) и "большая часть исследований должна была проводиться в малоизвестных отдаленных северных и восточных районах". По инициативе же Комиссии, отмечает Греков, физические исследования "стали выполняться силами пяти отрядов, не связанных в своей работе с астрономическими и подчиненными непосредственно Академии наук", что в свою очередь сузило территорию первоначально предполагаемых работ за счет исключения некоторых областей Сибири и Севера, направив основное русло исследований в Поволжье, Украину, Нижний и Средний Урал, некоторые районы Западной Сибири. Ученый высказал предположение, что в генеральной инструкции, окончательно разработанной Палласом (см. текст в статье Гессена) и утвержденной Конференцией 23 мая 1768 г. "были затронуты преимущественно вопросы "натуральной истории". Усилиями же Комиссии была создана другая инструкция, в основу которой, как предполагает Греков, была положена "разработка вопросов народнохозяйственного значения". По его мнению, в окончательном тексте общей инструкции (см. выше соответствующие разделы о статье Гессена и работах Фрадкина) были соединены без

особой обработки проекты Комиссии и Конференции. При этом главными в предстоящих исследованиях, отмечает Греков, объявлялись нужды государства; задачи же в области научного изучения заняли второстепенное место. Описывая широкий размах организации экспедиций 60—70-х гг., участие в их подготовке правительства, Академии наук, Вольного экономического общества, государственных учреждений, Греков пришел к выводу, что первоочередными задачами "физических" исследований, превратившихся из вспомогательных по отношению к астрономическим в самостоятельные, стали исследование природных ресурсов страны и ее социально-экономические проблемы. Одновременно исследователь отмечает, что "актуальные для данного момента задачи, сильно сузив обследуемую территорию, оставили за бортом интересные для науки далекие районы Севера и Востока"[8].

Таким образом, отечественные исследователи показали, что основные задачи работ экспедиционной кампании 1768—1774 гг. были сформулированы в тексте общей инструкции Гессена, Фрадкина, Грекова. Ученые отметили также, что эта инструкция была составлена в основном для "физических" экспедиций, главной целью которых было обследование юго-востока России и прилегающих областей. Кроме того, была выявлена и изучена "Роспись для памяти", разработанная в Академии как дополнение к основной инструкции.

В этой связи представляется весьма целесообразным введение в научный оборот новых, дополнительных материалов, непосредственно связанных с деятельностью Конференции Академии, в которых, по предположению Грекова, учеными могли быть разработаны "преимущественно вопросы натуральной истории".

И особый интерес вызывают документы, раскрывающие работу Академии по организации астрономических экспедиций, одной из которых являлось путешествие в Сибирь И.И. Исленьева. Актуальность обращения к истории организации и разработки комплекса научных задач этого путешествия состоит и в том, что названная экспедиция представляла работу одного из отрядов Академии наук на северо-востоке Азиатского континента.

Изучения ряда материалов, подготовленных в отечественной Академии в конце 50-х — первой половине 60-х гг. XVIII столетия, литературы по этому вопросу, убеждает в том, что экспедиции 1768—1774 гг. были связаны с предшествующей работой ученых, в том числе М.В. Ломоносова. Важными в этом плане представляются документы, отражающие работу Географического департамента по подготовке нового "Российского атласа" (Фрадкин, Н.Е. Дик), и доку-

менты, появление которых было вызвано необходимостью исследовать явление прохождения Венеры через диск Солнца в 1761 г. Сейчас нельзя согласиться с замечанием Гнучевой, что "в проектах Ломоносова не было принято во внимание ожидавшееся в 1761 г. прохождение Венеры через диск Солнца", равно как и с положением И.И. Любименко, писавшей: "В то время как в 1761 г. французы наблюдали прохождение Венеры через диск Солнца в Индии, на Маскаренских островах (к востоку от Мадагаскара), и даже у нас в Тобольске, в заседаниях Конференции русской Академии это явление совершенно не отражено"[9]. Более того, именно к 1760—1761 гг. относится предложение Академии наук об отправлении астрономической экспедиции для изучения явления на северо-восток Азии, в Якутск. С 13 ноября 1760 г. по 17 января 1761 г. были подготовлены документы за подписями М.В. Ломоносова, Я.Я. Штелина и И.И. Тауберта, предусматривавшие организацию экспедиций в Сибирь[10]. Следует также отметить, что еще работая над атласом, подготавливая материалы по европейской части России, Ломоносов предполагал в недалеком будущем приступить к исследованиям в Сибири. Сохранился его собственноручный черновик, датированный январем 1760 г., в котором, предлагая маршруты для трех экспедиций по "Великой России", он помечал: "Сибирь после следовать имеет". В этом же документе Ломоносов высказал предположение, что после "Российского атласа"можно будет начать изучение Сибири, "на которую еще сверх того два или три года употребить должно будет"[11]. 13 ноября 1760 г. состоялось "Определение Канцелярии Академии наук о снаряжении двух экспедиций в Сибирь для наблюдений прохождения Венеры по диску Солнца", подписанное Ломоносовым, Таубертом, Штелиным. Относительно конечных пунктов следования экспедиций в "Определении" значилось: "для того наблюдения отправить в самые отдаленные места Сибири, а именно в Иркуцк и в Якуцк; а буде за какими трудностями в дороге до сего последнего места доехать невозможно, то в Нерчинск, двух обсерваторов". Отметим также, что уже тогда предполагалась возможность приобретения обсерваторами "для императорской Кунсткамеры в тех странах всяких куриозных вещей"[12].

Северо-Восточная Азия обладала особым преимуществом для астрономических наблюдений такого рода. Известный астроном XVIII столетия Христиан Мейер замечал: "В северных странах, лежащих под 67 градусом 33 мин. широты, в которых в то время солнце совсем не заходит, все прохождение (речь идет о прохождении Венеры через диск Солнца,

начиная с момента ее вхождения и завершая выходом. — *Д.Ш.*) видеть можно, в числе которых и многие места Российского государства: Якутск, Олекминск и Камчатка“[13].

Интерес ученых всего мира к прохождению Венеры через диск Солнца был обусловлен его значением для определения расстояния между Землей и Солнцем, взаимоположения планет, т.е. в конечном счете для изучения солнечной системы. Практическое значение наблюдений такого рода определялось их использованием в географии и мореплавании.

Одним из интересных документов этого времени является “Представление“, принятое 23 марта 1767 г. Конференцией и направленное на имя директора Академии В.Г. Орлова. “Представление“ отразило размышления ученых по вопросам выбора мест для предполагаемых в 1769 г. наблюдений, подготовки и комплектования состава астрономических экспедиций. Здесь же находим перечни необходимых для работы обсерваторов инструментов, книг, карт, а также замечания по поводу создания обсерваторий в местах, куда будут направлены экспедиции. Конференция предлагала провести в 1769 г. астрономические наблюдения в местах, “кои простираются от Балтийского моря к северу“. «Академия наук, — читаем в “Представлении“, — предпочитает места, около Белого моря и Северного океана лежащие». В состав каждой из астрономических экспедиций предлагалось включить двух человек — обсерватора и помощника. Чтобы иметь возможность подготовить участников будущих экспедиций, ученые обращались с просьбой “из морского флота определить на сие время в Академию двенадцать штурманов, кои знают основательно первые части мафемафики, имеют охоту и склонность обучаться астрономии и приобрели уже некоторое искусство делать на море наблюдения“. Здесь же было оговорено основное направление занятий: “Всех их Академия наук в остающееся время не преминет наставлять с возможным рачением практической астрономии и, сколько знания их и успехи дозволят, феоретической, а наипаче тому, что потребно к точному и верному наблюдению с его важного небесного явления“[14].

Примерно в то же время ученые Академии составили специальную карту, по которой можно было проследить места, где возможны наблюдения лишь части ожидавшегося явления (вхождение Венеры, либо ее выход), а также оптимальные пункты наблюдения. Непременным желанием Конференции было “при каждой экспедиции отправить по одному искусному человеку в истории натуральной, чтоб, когда астроном будет наблюдать светила небесные, натуралист

испытывал и описывал в упомянутых и мало еще известных странах земные произведения". Как свидетельствует документальный материал, Академия наук тщательно отбирала места, в которые могли бы быть посланы астрономические экспедиции. При выборе пунктов наблюдений учитывались степень видимости явления, местные метеорологические условия, а также возможности постройки обсерватории в центре предполагаемых наблюдений. Одну из астрономических экспедиций было решено послать в Якутск. Первоначально предполагалась поездка туда Г.М. Ловица (из Геттингена), который "писал, что желает отправлен быть в сию посылку". Однако время отправления экспедиции в этот наиболее отдаленный пункт приближалось, а Ловиц задерживался. В этих условиях Академия приняла решение "не теряя времени препоручить оную г. Исленьеву"[15].

Ученые Академии наук разработали задачи предстоящих научных разысканий. Одним из документов, отражающих деятельность Академии в момент организации астрономических отрядов (в том числе Исленьева), является "Наказ обсерваторам, кои на Север и на Восток отправлены были для наблюдения Венеры в Солнце". Из его текста следовало, что основной задачей экспедиции было наблюдение прохождения Венеры 23 мая 1769 г. и что участники путешествия обеспечивались инструментами, книгами. По прибытии в конечный пункт члены экспедиции должны были построить обсерваторию и установить необходимые приборы. Проводимые наблюдения предлагалось описывать в специальной "дневной записке". Астрономам предписывалось также вести наблюдения за контурами Венеры, за наличием либо отсутствием атмосферы вокруг нее; фиксировать цвет планеты. "Наказ" предусматривал барометрические и температурные измерения, наблюдения "воздушных перемен"[16].

Второй комплекс научных задач экспедиции Исленьева содержала специальная инструкция, оформленная на имя руководителя отряда. Полный текст этого документа удалось обнаружить среди материалов Центрального исторического архива. В июле 1811 г. по просьбе министра просвещения А.К. Разумовского Конференцией Академии наук были подготовлены документы, среди которых сохранились копии с "Наставления путешественникам от императорской Академии наук посылаемым для физических открытий и исследований в империи Российской", и "Напоминания господину порутчику Исленьеву касательно собирания и збережения замечания достойных сибирских зверей"[17]. Сличение текстов вышеназванного "Наставления" и "Инструкции" для отправленных от императорской Академии наук в Россию

физических экспедиций" (опубликована Фрадкиным) показало, что их смысл совпадает, различия касаются лишь стиля изложения.

Рассмотрим второй документ, определявший задачи работ экспедиции Исленьева в области "натуральной истории"[18]. "Напоминания" — документ, идентичный "Росписи для памяти", написанный специально для Исленьева и имеющий сложный состав. В нем можно выделить общую вступительную часть; перечни животных, птиц и рыб; раздел о способах сохранения и доставки экспонатов в Петербург; заключение, содержащее десять разнообразных вопросов-размышлений к наблюдателю. Наблюдения в области "натуральной истории" предписывалось проводить на протяжении всего пути следования отряда (Казань, Красноярск, Иркутск, оз. Байкал; области, граничащие с Монголией; бассейн Лены). Предметом внимания участников экспедиции должны были стать животные (степные бараны, лошади, коровы, дикие козы, кабарга, евражки, полевые крысы, мыши, в том числе летучие, кроты, кролики, хорьки, бурундуки); птицы (белые совы, сибирские "белобрюхие" вороны, сороки, воробьи, дрозды, дятлы, щеглы, орлы, соловьи, жаворонки), рыбы, водящиеся в речных водоемах. Вопросы, адресованные исследователю, позволяют заключить, что перед экспедицией ставились также задачи сбора сведений о находках и залегании ископаемых животных, об органической жизни в районе Ленского бассейна, о миграциях отдельных представителей животного мира Сибири, о распространении болезней, способах их лечения, и другие.

Таким образом, текст "Напоминаний" позволяет уточнить и углубить характеристику научных задач, поставленных Академией наук перед одной из астрономических экспедиций кампании 1768—1774 гг. Не менее важен, как представляется, материал предполагаемых перечней животных, рыб, птиц, обязанный содержать данные о местонахождении, способах сохранения и перевозки экспонатов.

В 1785—1794 гг. состоялась экспедиция И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева, или Северо-Восточная, которая вошла в науку преимущественно как географическая и астрономическая, организованная правительством[19].

Однако имеющиеся документальные публикации, а также работы советских ученых, в которых последовательно и кропотливо исследуется научное наследие экспедиций, свидетельствуют об огромном разнообразии наблюдений по различным отраслям знаний, содержащихся в этих работах[20]. Представляется, что разносторонняя деятельность экспедиции 1785—1794 гг. была обусловлена в определенной мере

четкой постановкой научных задач, разработанных академиком Палласом и об активном участии отечественной Академии наук в подготовке Северо-Восточной экспедиции.

Обращаясь к вопросу ее организации, большая часть исследователей называет одной из задач, поставленных перед экспедицией, установление границ русских владений на Северо-Востоке и урегулирование отношений с чукчами. Для этого следовало описать побережье между Колымой и Беринговым проливом, исследовать моря между северо-восточными берегами России и противоположными берегами Америки, составить карты, обследовать землю, будто бы увиденную Андреевым, совершить путешествие по Чукотке[21].

В основу определения этого круга задач положены материалы двух документов — "Указ" Екатерины II Адмиралтейской коллегии от 8 августа 1785 г. о назначении экспедиции и "Наставления Государственной Адмиралтейств-коллегии г. флота капитан-лейтенанту Иосифу Биллингсу, начальствующему над географическою и астрономическою экспедициею, назначенною в северо-восточные части России"[22].

Любопытно, что в текстах "Указа" и "Наставления" особо оговаривалась деятельность натуралиста, коллежского асессора Патрина[23]. В "Наставлении" сообщалось также, что Патрин "будет иметь особенное наставление для наблюдений по естественной истории"[24]. Сарычев в одном из своих примечаний к "Путешествию капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога" писал о том, что вместо заболевшего Патрина в Иркутске был принят для работы в экспедиции доктор К.Т. Мерк. При этом замечал: "Наставление по сей части, писанное г. Палласом на имя г. Патрина, поступило уже к доктору Мерку"[25]. Я. Грот в 1877 г. в статье о филологических занятиях Екатерины II сообщал: «При отправлении Биллингса в северовосточную Сибирь (1785—1794) спутнику его, естествоиспытателю Мерку, дана была Палласом инструкция, в которой прямо сказано, что "Ея императорскому величеству приятно будет по приложенному образцу получить списки слов не только по главным языкам, но и по наречиям их, причем следует как можно точнее означать произношение русскими и немецкими буквами"[26]».

Ю. Бронштейн и Н. Шнакенбург сообщают, что Паллас составил инструкцию Патрину "для сбора ботанических, зоологических, этнографических коллекций, записей местных наречий"[27]. Блестящий знаток исторических источников А.И. Андреев сделал пометку в одной из сносок: "Инструкция Мерку 1786 г."[28]. Вдовин пишет: "Кроме задач аст-

рономическо-географического характера, перед экспедицией стояла также задача описания быта, нравов и языков народностей Севера"[29]. А.И. Алексеев отмечает непосредственное участие Палласа в написании 10-й статьи "Наставления", в которой, как пишет исследователь, "более конкретно и четко была записана главная задача экспедиции" (составление точных карт Алеутских и других островов, сбор сведений о хороших гаванях, а также о наименее посещаемых (либо вовсе неизвестных) островах. Им же опубликован текст письма И.Г. Чернышева (президент Адмиралтейств-коллегии) от 31 августа 1785 г. Палласу, позволяющий говорить об участии Академии наук в подготовке офицеров к предстоящим астрономическим наблюдениям[30]. В обобщающей работе по истории Академии, написанной Г.Д. Комковым, Б.В. Левшиным, Л.К. Семеновым, отмечено обсуждение плана экспедиции Биллингса — Сарычева в особой академической комиссии 1787 г.[31] Одними из последних упоминаний об инструкции Палласа являются замечания З.Д. Титовой и Р.Г. Ляпуновой. "Биллингс буквально накануне отправления экспедиции договорился с Мерком и передал ему инструкцию академика Палласа относительно сбора ботанических, зоологических и этнографических сведений, записи местных наречий и так далее", пишет Титова[32]. Ляпунова отмечает: "Академиком Палласом была составлена специальная инструкция по сбору ботанических, зоологических, этнографических коллекций и материалов по языку"[33].

Таким образом, в ряде работ поставлен вопрос о значительности комплекса научных задач экспедиции Биллингса — Сарычева, разработку которых исследователи связывают непосредственно с деятельностью академика Палласа. Алексеев пишет также об участии Палласа в разработке 10-й статьи "Наставления" от Адмиралтейств-коллегии. Изучение и разрешение этой группы вопросов представляется важным в связи с возможностью расширить, конкретизировать представление о круге научных задач экспедиции и, одновременно, установить непосредственную причастность Академии наук к ее организации[34].

Попытаемся восстановить содержание текста "Инструкции" Палласа, которая была им написана специально для натуралиста экспедиции 1785—1794 гг.[35] Полное название документа — "Инструкция господину доктору Мерку, состоящему в службе в качестве натуралиста и путеописателя при господине капитане Биллингсе, командире тайной морской экспедиции". Текст датирован 30 сентября 1786 г., подписан собственноручно Палласом и представлен 12 параг-

рафами (или пунктами). Документ написан на немецком языке готическим шрифтом, трудным для прочтения неразборчивым почерком[36]. Из текста вступительной части "Инструкции" и ее 12-го пункта следует, что идентичный документ за подписью Палласа был направлен первоначально асессору Патрину. В связи с болезнью последнего и назначением в экспедицию К.Г. Мерка, Паллас, сохранив основное содержание "Инструкции", но изменив ее начало и заключительную часть, переоформил документ на имя Мерка. "Инструкция" была просмотрена Екатериной II и "уточнена" ею, как отмечает Паллас. Основное содержание документа, заключающее научные задачи экспедиции, изложено в семи пунктах (с 3-го по 9-й). 3-й пункт "Инструкции" свидетельствует о глубоком интересе ученых к науке о Земле. Как известно, Паллас в 1777 г. разработал теорию происхождения гор. "Инструкция" свидетельствует, что вопросы горообразования волновали ученого и в середине 80-х гг. Натуралист экспедиции должен был фиксировать направления встретившихся горных цепей, их крутизну (либо пологость), описывать примечательность отдельных гор, залегание горных пород (состав, прогибание, направление пластов), отмечать наличие руд (мощность, направление жил). К.Г. Мерку предписывалось замечать наличие источников, лесов, кустарников, свойства почв, вулканические горные породы, останки ископаемых животных ("слонов, носорогов и других южных зверей"; при этом указывалось на необходимость обращать внимание на их залегание в земле, определять — покрыты они продуктами морского, либо сухопутного происхождения). Образцы горных пород, твердых и благородных камней, окаменелостей, продуктов вулканической деятельности, солей следовало отбирать в двух экземплярах (один — для Академии наук).

Пункт 4-й содержал перечень задач натуралиста в области "топографического описания земель". К их числу отнесены наблюдения над характером поверхности земли, включая острова и морские побережья. Исследователь должен был отмечать понижения земли, повышения, холмистость, заболоченность и т.д. При обследовании различных типов водоемов необходимо было определить качество воды, ее способность к омылению, возможность рыболовства. Задачи предстоящего изучения народов Северо-Востока были изложены в 5-м пункте "Инструкции". Естествопытателю предписывалось собирать данные о внешнем виде, физическом облике представителей коренного населения, их быте, жилых постройках, одежде, занятиях, средствах передвижения, вере, идолах, обрядах. Особо оговаривалось внимание

к сведениям о переселениях народов, их языках, положении женщин, воспитании детей, пище, лекарствах, употребляемых красителях. При этом рекомендовалось составлять подробные перечни ловушек на зверя и приспособлений для рыбной ловли, а также приобретать модели (либо оригиналы) некоторых их них. Согласно тексту 6-го пункта, в обязанности натуралиста входили работы по исследованию флоры Сибири. Изучая деревья, кустарники, растения, семена, наблюдая за их окраской, временем цветения, необходимо было обращать внимание на их использование в хозяйстве (для крашения, дубления), в медицине (в качестве яда, либо снотворного). Предписывалось составлять гербарии, описания, делать рисунки и сборы (коры, смолы, плодов, корней). 7-м пунктом "Инструкции" предусматривались наблюдения за миром животных (в том числе морских), птиц, рыб, зоофитов. Паллас советовал делать зарисовки всего примечательного, составлять полные описания, препарировать, изготовлять чучела, а также давал подробные рекомендации относительно способов сохранения экспонатов. В круг обязанностей натуралиста входили и работа в области метеорологии. Об этом свидетельствует текст 8-го пункта "Инструкции". Паллас писал о необходимости температурных и барометрических измерений; о наблюдениях за солнечным гало, сполохами, северным сиянием. Кроме того, инструкцией предусматривались опыты с ртутью (установление точки ее замерзания); наблюдения за формой снежинок в различных широтах, временем вскрытия и становления рек, скоростью звука в условиях холода, степенью промерзания и оттаивания земли. Объектами исследования должны были стать ветры, течения морей, соленость и температура морской воды, отливы и приливы. 9-й пункт предписывал исследователю обращать внимание на болезни и эпидемии среди домашнего скота и диких зверей.

Следовательно, в период организации Северо-Восточной экспедиции, кроме "Указа" императрицы и "Наставления" Адмиралтейств-коллегии был подготовлен еще один документ, свидетельствующий о непосредственном участии в ее подготовке Академии наук. Этим документом являлась "Инструкция" Палласа, которая содержала обширную программу научной деятельности экспедиции 1785—1794 гг., ставила перед ее участниками разнообразные задачи изучения природных ресурсов Северо-Востока. Согласно инструкции, естествоиспытатель должен был провести наблюдения в области физической географии, геологии, топографии, бо-

таники, зоологии, метеорологии, палеонтологии. Обширный план работ был намечен по изучению народов Сибири. При этом предусматривались наблюдения, описания, составление перечней и гербариев, зарисовки, естественные сборы (например, семян и др.), препарирование, изготовление чучел, упаковка и другие способы сохранения экспонатов.

Изучение текста "Инструкции" для Мерка, ее сравнительный анализ позволяют также заключить, что, по-видимому, ее содержание (скорее всего на этапе, когда она адресовалась еще Патрину) было учтено при написании второго пункта "Наставления" Адмиралтейств-коллегии, либо Паллас принял непосредственное участие в его составлении. В результате и появился в тексте "Наставлений" краткий раздел о задачах экспедиции в области натуральной истории[37].

Интересно отметить, что по всей вероятности, именно в связи с деятельностью академика Палласа основные научные задачи в области изучения Северо-Востока были включены в текст "Наставления" Адмиралтейств-коллегии для участников Северо-Восточной экспедиции, что несомненно сказалось на том разнообразии наблюдений, которое представлено в работах Биллингса, Сарычева, Мерка, Робека.

Инструкция Палласа интересна и тем, что является как бы непосредственным продолжением работ, проведенных Академией наук в 70-х гг. XVIII столетия по составлению планов дальнейшего освоения Севера и Востока страны. В 1940 г. В.Ф. Гнучева опубликовала "Проекты" экспедиционных исследований, разработанные в Академии наук Палласом, Гильденштедтом, Лепехиным, И.Г. Георги[38]. Эти документы были составлены в связи с предложением президента Академии наук наметить недостаточно исследованные области России. Паллас в "Проекте экспедиционных исследований в Азиатской части России" от 1776 г. предлагал среди прочего исследовать течения Лены, Вилюя; совершить путешествие на Камчатку, Курильские, Алеутские, Лисьи острова. При этом замечал: «Расположенная за Леной семая восточная часть Сибири почти совершенно неизвестна в физическом отношении и очень мало изучена в отношении географическом"[39]. В 1779 г. Паллас предложил Конференции «Проект "физического" путешествия в Восточную Сибирь», в котором вновь писал о неизученности территории, расположенной на восток от Лены. Ученый опровергал утверждение о том, что северный климат не способствует образованию драгоценных камней; высказал предположение о наличии на Востоке руд, содержащих драгоценные металлы, "разнообразия кристаллических пород", цветных кам-

ней. Заключал он так: "Вообще вся Восточная Сибирь обещает дать бесконечно много интересных сведений в отношении ботаники и натуральной истории"[40].

Советские исследователи, указывая на деятельность Академии наук в постановке задач широкого освоения естественных богатств Севера и Востока страны, отмечают, что предложения, разработанные учеными в 70-е гг. и изложенные в "Проектах", не были осуществлены в XVIII в.[41]

Однако следует, по-видимому, признать, что несмотря на то, что в последней четверти века собственно академические экспедиции в целях дальнейшего освоения Северо-Востока не состоялись, Академия наук тем не менее предпринимала шаги по исследованию региона. Об этом свидетельствуют научные задачи экспедиции 1785—1794 гг., представленные "Инструкцией" Палласа и специальным разделом 11-го пункта "Наставлений" Адмиралтейств-коллегии.

К концу XVIII столетия относится окончательное включение в сферу государственной политики России северо-западных и северных берегов Америки. Торгово-промышленные экспедиции, отдельные плавания на Алеутские острова и в Северную Америку XVIII в. завершились появлением там постоянных поселений, а в 1799 г. и созданием Российско-Американской компании. Одновременно возникла необходимость отправки кораблей в Охотск и на Камчатку, к берегам восточной Сибири и Русской Америки с продовольствием, различными товарами; встал вопрос об охране этих районов, отыскании путей дальнейшего развития в них промыслов и новых рынков сбыта продуктов зверобойного промысла.

В этих условиях было положено начало русским плаваниям по маршруту Кронштадт — Атлантический океан — мыс Горн — Тихий океан — Индийский океан — мыс Доброй Надежды — Атлантический океан — Кронштадт. Путешествия использовались Академией наук в интересах развития науки.

В.Ф. Гнучева писала об "Инструкции для предполагаемого путешествия около света по части минералогии и в отношении феории земли" академика В.М. Севергина и "Инструкции по части зоологической для предполагаемого путешествия около света" академика А.Ф. Севастьянова[42]. В.В. Невский пишет, что в разработке инструкций для экспедиции от Академии наук кроме Севергина[43] и Севастьянова принял участие профессор Т.А. Смеловский (автор инструкции по ботанике)[44]. Анализ текста одной из инструкций, разработанной в Академии наук в период подготовки экспедиции И.Ф. Крузенштерна — Ю.Ф. Лисянского 1803—1806 гг., проведен В.А. Есаковым. Отметив "большую науч-

ную ценность“ документа, составленного Севергиным, ученый показал характер, уровень научных задач предстоящих исследований в области геологии и физической географии. Из состава инструкции Есаков выделил три части (раздела): “Исторические сведения“, “Наблюдения на морях“, “Наблюдения при берегах морей“. Путешественники должны были, пишет ученый, изучать моря (глубина, морские течения на глубинах и поверхности, рельеф и характер дна, состав морской воды, ее температура и соленость на различных глубинах), заливы, проливы, приливно-отливные явления. Предусматривалось, отмечает Есаков, исследование морских побережий (очертания, происходящие перемены), характера и природы отложений, различных форм рельефа, почвы, воды рек и озер, географического положения гор, оледенения, распространения растительности, пещер, геологических слоев, их происхождения, руд, окаменелостей, вулканических явлений[45]. Касаясь вопроса о научных задачах плавания, В.М. Пасецкий привлек документ, утвержденный 10 июля 1803 г. императором Александром I, — “Инструкцию, данную действительному камергеру Резанову“, составленную министром коммерции Н.П. Румянцевым (опубликована в кн.: “Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел“. Серия 1: М., 1960. Т. 1. С. 491—497). Анализ текста позволил исследователю определить характер предполагаемых естественно-научных исследований. Среди задач плавания Пасецкий называет описание посещенных мест, этнографические и метеорологические наблюдения, составление разнообразных коллекций, зарисовки костюмов и видов, изучение болезней и способов их лечения[46].

Авторы ряда работ неизменно обращаются к теме о роли отечественной Академии наук в проведении первого русского кругосветного плавания. Исследователи (В.Ф. Гнучева, В.В. Невский, В.С. Лупач, Г.С. Тихомиров, Н.Г. Сухова, В.А. Есаков, В.М. Пасецкий) отмечают участие ученых в разработке задач плавания. Анализ текста инструкции Севергина позволил Есакову на конкретном документальном материале показать комплекс задач, поставленных Академией перед путешественниками в области изучения геологии и физической географии.

Попытаемся еще раз вернуться к документам, непосредственно отражающим работу Академии наук в проведении первого кругосветного мореплавания. В Центральном государственном архиве древних актов хранится дело об отправлении из Петербурга морем в Восточный океан экспедиции под командованием Крузенштерна и Лисянского. На одном

из его листов находим запись: "Инструкции для ученых — препровождение к Резанову от Академии наук трех инструкций для ученых, какие имеют с ним отправиться". Далее следует текст, который дает возможность датировать два документа, подготовленных в период организации плавания — инструкцию Севергина и наставление по ботанике Смеловского — маем 1803 г. Кроме этого названа, но не датирована инструкция по зоологии Севастьянова[47]. Последний документ хранится в СПбО АРАН. Сверху на первом листе помета: "Présenté à la Conférence le 22 mai 1803", позволяющая установить дату представления инструкции Севастьянова в Конференцию. Документ состоит из двух частей: "Общей" и "Частных примечаний". Первым пунктом инструкции путешественникам предлагалось изучать характер местных жителей, нравы, обычаи, языки, пищу, лекарства, способы лечения различных заболеваний. В качестве объектов наблюдений названы атмосферные явления (смерчи; следовало фиксировать данные барометра) и явления магнетизма ("примечать склонение и наклонение магнитной стрелки", наблюдать северное и южное полярные сияния), моря (исследование приливов, отливов, морских течений, солености морской воды на разных глубинах), ископаемые животные ("естествоиспытатель и на ископаемые остатки животных, в недрах земных погребенных, должен обращать величайшее внимание"), морские раковины. Севастьянов перечислил и различные формы работ во время путешествия: наблюдения, естественные сборы (флора, фауна суши и моря), сборы этнографических коллекций (одежда, оружие, украшения), составление "росписей" (с указанием времени и места естественных сборов), зарисовки (растения, животные, одежда, оружие, украшения, "торжественные народные обряды", обрядовая одежда). Вторая часть инструкции содержит описания животного мира по отдельным областям (Канарские острова, о. Ява, Япония и др.)[48].

В этом же деле хранятся рукописный и машинописный тексты инструкции Севергина[49], основное содержание которой передано Есаковым. Можно лишь дополнить перечень разделов документа, чтобы подчеркнуть разнообразие задач, поставленных Академией перед исследователями. Инструкцией предусматривались "наблюдения над реками", "наблюдения на ровных местах", "наблюдения над кругляками", "наблюдения над горами вообще", "наблюдения над слоями земли и гор", "наблюдения в долинах", "о горах первородных", "о горах второго происхождения", "о рудных телах в недрах гор находящихся", "о огнедышащих горах", "о землетрясениях", "о рудных горах". В начале текста после

"Общей части" помещен раздел "Исторические сведения", в котором сформулирована направленность возможных наблюдений по истории Земли и населяющих ее народов. Ученых интересовали этапы заселения отдельных регионов ("каким вероятным порядком оные (земли. — *Д.Ш.*) постоянно населяемы были?"); существует ли связь между заселением отдельных земель и "постепенным удалением вод"; изменения материковой части суши (какие, и "есть ли тому доказательства, что холодные страны были прежде сего жарки и обратно?") и водных бассейнов; "какие перемены претерпели различные племена людей и роды животных, и справедливо ли, что некоторые из них совсем вымерли?" время и продолжительность наводнений.

Текст наставления по ботанике Смеловского, датированный маем 1803 г., найти не удалось. Обнаружена копия "Краткого наставления путешественнику по части ботанической" от 27 марта 1805 г. за подписью этого ученого[50]. Судя по упоминанию в "Protocoles de la Conférence de l'Académie Impériale des Sciences pour 1805" дата (27 марта 1805 г.) — время представления документа в Конференцию Академии в связи с подготовкой посольства в Китай[51]. Текст "Выписки из журнала ученого Академического собрания" от 20 марта 1805 г. свидетельствует, что инструкции, разработанные в Академии наук для первого кругосветного плавания, были впоследствии использованы при подготовке предполагаемого путешествия в Китай. При этом ученым "препоручено было взять свои записки и сделать в них приличные перемены и пополнения"[52]. Кроме того, изучение "Наставления" позволяет оценить научные задачи в области ботаники, поставленные Академией наук перед участниками кругосветного плавания 1803—1806 гг. Смеловский предлагал подходить к изучению мира растений "с четырех сторон: со стороны философической, экономической, диететической и врачебной". Первая, по его мнению, заключала родовое определение растений, характеристику мест (регионов) и почв их произрастания, описание времени цветения и климата ("от чего происходит та величайшая выгода, что европейцы научились воспитывать вовсе неевропейские растения"), установление времени появления первых листьев и листопада ("из чего заключить можно о лете страны той"). Следовало замечать растения, плодоносящие два раза в год, а также характерные для той или иной страны; фиксировать в каждой из посещенных стран названия растений, используемых местным населением. С "экономической" точки зрения предлагалось изучать земледелие, "коим жители каждого государства занимаются". С особым вниманием путешественни-

ки должны были наблюдать за всем, что связано с выращиванием хлебных растений (орудия пахоты и сева, время и способы сбора урожая, сорные травы и способы их истребления, "положение мест, на коих родятся в большом количестве хлебные растения"). Смеловский советовал фиксировать, какие растения используются для получения красок ("должно заметить каким цветом красят, из каких именно частей растения и в какую пору возраста его и каким образом добиваются и приготовляется таковая краска?"), масла ("способ добывания", "употребление оного и хранение"), для изготовления одежды, обуви и других вещей ("из какой части и какого именно растения, каким образом оне приготовлены и служат ли оне для необходимости или роскоши"). Следовало интересоваться и условиями ухода за виноградом, хмелем, оливковыми и фисташковыми деревьями, табаком.

В разделе "Рассматривание растений со стороны диетической" путешественникам рекомендовалось наблюдать "все, что касается до пищи и пития", "разные способы приготовлять в пищу и напитки хлебные и другие питательные растения" (в том числе плоды и "кухонные травы"). Заключительным разделом инструкции предписывалось "рассматривание растений со стороны врачебной"[53].

Следовательно, накануне отправления первого русского кругосветного путешествия были разработаны, обсуждены в Конференции инструкции, содержащие задачи работ экспедиции в области ботаники, зоологии, минералогии и "теории Земли". Отметим также, что названия документов не отражают многообразия комплекса предполагаемых исследований. Анализ "Инструкции по части зоологической" Севастьянова свидетельствует, что ученым предусматривались изучение народов различных стран, исследование атмосферных явлений и явлений магнетизма, ископаемых животных и морских раковин. Автор документа "по части минералогии и в отношении теории Земли" значительное место отводил разысканиям о заселении стран, об изменениях, которые могли иметь место в истории различных племен, развитии животного мира.

Инструкциями Севергина, Севастьянова, Смеловского представлены обширные задачи научных исследований, разработанные Академией наук для экспедиции Крузенштерна — Лисянского. Перед путешественниками были поставлены разнообразные вопросы, касающиеся изучения Мирового океана, суши, животного и растительного мира, атмосферы Земли, народов, населяющих различные страны мира.

В 1805 г. в Китай отправилось русское посольство во главе с Ю.А. Головкиным. По инициативе министра иностранных

дел Адама Ежи Чарторыйского было решено сформировать отряд из ученых Академии наук (Ф.И. Шуберт, М.И. Адамс, И.И. Редовский, Г.-Ю. Клапрот). Посольство не состоялось. Однако обратим внимание на материалы, подготовленные Академией наук. Рассмотрение их представляется целесообразным, так как выявляет историю серии документов, разработанных учеными для ряда экспедиций (в том числе предшествующих и последующих). В книге "Экспедиции Академии наук XVIII—XIX вв." В.Ф. Гнучева упоминала об инструкции "для путешествия в Китай". Ею названы "Fragen ueber den staatswirtschaftlichen Lustand von China" (инструкция за подписью академика А.К. Шторха); "Инструкция отправляющемуся в Китай по минералогической части" (составленная академиком Севергиным) и "Инструкция отправляющемуся в Китай натуралисту по части зоологической" (разработанная академиком Севастьяновым).

Ряд материалов свидетельствует о том, что в период подготовки экспедиции в Академии наук был разработан еще один документ — "Наставление по ботанической части". В "Протоколах Конференции" за 1805 г. найдена запись от 27 марта (§ 154): экстраординарный академик Смеловский представил "Краткое наставление путешественнику по части ботанической"[54]. В выписке из журнала ученого академического собрания от 4 июня 1806 г., на котором было зачитано письмо Редовского из Иркутска от 18 апреля, сообщается, что он "снабжен уже инструкциею для ботанической части"[55]. Наконец, найдена копия "Краткого наставления", датированная 27 марта 1805 г. и подписанная Тимофеем Смеловским[56]. Содержание документа подтверждает его предназначение как инструкции для участников первого кругосветного путешествия, так и для отряда ученых, отправлявшегося с посольством в Китай. Отмечая, что в Европе, несмотря на все усилия "по сие время не могли развести в большом количестве чайных деревец", автор инструкции писал, что было бы "весьма любопытно и нужно узнать любимую растением сим почву и положение ее, способ, время и приемы, кои китайцы соблюдают во время собирания и приготовления различных пород чаю". Особо отмечалось искусство китайцев и других азиатских народов в применении растений в качестве лекарственных средств. Путешественник должен был обращать внимание, "какою частью и какого именно растения они пользуют больных" (используются ли корни, кора ли деревьев, трава, цветы, плоды, соки, смолы); на время, в которое осуществляются растительные сборы; способы приготовления различных лекарств ("сушат ли, выжимают ли сок или отделяют масло, или свежую

употребляют и притом делают ли наливку, или взвар, или приготовляют экстракт?“); их употребление (в порошках, “пилюлях“ либо микстурах, время и дозы приема лекарств). Кроме того, нужно было заметить, не примешивают ли к лекарствам из растений добавки, полученные из животных организмов; “в употреблении ли там песчаные, парные, навозные и другого рода бани и в каких наипаче болезнях“; используется ли в лечебных целях ревень (“расположение и породы оного, почву и сбережение“). Ботанику рекомендовалось делать сборы лекарственных растений, составлять их подробное описание.

24 апреля 1805 г. в Конференцию была представлена “Инструкция отправляющемуся в Китай натуралисту по части зоологической“[57]. В ее составе можно различить перечень задач исследования, описание способов приготовления животных к отправке, роспись животных Китая. Сюда же, по-видимому, относится и роспись “животных, водящихся в тех российских губерниях, через которые лежит путь в Китай и кои для Музея Академии наук наипаче нужны“[58]. Отметим, что текст названной инструкции начинается словами о необходимости работ также и по пути следования экспедиции, на “обширной части Российского государства“. Натуралист должен составлять перечень животных, особенно тех, “в коих наипаче имеет нужду Музей Академии наук“, делать сборы антропологического материала, “монстров“ (ископаемых животных) при этом “замечать нужно почву и глубину, в которых найдены“. Следовало изучать животных, рыб, ракообразных, морские раковины, домашний скот (“обиход и пользу от оного ими получаемую; такие скотские болезни и способы их лечения“) и др.

Таким образом, во время подготовки экспедиции в Академии наук был разработан комплекс разнообразных документов, проведены заседания, на которых был определен основной круг задач по исследованию животного мира, растительности (в том числе в плане выявления возможностей использования их в медицине)[59]. Ученые должны были также проводить астрономические наблюдения, собирать “редкости“, изготавливать чучела животных, приобретать сочинения различных авторов[60].

Особенностью документов, предложенных Академией наук отряду, отправлявшемуся с посольством в Китай, является их появление в связи с первым кругосветным путешествием 1803—1806 гг., поэтому иногда они лишь дополнены материалом о Китае. Кроме того, эти же инструкции были использованы и при последующих экспедициях после того, как посольство не состоялось. По этой причине тексты,

учитывая процесс их разработки, предназначение, рассматриваются в нескольких разделах данной работы.

Одной из последующих экспедиций было путешествие М.И. Адамса в устье Лены в 1806—1807 гг. В Центральном государственном историческом архиве сохранились материалы переписки, позволяющие уточнить некоторые моменты начала этой экспедиции на Северо-Восток. На вопрос Министерства народного просвещения "От Академии ли Адамс посылан был для путешествия или сам собою предпринял оное?" непременный секретарь Академии наук отвечал: Конференция "назначила" Адамса в путешествие с посольством в Китай; "после сего, когда посольству надлежало возвратиться в Санктпетербург, граф Головкин предложил г. Адамсу объехать вдоль по Яблонному хребту до Охотска и Шантарских островов". Далее из Академии сообщили, что Головкин вскоре отменил свое решение и "послал г. Адамса в Якутск"[61]. Получив здесь известие о находке мамонта, М.И. Адамс обратился с письмом к президенту Академии наук, "препроводив к его превосходительству рисунок и описание мамонта, доставленные ему главою якутского купечества Поповым"[62]. Издатель "Сибирского вестника" Г. Спасский, публикуя материал из "Путешествия" М.И. Адамса, комментировал: письмо натуралиста к президенту Академии Н.Н. Новосильцеву было зачитано в заседании 3 сентября 1806 г.[63] Конференция одобрила решение М.И. Адамса поехать в район, где был найден мамонт, и преобрести его для Академии[64]. Так формировалась одна из задач экспедиции. Кроме того, перед естествоиспытателем стояли вопросы изучения берегов Лены, побережья Ледовитого океана, сбора коллекций "по трем царствам природы"[65] (минералогия и геология, ботаника, зоология).

В эти же годы состоялась экспедиция И.И. Редовского, которая рассматривается в существующей литературе преимущественно, как ботаническая[66]. Гнучева упомянула документы, разработанные Академией наук для упомянутого путешествия: "Инструкция императорской Академии наук землемеру И. Кожевину" (за подписью непременного секретаря Н.И. Фуса; составлена академиком Шубертом); "Инструкция по зоологии Камчатки" (составлена академиком Севастьяновым); "Краткое наставление путешественнику по части ботанической" (составлено академиком Смеловским); "Projet d'Instruction pour la géographie".

Рассмотрим некоторые материалы, относящиеся к подготовке путешествия. В июне 1806 г. в Собрании Академии наук было зачитано письмо Редовского из Иркутска от

18 апреля. Путешественник предлагал совершить экспедицию по маршруту: Камчатка — Курильские, Шантарские острова — о. Сахалин[68]. Одновременно он обратился к ученым с просьбой составить для предстоящей экспедиции инструкции. В Собрании было решено, что "по примеру того, как снабжен уже он инструкциею для ботанической части[69], господа академики Севергин и Севастьянов займутся составлением ему инструкций и для обоих других царств природы"[70].

Выше упоминалось, что Редовский еще во время подготовки посольства был снабжен инструкцией, разработанной академиком Смеловским и содержавшей основные задачи путешествия в области изучения ботаники. 2 июля 1806 г. Смеловский обратился в Конференцию с просьбой отослать Редовскому дополнение к составленной им инструкции — "Роспись сибирских и камчатских растений, произвольно растущих"[71].

18 июня 1806 г. в Конференции состоялось "Представление" от академика Севастьянова: "Имею честь препроводить в Ученое Собрание две инструкции, кои сочинены мною по препоручению" Академии для прежних путешественников и которыми может руководствоваться г. адъюнкт Редовский в своем путешествии". Инструкция Севастьянова, разработанная для экспедиции Редовского, состоит фактически из ряда документов: "Наставления для путешествующего по Камчатке", "Росписи всем достопамятным сибирским животным", раздела "Об орудиях нужных зоологу", "Примечания о Курильских и Алеутских островах". Кроме того, Севастьянов составил специальный перечень книг, необходимых, по его мнению, Редовскому. Упоминая о заслугах Г.В. Стеллера и С.П. Крашенинникова в изучении Камчатки, Севастьянов следующим образом определял дальнейшие задачи в исследовании региона: "С точностью и в систематическом порядке описать всех водящихся в Камчатке животных, особливо породы тюленей и рыб, коих описание всех прочих темнее", а также пытаться установить "специфические признаки" лисиц, соболей, песцов, зайцев, ласки, медведей, волков, оленей и других животных, обитающих на полуострове[72].

Ряд документов свидетельствует о постепенном расширении круга задач экспедиции. Академик Ф.И. Шуберт (первоначально прикомандированный к посольству в Китай) написал "Инструкцию императорской Академии наук землемеру Кожевину". Документом предписывалось проведение астрономических наблюдений ("ежели Юпитер находится будет довольно высоко на горизонте, то должно тщательно

наблюдать затмение его спутников“; “при всех высотах солнечных и лунных не забыть заметить в журнале верхний или нижний край наблюдения“; “по совершении наблюдения полуденных высот Солнца надлежит измерить поперечник Солнца“), определение широт и долгот посещенных мест, наблюдение за погодой и “состоянием воздуха“[73].

Особого внимания заслуживают “Записки“, составленные самим Редовским. Анализ их позволяет заключить следующее. Начиная с конца мая 1806 г. и на всем протяжении путешествия исследователь составлял своеобразные анкеты в форме “Записок“, которые были им отправлены в Верхоленск, Киренск, Олекму, Якутск, Амгу, Охотск, Гижигинск. В них он просил сообщить данные об административном устройстве областей, о городах (история возникновения, застройка, население и его занятия, пища), сельских поселениях (и их жителях), коренном населении (роды, “число душ“, в том числе “ясашные“; занятия). Автора “Записок“ интересовали сведения о природных богатствах края (минералы, источники, звери, птицы, рыбы), о “рудных и слюдяных приисках“, возможностях судоходства, состоянии хлебопашества и др.[74] Материалы “Записок“ свидетельствуют о том, что перед экспедицией была поставлена также задача собрать сведения по истории и географии края, его экономическом и социальном развитии, административном делении.

Следовательно, участники путешествия должны были заниматься комплексом различных вопросов, касающихся описания и систематизации растительного и животного мира, проведения метеорологических и астрономических наблюдений, а также изучения политико-административного и социально-экономического состояния ряда областей Северо-Востока Азии.

В 1820—1824 гг. по северным берегам Сибири и Ледовитому океану состоялась экспедиция Ф.П. Врангеля и П.Ф. Анжу.

Любопытны наблюдения В.М. Пасецкого об организации путешествия, о роли Дерптского университета в его подготовке, отметившего, что Ф.П. Врангель в течение нескольких недель обучался в университете, что профессор Е.И. Паррот “пытался включить в программу исследований экспедиции Ф.П. Врангеля проведение астрономических и барометрических наблюдений, а также работ по химическому (солевому) анализу полярного льда, но встретил отказ со стороны морского ведомства, которое считало, что физические исследования могут помешать выполнению главного поручения — отысканию Северной Земли“[75]. Изучение ма-

териалов экспедиции было продолжено Пасецким в работе, посвященной Ф.П. Врангелю. Отмечая участие В.М. Головнина и Г.А. Сарычева в разработке планов экспедиции, ученый пишет: "По настоянию Паррота и Струве при содействии Головнина Колымской экспедиции (отряд во главе с Ф.П. Врангелем. — *Д.Ш.*) было поручено выполнение широких научных наблюдений", в том числе астрономических, физических, барометрических, наблюдений за температурой и северными сияниями. Академик Паррот, замечает В.М. Пасецкий, разработал направления исследования полярных сияний[76].

Значительное внимание ученые уделили выявлению документов, определивших задачи работ участников экспедиции. Среди них названы: "Проект предложения в коллегию" и "Записка о средствах для открытия земель, против северного берега Сибири лежащих" Головнина (В.М. Пасецкий), "План, как производить опись земли, лежащих на Ледовитом море к северу против устьев рек Яны и Колымы" Сарычева (Н.Г. Сухова, В.М. Пасецкий), "Инструкции" Адмиралтейства (М.И. Белов, И.Л. Перваков, М.Б. Черненко). Кроме того, упомянуты специальное задание по естественно-историческим исследованиям (Г.В. Наумов) и программа наблюдений полярных сияний, составленная Парротом (В.М. Пасецкий).

Обратимся к архивным документам и публикациям, позволяющим дополнить, конкретизировать представления об экспедиции Врангеля — Анжу в части, касающейся деятельности Академии наук.

В января 1820 г. состоялись: записка Паррота на имя ректора Дерптского университета, отношение попечителя Дерптского учебного округа графа К. Ливена в Министерство духовных дел и народного просвещения, депеша из департамента народного просвещения морскому министру[77]. Суть их сводилась к предложению Дерптского университета использовать готовящуюся экспедицию для выполнения ряда научных задач в интересах дальнейшего изучения физики Земли. Инициатором предложения был Паррот, член-корреспондент Академии наук с декабря 1811 г. (впоследствии, с апреля 1826 г. — ординарный академик по прикладной математике), руководитель кафедры физики Дерптского университета.

5 февраля 1820 г. в общем присутствии Адмиралтейского департамента рассматривался вопрос об использовании экспедиции Врангеля—Анжу в целях исследования "физического состояния тех северных стран"[78]. Интересна выписка из представления Адмиралтейского департамента морскому ми-

нистру от 9 февраля 1820 г., текст которой свидетельствует о согласии Адмиралтейства принять предложение Дерптского университета и решении "просить университет, дабы он снабдил наблюдателей с своей стороны потребными для них наставлениями"[79]. Кроме того, Адмиралтейский департамент поручил своему почетному члену, действительному статскому советнику Шуберту "войти в дальнейшие сношения с Дерптским университетом относительно предполагаемых оным опытов и наблюдений, кои желательно было бы поручить экспедиции, отправляемой в Ледовитое море"[80], что позволяет считать основной целью занятий Врангеля в Дерптском университете приобретение практических навыков для проведения в будущем астрономических и физических исследований. Ученые обсуждали вопросы о величине и числе приборов, необходимых для работы экспедиции (учитывая, что путешествия по Ледовитому океану будут проводиться на собаках), об условиях наблюдений "о образовании, естестве и содержании соли во льду" и опытов с маятником.

Выше отмечалось, что во время подготовки экспедиции был разработан ряд документов, определявших задачи предстоящих исследований. Рассмотрим некоторые разделы инструкций, составленных в Адмиралтейском департаменте для Врангеля и Анжу. Помимо задач по описанию побережья Ледовитого океана от Яны до Шелагского мыса и прибрежных островов, открытия новых земель, отряды должны были выполнить ряд научных исследований. Инструкциями предусматривались наблюдения физические, астрономические, барометрические, температурные, определение широт и долгот ряда пунктов; особо подчеркивалась необходимость фиксировать перемены погоды во время северных сияний. Документами предусматривался также сбор сведений о реках, впадающих в Ледовитый океан; о Ледовитом океане, времени его замерзания, вскрытия, установлении возможности и способов передвижения по нему.

Можно предположить, что часть программы научных исследований, предложенной Дерптским университетом, и, по-видимому, согласованной с Шубертом, была учтена при разработке инструкций Адмиралтейского департамента. Инициатива в написании научной части программы деятельности экспедиции Врангеля — Анжу принадлежала члену-корреспонденту Академии наук Парроту, в то время возглавлявшему кафедру физики в Дерптском университете. По рекомендации Адмиралтейского департамента принял участие в организации экспедиции ординарный академик математики и астрономии Шуберт.

Как известно, в 1823—1826 гг. состоялось кругосветное путешествие О.Е. Коцебу. В серии "Классики науки" в 1950 г. Академией наук были изданы "Избранные труды" Э.Х. Ленца, сопровождавшиеся статьями К.К. Баумгарта, Л.С. Берга и Т.П. Кравца. Раскрывая основные моменты жизни и деятельности Э.Х. Ленца, значение его работ в области физической географии, К.К. Баумгарт и Л.С. Берг обратили внимание на роль профессора Дерптского университета Паррота в организации плавания О.Е. Коцебу. Они подчеркнули, что ученый был автором инструкции для океанографических, метеорологических и геофизических наблюдений, а также участвовал в изготовлении приборов для предполагаемых исследований.

Привлечение материалов "Путешествий..." О.Е. Коцебу и других документов позволили О.А. Лежневой и Б.Н. Ржонсницкому несколько расширить представления о ходе подготовки экспедиции 1823—1826 гг. Исследователи пишут об участии в организации путешествия профессоров Дерптского университета Паррота, Энгельгардта и Струве.

Для экспедиционной группы Э.Х. Ленца и Э.К. Гофмана были подготовлены специальные документы, определявшие направления научных исследований. Круг задач предстоящих работ позволяют установить материалы — "Инструкция относительно физических опытов и наблюдений во время научной экспедиции, возглавляемой господином капитаном фон Коцебу", составленная Парротом,[82] и «Донесения от ученых, бывших в путешествии на шлюпе "Предприятие", поданные 2 августа 1826 года»[83]. Одновременно "Донесения" дают возможность уточнить распределение отдельных задач между членами отряда.

Текст "Инструкции" отражал специфику экспедиции как кругосветного плавания; ее автор учитывал возможность разнообразных наблюдений в Мировом океане и на суше. На море предполагались наблюдения за его температурой, плотностью на разных глубинах, сборы и доставка ее в Дерпт для определения содержащихся в ней солей. Оговаривалась важность определения упругости морской воды, "на основании которых можно найти путем расчета закон сжатия при каждом данном давлении". Документом планировались исследования влияния давления (по мере погружения на различные глубины моря) на твердые, мягкие, упругие тела. Для этой серии опытов предлагалось использование свинца, олова, фосфора, воска, сала. Кроме того, Паррот предлагал воспользоваться давлением в океане, чтобы изучить возможные взаимодействия между различными химическими элементами (кислород и водород, кислород и азот, водород и

азот, кислород и ртуть, кислород и сера), а также между атмосферным воздухом и амальгамой ("значительно ли окислится амальгама"), кислородом и дистиллированной водой ("будет ли получаться окислороженная вода"), маслом и кислородом (будет ли изменяться масло при этих условиях"), углекислой известью и водой ("повышает ли большое давление растворимость извести"), для наблюдений над почти насыщенным раствором поваренной соли ("вызовет ли большое давление кристаллизацию соли"). Помимо исследований на морских глубинах следовало измерять температуру и удельный вес морской воды на поверхности.

Обязательность барометрических наблюдений предусматривалась лишь для районов, прилегающих к экватору, а также "в случае особого состояния атмосферы". Физик экспедиции должен был исследовать влажность воздуха, вести журнал наблюдений за грозами и сопутствующими им явлениями, собирать у жителей островов сведения о них, замечать направление вращения смерчей, проводить изучение состава атмосферы в районе морей. Вторая часть "Инструкции" содержит научные задачи для работ на суше. Большое значение Паррот придавал проведению опытов с маятником, служащих основой для определения формы Земли, а также для нахождения вулканических пустот. Последняя серия опытов, по словам Паррота, имела "большую важность для физики Земли". С помощью барометра необходимо было провести измерение горных высот и границ вечных снегов (преимущественно на вулканических горах Камчатки и на Алеутских островах). Документом предписывалось измерение температуры источников в местах их выхода из-под земли. В районе Берингова пролива объектом исследования должен был стать полярный лед (структура, залегание пластов, содержание морской соли), выяснение его происхождения. Образцы этого льда рекомендовалось расплавить и в двадцати бутылках привезти в Европу. В районах Крайнего Севера физику и астроному экспедиции рекомендовалось наблюдать и изучать северное сияние.

Текст "Инструкции" свидетельствует о том, что к началу экспедиции 1823—1826 гг. Парротом был разработан план обширного комплекса работ, включавший наблюдения околоземной атмосферы (химический состав, влажность), атмосферных явлений (грозы, смерчи, северные сияния), поверхности земли (горы, вечные снега, источники, полярный лед), Мирового океана (химический состав морской воды, температура, плотность и удельный вес). Интересно отметить, что Паррот предлагал использовать океан как естест-

венную лабораторию для изучения сжатия тел различной плотности, процессов окисления, кристаллизации и растворимости веществ в условиях высокого давления. Предполагалось проведение сборов морской воды, полярного льда для будущих исследований в лабораторных условиях различных научных центров. Автор документа значительное место отводил работам экспедиции на северо-востоке Азии по изучению формы и физики Земли, горных высот, границ распространения вечных снегов, происхождения полярного льда, северных сияний.

Выполнение намеченных работ было распределено между членами научного отряда экспедиции следующим образом. Как свидетельствуют "Донесения", астроном Прейс должен был проводить опыты с маятником для определения постепенного сжатия земли, а также определять широту и долготу различных мест. Физику экспедиции Ленцу предписывалось проведение опытов с маятником, исследование океана и атмосферы, барометрические и магнитные наблюдения, изучение влияния давления на химические соединения. «Обязанность минералога на шлюпе "Предприятие" — писал Гофман, — состояла преимущественно в делании геогностических наблюдений»[84]. Анализ текстов "Донесений" позволяет заключить, что направленность исследований определялась, главным образом, инструкцией Паррота.

Организация экспедиции 1823—1826 гг., как и путешествия Врангеля—Анжу, свидетельствовала о том, что у Академии наук появились новые возможности пополнять свой состав, учитывая развитие отечественных научных центров, одним из которых являлся Дерптский университет. В университете была составлена инструкция о научных исследованиях экспедиции, подготовлены приборы для проведения опытов. Студенты и профессор Дерптского университета составили научный отряд экспедиции.

Через месяц после возвращения в Кронштадт шлюпа "Предприятие" (экспедиция Коцебу) порт оставили суда "Мюллер" и "Сенявин" под командой М.Н. Станюковича и Ф.П. Литке. Кругосветное плавание 1826—1829 гг. не являлось академической экспедицией.

Однако еще в 1940 г. В.Ф. Гнучева обратила внимание на некоторые факты, позволяющие говорить о причастности Академии к подготовке этой экспедиции и обработке результатов ее деятельности. Отмечая ведущую роль Морского министерства в организации плавания, В.Ф. Гнучева писала об инициативе Академии наук в вопросе об отправлении в экспедицию специалиста-естественника, в связи с чем по

рекомендации К.А. Триниуса был послан адъюнкт ботаники К.Г. Мертенс.

Годом позже Н. Нозиков писал, что Академией наук для естественно-исторических исследований на "Сенявине" была послана специальная научная экспедиция в составе К.Г. Мертенса, А.Ф. Постельса, Г. Киттлица и др.[85]

Значительно расширил представление о научных работах экспедиции 1826—1829 гг. А.И. Алексеев. В 1970 г. он опубликовал монографию о Ф.П. Литке. В результате исследования новых архивных документов ученый обратил внимание на предписание Сарычева, оформленное на имя Литке, и текст инструкции Н.П. Щеглова, предназначавшейся натуралистам экспедиции. Алексеев отмечал, что Сарычев рекомендовал Литке провести магнитные наблюдения и наблюдения над маятником, для чего советовал приобрести необходимые приборы в Англии. В инструкции Щеглова имелись сведения об участии в экспедиции доктора Мертенса, кандидата Петербургского университета натуралиста А.Ф. Постельса и художника-орнитолога Г. Киттлица, а также задачи работ по зоологии, ботанике, минералогии, геогнозии[86].

В одном из дел архива Канцелярии Академии наук удалось обнаружить сообщение о заседании 15 марта 1826 г. Академик Триниус внес предложение воспользоваться готовящейся экспедицией "вокруг света" в интересах "обогащения наук и своего музея естественной истории", для чего послать от Академии "естествоиспытателя и рисовальщика". Кроме того, ученый принял на себя обязанность "отыскать лиц, кои сделают Академии честь"[87]. "Рапорт" Триниуса и "Представление" Конференции от 26 марта 1826 г., одобрившей предложение академика, легли в основу документа, составленного 7 апреля президентом Академии наук и направленного министру народного просвещения[88]. 15 июня состоялось "предписание" Конференции, согласно которому "с отправляемою ныне экспедициею назначен был со стороны Академии в звании естествоиспытателя доктор Мертенс"[89]. Как отмечает Алексеев, круг работ экспедиции 1826—1829 гг. по натуральной истории был определен инструкцией почетного члена Морского ученого комитета надворного советника Н.П. Щеглова[90].

Из вышеизложенных материалов следует, что интересы Академии наук в связи с готовящимся плаванием были вызваны с возможными исследованиями в области естествознания. Документом, определявшим задачи экспедиции в этом направлении, является инструкция, составленная Щегловым, датированная 29 июля 1826 г. Ее полное название —

«Инструкция натуралистам, отправляющимся на транспортах "Моллер" и "Сенявин", назначенных для описания северо-западных берегов Америки и северо-восточных берегов Азии под командою капитан-лейтенантов Станюковича и Литке». Естественно предположить причастность Академии наук к появлению этого документа, хотя прямых свидетельств этому пока не найдено. Во вступительной части инструкции дано определение естественной (натуральной) истории как отрасли знаний, включающей зоологию, ботанику, минералогию, геогнозию. В соответствии с этим и были сгруппированы в документе научные задачи экспедиции. Текст инструкции отражает особенность экспедиции 1826—1829 гг. как кругосветного плавания, в связи с чем задачи по исследованию северо-востока Азии изложены в числе предполагаемых наблюдений в экваториальных странах, в Южной и Северной Америке. Первый раздел документа включает перечень предстоящих работ по зоологии. Предусматривались ведение специальных журналов наблюдений за животными и птицами с указанием мест обитания, их отлов, изготовление чучел, рисунков. Касаясь вопросов изучения Северо-Восточной Азии, автор инструкции писал о необходимости исследовать кроме пушных зверей, добываемых промышленниками, тюленей, морских коров, моржей. Особо оговаривалось внимание к Stellerus borealis. Объектом пристального внимания натуралистов должны были стать птицы, водящиеся на островах и материковой части северо-востока Азии и Северо-Западной Америки как "наименее доселе исследованные", а также рыбы этих регионов.

Вторым разделом инструкции предусматривались работы по ботанике, при этом отмечалась неизученность Аляски, побережья Камчатки и островов между ними. Для описания растений, характеристики мест их произрастания рекомендовалось ведение специальных журналов. Предусматривались также работы по составлению гербариев, сбору живых растений, семян, образцов стволов сухих деревьев с корой, камедью (гумми) и смолами. Автор инструкции, отмечая неисследованность флоры Северо-Восточной Азии, Курильских и Шантарских островов, указывал, что предметом изучения в этих районах должны стать все встречающиеся растения, особенно рябина, камчатский рододендрон, вереск, береза, ольха, смородина, черника, сарана, водоросли. В районе северо-западного побережья Америки натуралистам предписывалось изучать сосну, дуб, смородину, малину, лавровые деревья, водоросли. Последний, третий раздел документа содержал задание по минералогии и геогнозии. Ученые должны были собирать образцы горных пород "с

описанием положения, простирания, толстоты, изгибов, их взаимного наложения", минералов, окаменелостей; доставить абрис (сделанные от руки чертежи) вертикальных разрезов земной поверхности; собрать вещества, выделенные испарением из морской воды.

Интересно отметить, что в инструкции натуралистам экспедиции 1826—1829 гг. задачи научного плана (исследование флоры, фауны, выявление ареалов распространения животных и растений, пополнение музейных собраний) сочетались с задачами хозяйственного значения (выявление животных, используемых человеком, и фиксирование форм этого использования; сбор информации о промысловых животных, способах и времени промыслов).

Представляется, что результаты работ этой экспедиции были в значительной мере обусловлены задачами научных исследований, отражавшими интересы отечественной Академии наук. Исследования по натуральной истории были распределены следующим образом: работы по ботанике выполнялись Мертенсом, Постельсом и Киттлицем; по зоологии — Постельсом, Киттлицем и Мертенсом; по минералогии и геогнозии — Постельсом[91].

Таким образом, следует признать, что научные работы экспедиции 1826—1829 гг. были непосредственно связаны с деятельностью отечественной Академии наук.

Гнучева привлекла внимание исследователей к материалам экспедиции И.Г. Вознесенского 1839—1849 гг. Она писала о работе Академии в связи с подготовкой путешествия и публикацией некоторых данных о ее деятельности. Упомянув о заседании Конференции 12 апреля 1839 г. (рассматривалось предложение управляющего делами русских владений в Америке капитана Этолина о проведении регулярного исследования приливов), исследовательница отметила постановку перед Вознесенским задачи зоологических, ботанических, этнографических наблюдений, а также разработку специальных инструкций академиками Ф.Ф. Брандтом, Г.П. Бонгардом, Ф.Б. Фишером и Е.И. Шрадером[92].

К 100-летию экспедиции опубликовано сообщение М.В. Степановой "И.Г. Вознесенский и этнографическое изучение северо-запада Америки". Касаясь вопроса о научных целях путешествия, автор сообщает о задании Зоологического и Ботанического музеев Академии наук — собрать коллекции, которые бы позволили пополнить разрозненные собрания. Отмечая, что задачи в области этнографических разысканий (инструкция Этнографического музея и Кабинета искусственных вещей, составленная консерватором Академии Шрадером при участии Постельса) носили

характер "попутного поручения", Степанова пишет об исключительной роли самого Вознесенского в деле этнографического собирательства[93].

Новый материал, позволяющий значительно расширить, конкретизировать представление о задании Академии наук, связи И.Г. Вознесенского с научным центром во время путешествий представлен в статье Р.Г. Ляпуновой "Экспедиция И.Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки". Автор продолжила тему о работе Академии наук в период подготовки путешествия. Она отмечает факт представления в Конференцию 31 мая 1839 г. доклада академиков Брандта, Триниуса и Бонгарда об отправлении натуралиста в Русскую Америку для сбора зоологических и ботанических коллекций и о решении 2 августа о командировании Вознесенского. В качестве приложения автор опубликовала текст инструкции, разработанной в Академии наук специально для этнографических наблюдений. При этом она отмечает: "... в ней хорошо изложен план сбора предметов материальной культуры, но не учтена необходимость получения сведений, характеризующих культуру народов в целом"[94].

Наиболее полно экспедиция 1839—1849 гг. изучена А.И. Алексеевым в монографии "Илья Гаврилович Вознесенский", ставшей "первой научной биографией путешественника". Распространение влияния Российско-Американской компании к середине 30-х г. на всю северную часть бассейна Тихого океана (Северная Калифорния, Аляска, Алеутские острова, Камчатка, Курильские острова, побережье Охотского моря) ученый связывает с развитием в этом районе морских гидрографических работ, изучением флоры и фауны, полезных ископаемых. Замечая, что кратковременные наблюдения участников кругосветных и полукругосветных плаваний не позволили собрать материал, необходимый для широких научных обобщений, Алексеев пишет: "Не удивительно, что к концу 30-х годов в кругах русских ученых возникла мысль об организации академической экспедиции для изучения природы Русской Америки". Используя архивные материалы и публикацию Ляпуновой, Алексеев конкретизировал задание, полученное Вознесенским от Академии наук. Согласно инструкции по ботанике (составители Фишер и Бонгард), пишет исследователь, путешественнику предписывались растительные сборы в Российско-Американских владениях (каждого вида и в многочисленных экземплярах); оговаривалась неизученность растительного мира о. Ситхи и богатство флоры Калифорнии; высказывалось пожелание о сборах морских растений. Шрадер, отме-

чает Алексеев, писал о необходимости обращать внимание на одежду различных народов, материи, домашнюю утварь, произведения искусства, игрушки, музыкальные инструменты, приспособления для рыбной ловли, топоры, ножи, машины для прядения и ткачества, идолов, оружие, монеты, рукописи, ландкарты; собирать сведения о наименовании их (на родном и европейском языках), об их употреблении и ценности. Инструкция для зоологических наблюдений рассматривается ученым как своеобразный "итог всем научным наставлениям". Обязанности путешественника, сообщает Алексеев, определялись следующим образом: осуществлять сбор материалов, приобретать для Музея Академии наук животных и растения; обучать "способных в колонии людей собиранию, приготовлению и сохранению животных и растений"[95].

Таким образом, исследователи уделили большое внимание вопросу о деятельности Академии наук в связи с подготовкой экспедиции. Изучены, частично опубликованы документы, разработанные учеными и содержащие научные задачи путешествия; показана инициативная роль научного центра в организации экспедиции (Гнучева, Степанова, Ляпунова, Алексеев).

Одной из блестящих по научным результатам экспедиций отечественной Академии наук прошлого столетия является путешествие в Сибирь во главе с А.Ф. Миддендорфом в 1843—1845 гг.

Одним из наименее изученных в истории Сибирской экспедиции остается вопрос о ее организации, роли ученых Академии наук в подготовке путешествия, разработке и определении ее научных задач, плане проведения. Однако именно эта группа вопросов позволяет на конкретном материале показать связь экспедиции с деятельностью Академии наук, с теми научными проблемами, которые стояли перед отечественной наукой, а также познакомиться с рядом научных представлений того времени. Одной из первых работ, касающихся вопроса организации экспедиции 1842—1845 гг., была статья М. Райхенберга. Отметив, что в разработке задач ее деятельности приняли участие "академики Бэр, Ленц, Брандт и другие", исследователь определил их следующим образом: "подробное изучение орографии и гидрографии Таймыра, определение южной границы вечной мерзлоты, исследование растительности и животного мира самой северной тундры в стране". Кроме того, писал Райхенберг, "экспедиции поручалось побывать в Якутске и произвести там исследование вечной мерзлоты". Автор статьи отмечал, что инициатива расширения территорий, подле-

жащих исследованию, принадлежала Миддендорфу, который предложил Академии наук обсудить вопрос об исследовании южного берега Охотского моря и Шантарских островов[96].

Иная точка зрения по вопросу о маршруте экспедиции была представлена в работе Гнучевой. В отличие от Райхенберга, она писала, что уже в "ориентировочном плане", разработанном специальной комиссией Академии наук, путешественникам предлагался маршрут: Таймырский п-ов — Иркутск — Удский острог ("при оговорке благоприятных условий) — Шантарские острова. Кроме того, Гнучева отмечала непосредственную связь экспедиции с научной деятельностью К.М. Бэра, его замыслами по изучению "крайних северных пределов Сибири, т.е. местности между реками Пясиною и Хатангой". Одновременно, писала она "для выработки инструкции Миддендорфу и для непрерывного наблюдения за ходом его работ в Академии была создана специальная комиссия, состоявшая из академиков К.М. Бэра, Ф.Ф. Брандта, Э.Х. Ленца и К.А. Мейера". Среди научных задач экспедиции Гнучева упоминала исследование Таймырского полуострова и "колодца Шергина у Якутска". Миддендорф, как отмечала автор, должен был установить, "представляет ли такая толщина (54 сажени. — *Д.Ш.*) мерзлой почвы местное явление, или же это результат общих физико-географических условий всего района". Кропотливая работа была проведена ею по выявлению материалов, появление которых связано с подготовкой и работой экспедиции. Гнучева назвала следующие документы, разработанные Академией наук специально для сибирской экспедиции: "Voyage de M. le Dr. Middendorffen Sibérie. Instruction générale par M. Baer, Brandt, Lenz et Meyer; Instruction spéciale pour la zoologie par M. Brandt. "Bulletin physico-mathématique", t. 1, p. 178—191, 204—208[97].

Тему о непосредственной связи задач экспедиции с научной деятельностью Бэра обстоятельно развил В.А. Обручев, отметивший интерес ученого к Таймырскому полуострову, что представляло собой уникальную возможность для исследования органической жизни на Крайнем Севере. Вторая научная проблема, которая издавна интересовала Бэра, замечал Обручев, была "проверка наличия вечномерзлой почвы в Якутске... Необходимо было проверить самый факт мерзлоты и выполнить точные определения температуры в стенках колодца, чтобы выяснить геотермический градиент". В этой же статье Обручев сообщал, что Бэр подготовил для Сибирской экспедиции "Перечень новейших сведений о местности между Пясиной и Хатангой в виде вопросов и

ответов", а также "подробную сводку всех имеющихся сведений о вечномерзлой почве и ископаемых льдах в Сибири с сопоставлением и критикой этих данных и выводами о сущности этого явления, его причинах и распространении". Вслед за Гнучевой Обручев называл "Инструкцию Академии Миддендорфу", в которой, как он писал, были сформулированы две основные задачи экспедиции: 1). Общее обследование местности к северу от г. Туруханска до р. Хатанги в географическом, физическом[98] и естественно-историческом отношениях и 2). Изучение распространения и, по возможности, мощности постоянной мерзлоты почвы в Сибири, а также всех прочих условий почвенной температуры, поскольку позволят это сделать средства и условия путешествия". Особое внимание Обручев уделил выявлению конкретного круга задач Сибирской экспедиции в исследовании вечной мерзлоты. Данное обстоятельство было обусловлено, по-видимому, основным замыслом статьи — рассмотреть экспедицию как первое научное предприятие Академии наук по изучению этого явления. Ученый писал, что Академия наук предписала Миддендорфу определить в районе Туруханска, а также в сопредельных территориях (например, Сургут, Нарым, Киренск) температуру почвы и встречающихся источников, "вытекающих из вечномерзлой почвы, и собирать сведения о действии таких источников в разное время года". В шахте Шергина Миддендорфу поручалось, замечал Обручев, провести температурные наблюдения, а в районе Якутска необходимо было выяснить, как глубоко оттаивает летом земля ("песчаная, болотистая, покрытая лесом, травой и оголенная"); промерзает ли почва сверху вниз, либо одновременно и снизу вверх. Касаясь вопроса о маршруте экспедиции, Обручев писал, что Академия наук предусматривала после организации работ в шахте Шергина продолжение путешествия либо вниз по Лене, либо на восток, "чтобы собрать по личным наблюдениям более точные сведения о ледяных долинах (т.е. наледях)"[99] .

Н.Г. Сухова, отмечая роль Бэра в организации путешествия, упоминает "инструкции", написанные в ходе подготовки экспедиции (она датирует их 1839 г.). Но в отличие от Гнучевой авторами инструкций она называет А. Купфера, Э. Ленца и Г. Паррота. Относительно маршрута заключительного этапа экспедиции автор пишет: "Организовав работы в шахте Шергина, Миддендорф по желанию Академии должен был ехать к Охотскому морю, чтобы исследовать его побережье до устья Амура в области, где также еще не бывали ученые". По-видимому, подчеркивание о ведущей роли Академии наук в определении этого маршрута экс-

педиции естественно следовало из текста документа 1844 г., содержащего материалы о научной значимости исследования побережья Охотского моря, ошибочно квалифицированного автором как "инструкция Академии наук". Однако обращение именно к этому документу (о нем см. ниже) позволило автору поставить вопрос о научном значении третьего, заключительного этапа экспедиции. Сухова подчеркивает, что для науки середины XIX в. были важны сведения о климате края, "потому что доныне только вообще известно, что и в древнем мире, как и в новом, восточный берег гораздо холоднее западного; но вовсе не достает верного масштаба для точнейшего определения этой разности, и таковой масштаб может быть получен только в России и всего лучше в окрестностях Удского острога, доколе область Амура остается недоступной для ученого света"[100].

О заслугах Бэра в организации экспедиции пишет и П.Б. Юргенсон, отмечая, что в решении широких проблем зоогеографии Миддендорфа следует считать "учеником и прямым продолжателем замыслов академика К.М. Бэра". Одной из основных задач путешествия, пишет он, было "решение широчайшей зоогеографической проблемы — о количестве и качестве органической жизни на Крайнем Севере"[101]. В 1964 г. в географической серии "Замечательные географы и путешественники" была опубликована книга Юргенсона "Неведомыми тропами Сибири". "Путешествие к Охотскому морю и в Приамурье, — пишет автор, — детально не планировалось, считалось только желательным и, по сути дела, было совершенно по личной инициативе Миддендорфа"[102].

Б.Е. Райков представил богатый разнообразный материал, появление которого непосредственно связано с путешествием А.Ф. Миддендорфа. Касаясь вопросов организации Сибирской экспедиции, Райков отмечает, что Бэр совместно с другими учеными разработал план и "составил инструкцию по ее проведению"[103].

Пасецкий упоминает о плане экспедиции, над которым работали Бэр и непременный секретарь Академии наук П.Н. Фусс[104].

Итак, вопрос об организации и разработке научных задач Сибирской экспедиции 1842—1845 гг. не являлся до сих пор предметом специального исследования. Советские ученые, работавшие по материалам экспедиции (Райхенберг, Гнучева, Обручев, Сухова, Райков, Наумов, Леонов и др.) упоминают о создании специальной комиссии Академии наук и разработке инструкций, содержащих научные задачи путешествия. Гнучевой названы общая инструкция Бэра, Бран-

дта, Ленца и Мейера и специальная инструкция по зоологии Брандта.

Таким образом, источником сведений о целях экспедиции для большинства исследователей явились самые разнообразные документы, среди которых заметное место занимает научное наследие Бэра по проблемам вечной мерзлоты и условиям органической жизни на Крайнем Севере, материалы переписки Академии наук (в частности, значительное внимание ученые уделили документу, составленному 25 января 1844 г. на физико-математическом отделении Академии для министра народного просвещения[105].

Особое место занимает статья Обручева, свидетельствующая о том, что автор был знаком с оригиналом одного из документов, разработанных в Академии наук в ходе подготовки экспедиции. Как показывает проведенный анализ, Обручев привлек часть материала (непосредственно отвечавшего замыслу статьи) из "Общей инструкции", составленной учеными Академии.

В данной работе предпринята попытка определить круг документов, составленых в Академии наук и связанных с подготовкой и проведением экспедиции 1842—1845 гг., чтобы по возможности полнее показать ее замысел как научного предприятия, вызванного потребностями науки того времени.

В проекте, направленном министру народного просвещения, Академия наук подчеркивала необходимость изучения вечной мерзлоты, для чего предлагалось послать в Якутск доктора Миддендорфа, "состоящего адъюнкт-профессором при университете Св. Владимира в Киеве" с целью исследовать температурный режим в имеющейся шахте, соотношение этих температур с температурой воздуха и формами органической жизни на поверхности земли, установить протяженность вечномерзлых грунтов на территории Сибири. Кроме того, в документе говорилось о возможности одновременного изучения района между Пясиной и Хатангой в "естественном и этнографическом отношении". Излагая план трехлетней экспедиции ("одну зиму для путешествия в Якутск, одно лето на то, чтобы из Якутска отправиться к Ледовитому или Охотскому морю и опять возвратясь в Якутск, произвесть вторичное наблюдение над впущенными прежде в землю термометрами; одну зиму на путешествие в Туруханск, одно лето на путешествие к Ледовитому морю к устью Пясины или Хатанги и одну зиму на возвратный путь"). Академия предусматривала возможность самостоятельного решения путешественником вопроса о времени работ. Из текста проекта следует, что Академия наук связы-

вала с деятельностью предполагаемой экспедиции окончательное разрешение "геологического вопроса, впервые возникшего в России". Но не менее важным она считала и работы по изучению района Пясины—Хатанги ("северная полоса Сибири вообще столь много еще скрывает в себе предметов, требующих во всех направлениях основательного исследования ученых и столь труднодоступна по климатическим своим свойствам")[106].

Для подготовки и проведения этого путешествия в Академии была сформирована специальная "комиссия для Сибирской экспедиции" в составе Бэра, Брандта, Ленца, Мейера. Члены комиссии явились авторами ряда документов, непосредственно связанных с разработкой научных задач и маршрута экспедиции, возглавляемой Миддендорфом. Среди этих документов можно назвать "Общую инструкцию", "Особую инструкцию для ботанических наблюдений", "Особую инструкцию для зоологических наблюдений", и "Предложение к продолжению путешествия" от 23 февраля 1844 г. Авторами "особых" инструкций были Мейер (ботанической) и Брандт (зоологической). Остальные вышеназванные документы явились результатом работы всего состава комиссии. Наиболее полная публикация их была осуществлена в части "Краткого сообщения о научных работах и путешествиях", изданной в 1855 г.[107]

Особый интерес представляет текст "Общей инструкции", содержащей план проведения экспедиции и разработку комплекса разнообразных научных задач путешествия. Здесь же были определены две основные задачи экспедиции, о которых писал Обручев. Перевод и анализ "Общей инструкции" позволяет расширить и одновременно конкретизировать представление о научных наблюдениях, намеченных в Академии наук для участников Сибирской экспедиции. В документе, например, высказывалось пожелание, чтобы Миддендорф "повсеместно, где бы он ни был, собирал для Академии естественно-исторические предметы, с записью обиходных в народе названий". Объектом наблюдений экспедиции, по мнению ученых, должны были стать образование гор, время морских приливов и отливов, животный мир региона, границы распространения лесов и хлебопашества. Нужно отметить также, что перед путешественниками ставилась задача собрать "достоверные сведения о распространении и современном состоянии племен различных народов". В этой же инструкции был намечен большой комплекс работ экспедиции на Таймырском п-ве и в прилегающей части океана. Особо указывалось на необходимость уточнить карту Таймыра. Эта потребность была продиктована противоречи-

востью данных, которыми располагала Академия наук ("насколько мало карты соответствуют друг другу, настолько мало они согласуются с доныне известными сообщениями... и можно уверенно сказать, что там, где карты согласуются между собой, они противоречат этим сообщениям"). Так, например, на карте Позднякова, — писали авторы инструкции, — область к северу от Нижней Тунгуски и Турухи была представлена как "непрерывная равнина, в то время как на карте Енисейской губернии Генерального штаба этот же район изображен как "масса горных цепей". То же отмечали ученые и для картографических изображений Таймырского п-ва. Замечалось также, что по сообщению Лаптева, чтобы достичь Таймырского озера (от Хатанги) ему понадобилось шесть дней (с 24 по 30 апреля) и семь дней (с 30 апреля по 6 мая) он затратил на дорогу от озера до устья рек. "На наших картах, — сообщалось в инструкции, — первое расстояние в пять раз больше последнего". Противоречивыми были и сообщения о вулкане на Хатанге ("старые сообщения утверждают о горящей горе на Хатанге, новейшие же об этом ничего не знают").

Неопределенность существовала и в представлениях о климате в районе Таймыра. В связи с этим "Общей инструкцией" предписывались регулярные температурные и барометрические наблюдения, "особенно такие, которые дают возможность изучить ежедневные колебания в этих широтах". В тексте документа подчеркивалось огромное значение для науки данных определений различных пунктов Таймырского п-ва: "Каждое определение места, которое путешественник сможет сделать по ту сторону Туруханска, станет обогащением географии"[108]. Перед экспедицией, как уже отмечалось, была поставлена задача исследования форм и границ распространения органической жизни на полуострове. Авторы инструкции писали о "совершенной неосведомленности" ученого мира в естественных богатствах этого обширного края ("только известно, что своеобразный лемминг живет в этих краях; есть янтарь и уголь")[109]. Участникам путешествия предлагалось также изучать морскую растительность и живые организмы прибрежной полосы океана, провести здесь наблюдения над отливами и приливами[110]. Инструкцией предусматривались и историко-этнографические работы, в частности сбор данных о заселении края и образе жизни его населения. Академия наук обращала внимание членов экспедиции на расхождение сведений о населении Таймыра ("по Гмелину, на Нижнем Енисее и на Хатанге было сравнительно много оседлых русских; то же самое утверждал и Георги еще в 1772 г.; по новейшим

сообщениям, которые Академия получила благодаря посредничеству г. Турчаникова, русских там находится крайне мало"). Особо ставился вопрос о необходимости уточнить "местопребывание местного населения"[111]. Другая главная задача экспедиции — исследование вечной мерзлоты — предполагала проведение двух серий наблюдений: исследование шахты Шергина в Якутске и сбор соответствующих сведений в других районах Сибири. В шахте Шергина следовало точно измерить ее глубину и разместить в 1, 3, 5, 10, 20, 50, 100, 150, 200, 250, 300, 350, 380 футах от поверхности земли 26 термометров (далее в "Общей инструкции" следует подробное описание их наиболее эффективного размещения)[112]. Предполагалось, что Сибирская экспедиция проведет серию непосредственных наблюдений, цель которых — определить области, где встречаются "вечномерзлые почвы", их толщину, температуру земли на разных глубинах. "Общая инструкция" предусматривала и необходимость сбора сообщений относительно возможных границ распространения вечной мерзлоты[113]. Из текста этого документа следует, что экспедиция планировалась на 1843—1844 гг. На зиму 1842/43 г. Академия наук предлагала экспедиции следующий маршрут: Тобольск — Красноярск — Туруханск; на лето 1843 г.: Туруханск — побережье Ледовитого океана (по Пясине, Хатанге или по Енисею); зимой 1843/44 г. путешественники должны были проследовать из Туруханска до Якутска. На лето 1844 г. комиссия Академии наук предлагала Миддендорфу фактически свободный выбор места работы ("либо для сбора естественно-исторических предметов в районе Якутска", "либо путешествие вниз по Лене, либо далее на восток, чтобы по дороге к Охотску", собрать данные о наледях). Следует отметить также, что комиссия полагала "выбор занятий в это лето предоставить полностью путешественнику". Однако уже в этом документе (составленном к началу экспедиции) ученые писали о значительности научного материала, который может быть получен, если экспедиция исследует область Удского острога[114].

За подписью Мейера в Академии наук была разработана "Особая инструкция для ботанических наблюдений". Перед участниками экспедиции ставились следующие задачи: собирать различные виды растений (в том числе травы, криптогамы, кустарники и деревья); изучать флору с учетом видоизменений на различных широтах, с установлением границ распространения ее отдельных представителей. При сборах растений Мейер предлагал уделять особое внимание корням растений с тем, чтобы иметь возможность проследить "во всех ли полярных регионах, все ли кустарники имеют

сходную корневую систему". К научным задачам экспедиции относились также наблюдения над "угнетенным лесом в арктических регионах". В 40-х гг. XIX столетия Академию наук занимал вопрос: "либо угнетенный лес приобретает обусловленную форму из высокоствольного рода благодаря северному климату, либо образует особый род". В инструкции высказывалось предположение: "Хотелось бы на Крайнем Севере, в регионах, где теперь нет больше хорошего развития роста деревьев, найти отмершие высокие стволы деревьев, которые помогли бы доказать, что эти регионы может быть были благоприятны для роста деревьев"[115]. Предлагалось провести обмер наиболее крупных деревьев, чтобы по годовым кольцам "можно было бы заключить о различном приросте деревьев в толщину на различных северных широтах". Автор инструкции обращал внимание путешественников на сплавной лес ("плавник"), как один из источников для исследования географического распространения растений.

Текст "Особой инструкции для зоологических наблюдений" был составлен Брандтом с учетом предшествующей научной работы Миддендорфа, основу которой фактически составляли нужды музея Академии наук по пополнению коллекции животного мира Сибири. В качестве общего положения путешественникам предлагалось собирать в ходе экспедиции "не только редкие виды, но также все распространенные формы отдельных характерных экземпляров", их различные видоизменения. Отметив плодотворность работы музея в последние десять лет по комплектованию коллекций, Брандт дал подробное описание экспонатов с пожеланиями по дальнейшему их пополнению. Так, например, автор писал, что музей обладает чучелами манула и барса, их черепами, "в то время как остальные части, такие, как, например, скелет, отсутствуют". Из текста инструкции следовало, что музей нуждался в дополнительных сведениях об ангорской кошке, рыси, разновидностях лис и песцов, белом медведе, росомахе, ласке, тюленях, кротах, землеройках, зайцах, ежах, бобрах, сусликах, белках, леммингах, оленях, кабанах. Миддендорфу предлагалось изучать новые виды животных, их разновидности и приобретать экспонаты животных Сибири (в том числе морских), птиц (при этом указывалось на эффективность сбора яиц и гнезд), рыб, насекомых[116].

23 февраля 1844 в Академии наук было составлено "Предложение к продолжению путешествия", непосредственно связанного с предшествующими документами и свидетельствующего о переписке Академии с Миддендорфом. В

этом документе, как и в "Общей инструкции" комиссия предоставляла исследователю право выбора маршрута экспедиции после посещения Якутска ("либо устье Лены, либо окрестности Охотска"), однако выражалось желание Академии относительно посещения путешественниками области Удского острога, "т.к. она также расположена в восточном крае древнего континента, но в то же время находится на границе неизвестной в естественно-историческом отношении... Азии". Следует отметить также, что в "Предложении" сообщалось о том, что "господин Миддендорф теперь располагает явным желанием предпринять экспедицию в Удский".

Интересен материал документа, касающийся посещения экспедицией Шантарских островов. Авторы "Предложения" подчеркивали, что вопрос о работе экспедиции на островах был поставлен самим Миддендорфом в одном из его сообщений в Академию наук. Члены комиссии, решив предоставить решение этого вопроса самому путешественнику, писали о научном интересе посещения Шантарских островов следующее: "Растительный и животный мир этих островов вряд ли существенно отличается от растительного и животного мира прибрежной полосы при Удском... Зато бухты этих островов позволяют ожидать много богатого научного материала о морских животных и морских водорослях Охотского моря". В "Предложении" было высказано и пожелание Академии об изучении экспедицией районов, простирающихся до Охотского моря. Здесь же были сформулированы задачи экспедиции во время ее работы в районе Удского острога. Путешественники должны были наблюдать за погодой, за "изменениями в органическом мире". При этом отмечалась важность накопления суммарных сведений о климате, которые стали бы "значительным обогащением дальнейших метеорологических наблюдений в объеме русского государства". Кроме температурных наблюдений предлагалось учитывать данные барометрических показаний и направление ветра[117].

Таким образом, в период организации и проведения Сибирской экспедиции в отечественной Академии наук были разработаны специальные документы в форме "Инструкций" и "Предложения", в которых сформулировались научные задачи на период с 1842 по 1844 г. как историко-этнографические, так и естественно-научные.

В 1868—1870 гг. состоялась Чукотская экспедиция Г.Л. Майделя. Гнучева в специальной работе о деятельности Академии наук XVIII—XIX вв. не упоминает об этом путешествии. Однако изучение документального материала поз-

воляет показать, что начавшись как правительственное предприятие, экспедиция постепенно обрела и задачи научного характера. Восточно-Сибирский отдел Географического общества направил в путешествие астронома и топографа. Основная часть задач была сформулирована академиком Бэром. "Из путевых отчетов адмирала Врангеля известно, — писал ученый, — что, по уверенью чукчей, с некоторых пунктов их северного побережья летом (может быть, только кое-когда) можно видеть землю". Он просил уточнить, когда именно видно эту землю, с каких пунктов берега, в каком направлении и какой величины, а также собрать "все данные относительно птиц, оленей, кочующих мышей, появляющихся в той стороны". Следующая группа вопросов относилась к наблюдениям над китами и моржами. Бэр писал о необходимости выяснить, "видят ли китов по всему чукотскому берегу от Берингова пролива до Шелагского мыса", "видят ли их иногда у Нижнеколымска или же дальше и как далеко на запад?". (То же самое он просил выяснить о моржах.) В связи с этим Бэр писал о необходимости уточнить сведения о распространении основной еды моржей — морской капусты (tange).

Один из вопросов касался наблюдений над морскими течениями. Бэра интересовало, существует ли в Беринговом проливе "постоянное течение в Ледовитовом море". Седьмым и восьмым пунктами документа, подготовленного для экспедиции, предусматривалась необходимость исследований в области "религиозных представлений и преданий чукчей", а также определения названия мыса, "выходящего в Берингов пролив". От академика Ф.Ф. Брандта Майдель получил специальное задание собрать коллекцию рыб.

Круг научных задач экспедиции постепенно расширялся. В процессе работы Майдель через Академию наук получил инструкцию от датского ученого Ринка, который переслал рассказы и рисунки эскимосов с просьбой выяснить, не известны ли эти рассказы чукчам[118]. Выступая на собрании Сибирского отдела Географического общества 24 февраля 1871 г. участник экспедиции К.К. Нейман ответил: "... Ринк прислал нам иллюстрированную тетрадь сказок и преданий этого народа (эскимосов. — *Д.Ш.*) и, полагая, что они (эскимосы и чукчи. — *Д.Ш.*) одного происхождения, просил узнать и сообщить ему, не существует ли подобных сказаний у сидячих чукчей". Майдель считал одной из основных задач экспедиции "исправление" карты Сибири, которая, по его словам, "находилась в очень печальном состоянии; по крайней мере относительно дальнего северо-востока Азии, за исключением сравнительно очень хорошо известного морско-

го побережья, все остальное, нанесенное на карту, было неверно и фантастично"[119]. Получив сообщение от Майделя из Среднеколымска о том, что между Алазеей и Индигиркой летом 1867 г. найден труп мамонта, Физико-математическое отделение Академии поручило комиссии, состоящей из академиков Ф.Ф. Брандта, Г.П. Гельмерсена, Л.И. Шренка, К.И. Максимовича, А.А. Штрауха "обсудить вопрос, насколько означенное известие заслуживает внимания Академии". Окончательно вопрос был решен на Конференции, которая, "согласно с заключением" комиссии, "положила засвидетельствовать г. Майделя признательностью за сообщение ей сего важного дела для науки известия и просить его отыскать и исследовать вновь открытый труп мамонта"[120]. Кроме того, участники экспедиции должны были провести ряд астрономических, метеорологических, магнитных наблюдений, собрать коллекции ботанические и зоологические, выяснить "возможную трассу для проведения телеграфа между Россией и Америкой"[121].

Гнучева писала, что в 1884—1886 гг. состоялась экспедиция А.А. Бунге и Э.В. Толля в районы рек Яны, Индигирки, Колымы и на Новосибирские острова. Она сообщала, что предложение об организации двухгодичного путешествия было сформулировано академиками Л.И. Шренком, К.И. Максимовичем, А.Л. Штраухом, Ф.Б. Шмидтом. Впоследствии они же и академик Г.И. Вильд вошли в состав комиссии, созданной в Академии "для руководства и контроля над работами экспедиции" и определявшей следующим образом ее общие задачи: "изучение в естественно-историческом, физическом и других отношениях прибрежья Ледовитого моря в Восточной Сибири, преимущественно к востоку от Лены по рр. Яне, Индигирке, Алазее, Колыме и в особенности, острова, известного под названием Новой Сибири"[122].

В отличие от Гнучевой П.В. Виттенбург называет начальной датой экспедиции 1885 г., отмечая, что мысль об организации путешествия была высказана еще в 60-х гг. прошлого столетия академиком К.М. Бэром[123].

Г.С. Тихомиров и Н.Г. Сухова упоминают о разработке в Академии наук в 1883 г. плана экспедиции для изучения территории "вблизи рек Яны и Индигирки, а также Новосибирских островов". Как и Виттенбург, они относят начало деятельности экспедиции к 1885 г.[124].

Анализ ряда материалов (отношение Президента Академии наук Д.А. Толстого от 16 июля 1883 г., данные заседания Физико-математического отделения 16 августа, "Записка о снаряжении полярной экспедиции от Академии наук

и о поручении ее А.А. Бунге", документ за подписью министра народного просвещения от 11 сентября, выступление Шренка 29 декабря 1885 г. "Об экспедиции, снаряженной императорскою Академиею наук на Новосибирские острова и в Приянский край") и их сравнительное изучение позволяют заключить, что основная направленность, сроки, этапы, план научных исследований в регионе были определены Академией наук в 1883 г. Перечисленные документы дают возможность также раскрыть научные проблемы, в связи с которыми было организовано путешествие на Новосибирские острова и в Приянский край. Одной из них был интерес к изучению островной части Азии. Как известно, особенностью распределения суши и воды в Северном полушарии является значительное раздробление Американского континента на многочисленные острова и архипелаги. К северу от Азии, одного из значительнейших материков Старого света, крупных островов почти нет. Естественно возникал вопрос об отношении Новосибирских островов к материку по рельефу и геологическому строению: "до сих пор совершенно не известно, к какому времени следует отнести их образование, какие формации встречаются на них, нет ли и здесь... залежей с разными и, быть может, новыми видами цератитов..."[125]. В науке к тому времени сформировалось представление о постепенном поднятии побережья Ледовитого океана, Новосибирских островов, и ученых интересовали интенсивность этого процесса, его размеры[126]. Существовало мнение о "деревянных горах" Новосибирских островов как "плавучем лесе", приносимом в Ледовитый океан сибирскими реками, как древнем плавнике "некогда выброшенном морем на низменные берега островов". Ставился вопрос о необходимости изучения "деревянных гор", что могло бы, как считали ученые, "пролить свет на путь и направление течений в этой, еще совершенно не известной части Ледовитого моря". Учитывая изобилие мамонтовой кости на Новосибирских островах, предполагая, что она выносилась в море сибирскими реками, исследователи считали, что названная островная часть, равно как и противолежащая им материковая, могут стать "обширным полем для исследования мамонтов, носорогов и других вымерших исполинских животных, населявших Сибирь в тот геологический период Земли, который непосредственно предшествовал нынешнему, и, без сомнения, от этих исследований можно ожидать еще много любопытного и нового для науки". Ученые проявляли интерес и к сбору данных по метеорологии о. Новая Сибирь, его климату ("как велико... влияние моря на климат Новосибирских островов?", "нет ли... сколько-нибудь заме-

чательной климатической разности между обращенными в разные стороны берегами островов?"; "имеется ли и на них вечномерзлая почва..?").

В непосредственной связи с проблемами метеорологии и климатологии находился и вопрос об активности органической жизни в условиях Крайнего Севера. Работы предполагаемого путешествия рассматривались как продолжение экспедиции Миддендорфа, которая "доставила науке самые важные громадные результаты". В депеше Министерства народного просвещения от 17 сентября 1883 г. отмечалось, что на основании результатов работы Миддендорфа "представляется ныне особенно важным произвести ряд подобных исследований еще несколько восточнее... по Яне, Индигирке и пр. и на Новой Сибири". При этом предусматривалось проведение наблюдений в условиях еще более континентального климата ("тут на Яне, как показали позднейшие наблюдения, находится полюс холода с такими низкими, зимнею и среднею годовою температурами, каких еще не замечали до сих пор нигде на земном шаре"), а также под влиянием моря ("на островах Новой Сибири можно познакомиться и с полярною природою морских и береговых пространств Сибири, с теми изменениями, которым подвергается органический мир Сибири с удалением от материка, под влиянием моря"). Особый интерес вызывали вопросы изучения развития органического мира, определения состава и характера флоры и фауны, миграции животных и птиц. Из текстов вышеназванных документов следует, что ученых интересовало исследование Новосибирских островов преимущественно в сравнительном плане, мобилизация свидетельств для получения сопоставимых характеристик островной и материковой частей Северной Азии (рельеф, геологическое строение, климат, активность и состав форм органической жизни). Несмотря на то, что на Новосибирских островах не было населения ("кроме иногда летующих на них промышленников"), они привлекали исследователей "и в этнологическом отношении". Шренк говорил о переселении древних юкагиров под напором "надвигавшихся на них тунгусов и якутов, а затем и русских пришельцев" на север, в том числе и на острова Ледовитого океана, где они и оставили следы своего существования". В связи с этим ученый поднимал вопрос о необходимости "раскрытия этих следов", что, по его мнению, имело "важное значение для антропологии и этнологии"[127].

Значительным и полезным представлялось исследование региона и в практическом отношении, так как могло "послужить к открытию новых путей и новых отраслей промыш-

ленности". Комиссия Академии наук составила план путешествия, согласно которому предполагалось его проведение в двухгодичный срок.

Одним из затруднений работы путешественников ученые считали обеспечение экспедиции проводниками и перевозочными средствами. Поэтому для первого года деятельности экспедиции предусматривались подготовительные работы для переезда на Новосибирские острова. И "так как эти подготовления, частью сопряженные с разъездами, не могут занять всего времени", было решено поручить путешественникам исследовать часть Сибири — Приянский край, как располагающийся близко к островам. Отсюда начинался наиболее прямой и удобный путь (Устьянск — Святой нос — Ляховские острова), "которым с самого открытия Новосибирских островов всегда ходили и теперь еще ходят промышленники". Кроме того, Приянский край относился к числу наименее исследованных частей Сибири и поэтому представлял особый интерес для науки, особенно в связи с тем, что на Яне, около Верхоянска находился "полюс холода Старого Света". Учитывая это, было любопытно провести в Приянском крае наблюдения подобно тем, которые провел Миддендорф на Таймыре. Эти исследования рассматривались и как возможность получить "лучшее основание для сравнительного изучения условий жизни и географического распространения растений и животных на Новосибирских островах". Приянский край был также областью, где, кроме разрозненных остатков ископаемых животных, по мнению ученых, "могли сохраниться и полные трупы этих животных с кожею, шерстью и всеми мягкими частями тела".

Экспедиция первоначально планировалась на 1884—1885 гг.: исследование Приянского края (лето — осень 1884 г.), выбор места, "какое окажется наиболее удобным для имеющей быть раннею весною поездки на Новосибирские острова" (зимовка 1884/85 г.), переезд на Новосибирские острова (ранняя весна 1885 г.). В случае, если окажется невозможным посетить все острова архипелага, предусматривалось изучение о. Котельного "как самого обширного, высокого и расположенного наиболее к западу, вследствие чего и исследование встречающегося по его берегам наносного леса особенно важно". Изучение Новосибирских островов определялось учеными как главная цель экспедиции и одновременно как самая трудная ее часть. Путешественники должны были провести комплексное изучение края: "в орографическом и физико-географическом, геологическом и палеонтологическом, ботаническом и зоологическом; а где

имеются инородцы, и в этнографическом отношении". Научные задачи экспедиции были рассмотрены на заседании 29 мая 1884 г. и одобрены Физико-математическим отделением Академии[128].

В 1891—1892 гг. состоялась Академическая экспедиция И.Д. Черского. Гнучева обратила внимание на некоторые формы деятельности Академии наук в связи с организацией путешествия (формирование специальной комиссии, определение основных задач путешествия); писала о предложении Черского исследовать территорию Яны, Индигирки, Колымы в течение четырех лет[129].

Рассмотрим подробнее некоторые материалы путешествия. В 1889 г. от генерал-губернатора Восточной Сибири в Академию наук поступило сообщение об открытии в районах рек Анабара и Балахны двух трупов мамонтов. В целях изучения условий их залегания, а также геологического и физико-географического исследования Анабарского и Хатангского краев было решено послать экспедицию во главе с Э.В. Толлем. Проект путешествия был рассмотрен Государственным советом, затем утвержден 13 июня 1890 г., при этом "на расходы повелено было отпустить 22 850 рублей". Толль был тогда серьезно болен, в связи с чем от поручения отказался[130]. Однако на заседании Физико-математического отделения Академии 28 августа 1890 г. для предполагаемой экспедиции была назначена особая комиссия из академиков Шренка, Штрауха, Максимовича, Вильда, Шмидта и А.П. Карпинского. Спустя два месяца комиссия представила отделению доклад, отметив возникшие трудности при определении состава экспедиции. Тогда же в комиссию были введены дополнительно академики Ф.В. Овсянников, А.О. Ковалевский, А.С. Фаминцын и адъюнкт Ф.Д. Плеске[131]. На заседании, состоявшемся 8 ноября, ученые отметили важность для науки исследования останков мамонтов, носорогов и других вымерших животных, трупы которых сохранились в вечномерзлой почвы полярных пространств Сибири: "Вопрос этот есть как бы исконное достояние Академии. Над ним она неустанно трудилась с самого своего основания и в ее Музеях сосредотачиваются главнейшие материалы для всестороннего его изучения. "Одновременно члены комиссии подтверждали сложность формирования отряда путешественников ("полнейшую невозможность подыскать в настоящее время необходимый полный комплект путешественников") и "проблематичность успеха" предприятия "в достижении главнейшей цели". Отмечая компетентность Черского в вопросах изучения останков ископаемых животных в Сибири, ученые разделяли его мнение о том,

что ко времени приезда экспедиции найденные трупы мамонтов могли быть использованы населением, расхищены животными или разложились, унесены течением[132].

Черский предложил изменить программу предстоящих исследований. Он считал необходимым вместо кратковременной экспедиции организовать продолжительное (четырехлетнее) путешествие с зимовками в разных пунктах. Длительное пребывание путешественников в Сибири он рассматривал как возможность приобрести надежные сведения о местах погребения останков животных, заручившись полным доверием местных жителей, которые, как он считал "вследствие обременительности для них работ по раскопкам трупов строго сохраняют в тайне свои находки"[133]. Учитывая различные свидетельства (в том числе Майделя) о местах находок "допотопных животных", И.Д. Черский считал наиболее важным районом для изучения бассейны Колымы, Индигирки и Яны. Кроме того, ученый выразил готовность принять на себя практическое выполнение высказанных соображений и представил следующий план экспедиции: Петербург (оставить в начале 1891 г.) — Иркутск (снаряжение экспедиции) — Якутск — (либо Олекминск; прибыть по зимнему пути, выехать по вскрытии рек) — Верхнеколымск (зимовка 1891/92 г.) — геологическое исследование Колымы до ее устья (лето 1892 г.) — Верхнеколымск — Зашиверск (зимовка 1892/93 г.) — исследование Индигирки (лето 1893 г.) — Верхоянск (зимовка 1893/94 г.) — изучение р. Яны до Усть-Янска (с весны 1894 г.) — Якутск (возвращение осенью 1894 г.). Черский говорил также о желательности посещения района Алазеи, но вопрос о времени и возможности работ там считал необходимым решить на месте. Среди форм деятельности экспедиции им предусматривались ведение правильного непрерывного геологического маршрута, барометрическая нивелировка, регулярные метеорологические наблюдения (по программе наблюдательных станций Главной физической обсерватории), сбор коллекций (палеонтологических, зоологических, ботанических). Особо подчеркивалось внимание к "разрешению крайне интересного в зоо- и фитогеографическом отношениях вопроса о границах между американскою и сибирскою фауною и флорою"[134].

В.Н. Скалон сообщает, что С.В. Обручевым в Архиве Академии наук СССР была найдена тетрадь Черского, которая предназначалась для сбора сведений о населении бассейна Колымы, включая быт, фольклор, язык, религиозные представления. Большинством голосов (при двух против) программа работ экспедиции, предложенная Черским, была

одобрена академической комиссией. Во время обсуждения ученые отметили, что "программа предложенных г. Черским исследований заслуживает полного внимания Академии в особенности еще и потому, что четырехлетнее пребывание г. Черского в пределах Восточной Сибири несомненно значительно расширит наши познания о фауне делювиальных животных Сибири". Комиссия решила ходатайствовать об использовании средств, предназначавшихся для исследования Анабарского и Хатангского краев, на четырехлетнюю экспедицию в район Колымы, Индигирки и Яны. В "Отчете" о деятельности Академии за 1890/91 г. отмечалось, что намеченный комплекс исследований "обеспечивает предприятию научный успех даже в том случае, если бы за четырехлетний период не удалось найти хорошо сохранившиеся трупы вымерших животных"[135].

В связи с неожиданной кончиной Черского Академия наук предприняла меры, чтобы "работы этого ученого не остались без продолжения". Конференция передала вопрос на рассмотрение особой Комиссии из академиков Шренка, Шмидта, Вильда, Фаминцына, Штрауха, Карпинского, Плеске. Ученые пришли к заключению, что выполнение задач экспедиции Черского в полном объеме невозможно за недостатком времени и денежных средств. В связи с тем, что основной задачей путешествия Академия считала отыскание трупов мамонтов, комиссия предлагала исследовать район к востоку от устья Яны, чтобы собрать и доставить в Петербург останки ископаемых животных. Учитывая опыт прежних лет, ученые допускали возможность, "что результаты непосредственного исследования окажутся не соответствующими ожиданиям". Поэтому работы по исследованию местонахождения мамонта они предлагали связать с малоизученными, либо вовсе неисследованными районами Сибири. В качестве объекта изучения комиссия называла бассейн Анабара как "еще почти совершенно неизвестный и представляющий, судя по некоторым данным (образцы окаменелостей, доставленные промышленниками), большой научный, по преимуществу геологический интерес". Кроме изучения геологического строения края, ученые считали необходимым провести работы по определению географических координат некоторых пунктов, топографической съемки, "хотя бы беглой, маршрутной", и потому "крайне желательным участие в экспедиции лица, могущего выполнить помянутые работы"[136]. Заключения комиссии были одобрены на заседании Физико-математического отделения. Руководство путешествием было поручено хранителю Минералогического музея Академии, участнику экспедиции на Новосибирские острова и в Приянский край

Э.В. Толлю. Его помощником был назначен Е.И. Шилейко[137]. В Академии наук были разработаны специальная инструкция "для раскопки и сохранения мамонта" и предписания на имя Толля и Шилейко.

Названные документы и ряд других свидетельствуют, что экспедиция готовилась как продолжение путешествия Черского. В качестве основных задач ставились сбор останков ископаемых животных, продолжение геологического исследования Северо-Восточной Сибири. Комиссия подчеркивала, что первоначальной и главнейшей целью предстоящей экспедиции она считает "разыскание и тщательную раскопку трупа мамонта", что изучение Анабара включено в программу "лишь на случай, если заявленные трупы не оправдают ожиданий". Это и предопределило основное содержание инструкции. Ученые писали о заинтересованности в получении возможно большего количества фотоснимков, фиксирующих положение животного. Подробные рекомендации были разработаны относительно подготовки его к транспортировке. Кроме того, следовало изучать "геологические данные" в местах залегания трупов мамонтов и в бассейне Анабара, а также строение "подземных толщ льда"[138]. По инициативе Толля район деятельности путешественников был расширен. Выступая на общем собрании Русского географического общества 6 апреля 1894 г., он сказал: "Посоветовавшись в Казачьем с старыми знакомыми, опытными знатоками этой страны, я убедился в возможности расширить маршрут экспедиции поездкою на собаках по льду Ледовитого океана на Новосибирские острова по зимнему пути". По мнению Толля, в таком случае появлялась возможность не только продолжить изучение островов в геологическом отношении, но и возобновить астрономические и магнитные наблюдения 1821—1823 гг. (таким образом восполнив пробел путешествия 1885—1886 гг.[139]).

Работа Гнучевой об академических экспедициях завершается Русской полярной экспедицией. Автор писала, что проект путешествия появился как определенный итог предшествующей работы Толля по изучению Севера. Гнучева назвала некоторые формы участия Академии в подготовке и организации экспедиции (отчет Толля об экспедициях на Новосибирские острова на заседании Физико-математического отделения; формирование специальной Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции под председательством О.Ю. Шмидта).

П.В. Виттенбург отмечает огромную поддержку проекта экспедиции в научных и правительственных кругах. Последнее он объясняет политико-экономическими условиями кон-

ца XIX — начала XX в. К их числу Виттенбург относит: необходимость обеспечить возможность переброски военного флота на Дальний Восток через Северный Ледовитый океан; заинтересованность американцев в эксплуатации природных богатств полярных областей, в том числе добыче полезных ископаемых, промыслах морского зверя и мамонтовой кости; подготовительные работы к научным экспедициям в Германии, которых "особенно домогались немецкие торговые и финансовые круги".

Рассмотрим данные документов. В 1898 г. Толль разработал проект разностороннего исследования Земли Санникова и островов, расположенных "за Новосибирским архипелагом". Проект был поддержан Ф. Нансеном и Советом Русского географического общества. Президент Академии поручил академику Шмидту для обсуждения документа сформировать особую комиссию "как из членов Академии, так и из лиц, известных своими познаниями по отраслям, имеющим отношение к намеченному предприятию". Председателем комиссии стал Шмидт, ее членами — Баклунд, Карпинский, Рыкачев, Голицын[140]. В материалах Академии наук сохранились документы, разработанные на основе выступлений Толля, комиссией в составе Шмидта, Баклунда, Карпинского, Рыкачева, Голицына, которые были представлены на заседаниях Физико-математического отделения в сентябре 1899 г. Один из них — "План экспедиции для исследования земли Санникова и других островов, расположенных за Новосибирским архипелагом". Предполагалось, что экспедиция на приобретенном в Норвегии судне отправится летом 1900 г. через Карское море мимо мыса Челюскина к Новосибирским островам. После принятия санной партии путешественники должны были двинуться на Север "для открытия, по возможности в том же году, островов Санникова и Беннета". В составе санной партии предусматривались два ученых, казак, несколько сибирских промышленников. "Планом" предписывался следующий маршрут ее продвижения: Петербург—Якутск — Верхоянск — Усть-Янск — Русское устье — Новосибирские острова. В течение трех—четырех месяцев участники партии должны были изучать "важнейшие части Новосибирского архипелага". Санной партии, таким образом, следовало выполнить определенный комплекс научных задач, а также доставить экспедиции собак, нескольких оленей, "быть может лошадей", устроить спасательные депо. Члены экспедиции, "отыскав подходящее место для зимовки, гавань или защищенное от напора льдов пространство", должны были построить станцию для производства в течение года магнитных, метеорологических на-

блюдений. С наступлением весны 1901 г. предусматривались работы по изучению архипелага с использованием саней и лодок. Ученые предполагали, что в августе этого года путешественники отправятся на судне через Берингов пролив во Владивосток, затем по Сибирской железной дороге "или иным путем вернутся в Петербург"[141].

За подписями вышеназванных ученых приложен к протоколу заседания Физико-математического отделения Академии от 1 сентября 1899 г. документ, в котором обозначены основные научные задачи предприятия. Отмечая, что экспедиция представляет "большой интерес в географическом отношении" ("острова, лежащие к северу от Новосибирских вовсе не изучены, а изучение последних недостаточно"), исследователи считали ее главной целью отыскание островов севернее Новосибирских. В пользу мнения об их существовании комиссия приводила утверждение Толля о том, что он видел о. Санникова с Котельного, выступление Ф. Нансена на заседании ИРГО о сравнительной свободе ото льда моря на запад от Новосибирских островов ("что продолжается далеко на север"). Последнее, по его наблюдениям, объяснялось существованием больших островов, расположенных севернее Новосибирских и препятствовавших движению восточных льдов на запад.

Исключительное значение придавалось метеорологическим наблюдениям экспедиции и работающей круглый год станции, расположенной под 78—90° северной широты. С ее деятельностью связывалось решение ряда вопросов, в том числе окончательное определение полюса холода, "передвижения максимума давления воздуха и минимума температуры, господствующих зимою на материке Сибири и переходящих летом на Ледовитый океан", о предполагаемом господстве восточных и юго-восточных ветров в этой части Ледовитого океана ("которое дало бы ключ к объяснению передвижения к западу полярных льдов"). Крайне северное положение станции, по мнению ученых, обусловливало особый интерес к предполагаемым магнитным наблюдениям и наблюдениям полярных сияний. Особый интерес вызывали отношения сибирского полюса земного магнетизма к американскому, направления изодинамических линий "полной силы", распределение и направление изогон вдоль северного берега азиатского материка и увеличение восточного склонения в северном полушарии ("что имело бы немаловажное практическое значение для плавания судов в Ледовитом океане"), магнитных возмущений и их связи с северными сияниями. Намечались работы по гидрологии: исследование температуры арктического моря, его солености, течений,

образования и движения льдов. В области зоологических наблюдений предполагалось изучение наземной, пресноводной и морской фауны в течение года, как возможность исследовать "с успехом периодические явления жизни животных". Среди ботанических исследований особое внимание уделялось исследованиям низших растений ("собираемых с поверхности плавучих льдов"), как "ценное пособие при изучении течений полярного моря". Проведение геологических работ, изучение остатков животных и растений третичного и послетретичного периодов трактовалось как существенное содействие выяснению вопроса о климате суши и моря в течение этих периодов.

В специальном разделе ученые отмечали, что основным направлением исследований экспедиции являются научные разыскания. Одновременно подчеркивалось, что плавание экспедиции из Европы к устью Лены, между устьем Лены, Новосибирскими островами и островами, расположенными к северу от них, не сможет не содействовать выяснению условий плавания в этих водах, "а быть может окажет влияние и на развитие здесь мореплавания, что может сильно удешевить доставку необходимых продуктов к отдаленным пунктам Северо-Восточной Сибири". Ученые считали, что развитие мореплавания в районе Северного Ледовитого океана могло бы оживить экономику Северо-Востока. Практическое значение предприятия они видели и в выяснении истинных размеров естественных богатств Новосибирских островов и тех, что располагались к северу от них и "вообще окружающего мира", а также в закреплении промысловых богатств за отечественными промышленниками. Кроме того, было признано важным, чтобы метеорологические наблюдения на предполагаемой станции были приведены в связь с работами на постоянных станциях Сибири, для чего предполагалось реорганизовать, расширить станции в Верхоянске, Казачьем, Русском Устье и обеспечить их регулярную работу [142].

Для утверждения проекта экспедиции состав Комиссии был расширен. Кроме названных лиц, в нее вошли Ф.А. Бредихин, В.В. Заленский, С.И. Коржинский, Ф.Н. Чернышев[143]. Несколько позднее в состав Комиссии были приглашены А.А. Бунге, Н.М. Книпович (член-корреспондент и почетный член Академии наук, гидробиолог), Остен-Сакен, Г.А. фон Траубенберг (немецкий физик), О.Э. Штубендорф (генерал-лейтенант), К.И. Михайлов (генерал-лейтенант), А.В. Толль, А.А. Бялыницкий-Бируля (сотрудник Зоологического музея Академии наук с 1893 г., позднее — член-корреспондент Академии, зоолог). После обсуждения проекта члены комиссии пришли к заключению, что предприятие

представляет большое научное значение и обещает весьма важные результаты не только в практическом, но и в государственном отношениях[144].

В Центральном государственном архиве Республики Саха (Якутия) сохранились документы, свидетельствующие о разносторонней деятельности Академии наук, Комиссии в период работы Русской полярной экспедиции. Ученые занимались вопросами доставки почты и посылок, организации спасательных партий, дополнительного финансирования, снабжения инструментами, обеспечения топливом, теплой одеждой и т.д. Выступая на общем собрании Академии наук, Толль предложил ввести в состав экспедиции астронома, метеоролога, топографа, нескольких якутов или эвенков (промышленников) в качестве каюров[145].

Согласно плану экспедиции была организована вспомогательная санная партия. Ее возглавил Константин Адамович Воллосович (1866—1919 гг.), геолог, участник ряда последующих экспедиций на северо-восток Азии[146]. В августе 1900 г. к партии был прикомандирован (по ходатайству Академии) Николай Михайлович Орлов (межевой инженер) в качестве топографа и астронома (Главная физическая обсерватория поручила ему инспектирование метеорологических станций в Верхоянске, Усть-Янске и Русском Устье). Его задачей были также магнитные исследования между Якутском и Устьянском[147]. Для метеорологических наблюдений на о. Котельном, сборов зоологических и ботанических коллекций были приглашены ссыльные Иосиф (Осип) Францевич Ционглинский (бывший студент Варшавского университета, дворянин) и Михаил Иванович Бруснев (технолог). Кроме того, оба приняли участие в устройстве депо[148].

В связи с организацией Северо-Тихоокеанской экспедиции В. Николаев писал о переговорах американского этнолога Франца Боаза и академика В.В. Радлова, в результате чего отечественная Академия наук прикомандировала к путешествию В.Г. Богораза и В.И. Иохельсона[149]. Перед участниками Северо-Тихоокеанской экспедиции, пишет И.М. Колесницкая, ставилась задача сравнительного изучения фольклора народов этих регионов, "что должно было в какой-то мере содействовать выяснению их этногенеза и решению проблем заселения Америки"[150].

Рассмотрим некоторые свидетельства документов. Франц Боаз, известный американский этнолог, профессор Колумбийского университета, считал необходимым сравнительное изучение народов Америки и Азии. По его мнению, основным предметом внимания должны были стать народы северо-во-

стока Азии и население между Беринговым проливом и р. Колумбией. Ф. Боаз сформулировал проблему исследования — выявление отношений между народами Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки ("Какие отношения поддерживались между племенами и, в частности, какое влияние оказывало население одного континента на население другого — вот проблемы первостепенной важности"). При этом, писал Боаз, изучать следовало "их прошлое и настоящее, пытаясь, как можно глубже проникнуть в их историю"[151]. По словам Боаза, "план работ в арктической части Сибири был детально разработан с помощью императорской Академии наук в Санкт-Петербурге". Летом 1898 г. он посетил Европу, виделся с Радловым[152].

В марте 1900 г. Иохельсон и Богораз приехали в Нью-Йорк. Материалы, опубликованные в "Русском антропологическом журнале" за 1900 г. (в частности, письмо Иохельсона из Сан-Франциско от 1(14) апреля 1900 г. профессору Д.Н. Анучину и статья Боаза, опубликованная в Нью-Йорке в 1903 г., позволяют с определенной полнотой показать формирование состава Сибирского полярного отдела экспедиции, подготовку его работы. В Нью-Йорке к путешественникам присоединились Норман Бекстон (американец; прикомандирован зоологическим департаментом Нью-Йоркского музея натуральной истории в качестве коллекционера-зоолога, а также для составления гербария; участник экспедиции 1896 г. Филадельфийской Академии наук); Александр Аксельрод (швейцарец, студент Цюрихского политехникума; приглашен в экспедицию Иохельсоном в качестве помощника при этнографических и антропологических исследованиях). Во Владивосток по Транссибирской железной дороге прибыли жены Иохельсона и Богораза, "которые должны были разделить трудности путешествия со своими мужьями и принять участие в делах экспедиции"[153]. Подготовка экспедиции была начата в Нью-Йорке, где Иохельсон и Богораз провели три недели. Президент американского Музея естественных наук Морис К. Джезуп организовал ряд заседаний "для обмена мнений по вопросу об исследовании племен обоих берегов северной части Тихого океана". На них были заслушены рефераты. Джезуп выступил по вопросу о наречиях западных эскимосов, Иохельсон — о юкагирском языке, Богораз — о языке чукчей и др.[154]

Согласно общей инструкции, основной задачей Сибирского отдела Северо-Тихоокеанской экспедиции было исследование чукчей, коряков, юкагиров в этнографическом, лингвистическом, соматологическом отношениях; сбор коллек-

ций, касающихся материальной и духовной истории этих народов, изготовление антропологических снимков и гипсовых масок, производство измерений. Для этой части работы в распоряжении экспедиции было пять фотоаппаратов, 3 тыс. пластинок, два фонографа, два набора антропометрических инструментов системы Боаза, материалы для масок. Музей естественных наук снабдил путешественников также метеорологическими и геологическими инструментами. Большая часть экспедиционного оборудования была закуплена в Европе (морем отправлена во Владивосток); часть его была сделана в Америке и в апреле выслана из Сан-Франциско в тот же порт (доставлена 16 мая). В инструкции указывалось на желательность изучения северо-восточных эвенков, камчадалов и азиатских эскимосов; при этом составление планов исследования предоставлялось членам Сибирского отдела. Иохельсону было поручено составление якутской коллекции и выделены определенные денежные средства. При комплектовании коллекций членами отдела предусматривалось "собрать по возможности больше дубликатов, которые президент Нью-Йоркского музея, мистер Джезуп, намерен послать в дар музею императорской Академии наук". По мнению Иохельсона и Богораза, материальное обеспечение экспедиции было удовлетворительным; "на одни полевые работы отпущено около 15 000 долларов". Путешественники должны были отправиться 17 апреля 1900 г. в Гонолулу, Иокогаму, Нагасаки, Владивосток. Во Владивостоке предполагалось разделение отряда на две партии. Одна из них, под руководством Богораза, должна была отправиться в Анадырский край и к Берингову морю; другая, во главе с Иохельсоном — в Гижигинский округ. Оговаривалось, что после встречи отдела зимой 1900/01 г. Богораз отправится на Чукотку и закончит полевые работы осенью 1901 г.; Иохельсон, согласно предполагаемому плану, должен был завершить исследования в Гижигинском округе летом 1901 г., после чего через Становой хребет перейти в верховья Колымы для сбора материалов о юкагирах и совершить путь в Нью-Йорк через Якутск и Иркутск[155].

Вопросы организации экспедиции Воллосовича (1908 г.), как, впрочем, и других путешествий начала XX столетия, практически не нашли отражения в научной литературе. Обратимся к данным источников. 31 декабря 1907 г. якутский губернатор направил в Петербургскую Академию наук телеграмму о том, что в Верхоянском округе в 300 верстах от с. Казачьего эвен нашел в береговых наслоениях р. Санга-Юрях труп мамонта. Затем последовало отношение Академии наук от 2 апреля 1908 г. о принятии мер по со-

хранности находки и благодарностью "за просвещенное внимание" к интересам науки. Из протокола заседания Физико-математического отделения Академии от 9 января того же года следует, что к этому времени была уже создана комиссия в составе академиков Шмидта, Карпинского, Чернышева и Насонова, которая составила смету расходов на экспедицию "для перевозки мамонта в Петербург" (были предусмотрены расходы и по статье "Геологические исследования в прибрежной полосе Ледовитого океана для выяснения условий местонахождения останков мамонта и других послетретичных животных")[156]. Как свидетельствуют "Памятная запись" от 26 января 1908 г. и письмо к В.В. Коковцеву, интерес к новой находке мамонта определялся желанием Академии наук приобрести полный экземпляр ископаемого животного и тем, что "березовский мамонт, хранящийся ныне в Зоологическом музее, "представляет собою молодой экземпляр, не вполне еще развившийся". Эти же документы отражают и стремление ученых использовать предполагаемую экспедицию для изучения побережья Ледовитого океана между Яной и Индигиркой, о "котором в настоящее время сведения наши равны почти нулю"[157]. В итоге работы Академии наук в подготовительный период была разработана инструкция "для экспедиции, снаряжаемой императорскою Академиею наук на местонахождение вновь найденного трупа мамонта" и сформирован ее состав. Возглавить экспедицию должен был К.А. Воллосович (участник Русской полярной экспедиции), который благодаря хлопотам Толля был освобожден от ссылки с правом въезда в столицу. Результатом переписки Академии наук с Тифлиским музеем было участие в экспедиции Евгения Васильевича Пфиценмейера (консерватор музея, титулярный советник) в качестве препаратора.

Как выше отмечено, ученые Академии наук разработали текст инструкции для экспедиции. Согласно документу, основными задачами ее были детальное исследование местонахождения мамонта ("которое позволило бы выяснить условия гибели и погребения животного, а также восстановить и ту физико-географическую обстановку, в которой оно жило"), при этом должны были быть описаны, сфотографированы его положение, отношение "к окружающим, подстилающим и покрывающим" слоям, изучено геологическое строение окружающей местности, по возможности собран "фаунистический и флористический материал" в местах работ путешественников. В документе высказывалось и пожелание исследовать "мало изученный" Большой Ляховский остров, "геологически тесно связанный с прилега-

ющими частями материка". Общее хозяйственное и научное руководство экспедицией возлагалось на Воллосовича, ему же предстояло подробно изучить и описать местонахождение животного. Помощником Воллосовича назначался Пфиценмейер, которому предписывалось препарирование, консервация останков, доставка их в Петербург ("при препарировании трупа особое внимание необходимо обратить на мягкие части, сохранению которых должны быть приняты все меры. Внутренние органы должны быть привезены полностью. Особое внимание следует уделить содержимому желудка и кишок животного"[158]. В.Л. Омелянский (академик, микробиолог) обратился к академику А.С. Фаминцыну с просьбой включить в программу работ экспедиции бактериологические вопросы ("находку эту желательно было исследовать и в бактериологическом отношении"). В результате путешественники получили необходимые приборы для исследования содержимого желудка, рта, хобота, зубов, кожи мамонта и образцов прилегающих почв[159].

В 1908 г. финансовой комиссией Государственной думы рассматривался вопрос о срочных рейсах между Владивостоком и портами Дальнего Востока. Тогда же было высказано пожелание о продлении линии Владивосток — Чукотский п-ов до Колымского края. 7 апреля того же года в Совете министров было сформулировано предложение о необходимости соединить в возможно краткие сроки восточную окраину "с остальными частями нашего отечества", необходимости организовать особую экспедицию для обследования сухопутных и морских путей сообщения. 12 июня датируется положение Совета министров о том, что на министра торговли возлагается обязанность установить ежегодные пароходные рейсы из портов Тихого океана к устью Колымы, что иркутскому генерал-губернатору предлагается разработать программу снаряжения сухопутной и морской экспедиций в интересах организации постоянных сообщений "с прилегающими к Северо-Ледовитому океану частями Иркутского генерал-губернаторства".

При Министерстве торговли и промышленности было создано межведомственное совещание из представителей ведомств, научных организаций и частных лиц, знакомых с геологическими и топографическими разысканиями на Севере. Результатом работы этого органа явилось предложение о формировании двух экспедиций — морской (общая опись берегов) и сухопутной (съемка береговой линии, геологические и астрономические исследования и наблюдения), о необходимости выделения 65 тыс. руб. на снаряжение сухопутной экспедиции, ее осуществлении в 1908 г. и взаимо-

действии с работами, проводимыми Главным гидрографическим управлением у устья Колымы. Кроме того, было предложено воспользоваться знаниями "компетентного лица, практически знакомого с условиями исследований в Якутской области и заявившего в совещании о своей готовности принять на себя руководство экспедицией с привлечением в это делом сведующих топографов и астрономов"[160] (речь идет о И.П. Толмачеве). Министерство торговли и промышленности считало, что экспедиции необходимо обследовать береговую линию от устья Лены до Берингова пролива, провести физико-географические и геологические исследования, выяснить условия плавания, представить мнение о горнопромышленном состоянии края, "содействовать подготовке дальнейших мероприятий по оживлению этой далекой окраины". При этом отмечалось, что установление морского пути через Берингов пролив к устьям Лены и Колымы могло бы обеспечить население севера Сибири более дешевыми продуктами, равно как и способствовать более свободному вывозу "своих произведений"[161].

На одном из заседаний Физико-математического отделения Академии было заслушано сообщение министра торговли и промышленности, в котором содержалась просьба "ввиду признанной необходимости возложить на экспедицию также и геологическое изучение исследуемой местности" откомандировать в распоряжение министерства ученого хранителя Геологического музея, надворного советника Толмачева и работавшего в этом же музее геолога Воллосовича. Касаясь задач сухопутной экспедиции ("в случае невозможности организации ныне морской экспедиции..., сухопутная экспедиция должна ей предшествовать"), министр писал о необходимости снять вновь всю береговую линию "опытным топографом и подкрепляемой достаточным количеством астрономических наблюдений", физико-географических исследований (имеющих непосредственное отношение к определению условий плавания вдоль берегов и "условий жизни этого отдаленного края"). В этом же документе подчеркивалось значение геологических работ в крае, которые позволят "судить о возможности нахождения горных богатств", сформируют "основу для позднейших более детальных исследований и поисков полезных ископаемых". Последнее, по мнению министра, требовало для участия в экспедиции опытного геолога, "знакомого с геологией крайнего севера Сибири и его физико-географическими проблемами". Здесь же предлагались либо работа экспедиции в течение двух лет, либо одновременное снаряжение двух экспедиций (к востоку

от Колымы до Берингова пролива; к западу от Колымы до Лены)[162].

"Предварительный отчет" Толмачева содержит сообщение о создании в Якутске по инициативе Совета Министров особой комиссии, которая признала желательным устройство по побережью Восточной Сибири опорных станций, для чего предложила организовать сухопутные экспедиции в Верхоянский и Колымский округа[163]. Толмачеву первоначально было предложено изучение побережья от устья Лены до Берингова пролива. Однако план оказался неосуществимым по причине, прежде всего, громадной протяженности маршрута. Было принято решение о работе двух партий: западной, Ленско-Колымской (между Колымой и Леной) во главе с Воллосовичем и восточной, Чукотской (между Колымой и Беринговым проливом) во главе с Толмачевым. В снаряжении экспедиции приняли также участие Главное гидрографическое управление и геодезическое отделение Военно-топографического управления.

Осенью 1913 г. газеты опубликовали сенсационное сообщение: в Северном Ледовитом океане двумя русскими военными судами, транспортами-ледоколами "Таймыр" и "Вайгач" открыта "где-то на меридиане Таймыра новая большая земля величиной с Гренландию". Так выглядели первые сообщения о географических открытиях арктической экспедиции 1910—1915 гг., посланной Главным гидрографическим управлением страны. В то же время названная организация направила экспедицию в район устья Колымы и прилегающие местности для береговой съемки, а Министерство торговли и промышленности — две сухопутные экспедиции для маршрутной съемки побережья Северного Ледовитого океана от Лены до мыса Дежнева. Предприятия должны были помочь разрешить практические задачи времени — установить транспортную связь Дальнего Востока с бассейном Лены и Колымы, освоить Северный морской путь. Было уже известно, что Северный морской путь проходим. Однако, чтобы сделать доступными регулярные плавания по маршруту, нужны были точные знания о полярной области. В задачи экспедиции входили: возможно полное изучение жизни морей, опись береговой части суши и островов, естественные сборы, составление карт малоизвестных берегов, определение астрономических пунктов, характера рельефа дна, течений и движения льдов, составление лоции Северного морского пути и пути из Владивостока к Берингову проливу; магнитные наблюдения, постройка знаков, облегчающих плавание судов[164].

Найден документ, позволяющий заключить, что специально для экспедиции в Академии наук была разработана своеобразная памятка — руководство для работ по сбору материала для Зоологического музея научного центра. Исследователи должны были проявить особое внимание к исследованиям Чукотского побережья и берегов Берингова моря, составлению возможно полных коллекций птиц, гнезд и яиц, сборам моллюсков ("всех без исключения, особенно в более глубоких частях моря и в наиболее удаленных от берегов"), ракообразных, червей, насекомых, медуз, губок. В одном из дел Научного архива Географического общества содержится упоминание об инструкции Академии наук, согласно которой все экземпляры должны были быть снабжены "соответственной этикеткой". Специальная инструкция была составлена также для работ в области океанографии и морской метеорологии.

Данные материалы свидетельствуют о том, что основу освоения Северо-Восточной Азии Академией наук определяло стремление открыть для науки новые народы и территории, новые морские пути.

Основными академическими структурами, которые занимались подготовкой научных работ, были Конференция (Общее собрание), Канцелярия и Физико-математическое отделение, которое формировало специальные комиссии из ведущих ученых для подготовки экспедиций.

Касаясь вопроса организации научного исследования Северо-Восточной Азии в 1725—1917 гг., отечественные ученые выделили специфический документальный пласт — инструкции, которые были разработаны в Академии наук накануне экспедиций и содержали задачи предстоящих исследований в регионе. М.О. Косвен и В.А. Дивин дали высокую оценку этому типу документов. М.О. Косвен отметил особое значение инструкции Г.Ф. Миллера времени Второй Камчатской экспедиции для развития отечественной этнографии. И.С. Вдовин пишет об определяющем значении их для результатов деятельности путешественников. В.Ф. Гнучева, И.С. Вдовин, М.О. Косвен, Ю.Г. Гессен, В.В. Невский, Д.М. Есаков, В.И. Греков, А.И. Алексеев, В.М. Пасецкий, В.А. Дивин, Н.Г. Фрадкин и др. установили наличие инструкций для ряда путешествий, передали содержание некоторых из них, а часть — опубликовали. В.И. Греков показал значение изучения этого материала для установления различий деятельности Академии наук и правительства в исследовании страны. В.Ф. Гнучева обратила внимание на формирование в Академии комиссий для подготовки путешествий.

Однако очевидно, что найденными учеными документы иногда лишь названы, либо изучены частично. Преимущественно внимание привлекли материалы об организации Второй Камчатской экспедиции и путешествия И.Г. Вознесенского. Весь документальный комплекс, касающийся подготовки предприятий (наставления, наказы, представления, записки, росписи, определения и др.), история их формирования еще не выявлены, не решен вопрос в его значении в истории научных знаний. Кроме того, в существующей литературе встречаются ошибочные положения о значении отдельных документов, противоречия в их толковании.

Между тем, изучение этого сложного документального собрания XVIII — начала XX в. позволяет отчетливо показать организацию изучения региона, научные представления о северо-востоке Азии того времени, динамику их развития на протяжении двух столетий, достаточно полно проследить участие в нем Академии наук. Исследование документов типа "инструкций", содержащих задачи научных разысканий, подробное описание методов работы путешественников, определение маршрутов и сроков работ, а также соответствие результатов деятельности экспедиций поставленным задачам позволяет квалифицировать их как программы Академии наук по освоению северо-востока Азии. Разработка научных программ путешествий являлась определяющим моментом в организации экспедиционных исследований. В то же время в Академии проводились специальные заседания Конференции, Физико-математического отделения, формировались комиссии, члены которых, как правило, определяли задачи предстоящих исследований, планы работ, состав участников путешествий. Данные источников свидетельствуют, что подготавливая очередную экспедицию, Академия учитывала опыт предшествующих путешествий, а также исследования фундаментального типа, которые велись в научном центре (работы П.С. Палласа, М.В. Ломоносова, К.М. Бэра и др.).

Глава III

ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

В документах Академии наук XVIII—XIX вв. широкое распространение получили термины "натуральная история", "натуралист". Их употребление в связи с научным освоением Северо-Восточной Азии сравнительно долго означало и единство, определенную нераздельность естественно-научных исследований с работами историко-этнографической направленности. Учитывая состояние науки, мощное развитие различных областей знания, характер и возможности собранного материала по исследуемой теме, представляется наиболее целесообразным рассмотреть вышеназванные направления в различных главах. В данной главе, как и следует из названия, представлены вопросы, связанные с естественно-научным изучением региона. Разделение документального материала по темам носит условный характер, так как исследование края было комплексным, а научные знания о нем только еще добывались.

Перечень вопросов, которыми занималась Академия наук, огромен: установление координат различных мест, составление карт, исследование океана, вечной мерзлоты, выявление особенностей атмосферных явлений, поиски останков доисторических животных; широкий круг работ по географии, метеорологии, геологии, биологии и др.[1] Попытаемся определить основные направления естественно-научных исследований Академии в крае до 1917 г. Опустим, однако, специальные наблюдения в области геологии, географии, метеорологии и потому, что по этим отраслям знаний опубликованы наиболее полные исследования. Отметим также, что поступление первых, иногда очень точных, но разрозненных данных о Северо-Восточной Азии и ее коренном населении относится ко времени продвижения промышленных и служилых людей на Восток, вовлечением региона в

орбиту Российского государства. "Отписки", "статейные списки", "распросные речи", "скаски", "доезды", "челобитные", "росписи", "книги ясачного сбору", "чертежи" XVII в. явились первыми документами, в которых содержались географические данные о "новых землях", сведения о народах, их численности, социальной организации, имущественном положении, родственных и экономических связях, источниках существования[2].

Однако широкий сбор фактического материала, появление первых наблюдений и исследований в различных отраслях знания, начало формирования фундаментальной базы всестороннего научного освоения Северо-Восточной Азии связаны с созданием в 1725 г. и деятельностью отечественной Академии наук. Направление, значительность, специфика работы Академии по изучению края определялись внутренними потребностями страны, уровнем и характером развития мировой науки того времени, преимуществами отечественного исследовательского центра, наконец, самим фактом целенаправленного интереса ученых к региону.

Одной из актуальных была тема вечной мерзлоты. Согласно современным представлениям о Вселенной, лишь на Земле, в ее биосфере, существуют уникальные условия, при которых возможна жизнь (растительная, животная, микробная). С течением времени исключительное место в биосфере занял человек, изменивший до неузнаваемости земную поверхность. Создавая орудия труда, осваивая различные виды энергии (химическая, паровая, электрическая, атомная и др.), занимаясь земледелием, скотоводством, человечество встало на путь овладения планетой, изменения ее облика. В начале XX в. в Западной Европе и Северной Америке началось движение за сохранение природы. В 1910 г. в Швейцарии, в Граце на VIII конгрессе по зоологии было принято решение о создании Международного временного комитета для покровительства над флорой и фауной. Позднее комитет был преобразован в "Постоянную международную комиссию всемирного покровительства растительного и животного царств". Петербургская Академия наук одобрила движение и рекомендовала для работы в Комиссии И.П. Бородина и Н.В. Насонова[3].

В настоящее время проблема сознательного регулирования процесса взаимодействия человека и природы приобрела планетарный характер и рассматривается как основное условие сохранения жизни на Земле. Экологические аспекты жизнедеятельности стали объектом пристального внимания многих ученых и общественных деятелей.

К этому кругу вопросов относится и явление, известное как "вечная мерзлота". В современной науке приняты также

названия: “многолетняя мерзлота“ и “многолетняя криолитозона“. Вечная мерзлота—непременный компонент природы на четверти суши. Особое значение изучение явления приобретает для Северо-Восточной Азии. Актуальность вопроса непрерывно возрастает по мере расширения экономического освоения региона как зоны чрезвычайно чувствительной к деятельности человека, находящейся в области распространения многолетнемерзлых грунтов, но одновременно содержащей необходимые обществу разнообразные полезные ископаемые, гидроресурсы, лесные богатства. Возраст современной вечной мерзлоты определяется приблизительно двумя миллионами лет. Предметом специального научного исследования она стала в прошлом столетии.

Первые сведения о вечномерзлых грунтах Сибири поступили в Академию наук еще в XVIII в., во время первой академической экспедиции в регионе. Об этом сообщается в отчете Академии за 1837 г.: “Уже в первые путешествия академиков было замечено, что почва Сибири, начиная от Ледовитого моря до Байкала, заключает в себе вечные льды“[4]. Э. Реклю писал о реакции зарубежных ученых на сообщение И.Г. Гмелина о вечной мерзлоте: “Это явление казалось противоречащим теории правильного возрастания земной температуры в глубинах и ученые недоумевали, каким образом мерзлая почва Якутска может покрываться растительностью и как могут вызревать на ней посевы хлеба. Геолог Леопольд фон Бух отвергал наблюдения Гмелина, как не имеющие никакой цены; астроном Ганстен тоже объявил их ошибочными“[5]. Таким образом, зарубежные исследователи не смогли тогда принять сообщение о вечномерзлых грунтах, так как это противоречило представлениям о возрастании температуры Земли в направлении к ядру планеты и сообщениям о развитости форм органической жизни в районе Якутска. В XVIII столетии явление не стало предметом исследований и для отечественной науки. Как и западно-европейские ученые, исследователи Петербургской Академии наук считали невероятным “обильное произрастание“ на оледенелой почве.

В XIX в. наметился новый подход в понимании распределения температур на Земле; была замечена зависимость последних не только от географической широты, но и от степени удаленности различных областей от морей. В этой связи, как отмечалось в материале 1837 г., “каждое новое сведение о температурах земли в Сибири приобрело новую занимательность“. Встал вопрос о сборе точных данных о “толщине ледяных слоев“. К этому времени в Академии наук знали о комиссионере Русско-Американской компании

Ф. Шергине, который "в Якутске единственно для удовлетворения своего любопытства велел вырыть за свой счет колодезь". В научное учреждение была подана записка о шахте Ф. Шергина, составленная Г.П. Гельмерсеном, опубликованная годом позже в "Bulletin scientifique".

По предложению К.М. Бэра в 1837 г. в Академии наук была сформирована специальная комиссия в составе ординарных академиков, физиков Е.И. Паррота, А.Я. Купфера и Э.Х. Ленца. Ученые должны были решить, следует ли продолжать работы по углублению шахты в Якутске и "какой всего приличнее дать ход дальнейшим разысканиям"[6]. Заключив о ненужности углублять шахту, академическая комиссия предложила воспользоваться ею "для определения со всевозможной точностью средних температур года и месяцев в разных слоях между поверхностью земли и дном колодца с тем, чтобы впоследствии вынести закон возрастания температуры по мере увеличения глубины". Полагаясь на донесение комиссии, Конференция в начале 1838 г. вынесла решение о посылке в Якутск термометров, при этом просила Шергина ответить на вопросы: "До какой глубины земля в окрестностях Якутска остается замерзшею под исход лета в странах лесистых, открытых, болотистых, луговых и песчаных?"; "Какая бывает температура почвы во всех сих различных местах в конце июля месяца на глубине полутора фута?"; "Бывает ли в небольших речках в окрестностях Якутска зимою вода или она сплошь из них убывает?"[7].

В ответ на запрос Академии Шергин сообщил, что в сентябре 1838 г. земля в лесу оттаяла на 4 фута 2 дюйма, в болотистых местах — на 6 футов 8 дюймов, в открытых — на 6 футов 3 дюйма, на лугах — на 5 футов 6 дюймов, на песчаных местах — на 6 футов 3 дюйма — "что, впрочем, должно приписать жарам и необыкновенной продолжительности лета... в обыкновенные годы отношение сие составляет не более 3 1/2 до 4 1/2 футов". Температура земли на глубине полутора футов в конце июля, по наблюдениям Шергина, изменялась от 2 до 4 градусов по Реомюру. В ответ на третий вопрос он писал, что речки в окрестностях Якутска зимой бывают безводными, за исключением тех, которые поддерживаются ключами ("в них ключевая вода пробивается сквозь ледяную оболочку и образует огромные ледяные накипни")[8].

К осени 1841 г. в Академии наук был разработан проект специальной экспедиции в Сибирь. К этому времени вопрос о вечной мерзлоте уже привлек внимание ученых мира. Сообщения о шахте в Якутске вызвали "большое удивление" в Европе. Некоторые из зарубежных геологов "решительно

сомневались в справедливости того, что... в Якутске вырыли колодезь в 13 сажень глубины, не нашед земли растаявшею". Однако английские ученые высказались за необходимость дополнительных температурных наблюдений в шахте, учитывая влияние наружного воздуха. Для соответствующих измерений они послали термометры в Северную Америку. Отечественная Академия приступили к детальной подготовке работы экспедиции А.Ф. Миддендорфа, одной из основных задач которой было исследование вечномерзлых грунтов — проверка их наличия, сбор данных о температуре, мощности, границах распространения. Одновременно предполагались наблюдения над интенсивностью органической жизни на поверхности земли, климатическими особенностями региона. Как известно, ученый работал на территории Таймыра, прилегающей части Ледовитого океана, Якутии, Шантарских островов и Удском остроге. В Академию наук были доставлены сведения о промерзании земли около Якутска на 600 футов, о распространении вечномерзлых грунтов "даже до китайской границы, по крайней мере, до одинаковой широты с Берлином"; о значительности растительного покрова в зоне вечной мерзлоты; о том, что "в некоторых местах очень хорошо созревает поверх льда рожь и даже пшеница"; что леса и травы произрастают много севернее, нежели предполагалось. Важными были признаны работы в области зоологии и ботаники. Они дополнили имевшиеся сведения о границах обитания животных и произрастания растений, изменениях животных и растений в зависимости от климата[9]. По завершению путешествия Академия наук констатировала, что "ни одна из всех арктических экспедиций, снаряженных Англиею и Россиею... не принесли столько пользы науке, как Миддендорфова".

Исследования вечномерзлых грунтов продолжил Г.А. Майдель. Некоторое время о работе его экспедиции по изучению почвенного льда свидетельствовали лишь письма путешественника, опубликованные в 1872 г. в "Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg". Из "Путешествия" Майделя и одной из работ, опубликованной в 1897 г., следует, что "все свои наблюдения, произведенные в наиболее отдаленных и наименее исследованных частях Северной Сибири, путешественник занес в дневники и затем передал их Э.В. Толлю[10]. Кроме того, в 1891 г. Майдель написал ученому письмо, в котором привел описание почвенного льда: "За дерновым покровом следует лед; он имеет желтоватый цвет и пронизан воздушными пузырьками и содержит весьма нежные трещины, выполненные весьма тонким, толщиною в лист почтовой бумаги, слоем глины"[11].

Высоко оценивая "прекрасные наблюдения над каменным льдом", Толль считал, что "результаты исследований барона Майделя в достаточной мере доказывают, что описываемые ледяные массы на Шандране и на Нерпичьей представляют постоянную горную породу, в форме весьма распространенных залежей"[12]. Значение работ Майделя в области изучения подземных льдов отмечено в советской научной литературе. П.А. Шумский пишет, что путешественник "дал самые детальные и точные из существующих макроскопических описаний ископаемых льдов, отметив такие черты их строения, которые большинство исследователей оставляли и до сих пор продолжают оставлять без внимания, или сознательно не упоминают, не находя им объяснения", а также наметил районы их распространения[13].

Материалы о работе Академии наук в связи с экспедициями в Северо-Восточную Азию, их подготовкой и обработкой материалов свидетельствуют о приоритете отечественной науки в исследовании многолетней криолитозоны. Отечественные ученые открыли само явление, установили его широкое распространение, а также опровергли утверждения о невозможности развития различных форм органической жизни на территориях с вечномерзлыми грунтами.

Научное освоение Северо-Восточной Азии сопровождалось значительной работой Академии по исследованию древней фауны. Известно, что и в наше время регион, его островная часть, являются уникальной территорией, где до сих пор находят ископаемые останки. Попытаемся вернуться к истокам этого вопроса, выявить особенности и достижения в его изучении на тот период.

К концу XVIII столетия относится сообщение Г.А. Сарычева, которое знакомит нас с представлениями того времени о местах обитания вымерших животных и их появлении в Северо-Восточной Азии. Путешественник писал, что уже тогда существовала гипотеза о первоначальном обитании гигантских слонов и носорогов в теплых странах и последующем появлении их на Севере, благодаря "завезению" во время "давно бывших походов". Кроме того, Сарычев сообщал, что некоторые ученые считали останки животных занесенными сюда водой во времена всемирного потопа. Интересную мысль высказал сам исследователь. По мнению Сарычева, родиной гигантских животных была Северо-Восточная Азия в период более теплого климата в регионе. Их исчезновение он объяснял сменой климата на Земле[14].

Последующие известия об ископаемых животных связаны с работой экспедиции М.И. Адамса 1806—1807 гг. в Северо-Восточной Азии. Первоначально Адамс был послан в составе

группы ученых при посольстве, следовавшем в Китай. В Центральном государственном историческом архиве сохранились материалы переписки, позволяющие уточнить некоторые моменты начала экспедиции Адамса на северо-восток. На вопрос Министерства народного просвещения "От Академии ли Адамс посылан был для путешествия или сам собою предпринял оное?", непременный секретарь Академии наук отвечал: Конференция "назначила" Адамса в путешествие с посольством в Китай; "после сего, когда посольству надлежало возвратиться в Санктпетербург, граф Головкин предложил г. Адамсу объехать вдоль по Яблонному хребту до Охотска и Шантарских островов". Далее из Академии сообщали, что Ю.А. Головкин вскоре отменил свое решение и "послал г. Адамса в Якутск"[15]. Получив здесь известие о мамонте, Адамс обратился с письмом к президенту Академии наук. К документу были приложены рисунок и описание трупа животного, присланные "главою якутского купечества Поповым"[16]. Издатель "Сибирского вестника" Г. Спасский, публикуя материал из "Путешествия" Адамса, комментировал: письмо натуралиста к президенту Академии Н.Н. Новосильцеву было зачитано в заседании 3 сентября 1806 года[17]. Конференция одобрила решение Адамса поехать в район, где был найден мамонт, и приобрести для Академии его остов[18]. Ученый сделал ботанические сборы, а также описание к ним. Однако самым заметным результатом его работы был скелет мамонта, доставленный в Петербург: "кости сего животного древних времен, три четверти его кожи и около 1 1/2 пуда шерсти"[19]. Из документа Академии от 19 декабря 1808 г. следует, что доставленный Адамсом в Петербург мамонт был предметом обсуждения ряда заседаний. По завершении составления остова ископаемого животного и его исследования ученые пришли к выводу о его существенном отличии от известных науке слонов и что поэтому он "заслуживает особливого внимания естествоиспытателей"[20].

"Краткий отчет о путешествии", изданный в 1807—1808 гг. на французском языке, "Отрывок из путешествия" 1820 г. издания, "Записка" Адамса о поездке в северные районы (ЦГИА, ф. 18, оп. 2, д. 1781), и описание мамонта Тилезиусом фон Тиленау раскрывают историю находки мамонта, обнаруженного в 90-х гг. XVIII столетия "тунгуским князьцом" Осипом Шумаховым на севере Якутии и содержат подробное описание останков ископаемого животного, увиденного путешественником. Можно лишь добавить, что в Центральном государственном историческом архиве (ф. 18,

оп. 2, д. 1781, л. 1—8 об.) хранится рукопись на немецком языке "Über das Mamutthier: Aus einem Reisejournal nach den Küsten des Eismeers" ("О мамонте. Из журнала путешествия по побережью Ледовитого океана"), подписанная М. Адамсом и не датированная. В 1807 г. в № XXV "Journal du Nord" в качестве приложения ("Supplément au Journal du Nord") на французском языке была опубликована работа Адамса "Relation d'un voyage à la mer glaciale et dècouverte des restes d'un mamouth" ("Описание путешествия к Ледовитому морю и отыскание останков мамонта"). Данный текст был переведен на русский язык и опубликован в 1820 г. в "Сибирском вестнике". Сочинение Тилезиуса фон Тиленау удалось найти в "Трудах Академии наук" (СПб., 1821. Ч. 1. С. 106—131). Его полное название "Описание остова сибирского мамонта, вырытого из земли в 1797-м году при берегах Ледовитого моря, с присовокуплением рассуждения о различии пород слонового рода". Заметим, что в Академию наук сочинение было представлено 10 июня 1810 г. Сопоставление вышеперечисленных текстов позволяет заключить об их идентичности, включая вторую часть сочинения Тилезиуса фон Тиленау, содержащую фактически оригинальный перевод работы Адамса, изданной на французском языке в 1807 г. Это издание 1807 г. является наиболее полным; в отличие от переводов на русский язык (публикации 1820 и 1821 г.) оно снабжено небольшим предисловием, содержит более подробное описание реки Лены, ее берегов; целые разделы посвящены мамонтам.

Ученые — представители различных областей знания проявляли значительный интерес к Чукотской экспедиции Г.Л. Майделя 1868—1870 гг. Рассмотрим пока лишь одно из направлений деятельности путешественника.

В бумагах Канцелярии Конференции сохранилось упоминание о получении Академией уведомления от Майделя из Средне-Колымска[21]. Текст этого письма обнаружен в "Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg" (Т. XVI, n 2). Оно датировано 7 февраля 1869 г., получено в Петербурге ординарным академиком, зоологом Л.И. Шренком в конце августа того же года и опубликовано на немецком языке. Майдель сообщал Шренку об останках мамонта в виде куска шкуры, покрытого волосами, обнаруженного летом 1867 г. эвенком Фокой между Алазеей и Индигиркой. В письме указывалось конкретное место залегания останков — "западный приток реки Ковшечьей". В заключение Майдель писал: "Вопрос состоит только в том, можно ли заключить из столь незначительных примет о наличии

целого трупа или нет. Я надеюсь в следующую зиму, ноябрь или декабрь, снова быть в Средне-Колымске и хотел бы Вас очень просить поэтому к этому времени доставить мне инструкцию“[22]. В связи с этим сообщением Физико-математическое отделение Академии наук поручило комиссии в составе Ф.Ф. Брандта, Г.П. Гельмерсена, Л.И. Шренка, К.И. Максимовича и А.А. Штрауха “обсудить вопрос, насколько, означенное известие заслуживает внимания“[23]. Члены комиссии отметили работу Миддендорфа и Бэра по обобщению, сопоставлению данных Я. Санникова, М.М. Геденштрома, Ф.П. Врангеля и других путешественников о скоплениях останков ископаемых животных на Медвежьих, Ляховских, Новосибирских островах и в прилегающих областях (“по сообщению Геденштрома наибольшее множество их (останков мамонтов. — *Д.Ш.*) обнажилось от сильных восточных ветров на мели, расположенной западнее Большого Ляховского острова“). Отмечая обилие “отдельных костей и зубов“ животных в названном районе, комиссия пришла к заключению, что “противоположное побережье Сибири должно быть исключительно богато трупами мамонтов, части которых при разложении смываются и по рекам выносятся в море, где льдами и течением сносятся далее и отчасти рассеиваются по дну морей, частично выбрасываются на побережье данных островов“. Аналогичная картина, по их мнению, была характерной и для других отрезков береговой линии Сибири (“далее на восток и к западу“). Аргументы же в пользу утверждения о “множестве останков мамонтов между Колымой и Леной“ они считали “очевидными“. Ввиду этого, ученые придавали большое значение сообщению об останках мамонта в районе реки Ковшечьей, которая “лежит посреди названной области, между Алазеей и Индигиркой, почти на долготе острова Новая Сибирь“, тем более, что известия об этой находке уже неоднократно поступали. Учитывая также, что Майдель уже находился поблизости от места находки, комиссия решила “на месте обследовать заявленного мамонта и в возможном случае овладеть им самим или, в крайнем случае, его важнейшими частями“[24].

На основании заключения комиссии Конференция “положила засвидетельствовать г. Майделя признательностью за сообщение ей сего важного для науки известия и просить его отыскать и исследовать вновь открытый труп мамонта“[25]. Генерал-губернатору Восточной Сибири последовало отношение за подписью президента Академии наук, в котором подчеркивалась “важность ученых вопросов, возбужденных нахождением мамонта в Сибири“. Одновременно Академия

уведомляла: "Для расходов же по сим исследованиям, а также для перевозки, если окажется возможным, некоторых частей трупа, Академия полагала бы снабдить г. Майделя необходимыми денежными средствами, которые по приблизительному расчету составят 1500 руб.". Из этого же документа следовало, что Майделю был направлен из Академии наук пакет за № 2195, в котором путешественнику посылались инструкции и сочинения, "необходимые ему для исполнения означенного поручения Академии"[26]. В ответном письме от 5 апреля 1870 года из Анюя Майдель сообщал Шренку, что в Нижнеколымске он был извещен якутом о "другом трупе или, по крайней мере, скелете мамонта, найденном на берегу реки Колымы, между Средне- и Нижне-Колымском, верстах в 200 от последнего"[27]. 24 ноября 1870 г. путешественник писал из Якутска о скоплении костей и клыков мамонтов в низовьях рек между Индигиркой и Алазеей ("так что каждый год туда отправлялось большое количество людей"), а также о находке третьего мамонта (в 40 верстах на запад от первого, на р. Шандран). На основании этих фактов академик Шренк составил записку "О найденных в последнее время в Сибири мамонтах" и выступил на заседании 9 февраля 1871 г.[28]

Однако надежда найти целый труп мамонта, либо его скелет, не оправдалась. Между Индигиркой и Колымой были обнаружены лишь отдельные кости, конечности, череп, куски кожи. Двадцать лет спустя Майдель напишет: "В первом своем отчете императорской Академии наук я высказал убеждение, что в двух местах нахождения ног мамонта были прежде полные трупы, но что они были унесены течением задолго до моего прибытия. Это очевидно была ошибка, а потому я вполне соглашаюсь с мнением академика Шренка, что имел в обоих случаях дело с принесенными течением обломками, да к тому же еще различных животных"[29].

Одновременно Майдель проводил наблюдение над "почвенным льдом". По пути к первому месту залегания мамонта он обнаружил лед непосредственно "под луговой дерниной и довольно высоко над уровнем воды". О месте второй находки путешественник писал: "на протяжении от половины версты почти везде под луговой дерниной был ледяной слой, мощность которого я определил... в 4 сажени". Для того, чтобы убедиться, что это была настоящая ледяная почва, Майдель предпринял раскопки в различных местах склонов, но повсюду "также нашел крепкий лед". Кроме того, путешественник сделал чертежи разреза, фотографии, составил карту ("которая частично основывалась на снимках с пеленгокомпасом, частично на определениях круга Пистора и расспросах

у тамошних жителей, чтобы ознакомить Академию с местностью")[30].

В период Первого международного полярного года Академия наук поручила А.А. Бунге собрать путем опроса населения сведения о месте залегания трупа мамонта, найденного в 1799 г., скелет которого находился в Петербурге. В случае успешности работ выдвигалась задача — исследовать местность с целью выявления условий сохранности доисторических животных. Выполняя задание, Бунге пришел к заключению, что останки мамонта находились не во льду, а в мерзлой земле. Кроме того, было изучено еще одно место залегания трупа ископаемого животного, о котором путешественнику сообщили якуты. В связи с работами по раскопкам останков животного Бунге остался в дельте Лены после отъезда экспедиции. Однако среди найденных останков оказались лишь разрубленные кости и следы содержимого желудка, которые и были переданы в Академию наук[31].

Следующее сообщение о работах Академии наук по изучению ископаемых животных связано с деятельностью экспедиции А.А. Бунге — Э.В. Толля на Новосибирских островах и в Приленском крае в 1885—1886 гг. Одним из направлений работ путешественников было исследование мест залегания ископаемых животных с целью выяснения физико-географических условий прошлого. На Бытантае Толль изучил обрыв, в котором находился труп носорога, обнаруженный в 1877 г., и пришел к заключению, что он был найден в переотложенном виде. На основании исследования последовательности отложений на р. Бор-Юрях (найдены были части скелета, отдельные кости, сухожилия) Толль пришел к выводу о залегании животного в породе, являющейся каменным льдом. Изучая береговое обнажение на мысе Толстом Большого Ляховского острова, путешественник сделал вывод, что мамонт залегал в промерзлой почве[32].

Кости ископаемых млекопитающих, "новейшие обширные материалы (свыше 2518 экземпляров)", собранные путешественниками на Новосибирских островах, в бассейне Яны и устье Лены были переданы для обработки И.Д. Черскому[33]. В состав коллекции вошло 2077 экз., найденных на Большом Ляховском острове, 382 — из бассейна Яны, 48 — с низовьев Лены и 10 — с о. Новая Сибирь. В январе 1889 г. Академия назначила Черскому денежное пособие в размере оклада сверхштатного ученого хранителя Зоологического музея. А 16 января 1890 г. на заседании Физико-математического отделения академики Л.И. Шренк и А.А. Штраух представляли "интересный и замечательный труд" Черско-

го — “Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных, собранных Новосибирской экспедицией 1885—1886 гг.“ (Зап. Акад. наук. СПб., 1891. Т. 65. Прил. 1). Отмечая, что “г. Черский, не имеющий никаких средств к существованию, не в состоянии окончить свою работу без денежной поддержки со стороны Академии“, ученые предложили выделить исследователю 1000 рублей для завершения сочинения и работ по оформлению коллекций (“г. Черскому надлежит еще снабдить необходимыми этикетками и занести в каталог музея... 2518 экземпляров“).[34]

В монографии Черского представлены сведения о четвертичных млекопитающих Сибири, о составе четвертичных отложений, распределении в них ископаемых останков, а также общий обзор подготовки экспедиции на Новосибирские острова и в Приянский край[35]. 7 ноября 1892 г. на Общем собрании Академии работа была охарактеризована как представляющая “выдающийся интерес“, как “основа познаний о вымерших млекопитающих Сибири“, как капитальный труд, который бесспорно займет видное место в русской научной литературе[36].

В протоколе заседания Общего собрания Академии наук от 7 ноября 1892 г. отмечено поступление сообщения из экспедиции Черского 1891—1892 гг. о находке М.М. Санниковым трупа мамонта в Приянской тундре[37]. Сохранилось и письмо путешественника, посланное Ф.Д. Плеске в феврале 1892 г. из Верхнеколымска, в котором Черский писал: «на Колыму проник слух, будто бы М.М. Санников (с Казачьего на р. Яне) открыл где-то “великолепно сохранившийся“ труп мамонта и занят теперь сбережением и охранением его от возможной гибели». Из него же узнаем, что ученый составил для Санникова “довольно подробную инструкцию“, копию которой он направил в Академию наук[38]. “Так как одна из главнейших целей экспедиции, — писал ученый, — заключается в геологическом изучении почвы, в которой встречаются остатки мамонтов и других ископаемых животных, то понятно, что приобретение более или менее хорошо сохранившегося трупа мамонта (или другого какого-нибудь животного того времени) имело бы громадное значение для науки“. Черский просил обратить внимание на точное место находки (расстояние от ближайшего населенного пункта: на восточной стороне Яны либо на западной), целостность трупа, степень его обнажения над поверхностью земли, сохранность шерсти и внутренностей, характерные особенности (сохранился ли хобот, который “имеет для нас очень важное

значение и потому сохранением его надо дорожить, как равно и ушами этого животного"; особенное внимание следовало обращать также на целостность хвоста, длину его. На случай же, если бы слух о находке мамонта не подтвердился, путешественник просил Санникова "сохранить у себя все ископаемые кости", переслать их в Верхоянск, откуда (после определения) Черский обязывался отправить их от имени нашедшего в музей Академии наук[39]. Судя по документам, Санников независимо от Черского направил в Академию письмо, текст которого был зачитан на заседании Физико-математического отделения 15 января 1892 г.: "От Устьянска в 400-х верстах встретился курган (возвышенность), под которым на поверхности земли мной замечен клок какого-то волосу; раскопав землю в глубину четверти, я достал кожу с волосами, как полагаю от мамонта, затем далее ясно заметно много волосу и мяса, самого свежего... Грунт земли, где это найдено, песчаный"[40]. Уже тогда на Отделении было принято решение "дальнейшие разведки по этому предмету поручить г. Черскому"[41]. Сведения, полученные "от опытного и сведущего местного промышленника Санникова", подкрепленные вещественным материалом (в Академию была послана кожа мамонте с шерстью), "казались вполне достоверными". В связи с этим задача исследования находки была поставлена перед последующей экспедицией[42]. Во время же путешествия 1891—1892 гг. были собраны разрозненные останки мамонта, бизона, носорога. Священник Василий Сучковский (из Верхнеколымска) передал Черскому бивень мамонта. Политссыльный С.М. Шаргородский из поселка Родчева переслал в Верхнеколымск отдельные кости ископаемых животных[43].

Заслуживает внимания толкование Толлем направления работ по изучению ископаемых животных. Ученый считал, что вопрос о мамонте, его наружном виде, изготовлении чучела животного, а также сбор подробных сведений об условиях жизни животных, равно как и о физико-географической картине этого периода истории нашей земли имеют существенное значение для человечества, так как именно в этом периоде вместе с мамонтом появился первый след человека[44]. Таким образом, Толль рассматривал исследование ископаемых животных в непосредственной связи с попытками восстановить физико-географическую обстановку Земли времени появления человека.

По этим причинам перед экспедицией Э.В. Толля—Е.И. Шилейко на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана была поставлена задача установить местонахождение мамонта, заявленного Санниковым. Это удалось

сделать в Якутске, где Толль получил сведения, что мамонт был найден Санниковым в 1890 г. в береговом обвале р. Санга-Юрях, в 70 верстах на восток от Аджергайдаха, около 73° северной широты. В раскопках участвовали представители коренного населения, "прилежная дюжина опытных рук, отчасти якутов, работавших уже в 1886 г. ... при раскопках частей мамонта на р. Буор-Юрях". Однако ожидания не оправдались. Были найдены лишь остатки кожи с шерстью, отдельные части конечностей, челюсть молодого мамонта. 15 апреля 1893 г. Толль послал в Академию на имя А.А. Штрауха телеграмму, в которой сообщал: "Разведки мои пока доказали, что целого мамонта ни теперь, ни в 1890 г. не было... В 1890 г. тут же была вероятно хорошо сохраненная часть — бок или нога; с тех пор песцы и вешние воды успели уничтожить весьма ценный остаток..."[45].

Исследуя условия залегания останков мамонтов, Толль пришел к заключению, что они обнаруживаются в местах обитания этих животных. На основании изучения геологического строения горной части Сибири к востоку от Лены и Новосибирских островов, предположений относительно прежних границ материка, Толль составил представление о "стране мамонтов", когда животные свободно передвигались по Берингии, Северной Америке, северным областям Евразии. Исчезновение "мамонтова материка" он связывал с его раздроблением, образованием водного пространства между Азией и Америкой, островами Новосибирского архипелага. Новосибирские острова, по мнению Толля, являлись отторженной частью Верхоянской дуги[46]. С наблюдением исследователя "целых деревьев ольхи" в мамонтоносном слое связано его утверждение, что граница леса во времена мамонта "простиралась не менее как на три градуса севернее, чем ныне", т.е. до 74° северной широты[47]. Толль писал, что на Новосибирских островах, являвшихся одним целым с материковой частью, росли ива, береза, ольха, которыми кормились мамонты, носороги и другие "допотопные животные"[48].

В 1906 г. увидела свет работа М.В. Павловой "Описание ископаемых млекопитающих, собранных Русской полярной экспедицией в 1900—1903 гг.". Она описала останки четвертичных млекопитающих с островов Северного Ледовитого океана (Котельный, Новая Сибирь, Фаддеевский, Столбовой) и п-ова Быковского (дельта Лены); привела данные об условиях их залегания; опубликовала схему послетретичных образований на Новосибирских островах, "сообщенную ей Воллосовичем". Павлова отмечала родство описываемых животных с современными, указывала на их возможное рас-

пространение, “дающее повод предполагать прежнее соединение Европы с Америкой“; высказывалась в пользу мнения о соединении Северной Америки с Северной Азией “еще в конце третичного и в начале четвертичного периодов“[49]. На заседании Физико-математического отделения 22 марта 1906 г. академик Ф.Б. Шмидт представил на предмет опубликования работу Павловой “Описание коллекций послетретичных млекопитающих, собранных последнею экспедициею барона Э.В. Толля в 1900—1903 гг. на Новосибирских островах“. Основная часть материалов, представленных в ней, была собрана К.А. Воллосовичем на о. Котельном. Остальные сборы были осуществлены М.И. Брусневым, А.А. Бялыницким—Бирулей (о. Новая Сибирь), А.В. Колчаком и П.В. Олениным (о. Котельный), Толлем (о-ва Столбовой и Беннета) и др. Основное внимание Павлова уделила описанию лошадей. Выясняя их генезис, автор пришла к заключению, “что лошади Новосибирского архипелага произошли от тех выходцев Северной Америки, которые переходили в Северную Азию в плиоценовый период и в начале четвертичного“[50]. Заключительная глава названного исследования была написана Воллосовичем, который дал краткий обзор фауны в послетретичную эпоху на Крайнем Севере в связи с изменением климата[51].

В 1908 г. состоялась академическая экспедиция, во главе которой стоял К.А. Воллосович. 13 августа 1908 г. на имя академика Ф.Б. Шмидта была получена от него телеграмма: “6 апреля начал раскопки на указанном месте нахождения мамонта на правом берегу Санга-Юрях... трупа мамонта нет даже половины скелета. Добыты две ноги с уцелевшими копытами и кусками кожи, череп без клыков, несколько ребер и один позвонок; из мягких частей сохранились только куски кожи с шерстью и хобот... уцелело соединение хобота с головной кожей“[52]. Как следует из заявления Воллосовича академику Ф.Н. Чернышеву, Е.В. Пфиценмейер “превосходно исполнил препарировку частей мамонтового трупа... работал с неутомимой энергией в пустынной тундре... с успехом доставил эти части... в Петербург. Доставил Академии ряд превосходных фотографий с места раскопок, собрал научные коллекции в низовьях Лены и впервые пополнил научные материалы по мамонту доставкою Институту экспериментальной медицины бактериологических проб из хобота животного“[53]. На заседаниях Физико-математического отделения Ф.Н. Чернышев представил “с одобрением“ для рекомендации к опубликованию работы Воллосовича: “Раскопки Санга-Юряхского мамонта“ и “Сообщение о поездке между Леной и озером Тастах летом 1908 г.“. В “Известиях Академии наук“ была опубликована

статья одного из членов комиссии — Н.В. Насонова "О поступлении в Зоологический музей Академии наук останков трупа мамонта, найденных на р. Санга-Юрях". В Зоологический музей Академии наук в 1908 г. поступили сборы экспедиции: куски кожи мамонта, обильно покрытые волосами; правая передняя и правая задняя ноги останков животного с остатками тканей и отдельные части тела, "между прочим, неполный хобот в спирту"[54].

Контора газетных вырезок и портретов Георга Грантама Бена в Нью-Йорке обратилась в Академию наук с просьбой выслать снимки экспедиции. Рудольф де Кордова, сотрудник ряда английских газет, сообщал о публикации за рубежом фотографий трупа мамонта и просил послать на его имя те из них, которыми располагает Академия. Подобное же предложение поступило из Лондона от Электротипического агенства Болак[55]. Часть иллюстративного материала ("План раскопок мамонта на р. Санга-Юрях в 1908 г.", "Остатки мамонта после снятия верхнего мерзлого слоя", "Положение черепа и хобота мамонта после снятия верхнего мерзлого слоя", "Остров Большой Ляховский, южный берег. Верхние "ископаемые льды") сопровождает статью Воллосовича "Раскопки Санга-Юряхского мамонта в 1908 г."[56] Экспедиция впервые доставила бактериологические пробы. В издании "Архив биологических наук" (СПб., 1910. Т. 16, вып. 1) была опубликована статья В.Л. Омелянского "Бактериологическое исследование Санга-Юряхского мамонта и прилегающей почвы". Ученый писал, что особый интерес находкам мамонтов придает одновременность их существования с первым человеком, возможность до известной степени воссоздать картину развития органической жизни в те времена; что в бактериологической литературе сравнительно мало материала о прошлом микробов, "одного из древнейших обитателей земли", времени их появления, формах и роли в геологические времена. Касаясь итогов работы путешественников в этом направлении, он отмечал лишь частичное выполнение программы намеченных работ по причине плохой сохранности трупа животного. Бактериологическое исследование ископаемых останков, по его мнению, могло быть использовано для характеристики микрофлоры того периода времени. Изучение доставленного материала позволило исследователю заключить, что в эпоху появления человека на Земле существовала достаточно разнообразная микрофлора[57].

Итак, в связи с изучением Академией Северо-Восточной Азии в XVIII — начале XX в. проблема исследования ископаемых животных занимает значительное место. Ученые

собирали их останки, формировали представление о внешнем виде животных, местах их обитания, выступали с положениями о физико-географических условиях на Земле времени существования мамонтов, изучали условия сохранности их трупов.

В настоящее время существуют такие отрасли знаний, как геофизика, метеорология, океанология, физика Земли, вулканология, космофизика, сейсмология, аэрономия. Наблюдения в области перечисленных дисциплин в прошлом столетии объединялись общим названием — физика Земли. В отдельных разделах данной главы (изучение ископаемых животных, Северного Ледовитого океана, северной части Тихого океана) упоминаются работы ученых в этой сфере знаний, что соответствовало представлениям того времени. Однако более целесообразно в данной главе особо рассмотреть материалы первого Международного полярного года и в связи с этим упомянуть об экспедиции в устье Лены, как предприятии, наиболее полно отразившем развитие знаний о физике Земли к концу прошлого века, и положившем на практике начало новому направлению в изучении проблемы, что подтвердили события 30—50 гг. XX в.

Как известно в 1932/33 г. был проведен второй Международный полярный год, затем Международный геофизический год (1957/58 г.) и Международный год геофизического сотрудничества. Начало этих интернациональных научных предприятий относится к 80-м гг. прошлого столетия, когда была выполнена первая международная программа метеорологических, астрономических и магнитных наблюдений в высоких широтах.

Разнообразными были формы участия отечественной Академии наук в подготовке и проведении 1-й Международной полярной экспедиции, один из отрядов которой работал на территории Якутии в дельте Лены с 1882 по 1884 г.

В 1884 г. в Петербурге вторым изданием вышла работа Фр. Гельвальда "В области вечного льда. История путешествий к Северному полюсу с древнейших времен до настоящего", в которой была опубликована речь австрийского полярного исследователя К. Вайпрехта на 48 съезде немецких естествоиспытателей в Граце в 1875 г. Путешественник отметил особую важность исследования полярных областей ("самых важных на земном шаре"), где, по его словам, возникали явления, интенсивность которых предоставляла "полную возможность" изучения различных сил природы. Вайпрехт подчеркнул исключительное значение научных работ в полярных зонах для наблюдений в области метеорологии (исследования колебаний атмосферы между

полюсами и экватором, влияний ледяных массивов на распределение тепла по планете), астрономии, геодезии, ботаники и зоологии. "Животная и растительная жизнь, — говорил Вайпрехт, — при тех исключительных условиях, которые царствуют в полярном поясе, равно как и вопрос о переселении животных, должны возбуждать величайший интерес независимо от описательной части естественной истории". Вместе с тем, по его словам, именно эти зоны (полярные области) изучались недостаточно: "К сожалению, почти безошибочно можно сказать, что мы с жизнью природы на крайнем севере и юге только настолько знакомы, чтобы придти к убеждению, насколько важно для всех отраслей естествознания основательное исследование местных условий этой жизни". Вайпрехт считал ошибочным изучение полярных областей с позиций преимущественно описательной географии, равно как и силами разрозненных экспедиций. Он говорил о необходимости связать арктические исследования с изучением законов природы, когда первое место должны были бы занять "различные отрасли физики, ботаники и зоологии, а затем уже специально географические открытия". Путешественник предлагал опоясать всю арктическую зону наблюдательными станциями (на Новой Земле, под 76°; на Шпицбергене, под 78°; в западной или восточной Гренландии, между 76 и 78°; к северу или востоку от Берингова пролива, под 71° и в Сибири, под 70°) с целью организации систематических одновременных наблюдений[58].

Известно, что к 1877 г. Вайпрехт совместно с графом Г. Вильчеком разработали "Проект занятий международной полярной экспедиции". Среди протоколов заседаний Физико-математического отделения сохранилась запись о том, что к 25 октября 1877 г. "Г. Вайпрехт доставил печатный экземпляр программ для занятий полярной международной экспедиции" в Академию наук[59]. При содействии австрийского посольства Вайпрехт связался и с Русским географическим обществом, предложив присоединиться к разработке проекта экспедиции. В связи с предложением австрийского путешественника была создана особая комиссия ("чрезвычайно удачно составленная из лучших знатоков севера": Н.В. Латкин, А.Ф. Вагнер, Р.Э. Ленц, М.А. Рыкачев, П.П. Семенов, Ф.Б. Шмидт, Л.Н. Шренк), которая одобрила составленную программу наблюдений и высказала пожелание об организации предприятия "в больших размерах, с участием в нем многих государств" и устройств наблюдательных станций "на одинаковых началах", работающих с "одной целью", "по одному общему плану", с использованием одних и тех же приемов. Кроме того, члены

комиссии предложили "для достижения такой общности" созвать конференцию из представителей различных государств, а предварительно вынести вопрос для обсуждения на международном метеорологическом конгрессе в Риме[60].

Согласно решению римского конгресса, 1 октября 1879 г. в Гамбурге открылась конференция с участием представителей от Австрии, Германии, Голландии, Дании, Норвегии, России, Франции и Швеции. Тогда же для предстоящих полярных исследований были определены пункты на севере; высказано пожелание об их организации у южного полюса; намечено начало работ экспедиции на 1881 г. Кроме того, конференция преобразовалась в самостоятельную Международную постоянную полярную комиссию[61], председателем которой в 1880 г. был избран Г.И. Вильд. В 1879 г. в Риме на II Международном метеорологическом конгрессе он был избран председателем Постоянного метеорологического комитета[62].

В августе 1880 г. Полярная комиссия собралась в Берне. Учитывая неопределенность в обеспечении работы наблюдательных станций (отпуск денежных средств был предусмотрен лишь в России, Австрии, Норвегии и Дании), а также неопределенность числа стран-участниц международной экспедиции (не было выяснено участие в предприятии Англии, Америки, Франции), совещание приняло решение о перенесении сроков наблюдений на 1882—1883 гг.[63] В Берне же была оговорена необходимость созыва третьей Международной полярной конференции, чтобы окончательно условиться о пунктах наблюдений, их объеме, способах ведения, времени их начала и завершения[64]. Участник конференции академик Вильд, возвратившись в Петербург, 12 октября 1880 г. выступил с отчетом о командировке на заседании Физико-математического отделения, при этом дал высокую оценку предстоящей экспедиции как международному предприятию, "могущему бесспорно считаться одним из самых важных в новейшее время для исследования физических условий земного шара"[65]. И "так как члены Комиссии выразили еще в Берне и недавно снова заявили желание, чтобы эта Конференция происходила в Петербурге", Вильд обратился к Академии наук "об исходатайствовании разрешения правительства на устройство в Петербурге 20 июля сего года (1881. — *Д.Ш.*) съезда международной Полярной комиссии"[66].

Между тем началась подготовка русской полярной экспедиции в дельту р. Лены. Р.Э. Ленц (член-корреспондент Академии наук, физик), также участник Бернской конференции, созвал полярную комиссию Географического общества, которая рекомендовала в качестве начальника русской

полярной станции Н.Д. Юргенса. Со своей стороны Морское министерство откомандировало его в распоряжение Географического общества сроком на три года, "с назначением ему от министерства содержания наравне с содержанием начальников астрономических станций министерства". Военное министерство рекомендовало в состав экспедиции А.Е. Эйгнера, а министерство внутренних дел — доктора медицины А.А. Бунге. Кроме того, Морское министерство направило для работы на станции двух матросов, "уже перезимовавших на Новой Земле". Предполагалось также, что пять человек "для помощи при ученых занятиях" и два — для обслуживания экспедиции будут наняты в Сибири[67]. Из переписки Бунге, якутского губернатора и Юргенса следует, что в работах экспедиции приняли участие: "служащий якут Ларионов", "казаки Шахурдин, Попов и Корякин", "служитель якут Сысыгин"[68]. Академия наук провела работу с членами экспедиции. Пулковская астрономическая и Главная физическая обсерватории, "не жалея времени и труда", готовили путешественников "в научном отношении", а также обучали навыкам работы с инструментами, которыми предстояло пользоваться на станции. С помощью названных обсерваторий были приобретены некоторые приборы. В отчете о деятельности Русского географического общества за 1880 г. отмечено также, что уже приобретено "несколько прекрасных научных приборов" благодаря инициативе Ленца; что часть их заказана, в том числе в Англии, при этом "некоторые из последних уже готовы и доставлены Обществу". Часть заказов "многих превосходных магнитных и метеорологических приборов" была оформлена через Вильда, который "употребил много труда и времени, чтобы приучить членов наших полярных экспедиций к многочисленным точным наблюдениям, которые им предстояло производить".

В отчете Русского географического общества за 1880 г. высказано предположение относительно устройства второй станции, "которая первоначально предполагалась на островах Новой Сибири, а быть может будет перенесена на устье Колымы"; "является мысль вместе с перенесением этой станции на Колыму превратить ее из второстепенной в главную".

В последующем отчете Русского географического общества как бы подводился итог готовности Ленской экспедиции: "она располагает полным двойным комплексом настолько точных инструментов, насколько современная техника в состоянии изготовить; не менее удачен и выбор личного состава... здоровых и сильных, способных благополучно вы-

нести все ожидающие их лишения и опасности, и глубоко изучивших характер и свойства арктических зимовок". Одновременно отмечалась сложность работы Ленского отряда: дальность расстояний, суровые климатические условия ("устье Лены недалеко от той местности, где наблюдалась самая низкая температура на всем земном шаре")[69].

29 июля 1881 г. в помещении Главной физической обсерватории под председательством Вильда начала свою работу Международная полярная конференция, созванная для окончательного обсуждения программы деятельности полярных станций. Со стороны России присутствовали также Ленц и Юргенс. Приехали в Петербург представители Австро-Венгрии, Голландии, Дании, Норвегии, Франции, Швеции. Во время обсуждений было определено начало работы полярных станций ("как можно скорее, после 1 августа 1882 года и продолжать их, по возможности, до 1 сентября 1883 года"); было решено фиксировать все метеорологические явления и явления магнетизма ежечасно; первого и пятнадцатого числа каждого месяца следовало записывать магнитные наблюдения каждые пять минут в течение двадцати четырех часов и через каждые двадцать секунд в продолжении одного часа[70]. Обсуждался и вопрос "о некоторых специальных наблюдениях, не признанных обязательными". Было решено предложить членам экспедиций ("в свободное от обязательных работ время") проводить наблюдения над температурой почвы, испарениями, атмосферным электричеством. В связи с предложением Вильчека постановили также основать (если возможно) специальный орган полярных станций; предпринять меры, чтобы постройки станций "и предметы, необходимые для жизни, там были оставлены экспедициями в порядке". В отчете Географического общества за 1881 г. отмечено, что "Bulletin de la commission polaire international" начал выходить в Петербурге при главной физической обсерватории с января 1882 г.[71] Так закончился организационный период обширного международного предприятия, в котором приняли участие Австрия, Англия, Германия, Дания, Норвегия, Россия, Северо-Американские Соединенные Штаты, Франция, Швеция, Голландия, Канада и Финляндия.

В августе 1882 г. начали работу двенадцать станций на северном полушарии и две на южном[72]. Голландская экспедиция была затерта льдами в Карском море и вела наблюдения на пароходе "Варна"[73]. Россией были открыты две станции — на о. Сагастыр в дельте Лены и в Малых Кармакулах на Новой Земле. Кроме того, наблюдения велись Павловской, Тифлисской, Екатеринбургской, Нерчинской, Ташкентской обсерваториями и обсерваторией Межевого

института в Москве[74]. Для установления связи наблюдений полярных и постоянных европейских станций Географическое общество поставило вопрос перед различными ведомствами об устройстве на севере европейской части страны и в Сибири временных метеорологических станций для производства магнитных измерений. С целью организации одновременных с полярными станциями магнитных измерений Совет Географического общества обратился в Министерство народного просвещения, в связи с чем Казанский и Дерптский университеты вели во время Первого Международного полярного года регулярные наблюдения[75].

В декабре 1881 г. Ленская экспедиция оставила Петербург, а 20 июня 1882 г. путешественники на трех паузках и одном карбасе вышли из Якутска. Здесь состав экспедиции был пополнен переводчиком, хорошо знающим якутский язык (казак А. Большев, впоследствии выполнял работу наблюдателя), двумя лоцманами (якуты) и рабочими (17 человек, якуты). В Якутске же были построены разборные дом для станции и павильоны для наблюдений, "учреждена почта, специально для Ленской станции", сделаны запасы. С инструментами, оружием, патронами, домом и павильонами, съестными припасами ("между прочим взяты две коровы и теленок"), сеном, "осветительными материалами (120 пудов керосину)", кирпичом, глиною ("во всей Ленской дельте глины нет, а в Булуне она плоха") состоялось пятидесятидневное плавание по Лене. 10 августа экспедиция прибыла к месту назначения[76].

В 1885 г. уже были подготовлены к печати результаты ежечасных метеорологических наблюдений за 1882/83 гг. К предварительному отчету начальника экспедиции Юргенса были приложены барометрические данные за это время, данные о температуре воздуха, влажности, облачности, силе ветра, его продолжительности и средней скорости, о температуре на поверхности земли и на глубине[77]. В научном архиве Географического общества по сей день хранятся "Астрономические наблюдения, произведенные участниками русской полярной экспедиции к устью р. Лены в 1882—1884 г.", "Ежечасные магнитные наблюдения" горизонтального и вертикального напряжений земного магнетизма, "Фотографии экспедиции" (всего 43 снимка, на которых засняты представители коренного населения, постройки, животные, внутренний вид помещений и др.[78] В Государственном архиве Иркутской области отложились "Ежечасные метеорологические наблюдения на станции Сагастырь"[79]. Результаты астрономических работ экспедиции (в обработке В. Фуса), магнитные наблюдения во время экскурсий и на станции в

устье Лены (в обработке Миллера и Юргенса) были опубликованы в Петербурге в 1895 г. в "Трудах русской полярной станции на устье Лены" (ч. 1).

Кроме того, на станции велись наблюдения, которые не предусматривались обязательной программой — над приливами и отливами, северным сиянием ("северные сияния наблюдались ежечасно в продолжении пяти минут... Им велся особый журнал, в который заносилась их форма или вид, сила света, положение на небе и направление движения"), удельным весом и температурой воды, температурой земли, топографические работы, определения географического положения мест. Участники экспедиции составили "Предварительную карту дельты Лены"[80]. В Петербургском отделении Архива Российской Академии наук можно познакомиться с текстом дневников Бунге (рукописный текст и машинопись на немецком языке содержат записи, начиная с 19 июня 1882 по 5 января 1885 г.), где приведены, в частности, якутские названия некоторых растений и птиц, наблюдения по орнитологии, метеорологии, ихтиологии, заметки о природе и др.[81]

На заседаниях Физико-математического отделения Академии неоднократно обсуждались результаты деятельности Бунге в составе Ленской экспедиции. 24 мая 1883 г. академик Л.И. Шренк ознакомил отделение с содержанием письма Бунге от декабря 1882 г., посланного из Сагастыра. Из текста следовало, что путешественник составлял перечни птиц (101 вид), рыб (названия их воспроизведены по-русски и по-якутски); собирал антропологический материал (в том числе черепа), коллекции насекомых (около 50 видов), растений (до 300 видов)[82].

На заседании Физико-математического отделения Академии 28 августа 1884 г. академики Л.И. Шренк и А.А. Штраух представили на предмет рекомендации к печати наблюдения в области зоологии, проведенные Бунге в Сагастыре, в устье Лены и на Быковом мысе.

Выше отмечено, что Русское географическое общество еще в 1880 г. выступило с предложением создать одну из наблюдательных станций в устье Колымы. Однако вопрос был связан с возможностями финансирования: "нужны средства и от изыскания их будет зависеть тот или другой способ осуществления станции"[83]. Судя по материалам отчета за 1882 г., Географическое общество предприняло ряд мер для создания временных метеорологических станций. На средства, пожертвованные сибирским купечеством, была устроены метеорологическая станция в Преображенской и на нижней Тунгуске; руководство его было поручено Черскому[84]. Дан-

ные по его наблюдениям в с. Преображенском начали публиковаться в "Летописях" Главной физической обсерватории с 1 сентября 1882 г. Наблюдения продолжались по 31 августа 1883 г.[85]

По окончании Международной полярной экспедиции 17 апреля 1884 г. в Вене состоялся конгресс, на котором был выработан план издания результатов Международного полярного года. В 1898 г. в Гельсингфорсе вышел в свет последний, 27-й том материалов по геофизике Арктики и Антарктики. В 1905 г. вновь была создана Международная полярная комиссия для согласования работ по всестороннему изучению природы полярных областей. Состоялись конференции в Брюсселе (1906 и 1908 гг.) и Риме (1913 г.). В связи с военными событиями не был созван конгресс в Петербурге в 1916 г. Целью созданной международной организации было объединение исследователей полярных стран, выработка единой методики изучения Арктики и Антарктики без снаряжения экспедиции[86]. Таким образом, было сформировано мнение о необходимости стационарного исследования полярных зон учеными разных стран.

По-видимому, важно отметить, что в 80-е гг. прошлого столетия впервые было предпринято практическое изучение Земли как единого космического организма. Ученые всего мира провели изучение нашей планеты, учитывая особое значение полярных зон, выполняющих роль полюсов магнитного поля, изменение угла наклона по отношению к Солнцу при движении Земли по эклиптике, значение полярных областей как естественных холодильников и поэтому оказывающих влияние на формирование климата планеты. Работы, проведенные на территории Северо-Восточной Азии, явились естественной составной частью исследований ученых всего мира в области физики Земли.

Как известно, к концу XVIII столетия относится окончательное включение в сферу государственной политики России северо-западных и северных берегов Американского континента. В связи с этим Академия наук выполнила целый комплекс работ по изучению побережий Северо-Восточной Азии, Северо-Западной Америки, островов и водного пространства между ними. К указанному времени путешественники доставили новые данные о северной части Тихого океана, Беринговом море, Чукотской земле; по материалам экспедиции И.И. Биллингса—Г.А. Сарычева были составлены более совершенные карты Алеутских островов и побережья Северо-Западной Америки, положены на карту о-ва Гвоздева, берега Чукотского п-ова, отроги некоторых хребтов Чукотки, а также почти все ее реки. Кроме того,

Биллингс, по словам М.И. Белова, стал автором первой достоверной карты полуострова[87].

Торгово-промышленные экспедиции, отдельные плавания на Алеутские острова и в Северную Америку XVIII в. завершились появлением там постоянных поселений, а в 1799 г. и созданием Российско-Американской компании. Одновременно возникла необходимость отправки кораблей в Охотск и на Камчатку, к берегам Восточной Сибири и Русской Америки с продовольствием, различными товарами; встал вопрос об охране этих районов, отыскании путей дальнейшего развития в них промыслов и новых рынков сбыта продуктов зверобойного промысла. В этих условиях было положено начало русским кругосветным и полукругосветным плаваниям по маршруту: Кронштадт — Атлантической океан — мыс Горн—Тихий океан — Индийский океан — мыс Доброй Надежды — Атлантический океан — Кронштадт. Путешествия использовались Академией наук в интересах развития науки.

Участие в проведении кругосветных плаваний XIX в. позволило Академии наук включить в программу своей работы описание различных стран, изучение Мирового океана, исследование флоры и фауны Северо-Восточной Азии, сбор материалов по истории и этнографии народов этого региона, островов Тихого океана и Северо-Западной Америки.

Одним из таких путешествий была экспедиция И.Ф. Крузенштерна — Ю.Ф. Лисянского 1803—1806 гг. По окончании предприятия в Академию наук поступили описания животных, три каталога птиц, научные заметки, коллекции, списки коллекций Г.И. Лангсдорфа, рапорты о минералогических, орнитологических коллекциях и наблюдениях, списки минералов и птиц. В.Г. Тилезиус фон Тиленау представил ихтиологические наблюдения, рисунки, список собранных им рыб и моллюсков[88]. Участники плавания под началом Крузенштерна и Лисянского на протяжении всего путешествия и во время стоянок в Нагасаки и Петропавловске-Камчатском вели инструментальные метеорологические наблюдения, выполняли "ежечасные термометрические, барометрические и гигрометрические измерения в тропической зоне Мирового океана"[89]. Широко известны результаты, значение работ участников плавания для развития различных отраслей научного знания (география, океанография, метеорология, минералогия, ботаника).

Одной из основных задач плавания О.Е. Коцебу в 1823—1826 гг. было крейсерство у северо-западных берегов Америки[90]. Не без участия Академии наук было решено воспол-

зоваться путешествием для научных работ в области физики Земли, астрономии, минералогии, разнообразных наблюдений на суше и в Мировом океане. 2 августа 1826 г. датированы «Донесения от ученых, принявших участие в путешествии на шлюпе "Предприятие"». В. Прейс писал, что опыты с маятником с целью определения формы Земли и нахождения вулканических пустот ему удалось провести в девяти местах, в том числе и на Камчатке, в гавани Святого Петра и Павла, на о. Ситха. Э.Х. Ленц наблюдал за температурой морской воды на различных глубинах ("дабы узнать закон постоянного понижения температуры"), "при всяком разе определен был удельный вес почерпнутой из глубины воды". При этом, писал ученый, "самая большая глубина, которой достигали, была 1000 сажень" (2000 метров. — *Д.Ш.*). Только однажды удалось провести опыт для наблюдения влияния давления на химические соединения. При этом глубина достигала 800 саженей. Для исследования химического состава морская вода, "взятая с поверхности и в различных глубинах, в различных широтах" была привезена в бутылках[91]. В "Записках Академии наук" в 1831 г. была опубликована работа Ленца "Физические наблюдения во время кругосветного путешествия под командой Отто Коцебу в 1823, 1824, 1825 и 1826 годах". Наблюдения ученого по океанографии легли в основу его диссертации, которую он защитил в Гейдельбергском университете[92]. Э.К. Гофман совершил несколько путешествий по Камчатке, барометром измерил высоту вулкана Авача, горы в районе Ново-Архангельска, собрал коллекцию минералов, составил описание их месторождений. И.Ф. Эшшольц привез для Зоологического кабинета Дерптского университета коллекцию, "состоящую почти из 2000 родов животных", и на основе материалов, собранных в экспедиции 1823—1826 гг., приступил к работе над изданием Зоологического атласа[93].

Через месяц после возвращения в Кронштадт шлюпа "Предприятие" порт оставили суда "Моллер" и "Сенявин" под командой М.Н. Станюковича и Ф.П. Литке; началось кругосветное плавание 1826—1829 гг. Экспедиция должна была осуществить опись Северо-Восточной Азии, Алеутских островов, Аляски; доставить на Камчатку и в Русскую Америку железо, такелаж, изделия из холста. По инициативе Академии наук в экспедиции принял участие адъюнкт ботаники К.Г. Мертенс. Была достигнута договоренность, что по завершении путешествия в Академию поступят коллекции и рисунки, собранные и изготовленные кандидатом Петербургского университета натуралистом А.Ф. Постельсом и художником-орнитологом, прусским подданным

Г. Киттлицем. Кроме того работали в экспедиции в звании натуралиста "отставной профессор 8 класса" Кастальский и живописец Академии художеств Михайлов.

Выполнение намеченных задач по натуральной истории было распределено следующим образом. Работы по ботанике выполнялись К.Г. Мертенсом, А.Ф. Постельсом и Г. Киттлицем; по зоологии — А.Ф. Постельсом, Киттлицем и Мертенсом; по минералогии и геогнозии — А.Ф. Постельсом[94]. Обобщая итоги работы экспедиции в области естественных наук и этнографии, Литке писал, что учеными было собрано 100 видов пресмыкающихся, 300 видов рыб, 300 видов птиц в 750 экземплярах, около 700 видов насекомых, коллекции раковин; исследованы (изготовлены изображения, сделан анатомический разбор) моллюски, кольчатые, лучистые, звездчатые, крапивные. Мертенс собрал гербарий, в котором представлено 2500 растений. Постельс и Киттлиц зарисовали растения, Постельс собрал до 330 образцов горнокаменных пород[95]. Все перечисленные собрания поступили по окончании экспедиции в музеи Академии наук[96].

В связи с обработкой научных результатов плавания Академией была проведена большая работа. Как известно, закончив путешествие, Мертенс работал адъюнктом Академии наук. Д.И. Литвинов пришел к заключению, что "по-видимому, кроме окрестностей Петропавловска, Мертенсу удалось ботанизировать на о. Карагинском, у губы Св. Лаврентия по берегам пролива Сенявина"[97]. Растения, которые он собрал, обрабатывались также К.А. Триниусом и Г.П. Бонгардом[98]. В Зоологический музей Академии Мертенс передал составленную им коллекцию рыб[99].

Значительное время посвятил ученый исследованию водорослей. По отзыву Ф.Ф. Брандта, Г.П. Бонгарда, К.М. Бэра Мертенс являлся "бесспорно одним из первых алгеологов своего времени"[100]. Участвовавший в экспедиции Постельс выполнил прекрасные рисунки, запечатлев природную окраску водорослей. Уже после смерти Мертенса (в 1830 г. в Петербурге) в Академию наук поступило прошение Постельса об издании изображений морской флоры, сопровождаемых текстом на русском и латинском языках. В найденном тексте "Рапорта" академиков Г.П. Бонгарда, Ф.Ф. Брандта и К.М. Бэра от 4 ноября 1836 г. дана высокая оценка рисункам Постельса, позволяющая одновременно уточнить значение проделанной работы: "Сверх превосходства и верности изображения сии водоросли не менее замечательны и в ученом отношении. Некоторые из пород совершенно новы, другие доселе еще мало исследованы и даже более известные из них представлены в новом виде"[101]. Из текста этого документа

следует, что Г.П. Бонгард принял предложение Постельса составить описание водорослей, используя записи последнего и оставшиеся замечания Мертенса[102]. В письме министру народного образования от 19 марта 1841 г. Постельс сообщал, что завершил с помощью доктора Ф.И. Рупрехта, хранителя Ботанического музея Академии, работу о всех найденных к этому времени "в российских морях" растениях. Отметив, что после Гмелина этим предметом ботаники никто не занимался в России, ученый писал о своевременности появления иследования: "Между тем, как флора европейских берегов тщательно была исследована в этом отношении англичанами, шведами, датчанами и французами, северная часть Тихого океана осталась в таком забвении, что доныне из нее была известна только 21 порода морских растений"[103].

Особую признательность Академии наук заслужили изображения животных, выполненные Постельсом во время плавания на "Сенявине" и переданные в дар Зоологическому музею. Как записано в протоколе заседания Общего Собрания Академии от 14 января 1866 г., в коллекции рисунков были представлены различные животные, "из коих многие до сих пор никем не были изображены. Эти рисунки тем более замечательны, что изображают естественные цвета животных"[104].

Киттлиц после завершения экспедиции был оставлен "приватно при императорской Академии наук с жалованьем 2500 руб. в год для обработки собранных им ученых материалов по части естественной истории" (оставил Россию в 1830 г.)[105] Основным предметом его наблюдений во время плавания были птицы. Ученый отлавливал их, составлял описания ("в числе коих находилось много новых пород, которые никем, кроме него, не могли быть описаны"). Все собранные ученым "в большом количестве естественные предметы" поступили в 1829 г. в Академию наук[106]. В июле 1834 г. Киттлиц вновь был в Петербурге. В сообщении Академии министру народного просвещения от 19 января 1835 г. отмечалось, что к этому времени исследователь завершил описание всех собранных им птиц, подготовил к печати наблюдения по истории "позвоночных животных Камчатки и российско-американских островов". Эти труды, которые "будут ныне от имени Академии предложены ученому свету, — написано в названном документе, — плод русской экспедиции кругом света, относящиеся большею частию до таких произведений отечественной природы, коих оригинальные образчики хранятся в нашем Музеуме"[107]. Много позже, находясь в Висбадене, Киттлиц обратился в Петербургскую Академию наук с предложением приобрести

у него собрание зарисовок рыб, сделанных во время плавания 1826—1829 гг. Работа была изучена академиками Ф.Ф. Брандтом и А.А. Штраухом. Киттлиц предложил Академии 100 рисунков, из них 91 был сделан акварелью, 8 эскизов и одна нераскрашенная фигурка; к рисункам были приложены описания рыб. Было установлено также, что изображения соответствуют экспонатам, поступившим в Зоологический музей Академии от Мертенса.

Отзыв Ф.Ф. Брандта и А.А. Штрауха, содержащий высокую оценку собрания Киттлица и заключение о необходимости приобретения его Академией, был одобрен Конференцией. Ф.П. Литке, тогда президент Академии наук, в письме от 28 ноября 1873 г. замечал, что работа ученого позволила бы "ближайшим образом определить места нахождения некоторых хранящихся в музее рыб", а также "произвести любопытные зоологические исследования"[108]. В Академию были переданы и коллекции, составленные Кастальским. Удалось установить, что Конференция, ознакомившись с ними, пришла к заключению, "что сей натуралист в продолжение означенного путешествия трудился по долгу своего звания"[109]. Более подробное описание найдено для коллекций Михайлова, переданных Академии. Его собрание состояло из рисунков с изображением отдельных видов местностей, людей, орудий, берегов, — за что Конференция "положила изъявить ему за предоставление оных свою благодарность"[110]. По материалам экспедиции Литке составил отчет об опытах с постоянным маятником, отмеченный Академией полной Демидовской премией[111].

12 апреля 1839 г. в Академии состоялось заседание Конференции, на котором рассматривалось предложение управляющего делами русских владений в Америке о проведении регулярного исследования проливов[112]. 31 мая 1839 г. академики Ф.Ф. Брандт, К.А. Триниус и Г.Б. Бонгард предложили Конференции послать в Русскую Америку натуралиста для сбора зоологических и ботанических коллекций. 2 августа того же года было принято решение об экспедиции И.Г. Вознесенского[113].

Убеждает наблюдение А.И. Алексеева о том, что участники кругосветных и полукругосветных плаваний не могли провести широкие научные разыскания по причине кратковременности их работ, в связи с чем в среде ученых 30-х годов прошлого столетия возникла мысль об организации специальной академической длительной экспедиции в этот регион[114]. Так состоялось путешествие Вознесенского 1839—1849 гг. В данной главе назовем лишь результаты исследований ученого в естественно-научной области. Среди

естественных сборов путешественника были рыбы, моллюски, зоофиты, более 10 000 экземпляров насекомых, кости морской коровы, клыки и зубы мамонтов, травник ("почти в 2000 листах"), собрание морских водорослей, образцы руд. Вознесенский, пишет А.И. Алексеев "препарировал 3887" животных, дал "науке более 400 видов представителей флоры и фауны". Исследователь сделал физико-географические описания берегов, рек, островов, Русской Америки, выполнил огромное количество рисунков[115].

Таким образом, на протяжении XVIII—XIX вв. Академия наук принимала участие в освоении северной части Тихого океана и прилегающих материков. Представляется очевидным, что деятельность Российско-Американской компании была одним из условий развития морских гидрографических работ Академии, изучения учеными флоры, фауны, полезных ископаемых северной части бассейна Тихого океана (Северная Калифорния, Аляска, Алеутские острова, Камчатка, Курильские острова, побережье Охотского моря).

Значительное место в работах Академии наук занял комплекс вопросов в связи с изучением Северного Ледовитого океана. В настоящее время через акваторию проходит Северный морской путь — судоходная магистраль, кратчайшая между европейской частью страны и Дальним Востоком. Она соединяет крупнейшие сибирские реки — Обь, Енисей, Хатангу, Лену, Яну, Индигирку, Колыму.

Впервые Северный Ледовитый океан был выделен голландцем Б. Варениусом в XII в. под названием Гиперборейского океана. В 1845 г. Лондонским географическим обществом он был назван Северным Ледовитым. Уже в X в. русские и иностранные мореходы совершали плавания в североевропейской части океана. В XV столетии на Шпицбергене появились промысловые поселения. В XVI-XVII вв. в Арктике начал развиваться китобойный промысел. К этому же времени относятся попытки найти Северный морской путь в Китай и Индию. В XVII в. промышленники и казаки совершили ряд плаваний вдоль побережья Сибири. Петр I считал, что дорога через Северный Ледовитый океан может быть кратчайшей между Атлантическим океаном и Тихим, облегчающей грузообмен с Сибирью. Документами, разработанными для Второй Камчатской экспедиции, предусматривались наблюдения о возможности прохода по Ледовитому океану. Как известно, М.В. Ломоносов уделял большое внимание исследованию океана как морскому пути из Европы на Восток. 1764 г. датируется его практическая рекомендация — "Прибавление о северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану" и предложение своей персоны

для участия в работах по организации предприятия. Немногим позже опись побережий до Берингова пролива производилась экспедицией И.И. Биллингса—Г.А. Сарычева.

В 1820—1824 гг. состоялась экспедиция Ф.П. Врангеля—П.Ф. Анжу к северным берегам Сибири и по Ледовитому океану. Поводом для ее организации был поиск возможно существующей земли к северу от Азиатского материка, а также потребность в точном описании северного побережья Сибири. Итогом работ отрядов экспедиции явились организация первой метеорологической станции в Северной Якутии[116], составление наиболее точной карты Новосибирского архипелага, а также азиатского побережья от р. Оленек до устья Индигирки и знакомство с промысловыми богатствами Новосибирских островов[117]. Во время работ экспедиции было положено начало сбору материалов по земному магнетизму на Северо-Востоке, рассмотрены особенности замерзания моря, открыты ледяные острова, описаны осенние, зимние, весенние торосы, организованы систематические метеорологические наблюдения в Нижнеколымске, доказано существование Северо-Восточного морского прохода, высказано предположение об отсутствии "матерой земли" к северу от сибирских берегов между Колымой и Шелагским мысом[118].

В документе от 11 сентября 1883 г. за подписью министра народного просвещения И.Д. Делянова отмечено, что несмотря на давнишний интерес к Новосибирским островам и прилегающей части материка Академия наук "до сих пор... останавливалась в попытках к их решению".

Экспедицией А.А. Бунге — Э.В. Толля 1885—1886 гг. впервые было осуществлено геологическое исследование Новосибирских островов. Руководитель экспедиции в "Предварительном отчете" замечал, что бассейн Яны "до тех пор почти совсем не был исследован", а Новосибирских островов "нога естествоиспытателя никогда еще не дотрагивалась"[119]. Получив известие о завершении экспедиции, Академия наук констатировала, что "поручение и в этой части задачи (изучение Новосибирских островов) исполнено в почти неожиданном объеме и что наука глазами наших делегатов, наконец, в первый раз с сотворения земли осмотрела эти негостеприимные оконечности"[120]. На Новосибирских островах были открыты отложения девона, силура, триаса, юры, третичные и четвертичные отложения. Толль пришел к заключению о сходстве девонской фауны о. Котельного с соответствующими отложениями Северной Америки и Урала. В отчете Академии наук за 1889 г. читаем: "получается интересный вывод, что остров Котельный составляет собою один из этапных пунктов на пути соединения двух обширных

морских бассейнов — Урала и Северной Америки в эпоху среднедевонской трансгрессии“[121]. Изучая фауну силурийских пластов Котельного, Толль отметил много общего с силурийскими осадками Оленека, Вилюя, Подкаменной Тунгуски[122]. Флора третичных отложений (“листья и плоды“) была обработана киевским профессором И.Ф. Шмальгаузеном, который установил “чрезвычайно важный факт, что вокруг Северного полюса в третичный период произрастала флора, похожая на флору нынешних умеренных климатов“. В одном из своих донесений Бунге, как бы подводя итоги работы в Приянском крае, писал: “Научная добыча до сих пор довольно богатая и коллекции наши сохраняют много редкого и интересного“.

Русская полярная экспедиция конца прошлого — начала XX в. проделала огромный комплекс работ по изучению Северного Ледовитого океана, его островов, прилегающей части материка. Вышли в свет специальные исследования участников путешествия и ученых, написавших работы по естественным сборам Русской полярной экспедиции (см., например: Бялыницкий-Бируля А.А. “Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири“; Колчак А.В. “Лед Карского и сибирских морей“; публикации К.А. Воллосовича, в том числе книгу, изданную в 1909 г. в Берлине; “Деревянные горы“ М.И. Бруснева; Линко А.К. “Зоопланктон Сибирского Ледовитого океана по сборам Русской полярной экспедиции 1900—1903 гг.“; Бухтеев А.М. “Основные астрономические пункты Русской полярной экспедиции 1900—1903 гг., определенные астрономом экспедиции Ф.Г. Зебергом в 1900, 1901 и 1902 гг.“; он же. “Приливы у сибирского побережья Северного Ледовитого океана по наблюдениям Русской полярной экспедиции в 1900—1903 г.“; описание собранных экспедицией останков четвертичных млекопитающих с островов Котельного, Новой Сибири, Фаддеевского, Столбового, п-ова Быковского, составленное М.В. Павловой и др.). Разнообразными были работы экспедиции в области биологии. Руководство ими было возложено на А.А. Бялыницкого-Бирулю. В исследованиях приняли участие Г.Э. Вальтер, “хороший охотник и любитель-орнитолог“; В.Н. Катин-Ярцев, “ревностный любитель природы“; М.И. Бруснев (собрал весьма ценный зоологический материал на материке у устья Лены и на о. Новая Сибирь); А.В. Колчак проделал ту же самую работу на материковой части и Новосибирских островах[123].

Обобщая накопленный материал, Бялыницкий-Бируля стремился дать по возможности наиболее полное представление о физико-географических условиях обитания птиц на

Севере. В его работе “Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири“ представлены “Физико-географический очерк полярного побережья Сибири“ (описание Новосибирских островов, их геологического строения, рельефа, климата; характеристика флоры, фауны, человека и его отношении к орнитофауне); “Орнитологический дневник, веденный автором в 1900—1902 гг.“ с указанием мест наблюдений, количества увиденных птиц, температуры; “Систематический перечень наблюдавшихся видов и экологические данные о них“, где воспроизведены название птиц на якутском, русском, эвенкийском языках, указаны места их распространения, приведены данные о гнездовании, кладке яиц и др. При описании Новосибирских островов ученый отмечал, что море, их окружающее “вообще мелкое“, что влияние больших сибирских рек сказывается в опреснении его поверхностных слоев, в сравнительно раннем вскрытии ледяного покрова, обильном скоплении плавника; что наиболее характерной особенностью является существование в течение всей зимы полыней. Эти явления, по наблюдению исследователя, влияли на климат, биологические процессы. Так, например, нарушались обычные сроки прилета и отлета птиц. Море, как писал Бялыницкий-Бируля, устанавливалось на зиму несколько позже, вскрывалось раньше, более продолжительным был период “открытого моря“, чем, например, у берегов Западного Таймыра[124]. В отчете о деятельности императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1909 г. в разделе “Зоологический музей“ отмечено поступление двух коллекций со сборами Бялыницкого-Бирули в Северном Ледовитом океане в период с 1900 по 1903 гг.[125] По материалам путешествия была написана работа “Зоопланктон Сибирского Ледовитого океана по сборам Русской полярной экспедиции 1900—1903 гг.“ А.К. Линко с приложением “Списка организмов, найденных в планктоне Сибирского Ледовитого океана“, “Систематического обзора видов“, “Планктона Сибирского Ледовитого океана в зоогеографическом отношении“, “Состава планктонных ловов по станциям“[126].

Предметом специального изучения был морской лед, его образование из соленой воды Северного Ледовитого океана. Основной задачей работы А.В. Колчака “Лед Карского и сибирского морей“ было с возможной полнотой воспроизвести картину образования, развития и состояния ледяного покрова. Им рассмотрены вопросы замерзания воды, образования льда, взламывания ледяного покрова, образования торосов и снежного покрова на ледяной поверхности моря, берегового припая, его зависимости от конфигурации берега,

рельефа дна; явления, связанные с колебанием уровня моря при приливах и отливах, вскрытием моря; дана характеристика арктического пака[127].

Астрономические наблюдения Ф.Г. Зеберга Академия наук предложила обработать Главному географическому управлению, которое в 1906 г. предложило эту работу А.М. Бухтееву. В 1910 г. она была завершена, а в 1911 г. опубликована под названием "Основные астрономические пункты Русской полярной экспедиции 1900—1903 гг., определенные астрономом экспедиции Ф.Г. Зебергом в 1900, 1901 и 1902 гг."[128] В составе издания помещен "Список астрономических пунктов, определенных астрономом Русской полярной экспедиции Ф.Г. Зебергом в 1900, 1901 и 1902 гг."[129] В 1912 г. увидел свет "Журнал наблюдений над полярными сияниями" Бялыницкого-Бирули[130]. Тогда же была опубликована работа Бухтеева "Приливы у сибирского побережья Северного Ледовитого океана по наблюдениям Русской полярной экспедиции в 1900—1903 гг."[131] Метеорологические наблюдения экспедиции были переданы для обработки в Николаевскую Главную физическую обсерваторию, где вычисления делались под руководством А.А. Каминского[132].

Значительными были исследования участников предприятия в области геологии. Воллосович писал о четвертичных отложениях на островах Большом Ляховском, Фаддеевском, Новой Сибири; третичных — на р. Балыктах и о. Котельном, где была найдена и четвертичная фауна. Им же в 1909 г. в Берлине была издана книга, в которой представлены описания научных трудов Толля, результаты геологических разысканий Русской полярной экспедиции. В ней Воллосович дал описание геологического строения Новосибирских островов; указал на распространение верхнего силура, девона, карбона, триаса и юры на о. Котельном с описанием его тектоники и рельефа, а также развитие третичных и четвертичных отложений на островах, ископаемого льда; описал строение о. Беннета (по материалам, оставленным Толлем), "рассмотрел молодые разломы, отделившие острова от материка, ... трансгрессию моря, растительные и животные остатки". В основу работы, отмечал Обручев, были положены наблюдения Толля, пополненные данными Воллосовича. Книга содержит перечень геологических сборов. В 1906 г. Воллосович составил геологическую карту Новосибирских островов (по материалам экспедиции) и описание к ней[133]. Толль в своем последнем отчете Академии наук с о. Беннета писал, что остров по строению является продолжением Среднесибирского плоскогорья, сложен из кембрийских пород[134]. Бя-

лыницкий-Бируля изучал остров Новая Сибирь и собрал доказательства о поднятии острова[135]. Ф.А. Матисен в отчете о плавании судна опубликовал фотографии с изображением ископаемого льда на восточном берегу о. Бельковского, вид о. Стрижева и берегов лагуны Нерпалах (западный берег о. Котельного). В его отчете содержались сведения о рельефе в дельте Лены и вокруг Бухты Тикси[136]. М.И. Бруснев описал "Деревянные горы" Новой Сибири, сложенные, по его мнению, из третичных отложений, установил наличие четвертичных наносов с ископаемым льдом, морскими моллюсками, растениями и костями млекопитающих[137]. В "Отчете" Академии за 1905 г. отмечалось, что все коллекции экспедиции "разобраны и закончены каталогизацией, чем под руководством Константина Адамовича занималась Е.А. Захарьина". Отдельные части этих и зоологических коллекций обрабатывались учеными из Харькова, Праги, Кракова, Казани, Стокгольма, Петербурга[138].

Ф.Б. Шмидт 5 марта 1908 г. представил на заседании Физико-математического отделения Академии работу Д. Соколова "Фауна ауцелл с Новосибирских островов и северного побережья сибирского материка" как "часть представляемых в Академию научных результатов Русской полярной экспедиции". В ней содержалось описание видов ауцелл, найденных Воллосовичем на о. Котельном, а также Толлем и И.П. Толмачевым на берегах Оленека и Анабара (экспедиции 1893 г. и Хатангская). Автор пришел к заключению, что исследуемая фауна по своему составу "ближе к американской, нежели европейской"[139]. На заседании Физико-математического отделения Академии в 1914 г. директор Зоологического и минералогического музея сообщил, что в течение января — февраля поступило восемь ящиков с коллекцией, составленной Э.В. Толлем на острове Беннета, найденные экспедицией Б.А. Вилькицкого и осмотренные старшим хранителем О.О. Баклундом. Тогда же было отмечено, что кембрийская фауна с острова Беннета ("по образцам, вывезенным лейтенантом Колчаком") послана для обработки в Стокгольм[140]. Русская полярная экспедиция была первой в истории исследования Арктики, которая в свободном плавании на деревянном судне достигла 77°32′ северной широты. Результатами ее деятельности были также описание и нанесение на карту о. Беннета; определение местоположения устья Таймыры и залива Гафнера; разработка первых гидрографических карт районов Таймыра и Новосибирских островов с промерами глубин. Впервые был нанесен на карту архипелаг Норденшельда. Ф.А. Матисен произвел описание бухты Тикси и прилегающих окрестностей; был

нанесен на карту о. Бруснева. Однако величайшая река Сибири — Лена практически все еще не была открыта для регулярного мореплавания, а Ледовитый океан оставался недоступной пустыней.

В начале XX в. вопрос о практическом использовании Северного морского пути приобретает особое значение. Он интенсивно обсуждается в Государственной думе, Совете министров. На протяжении 1906—1913 гг. состоялись многочисленные заседания, где обсуждалась возможность плавания по Северному Ледовитому океану и предстоящих в связи с этим работах[141]. Полковник Ю. Шокальский, лейтенант А.В. Колчак свидетельствовали о необходимости "годового цикла наблюдений над движением льдов в Ледовитом океане", "гидрографических исследований в точном смысле этого понятия", изучения возможности плавания вдоль западного и восточного побережий Сибири. А. Бирилев писал в 1906 г. о желательности дальнейших разысканий к востоку от Берингова пролива "хотя бы в той мере, чтобы осветить раз навсегда вопрос об утилитарном значении для нас этих владений вообще и о приходе этим путем к Тихому океану в частности". Генерал-майор Вилькицкий считал, что по имеющимся сведениям о движении льдов плавание до меридианов устьев Оби и Енисея можно считать возможным "и определенным относительно времени". Особо он отмечал переход от Лены до Берингова пролива, который, по его мнению, был свободным ото льда относительно продолжительное время в результате "громадного количества пресной воды, выносимой сильным течением рек". Вот как характеризовалось состояние дел в одной из депеш Главного Морского гидрографического управления от 30 апреля 1913 г.: "Ввиду полного отсутствия сколько-нибудь систематических наблюдений над состоянием ледяного покрова и распределением плавучих льдов около наших берегов Берингова моря и Северного Ледовитого океана, Главное Гидрографическое управление просит... принять все меры для организации таких наблюдений в следующих населенных пунктах: по Берингову морю, в Усть-Камчатске, на Командорских островах, в заливе барона Корфа, в бухте Провидения, на мысе Чаплина и на мысе Дежнева, а также в тех местах по северному берегу Сибири, где к сему явится возможность"[142].

Изучение Северного Ледовитого океана позволило к этому времени обобщить полученные данные. Любопытно вспомнить и обобщить результаты наблюдений ученых, лиц различных профессий начала XX в. и тем самым выявить представления, сложившиеся к этому времени о пользе эксплуатации Северного Ледовитого океана. По их подсче-

там, его использование в качестве морского пути означало сокращение плавания из Балтийского моря до Берингова пролива почти в три раза. Экономическое значение пути непосредственно связывалось с интенсивной мобилизацией природных ресурсов Сибири (в частности, учитывалась возможность использования обилия многоводных рек как естественного средства сплава богатств региона). Было также очевидным наличие объективного условия освобождения прибрежной зоны океана от ледяного покрова в летнее время: Лена, Яна, Индигирка, Колыма вливали огромные массы теплой пресной воды. Регулярное пароходное сообщение между Якутском и Владивостоком рассматривалось как условие в возможно короткие сроки связать устья Лены и Колымы с остальными частями страны в интересах торгового оживления Северной Сибири и противодействия экономической активности американцев в этом крае.

12 июня 1908 г. Совет министров возложил на министра торговли и промышленности обязанность установить ежегодные пароходные рейсы из портов Тихого океана к устью Колымы. В это же время иркутскому генерал-губернатору было предложено разработать программу снаряжения сухопутной и морской экспедиций. При Министерстве торговли и промышленности было создано межведомственное совещание из представителей научных организаций, частных лиц, отдельных учреждений. Результатом работы названного совещания явилось предложение об организации экспедиций для общего описания берегов, съемки береговой линии, геологических и астрономических исследований, а также заключение о необходимости выделения 65 000 руб на эти работы и рекомендация в качестве руководителя предприятия И.П. Толмачева, тогда ученого хранителя Геологического музея Академии наук, известного своими работами между Енисеем и Анабаром. Задачи экспедиции определялись следующим образом: изучение береговой линии от устья Лены до Берингова пролива, физико-географические наблюдения, выяснение условий плавания, представление мнения о горнопромышленном состоянии края, "содействие подготовке дальнейших мероприятий по оживлению этой далекой окраины". Подчеркивалось, что морской путь через Берингов пролив к устьям Лены и Колымы мог бы обеспечить население севера Сибири более дешевыми продуктами, равно как и способствовать более свободному вывозу "своих товаров". Следует отметить, что программа, намеченная Министерством торговли и промышленности, полностью не была выполнена. Пройти расстояние от Лены до Берингова пролива за короткое северное лето оказалось невозможно. На западе

партия закончила исследование у протоки Яны — Ильин Шар, на востоке — у р. Большой Куропаточьей.

В результате экспедиции 1909 г. была сделана маршрутная съемка побережья от устья Колымы до мыса Чаплина, от устья Большой реки до устья Чаплина, горы к западу от Чаунской губы. Съемка опиралась на 24 астрономических пункта[143]. 1000 верст было снято М.Я. Кожевниковым (от маяка Лаптева до "Шелауровой избы"), 750 верст от последнего пункта до мыса Сердце-Камень — Э.Ф. Вебером. Он же сделал съемку к западу от Чаунской губы на переходе от устья Большой реки к устью Чауна (380 верст) и берега Великого океана от мыса Дежнева до мыса Чаплина (420 верст). Э.Ф. Вебер определил и большую часть астрономических пунктов, остальные были определены Толмачевым[144].

Характеризуя значение экспедиционного материала для составления будущих карт, Толмачев считал, что "значительно придется изменить гидрографию побережья восточнее Чаунской губы, где на картах, по съемкам Врангеля, указан ряд рек, впадающих в море часто несколькими устьями". По его мнению, здесь должна остаться лишь р. Омгувеям, устья же остальных являлись проливами, которые соединяли лагуны с морем. Сведения о речках, впадавших в лагуны, путешественники добывали путем расспросов чукчей.

Спустя несколько лет состоялась экспедиция на суднах "Таймыр" и "Вайгач", с которой связаны новые географические открытия в Северном Ледовитом океане.

Непосредственное участие в снаряжении плавания принимал Зоологический музей Академии. В 1909 г. на Невском судостроительном заводе Петербурга завершилось строительство кораблей, на которых были сделаны специальные ледокольные обводы подводной части, прочные борта, хорошая обшивка жилых помещений для предохранения от холода[145]. На них были приняты различные приборы для сбора зоологических и ботанических коллекций, тралы, драги, пелагические сетки, сачки, вилы для разгребания ила и водорослей, геологические молотки, почвенный бурав для сбора образцов почвы, набор для сбора растений, дробовики для охоты за птицами и винтовки для стрельбы по крупным зверям, специальные буры и пилы для работ со льдом. Кроме того, на судне была создана лаборатория для разборки, консервирования, предварительной обработки сборов. Она была снабжена приборами, реактивами для бактериологических исследований, изготовления микроскопических препаратов из планктона и гистологического изучения органов, тканей животных и растений, а также набором инструментов для снятия шкуры[146].

Документы свидетельствуют о связи между Академией наук, Морским министерством и экспедицией во время ее работы. Так, 14 февраля 1912 г. из научного центра была направлена депеша морскому министру с просьбой увеличить в текущем году время плавания транспорта "Вайгач" от Владивостока до мыса Дежнева на один месяц, чтобы предоставить возможность научному персоналу провести наибольшее число наблюдений и сделать сборы материала по морским животным "в этой столь мало еще изученной области"[147]. Просьба была удовлетворена и морскому министру от имени Конференции была выражена признательность за предоставленную возможность "произвести большее число наблюдений и собрать для Зоологического музея Академии более богатый материал по морской фауне"[148]. В условиях, когда практически отсутствовала постоянная связь с материком (радио еще не получило большого распространения), особое значение приобретали вопросы организации телеграфов, портов-убежищ, угольных складов.

Чтобы определить значение естественных сборов экспедиции, поступивших в Академию наук, воспользуемся архивными данными, публикациями ее участников, материалами выступлений директора Зоологического музея Н.В. Насонова на заседаниях Физико-математического отделения в 1914—1916 гг. Он сообщал, что морские врачи — участники экспедиции Л.М. Старокадомский и Э.Е. Арнгольд составили и передали музею разнообразные коллекции (орнитологическую, млекопитающих животных, насекомых, моллюсков, иглокожих, ракообразных, образцов планктона, ботаническую и геологическую). Они были собраны по пути из Европы (вокруг Южной Азии) во Владивосток, в Охотском море, северной части Тихого океана, в Беринговом море, Ледовитом океане. Орнитологическая коллекция была представлена 309 экз. птиц и 56 экз. яиц. Насонов отметил, что почти все экземпляры были снабжены "очень точными этикетками", в результате чего "весь сбор имел значительное научное значение". Собранные по пути плавания вдоль северо-восточного побережья Охотского моря шкурки птиц были переданы для окончательной обработки во Владивостокский музей консерватору А.И. Черскому, сыну знаменитого исследователя Северо-Востока. Коллекция млекопитающих (25 экз.) была "препарирована и этикетирована весьма тщательно", а для некоторых были установлены размеры (как животных в целом, так и их отдельных частей). Во время экспедиции исследователи собирали, разбирали, сохраняли, консервировали различные виды животных; "был собран обширный материал из почти совершенно не обсле-

дованных областей полярного нашего побережья". Коллекции насекомых (890 экз. "самых высоких широт"; моллюсков — 7471 экз.) "имели важное научное значение, хотя в них, к сожалению, несколько слабо представлены мелкие формы"; "здесь очень значительный и интересный материал из Азиатского Ледовитого океана от Берингова пролива до Карского моря". Коллекция ракообразных собиралась в 28 пунктах; планктонные сборы составили 98 банок, собранных на морской поверхности, и 11 банок — вертикальными ловами ("сборы планктона, сделанные в Ледовитом океане от острова Врангеля до Земли Николая II, поражают бедностью животного планктона, но в них богато развит планктон растительный")[149]. Сохранились также сведения о работах экспедиции в 1914 г. по описанию северо-восточного побережья Охотского моря. Тогда в бухте Нагаева, на Сахалине, в Гижигинской губе было собрано 1114 экз. различных растений. Весь гербарий был послан в Петроград В.Л. Комарову, ботанику, географу, с 1914 г. — члену-корреспонденту Академии наук.

Насонов отмечал особую ценность коллекции млекопитающих, содержавшей экспонаты азиатского побережья, "о фауне которого до сих пор имелись крайне скудные сведения; к таким местам прежде всего следует отнести остров Врангеля и почти все Чукотское побережье; из этих мест в коллекциях Зоологического музея совсем не было млекопитающих". Характеризуя поступления от путешествий Н.А.Э. Норденшельда и Э.В. Толля, ученый отмечал, что экспедиция "Таймыр" — "Вайгач" доставила сборы, которые "дают возможность в значительной степени выяснить картину распространения животных в азиатской части Северного Ледовитого океана". Коллекции моллюсков, по мнению ученого, "предоставили ученым новые данные о проникновении форм, характерных для северной части Тихого океана, в Ледовитый". Насонов считал, что экспедиция собрала дополнительный материал для формирования представлений о распространении фауны в западном и восточном направлениях, об изменении ее состава вдоль северного побережья Ледовитого океана и т.д. Подводя итог работам экспедиции по составлению коллекций, академик сказал: "В некоторых частях они стоят на высоте сборов экспедиций, специально снаряженных для исследования Северного Ледовитого океана", и далее: "Сборы врачей гг. Старокадомского и Арнгольда несомненно содержат много форм, плохо представленных или совсем не представленных в Музее".

К заседанию Физико-математического отделения 1916 г. материалы экспедиции были просмотрены специалистами

музея: старшими зоологами В.Л. Бианки, А.А. Бялыницким-Бирулей, Н.П. Книповичем; младшими зоологами В.А. Линдгольмом, А.М. Дьяконовым, Г.Ю. Верещагиным; энтомологами Г.Г. Якобсоном, Н.Я. Кузнецовым, А.Н. Кириченко. Все они дали сборам высокую оценку[150]. Ученые рассматривали поступившие коллекции как естественное продолжение работ академической Русской полярной экспедиции под руководством Толля. По-видимому, здесь же уместно напомнить, что транспорты "Таймыр" и "Вайгач" доставили в Академию наук геологические коллекции Толля, впервые обнаруженные спасательной партией Русской полярной экспедиции на о. Беннета. И вот, спустя более 10 лет, с острова была перевезена коллекция с геологическими образцами весом 120 кг, собранная Толлем за три месяца пребывания там. Кроме того, путешественники исследовали высокие слои атмосферы; был составлен журнал наблюдений над полярными сияниями 1914/15 гг. (собирались сведения о числе сияний, формах явления, их периодичности). За эти же годы представлены отчеты гидрометеонаблюдений; фиксировались магнитные склонения; определялись астрономические пункты. Большая работа велась в области изучения морей: было взято 99 проб для определения количества растворенного в морской воде кислорода, собирались образцы грунта, проводились глубоководные исследования, наблюдались испарение, удельный вес морской воды и той, что получена изо льда, ее химический состав. Были проведены разнообразные изучения морского льда и земной рефракции, описание берегов; собраны образцы горных пород[151].

Как уже отмечалось, экспедиция 1910—1915 гг. сопровождалась открытиями островов, бухт, заливов. Главная группа открытых в 1913—1914 гг. островов была названа Таймырским архипелагом: Земля императора Николая II (переименована в Северную Землю), Земля цесаревича Алексея (переименован в Малый Таймыр), о. Новопашенный (переименован в о. Жохова). Тогда же были открыты острова Вилькицкого и Старокадомского.

Особый интерес вызывает работа, которая развернулась в самой Академии. 2 апреля 1914 г. на заседании Физико-математического отделения Академии наук академики А.П. Карпинский и В.И. Вернадский представили записку старшего хранителя Геологического и минералогического музея И.П. Толмачева "Об исследовании новооткрытых земель и островов у берегов Сибири" и сделали заявление о необходимости всестороннего изучения вновь открытых пространств. Толмачев считал ближайшей задачей Академии описание открытого архипелага, составление его карты и

естественно-историческое исследование. Он настаивал также на организации специальной экспедиции, с активным использованием береговых партий. Предложение о снаряжении особой экспедиции было поддержано Конференцией Академии, которая уже 10 апреля обратилась к морскому министру с просьбой об устройстве складов провианта для людей, корма для собак, запасов топлива и одежды на материковой части и на островах. На заседании отделения 30 апреля 1914 г. было заслушано предложение академиков А.П. Карпинского и В.И. Вернадского. Ученые отметили, что начиная со времени Второй Камчатской экспедиции вплоть до XX столетия Академия наук "постоянно обращала свое внимание на изучение Сибири и труды ее деятелей сосредоточены в ее музеях и собраниях, драгоценные данные к познанию этой части нашего отечества". Полное естественно-историческое исследование Земли императора Николая II, островов цесаревича Алексея и генерала Вилькицкого они связывали с расширением биологических, физико-географических и геолого-минералогических знаний о коре Земли. Карпинский и Вернадский предложили с этой целью либо создать особую постоянную организацию, либо передать все дела в существующую с 1899 г. при Академии Комиссию для снаряжения Русской полярной экспедиции "с необходимым расширением ее функций и состава". Тогда же было решено создать Русскую полярную комиссию, в составе которой назывались академики А.П. Карпинский (председатель), Б.Б. Голицын, М.А. Рыкачев, И.П. Бородин, В.И. Вернадский, Н.В. Насонов и др. Среди членов Комиссии были названы представители Главной астрономической обсерватории, Геологического и Минералогического музеев, Геологического комитета, Ботанического и Зоологического музеев.

Сохранилась "Записка об учреждении Постоянной полярной комиссии" Толмачева. Причинами появления новой структуры в составе Академии наук он называл интересы науки, практические потребности предпринимателей и промышленных людей. Кроме того, это был способ наиболее эффективного привлечения научного мира к экспедиционной деятельности в полярной зоне. По мнению ученого, Комиссия должна была знакомиться с проектами предполагаемых экспедиций, планами их работ. Толмачев в качестве примера работы подобного органа в Академии называл Постоянную сейсмическую комиссию. Главной задачей Русской полярной комиссии он считал научное исследование полярной области вообще и "русского Севера", в частности. По его мнению, направления работы Комиссии должны были быть разнооб-

разными и соответствовать потребностям времени. Среди предполагаемых форм ее деятельности им перечислены: работы наблюдательного, проверочного и ревизионного характера; систематическое изучение полярной зоны с точным учетом уже сделанного, выявление пробелов и недостаточно достоверных данных; разработка плана предстоящих работ; съемка береговых линий и материковой части Азии ("на самом материке Северной Азии существуют громадные площади, м.б., самые большие из оставшихся на земном шаре (если не считать приполюсных районов), которые до сих пор еще не были исследованы топографически... река Таз до сих пор еще не нанесена на карту, только на основании расспросных данных"); изучение морских течений вдоль сибирского побережья, их связи с метеорологическими явлениями ("до сих пор представляется совершенно неисследованным, а между тем этот вопрос имеет и громадное практическое значение"), земного магнетизма ("что только, можно сказать, начато на северном побережье России и в особенности Сибири"); наблюдения физико-географической природы Севера, в частности его флоры и фауны. Значение работ в области изучения климата региона Толмачев определял следующим образом: "характеристика климата северной Сибири дается или на основании наблюдений станций, лежащих друг от друга на расстоянии сотен и тысяч верст, причем наблюдения часто малодостоверны".

Одним из значительных направлений деятельности Русской полярной комиссии он считал работу по исследованию населения Севера: "население северной Сибири изучено также чрезвычайно мало и многие народы уже отошли в область истории, вымерши до последнего человека ранее, чем они сделались объектом научного исследования". Толмачев считал, что создание и деятельность Комиссии будут непосредственно связаны с задачей времени — освоением Северного Морского пути, сделает возможным его правильное использование. В связи с этим им особо отмечались работы по постройке радиотелеграфных станций, устройству метеорологических пунктов, по отношению к которым работа Комиссии рассматривалась как "консультационная, отчасти наблюдательная". Ученый считал, что "ни одно из наблюдений... не должно миновать Комиссию, а пройти через ее среду, подвергнуться научной критике и научной обработке и таким образом доставить научный материал". Указывая на уже созданную Международную полярную комиссию, на то, что она "фактически никакой деятельности не проявила", он писал о том, что образование новой структуры в отечест-

венной Академии окажет большое влияние на деятельность первой[152].

Так были сформулированы основные задачи деятельности Русской полярной комиссии: исследование полярной зоны, организация полярных экспедиций, разработка плана систематических работ в полярной области Земли (топографическая география, гидрография, климатология, растительный и животный мир, население), выработка правовых норм сотрудничества, дальнейшее изучение вопроса о Северном морском пути, создание специального печатного органа (информация, популяризация). Тогда же была написана записка "К вопросу о задачах Полярной комиссии" академиком Вернадским. Он предлагал расширить задачи ее деятельности, подключив и изучение пространства Антарктики.

Как свидетельствуют протоколы первых заседаний постоянной Полярной комиссии вплоть до 1917 г., одним из первых обсуждался вопрос о несовершенстве законодательства относительно плаваний в полярной зоне и как результате — плохом снаряжении экспедиций, отсутствии в их деятельности научных и практических достижений, гибели путешественников, дополнительных значительных расходах государства на спасательные работы. При этом отмечалось, что большинство государств находилось в подобном же положении, за исключением Норвегии, где незадолго до этого был разработан специальный закон, согласно которому ни одна экспедиция (промысловая, научная) не могла оставить порт, если не отвечала определенным требованиям[153].

Таким образом, во время плавания судов "Таймыр" и "Вайгач" были продолжены наблюдения Русской полярной экспедиции по изучению фауны Северного Ледовитого океана; путешественники поддерживали непосредственную связь с Академией наук[154].

Плавание 1910 — 1915 гг. явилось значительным событием не только в связи с практическим освоением маршрутов между Владивостоком и Колымой по Северному Ледовитому океану, но и как продолжение научных разысканий по освоению Арктики, появлением новой структуры в Академии наук, обеспечивающей научно-исследовательскую работу стационарного типа. В своем выступлении "К вопросу о задачах Полярной комиссии" на заседании Физико-математического отделения 7 января 1915 г. Вернадский говорил: "Исследование природы огромной области России — во всех ее проявлениях — взято почти целиком в свои руки русскими учеными и наша научная мысль и научная работа заняли видное место в мировом понимании природы прилегающих к России областей Азии"[155].

Таким образом, изучение Северного Ледовитого океана в XVIII — начале XX столетия велось в нескольких направлениях. Академия наук активно участвовала в работах по использованию океана как морского пути между Европой и регионом. Одновременно велись углубленные научные исследования самого океана, его флоры, фауны, температуры, химичекого состава, ледяного покрова. Кроме того, акватория океана привлекала и ученых, интересующихся геологией и физикой Земли, соотношением суши и моря, возможным понижением (либо повышением) материковой и островной частей Северо-Воточной Азии. Работы Академии наук по изучению Северного Ледовитого океана имели огромное значение для исследования Арктики.

Глава IV

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопросы истории и этнографии народов Северо-Восточной Азии, как отмечено в предисловии и разделе по историографии, стали предметом внимания многих ученых. Естественно, что проблема заняла видное место в трудах источниковедов, этнографов, историков, историографов. Наиболее обобщающие положения содержат исследования В.Н. Иванова. Ученый отмечает, что изучение этносов региона было одной из главных задач деятельности Академии наук с момента ее создания, когда она "приступила к многогранным экспедиционным исследованиям на Северо-Востоке". Подводя итоги работ Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.), ее академического отряда, он подчеркивает, что "ее участники впервые открыли для научного мира новую культурно-этническую область"[1]. В отечественной науке после 1917 г. глубоко изучаются прекрасные работы, выполненные в 1733—1743 гг. по Северо-Востоку. Источниковеды, этнографы, историки, историографы внимательно и всесторонне исследуют работы Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера, Я.И. Линденау, С.П. Крашенинникова, Г.В. Стеллера, И.Г. Гмелина, К.Г. Мерка. Значительное место занимает изучение наследия И.Ф. Крузенштерна, Ю.Ф. Лисянского, Ф.П. Врангеля, Ф.Ф. Матюшкина, А.Ф. Миддендорфа, А.Я. Уваровского, В.И. Иохельсона, В.Г. Богораза. Исследования названных авторов являются источником по истории народов края XVIII — начала XX в., и характеризуют развитие отечественной исторической и этнографической науки[2].

В данной главе рассматриваются материалы Академии наук по историко-этнографическому изучению народов Северо-Восточной Азии до 1917 г., не привлекшие внимания ученых, а также выделяются среди них некоторые аспекты вопроса.

Многие ученые на протяжении десятилетий обращаются к материалам экспедиции И.И. Редовского 1806—1807 гг. В Петербурге в Архиве Академии наук хранится ее рукописный фонд. Исследование документального материала позволяют сделать следующие выводы.

Особую ценность для изучения прошлого Иркутской области, Якутии и Охотского побережья представляет часть рукописного наследия экспедиции, содержащая ответы должностных лиц на "Записки" Редовского и документы, которые были к ним приложены. Это документальное собрание экспедиции содержит материалы по социально-экономической, политико-административной истории края начала XIX столетия. В их число входят: "Выписка, учиненная по Верхоленскому комиссарству о находящихся в оном разного звания зверей и птиц"; "Ведомость о волостях, селениях и улусах иноверцев братских, в каком оные расстоянии от Иркутска и от волостей, о числе состоящих в них душ, собираемых в год податей, состоящей недоимке и какие сверх того отправляются повинности"; уведомление "Его высокоблагородию Академии профессору господину надводному советнику Редовскому олекминского частного комиссара титулярного советника Зверева"; "Ведомость, учиненная Киренским городничим 6-го класса Распоповым, коликое число состоит в городе Киренске казенных строениев и партикулярных домов, и в них живущих людей"; "Ответы на 6 пунктов Редовского от города Якутска"; "Ведомость о числе состоящих в городе Якутске жителей"; "Ведомость о числе состоящих в Якутской области жителей"; "Рапорт его высокоблагородию профессору императорской Академии наук надворному советнику Ивану Ивановичу Редовскому Якутской области и округи амгинского частного комиссара Неустроева"; "Ведомость, сочиненная в витимском волостном правлении о числе душ во оной состоящих и о количестве домов"; уведомление, посланное И.И. Редовскому командиром Охотского порта капитаном И. Бухариным; ответ Редовскому из Гижигинска; "Ответы на означенные в рапорте вопросные пункты; сочинены по высочайшему ево императорского величества повелению топографическому и статистическому описанию Гижигинской округи"; "Реестр о числе крещенных и некрещенных тунгусов и коряков".

Названная часть рукописного фонда экспедиции представлена ведомостями, рапортами, реестром, выписками, письмами, посланными на имя Редовского и составленными частными комиссарами, городничим, командиром Охотского порта. Места их составления, как правило, непосредственно связаны с маршрутом экспедиции. Документы датированы временем работы экспедиции на территории Иркутской

области, Якутии и Охотском побережье. Одна из первых ведомостей была составлена 25 мая 1806 г.; последний документ помечен 3 февраля 1807 г. Структура текстов в большинстве случаев предопределена "Записками" Редовского. Материал, содержащийся в указанных документах, охватывает разнообразный круг вопросов. Часть сведений относится к характеристике различных форм поселений на территории Иркутской области, Якутии, Охотского края; городов, деревень, почтовых станций. В начале документа, как правило — сообщение о застройке того или иного населенного пункта (указано число деревянных и каменных строений, казенных и партикулярных). Затем следуют данные о населении (города, либо деревни и прилежащей округи, его численности, занятиях (фиксируется состояние хлебопашества, ремесла, приводится материал о торговле, промыслах, оленеводстве, рыбной ловле и т.д.), величине собираемых налогов, о природных богатствах края. Остановимся коротко на некоторых сообщениях вышеназванных документов.

Отмечая преобразования в области управления в Якутии и Охотском крае, административную самостоятельность Охотской области, автор одного из "Ответов" сообщал о сохранении некоторой зависимости Охотского порта от Якутской области "по судной части" ("дела судные на ревизию и решение доставляются в здешнее (Якутское. — *Д.Ш.*) областное управление")[3].

Согласно "Ведомости" от 18 июня 1806 г. население Якутска состояло из чиновников (38 чел.), лиц духовного звания (37 чел.), купцов (36 чел.), мещан (352 чел.), приказных (22 чел.), солдат и казаков (392 чел.), "сибирских дворян" (27 чел.), отставных разного звания (71 чел.), крестьян и ясачных (260 чел.), иногородних (временно находящихся в Якутске, 210 чел.), ссыльных (103 чел.). Всех жителей (включая женщин и детей) насчитывалось 2698 чел. Составитель этой же "Ведомости" дал и краткое описание самого города: "Во оном городе Якутске состоит церквей каменных — 4-ре, деревянных — 5-ть. Крепость с трех сторон обнесена деревянною стеною с имеющимися при ней пятью башнями и двумя воротами. В ней уездное казначейство каменное, построенное в 1707-м году, уездный и земский суды, пороховой подвал, тюремный острог и соляные казенные магазины деревянные. Возле той крепости гостиный двор. В нем 77 лавок деревянных. И таковых же на малом рынке имеется 62 лавки. Господ чиновников, духовного звания, купецких, мещанских, приказнослужителей и нижних воинских чинов 300 домов да якутских 62 юрты"[4].

К числу редких сведений следует отнести хранящееся в этом же комплексе документов описание одного из сельских поселений Амгинской слободы: "В слободе каменного строения не имеется, а деревянного — церковь ветхая Преобразования Господня и при оной колокольня новая. Казенного строения: соляная стоика и ветхой питейный дом, общественный запасного хлеба магазеин. Обывательских домов: русских изб — осмнатцать, юрт по образцу якутских иноверческих обзаведений — сорок шесть. Разного звания людей, именно: священноцерковнослужителей мужеска — семь, женска — осмнатцать; приказных мужеска — одна, женска — три; казаков мужеска — пять, женска — шесть; государственных крестьян (со вновь приписными и с конфирмовонными за разные преступления) мужеска — двести двадцать три, женска — сто восемдесят; а всех вообще: мужеска — двести тридцать шесть, женска — двести семь"[5].

Любопытны данные о коренном населении Иркутской области, Якутии, Охотского края. Среди них можно отметить сведения о происхождении названий родов и наслегов, о численности населения по комиссарствам, сообщения о расселении эвенков (тунгусов), их родах, числе душ по родам. Определенный интерес представляет сообщение о существовании уже к 1806 г. якутских селений в Охотской области, что было связано по-видимому, с реализацией решения 1783 г. о заселении территории к востоку от Алдана ссыльными крестьянами и якутами[6].

Значительная часть документов содержит перечни названий различных селений, сведения о величине податей, собираемых с населения в начале XIX столетия, о формах отправления различных натуральных повинностей ("построение и починка мостов и дорог", "препровождение партий пересылаемых колодников за конвоем к удержанию их от побегов", "препровождение почт и для стафетов, для безопасности в пути") и общественных расходов ("содержание волостного правления с производством жалованья волостному голове и писарю")[7].

Представляется, что документальный материал, появление которого неразрывно связано с деятельностью академической экспедиции 1806—1807 гг., займет достойное место при исследовании динамики различных исторических процессов в Иркутской области, Якутии, Охотского края.

Часть исследований экспедиции Врангеля — Анжу 1820—1824 гг. была выполнена на немецком языке[8]. Академик Захаров перевел на русский язык журнал участника путешествия А.Э. Кибера. Из опубликованного ученым "Извлечения" следует, что журнал содержит подробное описа-

ние маршрута следования экспедиции, ряда городских центров (Олекмы, Якутска, Среднеколымска, Нижнеколымска); сведения о народах Северо-Востока (якутах, эвенках, эвенах, юкагирах, чукчах), о занятиях якутов, их одежде, жилище, вере, свадебных обрядах. Кибер обращал внимание на естественные богатства края, в том числе промысловые, а также отдельные явления природы. О значении наблюдений Кибера академик Захаров писал: "Путешествие г. Кибера не только любопытно, но и полезно. Оно содержит в себе обстоятельное описание всего тамошнего края, обыкновений и нравов жителей"[9].

Как известно, плавание 1826—1829 гг., возглавляемое М.Н. Станюковичем и Ф.П. Литке, имело результатом значительные работы в области естествознания[10]. Отметим также, что участники экспедиции привезли несколько черепов, собрания одежды, орудий, утвари и украшений. "Постельс, — отметил Литке, — срисовал важнейшие из предметов этнографической коллекции"[11].

Одним из итогов деятельности чукотской экспедиции Г.Л. Майделя в 1868—1870 гг. было появление его "Путешествия по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 г." и "Исторического обзора действий Чукотской экспедиции" К.К. Неймана, в которых представлены наблюдения историко-этнографического плана. Выясняя границы Якутской области, Майдель привел данные о ее административном делении на округа (Якутский, Вилюйский, Олекминский, Верхоянский, Среднеколымский), о численности и плотности населения, количестве городов и других поселений. Касаясь вопроса численности населения и его расселения, Майдель воспроизвел следующую картину. Отметив исключительно слабую заселенность Колымского округа, путешественник определял общее число населения "приблизительно в 7500 душ" (3500 якутов, 1500 эвенов, 1000 русских, 800 юкагиров, 400 эвенков, 400 чуванцев). Сведения о количестве чукчей он находил еще менее точными, однако считал возможным заключить, "что общее число душ этого народа не превзойдет 3500"[12].

Фиксируя передвижение населения по территории Северо-Востока, постоянного его смешения, путешественник назвал места его средоточия в 70-х гг. XIX в. Юкагиры, по его словам, к этому времени заселяли, главным образом, область по течению Омолона; отдельные семьи можно было встретить по Большому и Малому Анюям, нижнему течению Колымы; колония ("около 60 душ") находилась при впадении Омолона в Колыму. Чуванцы к 70-м гг. селились по течению Анадыря (местечко Марково) и на острове у впадения Маина

в эту реку; отдельные их семьи встречались по Большому Анюю. Эвены, — писал Майдель, — "постоянно странствуют в области верхней Колымы и Индигирки". Чукчи, по его наблюдению, расселились от Колымы до мыса Пээк и от побережья Ледовитого океана до Анадыря. Якуты, поселившиеся здесь позднее юкагиров, чуванцев, эвенков, эвенов, чукчей, населяли оба берега Колымы ("преимущественно же левый между Верхне- и Среднеколымском, и в пределе этих широт распространяются до западной границы округа. Впрочем, один из семи наслегов этого улуса поселился по нижней Колыме и живет отдельными домами по левому ее берегу до станции Кресты"). Около 700 русских проживало в Средне- и Нижнеколымске; часть их была сосредоточена в поселениях по нижнему течению Колымы и к северу от Нижнеколымска (Каретово, Черноусово, Походское); по берегам этой реки и Ледовитого океана[13].

Не ускользнул от глаза наблюдателя и процесс этнического смешения на Северо-Востоке, уменьшение численности некоторых народов. Коренными жителями края он считал юкагиров и чуванцев, "от которых теперь уцелели только печальные остатки". Сильное сокращение численности юкагиров Майдель связывал с эпидемиями оспы и оскуднением "оленьих промыслов". Любопытно, что отмечая общность эвенков и эвенов (по языку, внешности, образу жизни), он вместе с тем пользуется различными названиями этих народов[14]. Сходство по языку, одежде, предметам домашнего обихода подмечено им для коряков-оленеводов и чукчей. В ходе переселения народов происходило их сближение. Ученый сообщал, что юкагиры, оставшиеся на Большом и Малом Анюях, "уже совершенно забыли свою родную речь и приняли как язык, так и образ жизни русских". То же происходило с юкагирами по нижнему течению Колымы и в их колонии неподалеку от впадения в нее Омолона. Здесь, по его словам, можно было встретить юкагирские семьи, "которых уже нельзя отличить от русских ни по внешнему виду, ни по обычаям". О постепенном исчезновении чуванского диалекта юкагирского языка свидетельствовало сообщение Майделя о бесплодных поисках в течение 1866, 1869 и 1870 г. среди чуванцев человека, "который знал бы свой родной язык" и его заключение: "По крайней мере те, которые живут в Колымском округе, совершенно обрусели". Сходное влияние испытали якуты, расселившиеся по нижнему течению Колымы и низовьям Анюев, где, как писал Майдель, "обрусение так полно, что они едва знают свой родной язык, говорят же и одеваются по-русски"[15]. В остальной части

Якутской области он наблюдал обратное явление: "Русские необыкновенно легко превращаются в якутов, принимают якутские обычаи, одеваются как якуты, живут в юртах и наконец не только выучиваются бегло говорить по-якутски, но усваивают себе только этот язык и совершенно забывают свой". Интересно, что объякучивание русских отмечено Майделем и в городах, и в сельских поселениях. Среди причин этого явления он называл занятие русских скотоводством ("но в этом новом для них роде промышленности они нашли себе образцовых учителей в древних обитателях страны и неминуемо должны были принять их обычаи потому, что способы разведения рогатого скота и лошадей в Якутской области значительно отличаются от принятых в остальной России"), женитьбу на якутках (среди пришедших русских "сильно преобладал мужской пол над женским", благодаря чему "новые пришельцы часто брали себе в жены якутских дочерей", что в свою очередь способствовало "постепенному проникновению якутских нравов и обычаев" в их среду), а также превосходство якутов по численности и сплоченности[16].

Внимание путешественника привлек и вопрос о занятиях населения. По наблюдениям Майделя, значительную роль в хозяйстве юкагиров, чуванцев, эвенов, якутов, русских играли охота (на диких оленей и пушного зверя), рыбная ловля, скотоводство, хлебопашество, торговля[17]. Важным представляется констатация факта связи миграционного процесса с изменениями в хозяйственной деятельности народов. Майдель писал также о том, что значительный "прилив русских товаров", "открытие ярмарки на Анюе" способствовали появлению "собственно торгового сословия" среди чукчей, а русские, поселившиеся на Индигирке и Колыме, "вовсе незнакомы со ржаным хлебом", так как "к северу от Верхоянского хребта до сих пор хлебные злаки не возделывались, да вряд ли когда и будут разводиться"[18]. При описании рыбной ловли он указывал на "крайне примитивный способ" добычи рыбы с использованием гребных лодок, не позволявших приблизиться к богатствам Ледовитого океана да и самой реки в плохую погоду ("об употреблении паруса ни один из колымских жителей не имеет ни малейшего представления"). Подчеркивая значение рыбы как основного продукта для жителей нижней Колымы, Майдель писал, что в случае, "если лов совершенно не удался", "наступает столь отчаянное положение и такое бедствие, о котором не может составить себе ясного представления тот, кто не знаком с условиями печального севера". Характеризуя чукчей как

"прекрасных стадоведов", превосходящих "этим искусством всех остальных инородцев Сибири", путешественник отмечал, что наличие стада от 5—8 тыс. голов до 20—25 тыс.[19] не являлось редкостью. Разделение труда в чукотских семьях привело исследователя к выводу об исключительном значении мужчин в уходе за стадом. Этой форме деятельности он дал высокую оценку: "Я думаю, что многочисленность и хорошее состояние чукотских стад, далеко превосходящих в этом отношении стада всех остальных инородцев, по крайней мере в пределах Якутской области, обусловливаются исключительно заботами и вниманием их владельцев". Женщина, замечал Майдель, выполняла все работы по "постановке и снятию жилища", нагружала и разгружала сани, готовила еду, дубила шкуры животных, шила одежду[20].

Касаясь вопроса общественной организации коренных народов, он отмечал их разделение на роды, не вскрывая сущности этого института. Наиболее совершенное общественное устройство он наблюдал у якутов. В связи с этим писал о разделении народа на роды ("низшая единица в их общественной организации"), во главе которых стояли старшины (избирались пожизненно; были облечены полицейской и судебной властью). Два-три рода, по его словам, составляли наслег под руководством старосты, который ежегодно проводил надел сенокосными угодьями, отвечал за сбор ясака, получал порох и свинец, иногда пользовался полицейской и судебной властью, назначал телесные наказания, передавал приказы и распоряжения правительства. Улус, писал Майдель, возглавлялся улусным управлением, или "инородческой" управой (через нее направлялись распоряжения исправника, осуществлялся сбор старост, представлялись в окружное управление просьбы, предложения). В состав улусного управления входили голова, члены (все они избирались из старост сроком на три года), писарь. Только у якутов отмечал он наличие "письменных деловых сношений"[21].

В "Путешествии" встречаются разрозненные сведения об отдельных населенных центрах и краткие описания некоторых из них. Верхнеколымск, по Майделю, к 70-м гг. прошлого столетия представлял собой поселение, где проживало духовенство, семьи чиновников, купцы, 500 чел. казацкого сословия, 300 мещан, 127 крестьян и около 30 политссыльных. "Довольно неприятное впечатление" произвел на путешественника Гижигинск: "около 30 низких домишек неправильно разбросаны по болоту". Здесь он нашел исправ-

ника, который "соединял в своей персоне все управление округа, потому что у него не было не только помощника, но даже и писца", двух представителей духовенства, казацкого урядника с командой и двух купцов. Майдель отмечал очень слабую связь с внешним миром: раз в году здесь проходила почта и в последние годы "неправильно и неежегодно" проплывали суда, снабжавшие продуктами поселения по побережью Охотского моря (в том числе Гижигинск)[22].

Здесь же можно встретить и описание представителей отдельных народов. Об эвене Майдель писал: "Ловко и красиво сложенный, притом крепкий и мускулистый, способный без труда переносить голод и жажду, холод и зной, прекрасный стрелок как из ружья, так и из лука"[23]. В специальном примечании он воспроизвел описание одежды эвенов, отмечая, что она была легкой, удобной, нарядной, не стесняла движений. Кафтан шили из оленьих шкур. Последние подбирались по цвету с такой тщательностью, что возникало ощущение "что платье сшито из одноцветной материи". Сапоги, пояс, огнестрельное оружие, колчан — все "что он имеет на себе и вокруг себя, изящно украшено шитьем и резьбой". Женщины, как и мужчины, писал Майдель, носили кафтан, "открытый спереди". Под него одевали "нечто вроде жилетки, которая однако спереди совершенно закрыта" и расшита во всю длину бусами (мужская одежда этого типа отделывалась кистями, вырезанными из кожи). Привлекло внимание исследователя убранство головы у эвенок, которые вплетали в волосы нитки крупных белых и голубых бус, а иногда украшали их серебряными монетами ("среди них встречаются очень старые и в Азии несомненно очень редкие экземпляры").

Жилище эвена — ураса, по наблюдениям Майделя, соответствовала образу жизни народа; она была небольшого размера, легко убиралась в перевозилась на спине оленя. Легкими и удобными делались жерди; "белая береста сшивалась двойным слоем в длинные полосы шириною в локоть", выделывалась, отчего становилась мягкой и гибкой, "а в конце концов по ней выводятся красивые узоры из бус и пестрых кусочков кожи". Наличие урасы Майдель отмечал и у якутов, но здесь же оговаривал отличие. Якуты жили преимущественно в юрте; урасы устраивали лишь некоторые из них (главным образом, зажиточные) и только на лето[24].

Значительное место в "Путешествии" отведено описанию устройства чукотской палатки: наружная часть ее покоилась на деревянном остове, основу которого составляли три длинных шеста, связанные вверху ремнем и поставленные в виде треножника. К этим шестам крепился котел, в котором

готовилась еда; одновременно они служили главной опорой для "станка из жердей, из которых составлен весь остов палатки". Остов покрывался ровдугой; сверху оставлялось отверстие для выхода дыма. Майдель заключал: "В таком виде палатка хорошо защищает от дождя и ветра; кожа не пропускает воды, а гибкий остов из жердей вполне выдерживает порывы ветра". При сильных бурях остов дополнительно укреплялся с наветренной стороны длинным шестом с дугообразной поперечиной вверху. Внутри палатки на остов из жердей навешивался полог из зимних оленьих шкур, волосяным покровом внутрь. Оленьими шкурами выстилался и пол; при этом "под них подгибаются с трех сторон концы боковых стенок полога, так что они плотно прижимаются и не дают возможности проходить ни малейшему дуновению ветра". Для освещения использовался костный жир, который не давал запаха и вместе с тем обогревал помещение[25].

Чукотские беговые сани Майдель считал "необыкновенно красивым произведением". Изготавливались они из березы; их отдельные части скреплялись "искусно сплетенными ремешками из ослепительно белой кожи"; на полозьях помещались "спицы из оленьих костей или из дерева" ("их стараются вырезать как можно тоньше и изящнее и соединяют друг с другом очень красивою сеткою из тонких ремешков"); на спицах устраивалось сиденье "с художественно сделанной спинкой". Для скольжения полозья покрывались снизу китовым усом. Отличие чукотских беговых саней от якутских, писал Майдель, состояло в том, что чукчи запрягали каждого оленя отдельным ремнем, а якуты впрягали животных одним общим ремнем. Преимущество "чукотской запряжки перед якутской" исследователь видел в том, что первая обеспечивала большую возможность управлять животными: "для этой цели под уши и под челюсти очень остроумно подкладываются пластинки, сделанные из рога каменного барана и имеющие на стороне, прилегающей к телу, острые бугорки. Когда кучер натягивает вожжи, то при помощи очень ловко приспособленной системы петель и рычажков пластинка своими бугорками давит на кожу животного и беспокоит его, не причиняя впрочем вреда"[26]. Предметом наблюдения Майделя были также брачные обычаи, церемония жертвоприношения у чукчей[27] и т.д.

Таким образом, исследователь собирал данные о расселении народов Северо-Востока, их численности; отметил сходство и взаимовлияние между некоторыми из них; обращал внимание на занятия населения, общественную организацию, состояние отдельных населенных пунктов, жилье,

одежду, внешний облик, средства передвижения, духовную культуру. Следует отметить разрозненный характер этих сведений, касающихся отдельных сторон истории и этнографии народов. Но несмотря на их фрагментарность, представляется возможным широкое использование материала при исследовании различных историко-этнографических и лингвистических проблем.

Интересно, что в "Примечаниях" к первому тому "Путешествия" Майдель упоминает об "исторических заметках", в которых, по его словам, "будет подробно рассказано" об "открытии" Северо-Востока и населяющих его народах[28]. Как свидетельствует документальный материал, в Академии наук рассматривался вопрос об издании третьего тома "Путешествия" Майделя. О его содержании можно заключить по выступлению академика Ф.Б. Шмидта. На заседании Физико-математического отделения 16 февраля 1894 г. им был поставлен вопрос о публикации статьи путешественника о "инородцах" Якутской области и ее статистическом описании. Принимая во внимание, что "большая половина" третьего тома "Путешествия" была "уже готова в рукописи", в протоколе заседания зафиксировано: "академик Шмидт оставляет за собою право по окончании второй части труда Майделя обратиться к Академии с запросом, можно ли будет 3-ю часть напечатать в виде последнего тома сборника "Beitrage", перед его прекращением, или же придется и его публиковать в общих изданиях Академии наук"[29].

14 мая 1874 г. на заседании Историко-филологического отделения Академии наук академик А.А. Шифнер ознакомил собравшихся с запиской об образцах эвенского языка, собранных Чукотской экспедицией[30]. В.А. Горцевская уточняет характер этих материалов — "словарь и тексты анадырских эвенов". Их публикация состоялась в 1874 г. в издании "Mélanges Asiatiques" (t. VII, St. Petersbourg) в работе: A. Schiefner. "Baron Gerhard von Maydel's tungusische Sprachproben". Таким образом, с одобрения Академии наук и при непосредственном участии Шифнера лингвистические сборы экспедиции были введены в научный оборот.

Выше упоминалось, что в 1882—1884 гг. Академия наук приняла участие в проведении Первого Международного полярного года. Участники экспедиции в дельту Лены Н.Д. Юргенс и А.А. Бунге представили краткие сведения о некоторых поселениях и занятиях жителей края. Как писал Юргенс, население Сиктяха составляли "около 50 человек русских, якутов и тунгусов", а само поселение было "первым из селений близь устья Лены, в которых производится

значительный улов рыбы". Бунге сообщал, что главным строением Сиктяха были юрты в форме усеченных пирамид, из досок (либо тонких бревен), поставленных наклонно и покрытых дерном. Он замечал: "Такого рода постройки заимствованы у якутов и на севере употребляются повсеместно и русскими". Среди занятий населения им названы: рыбная ловля (преимущественно), охота (отчасти), огородничество ("хотя оно находится в очень жалком состоянии и встречается лишь у зажиточных людей"). Севернее находились поселения Говорово, Булун, Аякит, Кумах-сур, жители которых на лето, по словам Юргенса, расселялись по берегам Лены "на протяжении 300 верст... где есть песчаные отмели, представляющие особенные удобства для ловли неводами". Юргенс и Бунге отмечали также, что часть отмелей сдавалась в аренду рыбопромышленникам, которые по весне приплывали на каюках из Якутска. Число рыбопромышленных каюков "в недавнее время" доходило до 15; рыбы на них перевозилось около 12 тыс. пудов. Однако, по наблюдению Юргенса, наметилась тенденция к сокращению улова; "промысел делается все менее выгодным и число каюков уменьшается"; "летом 1884 г. за рыбой пришло только 4 каюка и пароход "Лена", которые вывезли уже лишь 7 тыс. пудов рыбы"[32]. Рыболовство было основным видом промысла и для населения дельты Лены (селения Зимовье-лах, Быков, Кетях, Булун, Туорах). Общее количество жителей этих поселений определено Юргенсом "около 400 душ, считая мужчин, женщин и детей" ("Они называют себя якутами, хотя ничем не отличаются от жителей деревень в устье Лены и по берегам Ледовитого океана — тунгусов"). Причиной сближения этих народов на севере Бунге считал "одинаковые занятия"; "скотоводства здесь уже совсем нет; оно заменяется охотой, рыбной ловлей и оленеводством"). Господствующим языком, по его мнению, был якутский, на котором говорили и русские, и эвенки[33].

При посещении селения Туорах члены экспедиции увидели четыре жилые юрты, часовню, несколько амбаров. Кроме рыбной ловли, население дельты Лены занималось охотой на диких оленей ("охотники на ветках разъезжают по протокам и, заметив оленя, переплывающего с одного острова на другой, нагоняют его и закалывают копьем. Ружей они не имеют")[34]. Бунге замечал: "С ружьем охотятся только некоторые тунгусы"[35]. Немаловажной была и охота на диких гусей ("первую половину лета их бьют стрелами из луков. В конце июля... охотники всей деревней устраивают облаву... в удобном месте на берегу устраивают постепенно суживающийся коридор из сетей и загоняют гусей

туда. Двое охотников, вооруженных палками, перебивают в короткое время всех. В лето 1883 года в полчаса таким образом было убито 1500 гусей“). Об этом способе охоты Бунге писал: “нужда свои законы пишет, здесь заботятся не об удовольствии, доставляемым охотою, а о снабжении себя на зиму провиантом“. Он же сообщал об использовании в пищу яиц различных птиц (особенно гусиных), которые собирались населением в большом количестве “и часто долго сохранялись в замороженном виде“. Развит был и песцовый промысел “при помощи ловушек или пастей“. Вот что писал Юргенс о производительности этого способа добычи: “на сто пастей попадает обыкновенно 3—4 песца, а в счастливые годы от 6 до 8“ (“состоятельные люди имеют их (пастей. — *Д.Ш.*) до 500 и даже более“). Значение песцового промысла для населения Бунге определял как возможность “обзаводиться теплой одеждой“, как средство приобретения чая, табака и для уплаты податей (“шкура взрослого песца, убитого зимою, стоит здесь от 1 до 2 рублей, а молодого всего 30—75 коп. За довольно редкую разновидность песца, за так называемого голубого песца, платят от 6 до 9 рублей“)[36]. Имели место также работы по изготовлению лодок (“из тополя выдалбливают маленькие очень вертлявые и требующие большого навыка для управления ими, шлюпки, известные под названием веток“), поплавков для неводов (“из бересты“, “продаются по 1 рублю за десяток“)[37].

Из домашних животных, по словам Юргенса, держали лишь ездовых собак: “в нарту с 15 пудами груза впрягают обыкновенно по 13 собак попарно, гуськом, пристегивая к длинному ремню, закрепленному за передок нарты“[38]. Сообщал он и посещении в Сагастыре русскими приказчиками якутских купцов, которые на различные товары выменивали у коренного населения меха и кость мамонта. Склады с товарами находились в Булуне, “или, вообще, в центрах местного управления“. Приезжая по делам в управу, каждый мог взять на складе в долг необходимый товар, за который расплачивался “постепенно во время разъездов приказчиков“. Побывали исследователи в селении Балкалах, “в 30 верстах от устья Оленека“. Юргенс писал о его населении: “потомки русских крестьян, поселенных здесь в царствование Екатерины II, но совершенно оякутившиеся; не только не говорят по-русски, ни одна черта в них не напоминает их русского происхождения“[39].

Бунге подметил различие мужского и женского труда у населения дельты Лены. Мужчины, как он писал, совершали поездки (летом — на лодках, зимой — на собаках), охотились на оленей, ловили рыбу, осматривали песцовые ло-

вушки. Женщины выполняли домашнюю работу, заготавливали топливо, делали запасы, изготавливали одежду. Он же отмечал, что среди коренного населения наряду с христианством имело место и шаманство[40].

Интересным представляется упоминание Бунге о якутской сказке, которую он прослушал во время одного из путешествий и "записал ее после на Сагастыре в возможно точном переводе. Эта сказка стоит того, чтобы с ней познакомиться; она показывает, какая замечательно живая фантазия у якутов"[41]. Следует отметить также, что в издании "Труды русской полярной станции на устье Лены" (СПб., 1895. Ч. 1) опубликованы рисунки с изображением средств передвижения (паузок, карбас, каюк), деревни Кетях, юрты в этой деревне, населения устья Лены.

В Санкт-Петербургском отделении Архива Академии наук можно познакомиться с дневниками Бунге (рукописный и машинописный тексты на немецком языке; содержат записи с 19 июня 1882 г. по 5 января 1885 г.), где приведены, в частности, наблюдения по орнитологии, метеорологии, ихтиологии, заметки о природе[42]. Исследователь составил перечни птиц, рыб с их русскими и якутскими названиями, собрал антропологический материал. Среди коллекций особого внимания заслуживает собрание "из 28 предметов, относящихся до инородцев устья Лены, в том числе полная одежда тамошних тунгусов с разными мелкими принадлежностями, пальма, ловушка и разные вещи, найденные в древних гробницах около Сагастыра"[43].

Участники академической экспедиции И.Д. Черского 1891—1892 гг. собирали исторический, этнографический, фольклорный материалы. Рассмотрим некоторые данные Черского относительно расселения народов. В письмах, посланных в Академию наук и "Предварительном отчете" об экспедиции он писал о "довольно обильном населении" — якутах, заселивших долину Индигирки, а также о шести "постоянных жительствах" их на северо-восточном склоне Верхоянского хребта (двух — по р. Сунтар, одного — в долине Агаякана, одного — в долине р. Ичугей) и по обе стороны цепи Улахан-Чистай (на рр. Нере и на Кыгыл-Балыктахе). Эти сведения в "Предварительном отчете" дополнены сообщением о проживании на Агаякане семи семейств, а на Ичугей-Юрях — трех. Путешественник сообщил также о поселении юкагиров и эвенов в 70 верстах к юго-востоку от Верхнеколымска, неподалеку от устья Нелемной. Любопытно истолкование путешественником отношения якутов к явлению северного сияния. Заметив, что якуты являются "преобладающим здесь ныне элементом народонаселения",

Черский обратил внимание на то, что они называют северное сияние юкагирским огнем ("юкагырь уота убайарь", "у юкагиров огонь горит"), что толкуется ученым как свидетельство более позднего расселения якутов в направлении к северу[44].

Сравнивая языки юкагиров и эвенов (в частности приведена таблица числительных до десяти на юкагирском, эвенском и якутском языках), Черский констатировал общность этих народов, смешение путем метисации. Для части русского населения, юкагиров, эвенов бассейна Колымы ученый отмечал процесс "объякучивания", ассимиляции их якутами[45].

Исследование явлений экономического характера он считал достаточно сложным: "Изучение экономического быта народонаселения не дается так легко, как, например, восстановление какой-либо складки горных пород". Кроме того, Черский считал, что четырех месяцев (время его пребывания в Верхнеколымске) недостаточно, чтобы "с должною подробностью ознакомиться с... волнами и складками социально-экономической жизни". Тем не менее, ученый уделил значительное внимание характеристике форм хозяйственной деятельности населения края. При этом Черский подчеркнул связь занятий якутов, юкагиров, эвенов с природными возможностями. Занятия якутов скотоводством, рыбным и пушным промыслами в речных долинах Индигирки, Сунтара, Агаякана, Ичугей-Юряха, Неры, Кыгыл-Балыктаха он объяснял наличием обширных и тучных лугов. Меньшее количество лугов, по его мнению, было причиной более слабого (по сравнению с Индигиркой) развития скотоводства в районе Верхнеколымска. Далее Черский сообщал, что самые богатые из якутов по Колымскому тракту имели до 35 голов рогатого скота и до 50 лошадей, а в верхнем течении Индигирки — до 209 голов рогатого скота и 500 лошадей ("средней руки якут имеет их по 80 штук")[46]. Подмечен им и сезонный характер занятости юкагиров и эвенов, поселившихся около р. Нелемной, не имеющих ни лошадей, ни рогатого скота, ни оленей. С конца июня до октября они занимались рыболовством на Нелемной; затем до первых чисел декабря откочевывали для пушного промысла, а в феврале отправлялись вверх по реке для изготовления лодок ("которые они сплавляют в Верхне-Колымск к концу июня"). В отличие от них эвены, заселявшие область верхнего течения Колымы ("горные ламуты"), по наблюдениям Черского, занимались оленеводством[47].

По-видимому, у Черского был замысел написать очерк о состоянии промыслов по всему течению реки Колымы[48]. В

его предварительных сведениях приведены данные о рыболовстве в окрестностях Верхнеколымска, собранные и переданные ему Василием Сучковским. Согласно им, в урочище Кривом (по р. Ясачной) в сентябре (между 12 и 18 числами, либо 20 и 24) вылавливали омулей от 15 339 шт. (1889 г.) до 13 080 (1888 г.), нельмы от 104 штук (1890 г.) до 188 (1888 г); по речке Нелемной (приток Ясачной) в то же время улов омулей составлял от 22 630 штук (1888 г.) до 37 730 (1890 г.), нельмы — от 148 штук (1889 г.) до 1170 (1891 г.); всего же за 1888—1891 г. было добыто 154 803 штук омуля и 1750 нельм[49].

Интересны наблюдения Черского относительно развития земледелия и овощеводства в бассейнах Индигирки и Колымы. 24 июня 1891 г. экспедиция достигла долины р. Татты. В этот день Черский записал: "В долине много пашен (ячмень, ярица); около одного домика, очевидно пришельца из Европы, разведен миниатюрный огород с капустой и картофелем". В Верхнеколымске он наблюдал разведение огородов лицами духовного звания (священники — отец Василий Сучковский и отец Стефан Попов, псаломщик — Г.А. Попов). Среди выращиваемых ими культур названы картофель, репа, морковь, брюква, редька, редис, свекла, петрушка, укроп, салат, капуста ("хотя последняя дает лишь немного вилков, и то недостаточно плотных"). Удовлетворительные результаты отмечены им в разведении "в огороде отца Василия Сучковского" в Верхнеколымске конопли, "составляющие столь необходимый материал для неводов, но достигающей здесь неимоверных цен (80 копеек и 1 рубль за фунт)". Василий Сучковский выращивал также лук, Стефан Попов — горох, Г.А. Попову удался опыт выращивания льна[50]. Конопля была посажена и в поселке Родчево, на правом берегу Колымы, в 70 верстах ниже Верхнеколымска "на участке, разрабатываемом одним из проживающих там ссыльных С.М. Шаргородским". О нем Черский писал: "С.М. Шаргородский всецело посвятил себя... полевым работам и в местности этой, до него еще не тронутой орудием земледельца, вырастил великолепный ячмень, немного ржи, коноплю, два сорта гороха, картофель, два сорта капусты, свеклу, брюкву, два сорта моркови и редьки, редиску и щавель" (далее опубликован перечень культур, выращенных ссыльным, с указанием времени их посева, цветения и сбора). Из 20 фунтов ячменя С.М. Шаргородский получил урожай в 3,5 пуда; 6—7 фунтов семенного картофеля обернулись урожаем в 2,5 пуда, а 56 зерен — 5-ю фунтами садового гороха[51].

Выращивание овощей зафиксировано Черским вниз по Колыме до Среднеколымска, "составляющем крайний северный пункт огородничества", где "капуста уже вовсе не дает вилков". Здесь, по сведениям путешественника, в 1891 г. был получен хороший урожай ячменя "в огороде Н.Е. Нехорошева"[52]. Однако, по наблюдениям Черского, продукты земледелия в бассейнах Индигирки и Колымы в конце прошлого столетия еще не стали товаром и были скорее деликатесом, "драгоценными подарками", так как выращивались в ограниченном количестве. Одновременно исследователь называл районы, благоприятные для развития этой формы хозяйства — южнее Верхнеколымска, вверх по Колыме (Сеймчан и др.); по Индигирке, в ее верхнем (Оймякон, Тарын-Юрях и др.) и среднем (область устья Момы) течении. Черский считал, что в этом крае "до 67°10′ северной широты огородничество, как равно и некоторое земледелие, должны иметь великую будущность", явиться "значительным подспорьем" населению, особенно в периоды плохого улова рыбы[53].

Среди материалов экспедиции можно найти свидетельства о различных видах поселений. Поселения "отдельными жилищами" (иногда до семи семейств) отмечены Черским на северо-восточном склоне Верхоянского хребта, по р. Сунтар, в долинах Агаякана и Ичугей-Юрях, на рр. Нере и Кыгыл-Балыктахе[54]. Город Якутск произвел на путешественника безотрадное впечатление: «Замечательно почерневшая, дряблая и поросшая желтым лишайником наружная поверхность построек, провалившиеся крыши, даже на "Большой улице" покинутые дома без рам в зияющих окошках... нередко развалившиеся заборы...» Видел он и сохранившиеся до того времени остатки крепости Якутского острога (памятника деревянного зодчества XVII в.), "замечательного исторического памятника, который возвышается... на Кафедральной (соборной) площади, в виде столь же черной, трехбашенной крепостной стены...". Привлек внимание Черского "увеличивающийся музей в Якутске", одним из выдающихся "предметов" которого он считал череп дельфина, отловленного в Алдане ("не менее 1500 верст от океана!"). В письме к академику Ф.Д. Плеске ученый обратился с просьбой выслать для музея "Орнитологию России" и "вообще все, что возможно из академических изданий, в том числе и мой последний труд"[55].

Относительно Верхнеколымска Черский замечал, что находится он " не около Колымы, как указывается на картах", а на левом берегу Ясачной. На его территории располагались "почерневшая, хотя и не старая деревянная церковь, раз-

валина древней часовни", восемь жилых домов "без крыши и без оград, со слюдяными или ситцевыми окошками... да еще несколько амбарчиков". Население Верхнеколымска состояло из 56 чел. (36 русских и 20 якутов), включая детей. Среди них было два священника (Василий Сучковский и заштатный — Стефан Попов), два псаломщика (Георгий Афанасьев Попов и заштатный — Гаий Алексеев Протопопов), трапезник, приказчик купцов Бережновых (Свинобоев). Приход Верхнеколымска, по словам Черского, состоял из 1205 чел. "Обширная лесистая и болотистая равнина с многочисленными озерами окружают собою этот уединенный уголок Колымского края". Почта отправлялась из Якутска только три раза в год (10 апреля, 10 августа, 10 декабря) и шла до Среднеколымска около 70 дней, затем 8 дней до Верхнеколымска[56].

Любопытно описание дома в Верхнеколымске, в котором разместились Черские: "без крыши, имеет 27 футов длины и 16 ширины, с пятью слюдяными окошками и одним ситцевым, которые дают уже достаточное количество света, но нас уверяют, что в октябре, когда каждая из наших летних рам, составленная из 25 или 30 кусочков слюды, заменится сплошною плитою льда, у нас будет еще светлее). Такое здание разделено перегородками на три комнатки и кухню и снабжено одною русскою печью и двумя каминами якутского типа, известными здесь под названием камельков". Замену слюдяных окон ледяными Черский считал "оригинальным изобретением северян". На реке заготавливался прозрачный лед ("каждая из льдин... 0,79 м вышины, ...0,62 м ширины и... 0,09 м толщины") в количестве, вдвое превышавшем число окон, подвозился к дому на нартах, запряженных четырьмя собаками. Плита ставилась в оконный проем, подпиралась жердью с наружной стороны, вмазывалась смоченным водой снегом, после чего подпорки снимались "и мы могли уже наслаждаться не только удвоившимся против прежнего количеством света в комнатах, но и температурою, сейчас же возросшею от +7° до +16° при отсутствии даже малейших следов сквозного ветра, надоедавшего нам до того времени". Ледяные окна не таяли; трещины, появлявшиеся при сильных морозах, были настолько плотными, что наружный воздух не проникал в жилище. Их неудобство, замечал Черский, состояло в ограниченной прозрачности и в том, что они тускнели изнутри, в связи с чем каждое утро их приходилось соскабливать. Мокрый снег, писал путешественник, использовался также и при "оштукатуривании" поверхности домов с целью сохранить в них тепло[57]. Интересно и наблюдение об одежде населения Вер-

хнеколымска как "смеси европейских костюмов с якутскими, ламутскими, юкагирскими и колымско-русскими"[58].

Отмечая "бродячий" образ жизни группы юкагиров (около 80 чел.) и эвенов (70 чел.), Черский сообщал, что неподалеку от р. Нелемной они жили в урасах — "деревянных, срубленных, четырехугольных постройках с высокими остроконечными крышами и якутскими каминами, причем у них имеется здесь еще и три дома"[59]. В дневнике экспедиции за 1892 г. приведены данные о с. Кулымском, расположенном на левом берегу Омолона (на правом берегу "тут же почтовая станция"). М.П. Черская писала, что население Кулымского состояло из 19 юкагиров ("их было, как говорят, 60—70 человек. В 1884 г. была повальная эпидемия и они повымерли"), которые совершенно обрусели, исповедуют православие, говорят по-русски (на юкагирском языке говорят лишь два человека) и по-русски одеваются; "никакого скота не имеют"; питаются в основном рыбой[60]. 2 июля 1892 г. экспедиция остановилась в Дуванном, где жили две юкагирские семьи ("ямщики рассказывают, что здесь в старину было большое селение"). На территории поселения была одна поварня, два амбара. Основным занятием юкагиров было рыболовство, весной охотились на оленей[61]. 5 июля путешественники доплыли до Нижнеколымска. Население его состояло из русских, якутов и ссыльных. Черская замечала: "якуты нижнеколымские совершенно обруселые, по-якутски не знают ни одного слова". К числу "постоянных" жителей Нижнеколымска она отнесла двух миссионеров, священника, частного командира, две — три семьи обывателей; "остальные жители каждое лето кочуют, т.е. уезжают по заимкам на рыбный промысел". Домов, по данным Черской, здесь было около 20 ("внешний вид этих лачуг ужасный; все они без крыши, с почерневшими стенами. На месте стекол зияют налимья кожа, бумага или грязный коленкор"); две церкви (одна — старая, недействующая)[62].

Значительное внимание уделил Черский вопросу о пище колымчан, отметив использование мяса (говядина, конина, оленина, птица), рыбных и молочных продуктов. Черский оставил описание некоторых блюд, употреблявшихся населением Колымы. Широкое распространение, по его наблюдениям, получило приготовление еды из рыбы. Из нее готовились, например, "недурные блины" и оладьи, для чего использовали тщательно растертую икру рыб семейства лососевых (иногда с небольшой примесью воды). "Причем можно ручаться, писал он, что лицо, незнакомое с составом таких печений, и не заподозрит в них полного отсутствия муки, полагая, напротив, судя по их белизне, что для

изготовления их употреблен высший сорт крупчатки". Из блинов готовили пироги, "перекладывая их рыбным фаршем и запекая в форме". Для приготовления пирожков использовали сырую рыбу (очищали ее от костей, толкли в ступке, начиняли фаршем из жирных вареных рыб или из жирных брюшных частей). Жирные брюшные части рыб (омуля, чира, нельмы) подавались также в качестве закусок или в соленом виде, либо в подвяленном, размельченном, поджаренном в смеси с рыбным жиром ("рассыпчатый, весьма жирный и несколько жестковатый фарш бурого цвета", "варка", который использовался "в холодном виде, иногда даже в смеси с ягодами"). Одним из любимых блюд местного населения, по его наблюдению, была сырая рыба в мерзлом виде, из которой готовилась строганина (режется "большими, но довольно тонкими стружками, укладываемыми на блюде"; иногда подается с солью, уксусом, горчицей и перцем). Из рыбы готовились также соленая икра, супы, заливные, котлеты. Использовалась в пище и жареная рыба[63]. К категории "голодовочных" блюд Черский относил суп, представляющий собой смесь отвара молодого слоя лиственничной древесины (соскобленного из-под коры) с отваром "мельчайших, нередко полупротухлых рыбок, преимущественно из рода колюшек". Этот суп, по его словам, якуты готовили только зимой, "в промежутке между осенним и летним промыслами, следовательно, в самое безрыбное время"[64].

Достойными подражания ученый считал десертные блюда, приготовлявшиеся якутами из молочных продуктов. Одним из них был хаяк или хаях ("якутское масло") — сбитое, слегка подогретое сливочное масло; при тщательном помешивании мутовкой в него добавляется молоко (в количестве, чтобы масло осталось достаточно густым) и замораживается (подается расколотым на куски; иногда в смеси с ягодами, либо сахаром). Черский отмечал, что население Европы употребляло жиров значительно меньше. Однако он считал, что и европейцы могли бы использовать в пище хаяк, который "в растаявшем состоянии дал бы препарат гораздо более вкусный, нежели сливочное масло и мог бы прекрасно служить для бутербродов". Другой его разновидностью был кислый или "летний" хаяк из сметанного масла с добавлением пахты ("такой хаяк кажется иногда даже вкуснее пресного"). Использовались также в пище и замороженные взбитые сливки, "иногда с примесью ягод". Наблюдал Черский употребление якутами обыкновенного масла (сливочного или топленого); "значительные дозы масла кладутся также в каждую чашку чая". Летом в качестве питья употреблялся кумыс, а также сорат, т.е. вскипяченное, а

затем проквашенное и тщательно взболтанное молоко. Среди населения бассейнов Лены (Алдан) и верхнего течения Индигирки (Оймякон), т.е. в районах, где ржаная мука стоила от 1 р. 20 к. до 3 руб. за пуд, широкое распространение получил саламат "мучная каша, завариваемая различным образом на масле". В этих же местах, по его словам, якуты готовили плоские пресные лепешки, замешивая густое тесто на воде[65].

Любопытна оценка Черским "колымской диэты". "Всем нам — писал он, — колымская диэта не могла показаться неприятною". Ученый отмечал, что члены экспедиции усвоили "все местные способы приготовления и потребления этой пищи". Употребление жиров в значительном количестве в условиях Севера объяснялось им наличием больших отрицательных температур. "Высокие северные широты, вместе с 58-градусными морозами, — писал Черский, — породили в нас, в свою очередь, страсть к жирам, поэтому недавно [в] прошедший у нас период богатства таковыми, в каждый стакан чаю подкладывалось масло, а снежнобелый, мерзлый хаякъ съедался целыми кусками". Не менее важным представляется его наблюдение о реакции организма на изменение состава пищи: "желудки, испорченные петербургским маргарином до невозможности, великолепно переваривали здесь целые комья колымского хаяка и чувствовали себя весьма хорошо, воспринимая на Индигирке саламат, утопающий в масле"[66].

Материалы экспедиции содержат разрозненные свидетельства о духовной культуре населения (данные об отдельных духовных качествах, умственном развитии, религиозных представлениях, народной медицине). Путешественники писали о честности, гостеприимности юкагиров и эвенов, живших около р. Нелемной; о религиозности, доброте и приветливости юкагиров Кулымского; о больших задатках молодого якута Анисима Слепцова (Верхнеколымск), "умственным способностям которого и силе того интереса, какой предъявляется им к науке и вообще отвлеченным вопросам, могут позавидовать и многие европейцы"[67].

Интересны сведения о вероисповедании населения края. Якуты, юкагиры и эвены, по сообщению Черского, были христианами. Ученым подчеркнуто последовательное следование христианству "во всех внешних его признаках": «В самых уединенных и малопосещаемых местах... мы видели могилы всегда с крестами, нередко весьма тщательно изукрашенными резьбою и с изящными оградками; я видел также "каменного" ламута, вышедшего из гор верхнего течения Колымы, чтобы крестить своих детей». Отмечено им и

соблюдение религиозных праздников — "Святого Владимира равноапостольного", "Благовещения", "Дня святого Петра и Павла"[68]. Одновременно, по-видимому, сохранялась и старая вера. Черский сообщал о пище, брошенной в огонь в качестве жертвы "хозяину местности"; о подвешивании к стволам деревьев конского волоса, ленточек, лоскутов; о «своеобразных отношениях к медведю, которого якуты и даже юкагиры и ламуты здешней низменности боятся и редко убивают, а горные "каменные" ламуты, хотя и изрядно уничтожают это животное, стараются убедить его, что все это делается ими как бы случайно» ("приготовленное из него жаркое съедается будто по незнанию"). Последнее наблюдала и Черская, которая писала, что несмотря на обилие медведей, "якуты их не убивают и приписывают им что-то сверхъестественное". Со слов якута Черский описал обряд, которым сопровождалось лечение больного шаманом[69].

В дневнике Черского за 1891 г. находим запись об одном из приемов народной медицины. Он сообщал, что проводнику экспедиции, якуту, которого ударила лошадь, «товарищи его ставили своеобразную "мушку" на спине: к обнаженному телу ниже правой лопатки приклеили кусочек трута и зажгли его; рана, произведенная таким образом, долго не заживает и действует отвлекательно»[70].

Деятельность Русской полярной экспедиции отразил "Дневник" Э.В. Толля, содержащий ряд историко-этнографических сведений: о хозяйственной деятельности населения Северо-Востока, сватовстве, воспитании детей, религиозных представлениях, пении, пище, распространенности языков, социальных бедах народов. Отмечая сезонный характер хозяйства, он писал, что в тундре между Святым Носом и устьем Хромы, а также на морском берегу у Меркушкиной стрелки (где "живет каждое лето около 40 человек") население занималось гусеванием ("бьют гусей во время линьки"), охотилось на оленей и песца, собирало мамонтовую кость. Одним из средств охоты было ружье. Толль замечал: "Эвен, как правило, не тратит ни одного выстрела на птицу; он бережет дорогостоящие патроны или порох и свинец для охоты на оленей и старается по возможности застрелить одним выстрелом сразу двух животных, стоящих боком друг за другом". Линяющих гусей эвены забивали дубинками; на гагар, гаг, лебедей охотились со стрелами; занимались также собирательством. Они "с удовольствием лакомятся яйцами водоплавающих и голенастых птиц. Яйца зуйков, как мне помнится, самые вкусные из всех, которые я когда-либо ел. Белок после варки остается стекловидно белым, а по вкусу яйцо напоминает сладкий миндаль". Якуты, по его мнению,

отличавшиеся "большой приспособляемостью", занимались скотоводством (в долинах Лены, Яны с ее притоками — Адычей, Дулгалахом, Бытантаем), землепашеством ("особенно на Лене и на Алдане"). В остальной части Верхоянского округа до Ледовитого океана, по наблюдению Толля, среди форм хозяйственной деятельности были наиболее развиты оленеводство и рыболовство[71].

Путешественники предлагали коренным жителям принимать участие в изготовлении моделей оленьих и собачьих нарт, урас, балаганов, капканов. Так были изготовлены лук и стрела. Толль в дневнике дал описание лука: "делают обычно величиною соразмерно росту стрелка; длина лука соответствует размаху его рук. На конце стрелы находится наконечник из оленьей кости различной формы, в зависимости от назначения (конусообразный или в виде вилки и т.д.)"[72]. Сообщал путешественник о существовании "калыма", или "курума" — формы выкупа за невесту. Так, по словам Толля, один из эвенов внес 8 живых оленей, 35 руб. наличными, 4 бутылки водки, несколько мисок жира. "Курум" толковался ученым как свидетельство способности жениха содержать семью. Согласно другому контакту, за женихом-эвеном значилось 15 живых оленей, 8 жирных оленей для свадебного пира, 120 руб. (Калым следовало вносить в течение двух лет.) Толкованию путешественников и этнографов калыма как непосредственной уплаты за невесту Толль противопоставлял определение его как формы помощи молодой семье: "Я много раз слышал от якутов и эвенов, что чрезвычайно редко можно встретить отца, который не отдает обрученным обратно большую часть курума сверх приданого, а лучшие из отцов гордятся возможностью подарить больше приданого, чем уплатил жених". Толль писал также, что иногда имели место первая свадьба ("соответствует нашему обручению"), вторая ("торжественное возобновление контракта"), и третья, настоящая свадьба, с венчанием по церковному обряду, после которой невеста покидала родителей и переезжала к своему мужу. При этом свадьбы, по словам путешественников, справлялись только зимой, "так как летом для этого нет свободного времени"[73].

Интересно наблюдение о воспитании ребенка в семье якута Алексея Горохова. Его 12-летний сын в течение пяти лет проводил летние месяцы на Большом Ляховском отсрове вместе с отцом, благодаря чему приобрел "известный опыт и выполнял не хуже взрослого обязанности каюра"[74].

Касаясь религиозных представлений якутов, Толль писал, что для них существовали бог-отец, богоматерь, бог-сын и святой Николай; "у повелителя всей земли бога Тангара

были свои помощники". Некоторые церковные праздники, по наблюдению путешественника, имели большое значение для определения времени ("Для путешественников имело [...]тическое значение знать главнейшие праздники и их [...]ские названия"). Часть из них была связана с явлениями [...]оды: Егор (6 мая нового стиля) соответствовал началу таяния снега в Усть-Янске; Константин (3 июля нового стиля) совпадал со временем прилета птиц на острова; Михайла (21 ноября нового стиля) совпадал с началом полярной ночи в усть-янской тундре. Во время церковных праздников люди просили друг у друга прощения, крестились, клали поклоны. Толль отмечал, что икону носили на груди в кожаном мешочке, брали в дорогу, в доме вешали в углу против камелька, в чуме привязывали к шесту напротив входа. Интересным представляется его наблюдение о том, что на охоту икону не брали ("как ничего не смыслящего в охоте"). Толль писал: «о ловле песцов, как и обо всем, касавшемся природы, "тангара", по их мнению, также не имеет никакого представления». Помощниками промыслов считались иччиты — духи различных местностей[75]. Есть у путешественника и упоминание о "своеобразном пении", песне-импровизации, исполняемой "в однообразном ритме и с неуловимой мелодией", по содержанию являвшейся выражением ощущений настоящего момента, либо воскрешением в памяти того, что миновало[76].

Толль писал об употреблении населением сырой рыбы, жидкой каши из ржаной муки ("саламат"; "обитатель тундры ощущает большую потребность в этой еде, но цены на муку не всегда доступны"), принятии коренным населением блюд европейского стола (суп с овощами и капустой, гречневая и овсяная каши, печенье, сладкое), хотя и отмечал при этом, что соль, перец "не соответствовали вкусу" и наоборот, "чем жирнее было кушанье, тем больший вызывало аппетит"[77].

Наиболее распространенным на большей части Якутии, по словам Толля, был якутский язык ("каждый эвенк и эвен Янского, Ленского, Оленекского и Анабарского округов говорил по-якутски, а в Якутске каждый русский горожанин знает этот язык"). Когда он был в Верхоянске и Казачьем, то отметил, что купцы и казаки говорили по-якутски лучше, чем по-русски. Исключение, по его словам, составляло русское население устья Индигирки[78].

Экспедицией были собраны данные о промысле мамонтовой кости на Новосибирских островах (обработаны А.А. Бялыницким-Бирулей), о песцовом промысле в Приянском крае, а также образцы (и словарь) эвенкийского и местного

(Приянского края) якутского языков (последние были переданы хранителю Этнографического музея Академии наук Л.Н. Штернбергу)[79].

М.И. Бруснев, участник этой же экспедиции, оставил ряд наблюдений историко-этнографического характера. В "Отчете начальника экспедиции на Новосибирские острова для оказания помощи барону Толлю" мы находим, например, описание подготовки нарты к переезду, преимущества этого вида передвижения в условиях Севера, бездорожья. Он писал, что "хорошо устроенная собачья нарта, даже сильно нагруженная, легко идет по твердому снежному покрову". Одним из условий удачного переезда на нарте, по его словам, являлась специальная подготовка полозьев. Нижняя поверхность их покрывалась тонким слоем льда, что значительно уменьшало трение полозьев о снег. "Леденение" полозьев производилось следующим образом: нарта переворачивалась вверх полозьями, ямщик макал в воду кусок оленьей кожи с шерстью и проводил им по поверхности полоза несколько раз. Следовало, однако, знать, замечал Бруснев, что не ко всякому дереву лед пристает плотно; необходимо было мягкое вязкое дерево ("обыкновенно употребляется береза"). Березовые полозья высоко ценились промышленниками, а так как береза на Севере не произрастала, то их покупали ("иногда очень дорого") у купцов, доставлявших полозья из Якутска. Полозья в течение нескольких дней вымачивались в пресной воде ("тогда лед хорошо пристает к ним и образует с ними как бы одно целое"). "Леденение" было возможным лишь при низкой температуре ("при −5° операция эта хотя и удается, но лед очень быстро стирается")[80].

Для летних разъездов, писал Бруснев, использовались иные нарты. При изготовлении полозьев для поездок по голой земле среди плавника выбиралось лиственничное дерево, "наружные годовые кольца которого тонки". Верхний слой такой лиственницы, по замечанию путешественника, отличался чрезвычайной твердостью, а полозья были настолько прочными, что "отполировавшись о земле, скользят по ней довольно легко и не скоро стираются". Сама нарта отличалась меньшей величиной ("главным образом короче зимней")[81].

Бруснев отмечал удобство, приспособленность к местным условиям урасы; дал ее описание. "Коническая форма урасы со многими точками опоры, — писал он, — имеет сравнительно небольшую боковую поверхность и так как ветер встречает эту поверхность под тупым углом, то он как бы придавливает урасу к земле, благодаря чему она может

выдержать сильный ветер, не будучи вовсе привязана к земле"[82].

Им отмечено своеобразное отношение якутов и эвенков к медведям. Они снимали с убитого животного шкуру, разрезали тушу на части, зарывали их в землю. "Все это они делают для того, чтобы медведь не мог впоследствии как-нибудь встать и повредить им за причиненную обиду". При этом обязательно отрезались от туловища голова и ноги, перерезался на части позвоночник, вынимались и резались на части внутренности, в том числе сердце (разрезалось на четыре части), вырезались глаза, уши забивались землей, пасть связывалась ниткой. "Все это делается в глубоком молчании — говорить можно только в случае крайней необходимости, да и то только шопотом"[83].

На о. Новая Сибирь Бруснев обнаружил следы пребывания промышленников. Путешественники нашли здесь "домики довольно хорошо" сохранившиеся, несмотря на то, что промышленники не посещали его уже около 40 лет. С партией Бруснева летовали на Новой Сибири усть-янские промышленники. Они надеялись, "основываясь на сохранившихся от прежних промышленников легендах", найти на острове "неистощимые богатства мамонтовой кости". Однако были разочарованы, собрав за два года 30 пудов клыков, "да и то не очень хорошо сохранившихся", в то время как на о. Фаддеевском промышленники за год набрали более 40 пудов "превосходной кости"[84].

А.А. Бялыницкий-Бируля, отмечая, что на Новосибирских островах нет постоянного населения, писал о посещении их каждый год промышленниками из коренного и русского населения Приянского, Индигирского, Нижнеленского районов ("безлюдными, по крайней мере в продолжение известной части года, их ни в коем случае нельзя назвать"). Промышленники отправлялись на острова ради добычи "рога" и бивней мамонтов, идущих на продажу. По наблюдению исследователя, главный сбор мамонтовой кости велся на Большом Ляховском острове, где летовали промысловые партии (оставались на пять—шесть месяцев, с мая по октябрь). Реже, по его словам, посещались о-ва Котельный и Фаддеевский. Источником питания партий в это время являлась охота, а "главным объектом охоты является северный олень". В случае перекочевок оленей на дальние острова промышленники занимались сбором яиц гаг, гусей, чаек, но, главным образом, охотой на линяющих гусей[85].

Известно, что в конце XIX столетия американские ученые стали инициаторами широкомасштабных работ по сравнительному изучению этносов Америки и Азии, было положено

начало формированию сравнительных представлений о коренных народах этих континентов. Как свидетельствуют литературные и документальные данные, изучение этой темы в нашей стране связано с именами В.Г. Богораза, В.И. Иохельсона, Д.Л. Иохельсон-Бродской. Известно, что их научная работа началась в годы ссылки. За участие в народовольческом движении Богораз и Иохельсон были сосланы в конце прошлого столетия в Якутию. В 1894 — 1897 гг. они работали в составе этнографической экспедиции ВСОИРГО. Исследователям было поручено изучение народов Колымского округа. Одновременно Иохельсон исследовал и северную часть Верхоянского округа. В 1895 г. он опубликовал в журнале "Живая старина" (периодическое издание Отделения этнографии ИРГО) статью "Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении", в которой представил свои наблюдения о якутах, юкагирах, чуванцах, чукчах, эвенах, эвенках, русских. При описании того или иного народа Иохельсон особое внимание уделял фактам, позволяющим делать их сравнительное изучение. В этом плане поставлены были вопросы о переселениях, ассимиляции, численности населения, занятиях, устройстве жилищ, религии, физическом типе, народной поэзии, языке, брачных отношениях, нравах, потребностях, привычках, одежде и др.

По окончании Сибиряковской экспедиции в научные центры страны была разослана "Программа издания трудов" ее участников с перечнем собранных материалов. В Академии наук была создана специальная комиссия во главе с академиком В.В. Радловым. Последний предложил Иохельсону обработать собранные данные по юкагирскому языку и фольклору. В Историко-филологическое отделение Академии наук исследователь представил три юкагирских текста с переводом и грамматическим разбором, которые 20 мая 1898 г. были одобрены для печати. Иохельсон собрал также материалы по фольклору, лингвистике, антропологии, семейным отношениям, религии, обычаям, материальной культуре и экономике юкагиров. Им были мобилизованы и данные для сравнительного исследования народов, установления их взаимовлияния (юкагиры, эвены, эвенки, русские). Названный материал, его разработка явились основой монографии "Юкагиры", в написании которой принял участие и академик К.Г. Залеман. Работа была доложена на заседании Историко-филологического отделения Академии 7 апреля 1899 г. и опубликована в Петербурге в 1900 г. Тогда же в "Живой старине" вышло в свет исследование Иохельсона "Бродячие роды тундры между рр. Индигиркой и Колымой". Богораз в 1899 г. на заседании Историко-филологического

отдела предложил работу "Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора", которые были изданы на средства Академии наук. Двумя годами позже Академия издала его "Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе".

По рекомендации Академии наук Иохельсон и Богораз приняли участие в работах Северо-Тихоокеанской экспедиции, состоявшейся по инициативе американских исследователей. Однако заметим, что отечественные ученые к этому времени уже вели работу по сравнению этносов Северо-Востока, и деятельность Иохельсона и Богораза активно поддерживалась Академией. Участие их в Северо-Тихоокеанской экспедиции позволило расширить круг наблюдений, принять участие в сравнительном изучении народов двух материков. В работах советских исследователей, в том числе обобщающего плана (историография, история отечественного академического центра) вопрос о роли отечественной науки в разработке проблемы либо кратко упомянут, либо опущен. Между тем ее изучение на рубеже XIX—XX вв. дало значительные результаты для развития историко-этнографической науки, поскольку выявило ряд ключевых моментов истории коренных народов Северо-Востока Азии (этногенез, заселение территорий, пути развития, взаимовлияние, история культур и т.д.), создало одну из концепций истории народов.

Как известно, о населении Америки долгое время существовали различные представления. В основе одной из гипотез лежало отождествление народностей континента с древними народами Старого Света. Так, например, была высказана идея о влиянии Китая на архитектуру Мексики, что связывалось с деятельностью монахов-буддистов V века н.э. Была сформулирована и теория о совершенной независимости развития рас и культур американского материка; "немало фантазировали насчет происхождения и переселения эскимосов". Одновременно было ясно, что Америка заселялась в глубокой древности, что ко времени появления здесь европейцев существовала сложившаяся раса (с рядом разновидностей), но имевшая характерные черты. При этом культурам народов этого материка были свойственны черты, отсутствовавшие в культурах Старого Света; в то же время ряд культурных приобретений последнего оставался для них неизвестным до прихода европейцев[86].

В ходе научного исследования американских племен было отмечено взаимовлияние между ними в древнейшие времена. Материалы научных поисков свидетельствовали, что во время, представление о котором может дать только археология, уже существовали связи между Севером и Югом, Востоком

и Западом, что американские племена не могут быть изучены без учета взаимовлияния между ними, как путем метисации, так и в процессе обмена культурными ценностями. Было также очевидно, что при изучении проблем взаимоотношений между племенами Америки следовало учитывать возможность географических связей Американского материка с Азией, особенно в районе Полинезии ("редкие поселения полинезийцев наводят на мысль, что и они могли жить на нашем (Америка. — *Д.Ш.*) "континенте") и на северном побережье Тихого океана ("Северное, кажется, дает больше результатов. Здесь географические условия располагают к миграции вдоль побережья и к культурному обмену"). Сведения о прибрежных народах двух материков давали основание, с одной стороны, заключить о "необыкновенном разнообразии" языков, диалектов, изменениях в культуре и размещении племен, что указывало на "долгую и полную перипетий историю", с другой — свидетельствовали о "большом сходстве" типов людей северо-американского побережья Тихого океана с народами Северной Азии, обусловленном смешением, миграциями, постепенной дифференциацией[87]. Франц Боаз, известный американский этнолог, профессор Колумбийского университета, президент Американского Музея естественных наук в Нью-Йорке заключал: "Культура в этом месте имеет много черт, говорящих о народных истоках, и много иных черт, указывающих на разнообразные пути развития"[88].

В 1898 г. были проведены исследования среди гиляков, гольдов, эвенков, айнов в районе Амура и северо-восточной части Сахалина. На последнем была приобретена коллекция деревянных идолов и амулетов эвенков, собран фотодокументальный материал, записаны песни, засвидетельствовано жертвоприношение собаки[89]. На территории Северо-Востока Н. Бекстон работал по составлению зоологической коллекции; Иохельсон-Бродская, "будучи кандидатом на ученую степень в медицине в университете Цюриха", выполняла антропометрические, медицинские исследования и большую часть фоторабот; были собраны юкагирская коллекция, материалы о якутах. Иохельсон уточнял: "Профессор Боас, организатор Джезуповской экспедиции, пожелал воспользоваться моими знаниями Якутской области и якутов и моими связями там для приобретения якутской этнографической коллекции для музея. Якутская коллекция, собранная мной, оказалась очень значительной". О последней он замечал, что в настоящее время ни в Европе, ни в России нет музея, который бы обладал "более значительной коллекцией этого интересного племени".

Путь, пройденный группой, Иохельсон исчислял примерно в 8 000 миль. Были проведены исследования в области этнографии, антропологии коряков и юкагиров; собраны обширные коллекции (3 000 этнографических предметов, 41 слепок лиц, измерения для 900 чел., 12 сотен фотографических снимков, 50 сказок и обрядов, черепа и другие находки из деревень и могильников, зоологическая коллекция)[90]. Члены группы, возглавляемой Богоразом, провели этнографические и антропологические исследования среди чукчей, азиатских эскимосов, части камчадалов и тихоокеанских коряков. Собранные здесь коллекции включали 5 000 этнографических предметов, 33 слепка с лиц, 75 черепов и археологические находки из покинутых селений и захоронений. В результате экспедиции было зафиксировано 300 рассказов и обрядов, 150 текстов на языках чукчей, коряков, камчадалов, эскимосов; составлены словари и грамматические сборники по этим языкам; изготовлено 95 фотоснимков; произведены измерения 86 чел[91]. В составе коллекций были костюмы, оружие, украшения, орудия (каменные и костяные, "в том числе много ставших теперь редкими"), образцы резьбы, рисунков кровью нерпы на дереве и др.[92]

В статье 1903 г. Ф. Боаз отметил, что значительная часть собранного Северо-Тихоокеанской экспедицией материала пока не поддается анализу, что не завершены работы по антропометрическим измерениям. Тем не менее, писал Боаз, кажется очевидным наличие общих элементов культуры для народов Восточной Сибири и северо-западного побережья Америки. Создавалось впечатление, писал он, что вторжение в Америку восточных племен (например, эскимосов и др.), в Азию — западных и южных (например, якутов, эвенков и др.) разрушило некогда существовавший древний комплекс культуры, который одновременно сформировался в северо-восточной части Старого Света и северо-западной Нового Света. Ученый рассматривал Северо-Тихоокеанскую экспедицию как предприятие, заложившее основу изучения отношений между народами Азии и Америки[93].

В протоколах заседений Общего собрания отечественной Академии наук за 1904, 1905 гг. засвидетельствовано, что М. Джезуп принес в дар России "чрезвычайно ценные" коллекции, собранные экспедицией, которые были отправлены в научный центр. Из отчета Академии наук за 1905 г. узнаем, что Музей антропологии и этнографии вступил в "постоянные обменные отношения и успел уже получить... весьма ценные собрания" из американского Музея естественных наук. Здесь же читаем, что от М. Джезупа поступило большое собрание предметов быта чукчей, коряков, эвенков

и др., а также "гипсовые бюсты типов разных народностей крайнего северо-востока Азии" и "индейцев разных мест Северной Америки. Среди поступлений названы 26 "гипсовых бюстов" представителей коренных народов Северо-Восточной Азии и коллекция из быта чукчей, коряков и русских Анадырского края[94].

Как известно, в наиболее полной форме материалы путешествия опубликованы в трудах Северо-Тихоокеанской экспедиции на английском языке. Однако можно назвать ряд публикаций, осуществленных в Москве и Петербурге, в которых отражены отдельные стороны деятельности путешественников. Одной из таких работ является доклад Иохельсона "Об азиатских и американских элементах в мифах коряков", с которым ученый выступил 23 августа 1904 г. на XIV Международном конгрессе американистов в Штутгарте. В выступлении в краткой форме было изложено содержание первой части монографии о религии и мифах коряков (шестой том трудов экспедиции). Иохельсон считал, что результаты исследований "во многих отношениях" подтвердили предположение Боаза о существовании "в отдаленном прошлом" " известных отношений" между типами и культурами народов Тихоокеанского круга. Обработанные к тому времени данные по материальной и духовной культуре, по мнению Иохельсона, свидетельствовали о непосредственной связи населения Северо-Западной Америки и крайнего северо-востока Азии.

Ученый подготовил к публикации 139 корякских мифов. Из выбранных им 122 эпизодов, наиболее часто встречающихся, 101 (83 %) присутствовали в мифах индейцев Северной Америки, 34 (29 %) — в эскимосских сагах, 22 (18 %) — в преданиях и сказках тюрков, "или Старого Света вообще" (при сравнении корякских сказочных элементов с тюркскими Иохельсон опирался, в основном, на мифологический материал бурят и якутов). Он отмечал отличие тюркского фольклора от тихоокеанских циклов мифов по форме (корякские мифы, подобно американским сагам, отличались краткостью, простотой; тюркские сказания включали в свой состав красивые описания природы, изобиловали эпитетами, сравнениями, метафорами). "Олонхо, — писал Иохельсон, — т.е. героические саги якутов, тюркского племени... местами полны художественной красоты и поэтического полета, как доказательство их более южного происхождения". Форма фольклора, по его мнению, свидетельствовала о более высокой ступени развития культуры тюркских народов. Отличались они и "кругом идей", свидетель-

ствовавших, что тюркские саги "зародились под влиянием иных исторических событий и социальных условий", "имели совершенно другую область распространения". Исследуя содержание корякских мифов, Иохельсон среди элементов азиатской культуры называл обращение к образу оленя; эпизоды с приношением божествам кровавых жертв, "связанных в Азии со скотоводческим бытом"; эпизоды с чудодейственными железными или серебряными вещами, о девушках, спрятанных родителями от глаз ухажеров и др. Однако число азиатских элементов в корякской мифологии он считал ограниченным. Проводниками этих элементов Иохельсон считал юкагиров и эвенков. Наблюдая эскимосские элементы в мифологии, религиозных обрядах коряков, их материальной культуре, Иохельсон склонялся к выводу, что коряки в известное время имели непосредственный контакт с эскимосами. Сравнивая корякскую мифологию с индейской, ученый писал о наличии в первой элементов различных северо-американских мифов (эпизоды из вороньего цикла тлингкитов, гайда, чимшиан; рассказы племени квакиутль и др.); подчеркивал близость корякских мифов по форме к сагам атапасков, а по содержанию — к преданиям тлингкитов.

На основе анализа фольклорного материала Иохельсон высказал предположение, что эскимосы Аляски "своим приходом к Берингову морю раскололи ствол общего мифологического дерева, а затем на американской стороне сами усвоили значительную долю индейских элементов... и на азиатской смешались с чукчами". Ученый заключал, что палеоазиатские народы Сибири — чукчи, коряки, камчадалы — находились в наиболее тесных отношениях с крайними северо-западными индейцами, но также имели отношения и с другими индейскими племенами Северной Америки. Обобщая результаты изучения корякских мифов, Иохельсон замечал, что по форме, отдельным элементам, тематическим комплексам, направлению народной фантазии они "главным образом, примыкают к тихоокеанскому кругу мифологических идей". Это, по его мнению, свидетельствовало либо об общем происхождении народов, либо о том, что мифы имели общий источник, из которого распространялись путем заимствований. Исследователю представлялось, однако, несомненным, что между предками современного населения северо-востока Азии и индейцами Северной Америки некогда существовали тесные продолжительные отношения. Поэтому с изучением народов Сибири он связывал и выяснение истории первобытного населения Американского континента[95].

Основные положения доклада были повторены Иохельсоном на заседании Отделения этнографии Русского географического общества 13 апреля 1907 г. Он говорил о таком преобладании индейского элемента в мифах и преданиях палеоазиатских народов, главным образом, у коряков, камчадалов и чукчей, что "вопрос о прежних непосредственных столкновениях племен... напрашивается сам собой". Иными были его выводы на основе религиозных представлений: "В культе коряков, камчадалов и чукчей гораздо больше уже азиатских элементов с одной стороны и эскимосских с другой, чем в мифах, хотя общее воззрение на природу совершенно такое же, как у индейцев". Одновременно Иохельсон отмечал наличие на крайнем Тихоокеанском севере населения смешанного физического типа ("в котором резкие расовые черты эскимосов, индейцев и азиатов сглажены или находятся в различных сочетаниях"), смешение в типах хозяйствования и технике. Он склонялся к мысли, что подземное или полуподземное жилище является изобретением общей тихоокеанской культуры; что камчадальский, корякский, чукотский подземные дома больше похожи на землянки эскимосов и алеутов, нежели на жилище такого типа у индейцев Северо-Западной Америки. Иохельсон считал очевидным сходство кожаных лодок коряков и чукчей с эскимосскими и алеутскими: "У юкагиров, камчадалов и других палеоазиатов мы находим деревянные долбленки, как у индейцев". Орудия охоты (гарпуны, метательные доски) коряков и чукчей он находил сходными с эскимосскими, а технику плетения корзин и ковриков — с индейской.

Привлекало ученого искусство народов Тихоокеанского круга: резьба из кости и дерева, идеограммы, рисунки, декоративные украшения. Иохельсон в некоторых чертах искусства эскимосов видел влияние чукчей, коряков и индейцев Северо-Западной Америки. Это явление, по его мнению, подтверждало высказанное предположение о более позднем появлении эскимосов в кругу тихоокеанских народов. Разнообразие он наблюдал и в формах семейно-родовых отношений населения этого региона.

Большое значение Иохельсон придавал изучению алеутов. Он указывал на отсутствие антропометрических измерений среди этого народа, раскопок древних алеутских жилищ, неисследованность их языка. Между тем он считал, что исследования в этом направлении имеют непосредственное отношение к выяснению вопроса о контактах, взаимовлияниях палеоазиатов и индейцев. Тогда же он высказался в пользу экспедиции к алеутам, рассматривая ее как продолжение полевых работ Северо-Тихоокеанской экспедиции[96].

Как выше упоминалось, одним из направлений деятельности экспедиции были сборы антропологического материала. Измерительные листы были сданы на хранение в американский Музей естественных наук в Нью-Йорке. Обработка его велась Иохельсон-Бродской в Антропологическом институте профессора Рудольфа Мартина при Цюрихском университете. В результате ею была написана работа "К антропологии женщин племен крайнего северо-востока Сибири" (на немецком языке). Для публикации в "Русском антропологическом журнале" исследование было переведено на русский язык, несколько сокращено (в том числе приложение из девяти таблиц). Статья на русском языке была опубликована в 1907 г. Написанная в сравнительном плане, она была снабжена иллюстративным материалом ("Гижигинские тунгуски", "Корячка", "Якутка", "Юкагирка", "Эскимоска" и др.), диаграммами ("Рост юкагиров" и др.), таблицами антропометрических измерений народов северо-востока и Северо-Западной Америки. Иохельсон-Бродская сделала общие измерения для 720 коряков, эвенков, якутов (мужчин, женщин, детей) и специальные измерения — для 120 чел. Следует отметить, что в ее работе впервые были опубликованы антропометрические данные о коряках, камчадалах, юкагирах, азиатских эскимосах[97]. Автор заключала, что чукчи более других из палеоазиатских народов приближаются к северо-западным индейцам. В целом она разделяла мнение Богораза, Иохельсона о существовании в давние времена близких и продолжительных отношений между индейцами и населением северо-востока Азии[98].

В 1908 г. В Петербурге вышла в свет работа Иохельсона "Древние и современные подземные жилища племен Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки" с картой областей, население которых исследовалось во время Северо-Тихоокеанской экспедиции. Для написания раздела о коряках Иохельсон воспользовался материалами своей иллюстрированной монографии, вышедшей в серии трудов экспедиции. Ученый писал, что корякское подземное жилище имеет длину около 40 или даже больше футов, яму глубиной от 3 до 4 футов, узкий коридор — сени ("ведущие к двери юрты", однако, "этот проход открыт только летом"). На зиму дверь в сени закрывалась бревнами, обкладывалась травой, землей, снегом, а для выхода использовалось дымовое отверстие, "как у камчадалов". Для спуска в юрту, по описанию Иохельсона, использовалось бревно с отверстиями для ног. Под "этой лестницей" помещался очаг, обложенный камнями. Крыша сеней имела круглое отверстие, которое закрывалось "затычкой, сделанной из плетеной травы"

(сходное с тем, "как камчадалы закрывали туннель для тяги в своей юрте"). Разводя огонь в очаге, дверь из юрты в сени открывали и снимали в крыше сеней "затычку". При этом, писал Иохельсон, ток воздуха проникал через отверстие в крыше сеней в юрту и гнал дым вверх, в выходное отверстие. Интересной особенностью корякской подземной юрты он считал часть крыши, имевшую форму опрокинутого зонтика или воронки и защищавшую входное отверстие от ветров.

Расположение селений приморских коряков в устьях рек, практически лишенных древесной растительности, писал Иохельсон, обусловило использование коряками при строительстве подземного жилища наносного леса, который выбрасывался на отмели и речные острова, главным образом, лиственничного. Очень интересны приложенные к работе планы корякского подземного жилья (сверху и в вертикальном разрезе), снимок с модели корякской землянки, вырезанной из моржового зуба, изображения устройства верхней части крыши с воронкообразным щитом и входным отверстием, корякской юрты зимой.

Сравнивая подземные жилища различных народов, Иохельсон выделил характерные признаки этого типа жилища: "туннель, или другое приспособление для тяги" (у камчадалов, коряков, айнов, курилов, алеутов, калифорнийских индейцев); "два входа, один для зимы и другой для лета" (у коряков, чукчей, эскимосов Северо-Западной Америки, у индейцев из группы атапасков); "квадратное отверстие в крыше" (у индейцев Британской Колумбии, камчадалов, коряков); "отверстие в крыше служит только окном и для выхода дыма, но не служит дверью" (у современных гиляков, айнов, у коряков летом, у аляскинских эскимосов и современных индейцев Калифорнии); "отверстие в крыше служит только окном" (у чукчей, северо-восточных эскимосов); "землянка имеет круглую форму" (у некоторых индейцев Британской Колумбии и в Калифорнии), "воронкообразный щит от ветров и снежных заносов" (только у коряков). Изучение подземных жилищ привело Иохельсона к заключению, что распространению этого типа жилищ способствовали климатические условия. Ученый подчеркивал, что подземные жилища следует рассматривать как продукт культуры народов Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии, "совокупных усилий" племен Тихоокеанского круга[99].

В 1912 г. вышла в свет монография Богораза о чукчах на английском языке. Авторизованный перевод ее второго тома ("Религия") был опубликован в Ленинграде в 1939 г. В работе представлен результат полевых исследований — огромный фактический материал о религиозных представ-

лениях народа. Ю.П. Францев оценил ее как труд, который "оставил серьезный след в этнографической науке"[100]. Собранные за время экспедиции данные по религии чукчей распределены по разделам: "Религиозные представления", "Охранители и священные предметы", "Праздники", "Шаманство", "Магия", "Переводы заклинаний", "Рождение и смерть". К тексту приложены рисунки: фигурки из дерева и кости, изображающие духов-хозяев, земляных духов, погоню злого духа за человеческой душой, волосатых каннибалов, духов болезней, шаманских духов, женского духа, духа-помощника, созвездий, звездного неба и нижних миров, вселенной, "дающего удачу существа", осеннего обряда, касаток, охотящихся на тюленей, охоту на белого медведя, шаманскую дощечку с изображением мамонта. Представлены в монографии изображения тритона, северного сияния, "переплетения путей в царстве мертвых", амулетов, "священных досок для вытирания огня", "образов разрисовки лица", "разрисовки лиц азиатских эскимосов", "маски из оленьей шкуры", "обрядовых весел у эскимосов", "эскимосского праздника хождения кругом" и гадальных принадлежностей; чукотские рисунки — "праздник соседей", "обрядовое весло", "праздничное весло", "бег взапуски", "шаман, молящийся луне", "лечение больного", "заклинание для привлечения моржей", "обряд, совершаемый при ловле кита" и др.

В книге воспроизведены на чукотском языке названия селений, праздников, животных, религиозные термины, понятия, отдельные слова и словосочетания, наиболее распространенные образы из сказок и заклинаний, имена (мужские и женские; имеющие отношение к представлениям народа о возвращении умерших из иного мира; "охраняющие", заимствованные, уменьшительные), прозвища, представления о направлениях. Работа выполнена в сравнительном плане: выявлены аналоги и различия между азиатскими и американскими эскимосами, эвенами, коряками, русскими, обрусевшими представителями коренного населения, эвенками, юкагирами, якутами, камчадалами. Обобщая наблюдения и сведения, собранные Иохельсоном, Богораз писал о значительном сходстве религиозных представлений чукчей и коряков как "по своему общему характеру", так и по направлениям их развития[101].

С оценкой работ Северо-Тихоокеанской экспедиции Богораз выступил и в 1927 г. В работе "Древние переселения народов в Северной Евразии и в Америке" он писал, что исследования области Берингова моря выявили особую кругобережную этническую зону со сходными чертами антропо-

логического типа и культуры. Определяя свой и Иохельсона вклад в изучение вопроса, он писал о разработке теории об азиатско-американской цепи народов "времени существования Берингова перешейка, рассеченной после разделения материков эскимосским клином"[102].

В материалах экспедиции И.П. Толмачева и К.А. Воллосовича 1908 г. сохранились дневниковые записи, изданные Академией наук в 1930 г., где приведены описания различных населенных пунктов, отдельных деталей быта населения. Е.Ф. Скворцов, участник путешествия, писал, что дома в Якутске были преимущественно деревянные, каменных — немного (в основном, казенные постройки), семь церквей, женская гимназия, реальное училище, семинария, гостиный двор. В Верхоянске путешественники нашли "ряд низких обмазанных и необмазанных глиною юрт"; "никаких вывесок", но "все знают купцов" ("купить же, кажется, мало что можно"). Здесь же Скворцов сделал запись о "главнейшей части всякого строения якутов, камельке ("род камина"), который сооружался из дерева и глины: "Вообразим себе четырехугольную горизонтальную площадку, густо обмазанную глиной и расположенную на высоте от половины до одного аршина (35—70 см) от пола. К одной из сторон прямоугольника примыкает часть цилиндрической поверхности, уходящей в потолок и образующей близкий к прямому, а иногда и прямой угол с площадкой. Вверху над площадкой в потолке проделана дыра до 1 1/2 аршина (1 м) в диаметре, служащая для выхода дыма. На площадке помещаются дрова, которые ставятся на нее стоймя, опираясь на цилиндрическую поверхность стенки". Еду готовили на углях; для воды " над огнем обычно висит большой котел". Для сохранения тепла по мере сгорания дров верхнее отверстие камелька закрывалось специальной меховой муфтой[103]. Дома без крыш ("на манер якутских юрт, хотя есть и рубленые, похожие на наши избы") увидели путешественники в Казачьем. Скворцов отметил, что жившие здесь купцы вели с якутами, эвенками, юкагирами преимущественно меновую торговлю, а в конце весны уезжали с товарами в Булун (некоторые на пароходе в Якутск)[104].

Поденные записи сопровождает фотодокументальный материал: "Техтюр (общий вид)", "Техтюр (юрта) на Верхоянском тракте", "Село Казачье", "Русское Устье на р. Индигирке", "Дом мещанской управы в Русском Устье", "В Усть-янске (дом старшины)", "Жилище тунгусов на Верхоянском тракте", "Улица в Верхоянске", "Поварня Тюрют на Устьянском тракте", "Поварня... На Устьянском тракте", "Камелек в Русском Устье" и др. Сохранилось и краткое

описание Русского Устья: 9 жилых домов, большое число небольших амбаров; "Все дома... построены по одному образцу, все они без покатых крыш"; несколько домов построены по образцу якутских юрт[105].

Об употреблении, использовании якутского и русского языков Скворцов в "Дневнике" писал следующее: "В Олекминском округе встречались русские, которые ни слова не знают по-русски, до такой степени сильно здесь якутское влияние"; отмечал преобладание якутского языка в Верхоянске в среде немногочисленной местной администрации и интеллигенции ("даже казаки между собою объясняются большею частью по-якутски"). Касаясь вопроса о распространении якутского языка в среде казаков, которые, по его наблюдениям, несли казенную службу, сопровождали почту и политических ссыльных, Скворцов замечал: "Думается, что якутский язык для них более родной, чем русский". В Казачьем путешественники не встретили ни одного русского, который бы не говорил по-якутски.

Иная картина была на Индигирке, где, по наблюдению Скворцова, все русские говорили по-русски, большинство из них не владело якутским языком, а представители аборигенного населения "не только понимают, но и сами говорят по-русски"[106]. Перечисляя поселения на Индигирке (Аллаиха, Шевелево, Бурульгин, Русское устье, Стариково, Станчик, Крута, Коссово), он писал: "Самое поразительное в жизни этих далеких русских — это отличная сохранность русского языка". Скворцов заметил и некоторые его особенности (выговор; наличие слов, отсутствующих в "нашем языке", например, "кабыть" — ладно, хорошо; "мольч" — превосходно, отлично; заимствования из якутского языка, например, произнесение нараспев буквы "э" вместо слова "да"), что объяснял "полною вековою обособленностью русских на Индигирке от своих соплеменников"[107]. Им же было высказано предположение, что индигирские русские являлись потомками ссыльных бояр, перебравшихся на кочах по Ледовитому океану[108]. Влияние коренных народов отмечено исследователем в одежде русских, которая "уже вследствие суровых климатических условий неминуемо должна была измениться и сделаться более или менее похожею на рациональную туземную". Скворцов считал, что одежда русского населения была более похожа на эвенкийскую и юкагирскую.

Характеризуя хозяйство населения дельты Индигирки, он писал о решающем значении рыболовства: "Вся жизнь русских находится в полной зависимости от улова рыбы в данном году, все остальные промыслы служат лишь под-

спорьем", об участии в этом промысле всех жителей (мужчины, женщины, дети), использовании в качестве орудий лова неводов и сетей. Среди рыбы, которая ловилась, перечислены: муксун, чир, налим, щука ("последняя считается даже поганой, ее не едят даже в голодные годы, разве уже в случае самой последней крайности"), нельма ("ее жители очень любят: рыба жирная, а чем более жира, тем вкуснее пища — в этом сходятся все жители Севера, благодаря тому, что жир отлично предохраняет от холода"). Скворцов отмечал существенное изменение цен на рыбу в зависимости от времени года и улова. Он писал: "При мне существовала цена 1 рубль за 10 рыб средней величины, от 2 до 4 фунтов... т.е. ... 10—12 кг рыбы на рубль". Основным временем лова рыбы являлась осень и начало зимы ("Тогда-то, главным образом, и заготовляются запасы на зиму"). Начинался промысел весной, "как только река освобождается от льда"[109].

После весеннего хода рыбы население занималось гусеванием. Вот как описывает Скворцов этот вид промысла. Его местом была территория к западу от правой протоки Индигирки, болотистая низина с большим количеством лайд, куда собирались гуси для линьки ("все лайды буквально кишат этими птицами, лишенными крыльев в периоде от 8 до 20 июля (21 июля до 2 августа")). К 8 (21 июля) в эти места прибывали группы по 10—15 человек с ветками, иногда несколькими собаками. При этом стадá менее 200—300 гусей не трогались. На берегу озера ставились сети "вроде мережки с длинными крыльями"; с другой стороны люди на ветках, поднимая "невообразимый шум, плеская веслами по воде и оглашая воздух веселыми криками", окружали гусей, стараясь подогнать их к берегу, где находилась сеть. Гусей, которые проходили в сторону от сети, настигали собаки. Птиц, попавшихся в сеть, забивали палками; часть из них (нижняя) оказывалась, как правило, задавленной массой верхних. По сообщению Скворцова, при хорошей охоте на семью приходилось иногда за сезон по 300—400 гусей. Охотились и на другую птицу — куропаток ("ее не любят, ибо она не жирная — сухая"), уток, куликов ("случайно и в небольшом количестве, а потому съедается сразу, в запас не идет")[110].

С гусеванием совмещался промысел мамонтовой кости ("Отправляются на него имеющие свободное время после гусиного промысла"). Ее добыча была непосредственно связана с размывом побережья океана к западу от Лопатки, "начиная от реки Богдашкиной и по берегу Хромской губы, на так называемом Хапташинском яру". Скворцов отмечал случайный характер промысла, его сокращение по причине

“слишком небольшого разрушения берега, содержащего эти кости, вследствие слишком отмелого моря“. Значительно большее количество мамонтовой кости, по его словам, добывалось между стрелкой Меркушина и Святым Носом, где разрушения морем происходили “в колоссальном размере“. Однако этот район, как писал Скворцов, был областью, “куда не заходит русский“, где промышляло население Казачьего и прилегающих селений. По условию, заключенному с хромскими якутами, русские добывали мамонтовую кость к востоку от Содомской виски, а якуты — к западу от нее. Скворцов привел данные о ценах на кость “на месте“ — 20—40 руб. за пуд в зависимости от ее качества[111].

Доходную статью промыслов составляла охота на песца. Основным временем охоты, как замечал Скворцов, была зима, “когда мех его наиболее ценится“. Ловили песцов с помощью “остроумно придуманных“ капканов (так называемые пасти, построенные из плавника). Объезды пастей совершались на собаках два—три раза в год. По наблюдению автора “Дневника“, большая часть барыша от этого промысла попадала в руки скупщиков и якутских купцов (“Местные скупщики получают особенно много выгоды, так как расплачиваются товаром, на коем также имеют свою прибыль“). В Русском Устье, — писал Скворцов, — песцов скупал “старик Киселев“, приказчик усть-янского купца. На страницах дневника опубликована фотография — “Песцовая пасть“. Промышляли также горностая (“его ловят в небольшие капканы, а раннею осенью его догоняют собаки“), белых медведей (“в очень небольшом количестве“; для них “построено на берегу океана несколько пастей вроде песцовых, лишь в более грандиозных размерах, но эта добыча чисто случайная“). Как и для промысла мамонтовой кости, Скворцов отмечал разграничение территории для охоты песцов: на западе — Хромской стрелкой (“здесь имеются последние песцовые пасти русских“), на востоке — до р. Алазеи.

Имел место на Индигирке и промысел оленя на плавях. Автор “Дневника“ оставил краткое его описание: когда олени небольшими группами переплывали реку, люди догоняли животных на ветках и убивали особыми легкими копьями. Ружья, по словам Скворцова, до самого последнего времени не употреблялись (“теперь мало-помалу лук выходит из употребления, вытесняемый ружьем“).

Большое значение имело собаководство. Зимой, отмечал исследователь, собаки были исключительным средством передвижения на Индигирке. Они использовались для переездов между поселками и при выполнении домашних работ

(например, перевозка дров); на них объезжали песцовые пасти. Отличаясь силой и выносливостью, индигирские собаки, по выражению Скворцова, "свободно и быстро" тащили нарту, на которой помещались два человека, запас корма на несколько дней, три пуда клади. Как писал путешественник, нарты для собак, в отличие от тех, в которые впрягали оленей, были уже и длиннее; собаки запрягались попарно; в первой паре бежала собака, которая "слышит" каюра ("хорошая передовая собака ценится очень высоко... даже до 40 рублей")[112].

Пища населения низовьев Индигирки была представлена, по наблюдениям Скворцова, главным образом изделиями из рыбы (вареная, вяленая, строганина). Он склонялся к мысли, что ассортимент рыбных блюд свидетельствовал о "влиянии окружающей среды". Специфическим блюдом русского населения считал приготовление из рубленой рыбы "чего-то вроде котлет" шарообразной формы. Иногда готовили лепешки из ржаной муки без яиц; пили чай ("в большом количестве", наиболее — дешевый, кирпичный, "обыкновенно без сахара, который слишком дорог — не менее 50 копеек за фунт"); употребляли конфеты, дешевый шоколад.

К местным особенностям русских Скворцов относил мягкость, дружелюбие в обращении друг к другу, отсутствие обычая платить калым за невесту ("Этот якутский обычай распространен в Якутской области не только среди якутов... но и среди русских, населяющих более южные места области"), набожность, суеверие.

Как следует из "Отчета о деятельности Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1910 год" в Музей антропологии и этнографии экспедиция Толмачева и Воллосовича доставила большое собрание предметов быта чукчей — орудия, утварь, одежду, орнаменты, "замечательные скульптурные изделия из кости". Академия высоко оценивала эту коллекцию. "Собрание это особенно ценно тем, что оно впервые добыто на северном побережье Берингова моря и, таким образом, представляет ценное дополнение к богатым коллекциям Музея из Анадырского края".

Интересный историко-этнографический материал содержат свидетельства об участии в научном освоении Северо-Восточной Азии коренного населения.

Г.Л. Майдель писал, что с ноября 1868 по сентябрь 1870 г. в экспедиции работал юкагир Федор (Егор) Лычкин, "который, провожая экспедицию на собственных своих нартах до мыса Якан, много помогал ей в материальном отношении как отличнейший промышленник и был почти не-

заменим как превосходный переводчик, который не страшился никаких опасностей и лишений, но с редким удальством и удивительною ловкостью и преданностью отличился услугами к пользе экспедиции"[114]. К.К. Нейман, участник этой же экспедиции, пишет, что от Алдана ее сопровождали два казака Якутского казачьего полка и пять якутов. Упоминая о встрече с колымским купцом Н.А. Соловьевым, автор отмечает: "г. Соловьев... отделил для нас десять оленей из-под товаров, позволив пользоваться ими до самого Средне-Колымска... не требуя за это никакого вознаграждения". По словам путешественника, из Анюйской крепости их сопровождали казаки Якутского казачьего полка — Захар Божедонов, Иван Котельников, Василий Киприянов[115].

В 80-х гг. прошлого столетия Военно-топографический отдел готовил к изданию карту Азиатской России. При составлении листов по Северо-Востоку отдел воспользовался данными Г.Л. Майделя и А. Афанасьева. О.Ф. Штубендорф, выражая признательность за участие в редактировании названного картографического труда, писал Г.Л. Майделю: "Листы сии подверглись совершенной переработке благодаря тем драгоценным сведениям, которые были сообщены мне Вами при письме Вашем от 3 декабря 1878 года"[116]. Члены Чукотской экспедиции проделали огромную работу по уточнению географии Северо-Востока. Афанасьев и Майдель провели съемку пути по маршрутам: Алдан — устье Тукулана — вверх по Тукулану к Яне — вниз по Яне — на восток через Догдо — на Селеннях — через Индигирку в Среднеколымск; Среднеколымск — устье Колымы; Нижнеколымск — через Малый и Большой Анюи — устье Анадыря — Марково — Нижнеколымск; Малый Анюй — вверх по Омолону — вниз по Омолону до устья; Среднеколымск — через Верхнеколымск — до истоков Зырянки; Малый Анюй — к Ледовитому океану — по побережью Ледовитого океана на восток до Якана; Марково на Анадыре — через Пенжинскую губу — Гижигинск; Среднеколымск — нижнее течение Алазеи и Индигирки — вдоль левого берега Индигирки до озера Абый — на запад через область озер и через хребет — до Верхоянска[117]. Данные о местности собирались и путем расспросов населения. На Индигирке Майдель "нашел людей, прекрасно ознакомленных с этой речкой от устья до истоков Момы". На Селенняхе он встретил эвенков, которые ходили до Яны и истоков Уяндины. С их помощью путешественник составил подробную карту Индигирки[118]. Вместе с купцом Семеном Гороховым Майдель разработал карту Яны "и всей ее системы". Об этой форме сбора географических данных исследователь писал: "Каждому пу-

тешественнику хорошо известен тот факт, что от туземцев можно собрать часто поразительно точные сведения о местности". Майдель составил карту Якутской области, в монографии написал специальный раздел "Орографический очерк Якутской области".

За время деятельности экспедиции были осуществлены лингвистические сборы. Работа по подготовке их к публикации была проведена академиком А.А. Шифнером, к этому времени уже имевшим опыт лингвистической обработки языков народов Сибири. 28 сентября 1871 г. на заседании Историко-филологического отделения Академии наук ученый представил на предмет рекомендации к печати в "Бюллетене" составленную им записку об образцах юкагирского языка. Ее основу составили и материалы Майделя, записанные в начале 1870 г. на берегу Анадыря "из уст случайно находившегося там юкагира". Были отмечены кратковременность работы, "некоторая шаткость в правописании слов", одновременно сделан вывод, что "этот новый материал заслуживает внимания"[119]. В том же году в "Bulletin de l'Académie" (t.XVII) и "Mélanges Asiatiques" (t.VI) была опубликована статья "Über Baron Gerhard von Maydell's jukagirische Sprachproben von A. Schiefner".

Большое значение для работы отечественных ученых в период Первого Международного полярного года имело участие местного населения Северо-Востока. За небольшую плату станция была обеспечена топливом. По необходимости исследователи нанимали (позднее — покупали) у якутов ездовых собак ("у жителей селений Кетях и Зимовьелах было приобретено 14 собак, которые усердно послужили нам в течение всего года и вполне заработали сделанные на их содержание расходы"); использовали труд жителей (в форме найма) для ловли рыбы[121]. Невозможно переоценить роль коренного населения в качестве "работников" и проводников при передвижении экспедиции и работах вне станции. Вот как об этом писал А.А. Бунге: "Якуты оказались отличными спутниками. Несмотря на то, что им приходилось много работать, то целыми часами тащить лодку, идя по колено в воде (при температуре воздуха немного выше 0°), то усиленно грести, они все время были в отличном расположении духа... Как мы только где-нибудь останавливались, чтобы отдохнуть, тотчас же ставилась палатка, разводился огонь... Один из якутов тотчас же ехал на своей ветке... ставить сети; во время всей нашей поездки они снабжали нас свежей рыбой..."[122]. Станцию посещали жители селений Кетях, Булун, Туорах, устьев Оленека, Анабара и Яны. Бунге для многих из них готовил лекарства[123]. Сохранилось следующее

описание Бунге: "Я видел, с какой уверенностью якуты ездят на своих ветках... спокойно и равномерно опускается двойное весло в воду, и только при очень высоких волнах гребец на минуту перестает работать им и все свое внимание обращает на то, чтобы сохранить равновесие, потом он спокойно продолжает грести, и маленькая лодка как чайка скользит по водной поверхности"[124].

Помощь коренного населения в научных работах Академии наук на территории Северо-Восточной Азии была особенно ощутима при неблагоприятных условиях. Руководитель экспедиции на Новосибирские острова и в Приянский край констатировал, что от эпидемии оспы погибло много народа, "в том числе и самые лучшие опытные и сведующие во всем крае люди". Путешественники испытывали огромные затруднения в поисках нартовщиков, проводников, работников. Комплектуя продовольственные запасы, Бунге смог "закупить достаточное для экспедиции количество рыбы" лишь "благодаря бескорыстному содействию купца Харитонова"[125]. Перевоз рыбы, заготовленной на Лене, в Аджергайдах также состоялся "благодаря стараниям Харитонова"[126]. В рапорте к губернатору Якутской области Бунге писал, что благодаря "усердному содействию" со стороны коренного населения "все устроится по желанию, несмотря на весьма затруднительные обстоятельства по случаю плохого рыбного промысла, пропажи собак и оленей". В последующих депешах начальник экспедиции замечал: "г. Харитонову... остался весьма благодарным за его содействие, без которого я бы находился в весьма затруднительном положении"; "В виду усердного и бескорыстного содействия экспедиции г-ом Харитоновым и деньгами, и советом, без которого экспедиция на остров Котельный даже может быть не состоялась, весьма желательно... чтобы в получении денег не было задержки". Экспедиция была обеспечена рабочей силой, средствами передвижения и "свежими съестными припасами"[127]. В протоколах заседания Физико-математического отделения Академии наук за 1890 г. среди награжденных серебряными медалями за оказанную помощь в работах Полярной экспедиции названы мещане Михаил Санников, Иван Харитонов, Иннокентий Стрижев, Яков Санников; представители Якутского казачьего полка Аким Баишев (урядник), Семен Корякин (казак); а также эвенк Василий Дьяконов[128].

В июне 1891 г. И.Д. Черский писал из экспедиции в Академию наук о работе в составе экспедиции проводника Степана Иннокентьевича Расторгуева, с верховьев Индигирки. Последний родился в Якутске в 1864 г. в семье казака,

грамоте не обучался, жил среди якутов и в совершенстве владел якутским языком, был зачислен в Якутский казачий полк; сопровождал арестантов, ссыльных, должностных лиц, почту; побывал на Камчатке, Чукотке, побережье Охотского моря[129]. Черский писал о нем: "Есть еще новый для меня, но небесполезный, даже очень полезный для экспедиции расход — это казак, о котором я упоминал уже выше. Этот молодой урядник, бывший уже раз на Колыме и в Чукотском крае... а во второй раз ездивший с энтомологом Герцом из Якутска в Охотск, Гижигу и Петропавловский порт на Камчатке... Казак этот оказывается недурным коллектором, собиравшим как Герцу, так и здешнему Музею". В дневниковых записях от 1892 г. М.П. Черская напишет о Расторгуеве: "Это незаменимый человек в экспедиции"[130]. В письме к академику А.А. Штрауху из Оймякона от 29 июля 1891 г. Черский сообщал о Николае Иосифовиче Кривошапкине, "весьма представительном немолодом уже якуте" Оймяконо-Борогонского наслега, с которым был заключен контракт на поставку лошадей для экспедиции. Учитывая финансовые затруднения, подрядчик решил оказать "посильное с его стороны облегчение для ученых путешественников" и взялся доставить экспедицию в Верхнеколымск, не взимая платы за семь лошадей и часть рабочих. Кроме того, "желая ускорить передвижение экспедиции, имея в виду приближение осени", Кривошапкин обеспечил караван дополнительным числом лошадей, взял на себя "исправление вьючных помещений" для багажа, "что им сейчас же и сделано: чемоданы зашиты в кожи, добавлены новые сумы, взамен испорченных или недостающих". Названная уступка подрядчика была оценена Черским в сумму "по меньшей мере около 800 рублей, сбережением которых экспедиция обязана исключительно ему". На заседании Физико-математического отделения 15 января 1892 г. было одобрено предложение Ф.Д. Плеске о выражении Кривошапкину благодарности Академии и о ходатайстве для него почетной награды[131].

Сохранился и фольклорный материал, собранный экспедицией. Черский записал якутские сказки и песни. Три песни были записаны от Филиппа Табагрыра, якута, певца, "лучшего импровизатора", жившего "в 100 верстах ниже Верхне-Колымска в местности, называемой Салгытыр". Вторым исполнителем-импровизатором был 12-летний мальчик, якут Николай, сын Петра Хопто ("из Максимкиной, верстах в трех выше Верхне-Колымска"), который отличался "замечательною... способностью импровизировать и петь"[132]. Тексты фольклорных записей на якутском языке, транскрибированные русскими буквами, хранятся в СПбО АРАН[133];

переводы текстов песен на русский язык, записи мелодий опубликованы в 1956 г.[134] В письме к Плеске от 7 мая 1891 г. из Качуга Черский писал: "Относительно казака мы порешили лучше взять в Якутске, так как якутские казаки, знакомые с языком местных жителей, могут быть и переводчиками, не говоря уже о том, что они сроднились с суровыми климатическими условиями той страны"[135].

Для экспедиции Э.В. Толля и Е.И. Шилейко на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана якутский купец Я.Ф. Санников предоставил 36 собак с упряжью и тремя нартами для перевозки провизии. Промышленник М.М. Санников взялся устроить депо на Малом Ляховском острове[136]. Комиссия из академиков на заседании Физико-математического отделения 6 апреля 1894 г. ходатайствовала о награждении лиц, "содействовавших экспедиции". Среди последних были названы якуты — Иван Данилов Парников, который "оказал экспедиции весьма важное содействие... предложив бесплатно своих оленей для переправы через Тукуланский перевал Верхоянского хребта, вывел экспедицию из очень критического положения, в которое она была поставлена"; Афанасий Томский, Иван Акимов, Андросов, Харамес Протопопов, Николай Винокуров. Ученые отмечали, что "прекрасному и толковому распоряжению вышеупомянутых пяти якутов экспедиция обязана выполнением трудной задачи летнего переезда через тундру от Святого Носа до реки Анабар и дальше до Хатангской губы". "Незаменимыми проводниками" к месту нахождения мамонта и на Новосибирские острова стали Василий Дьяконов, имеющий серебряную медаль за заслуги, оказанные им экспедиции А. Бунге в 1886 г., Наум Горохов, Максим Санников, "опираясь на опытность и усердие" которых "экспедиция могла благополучно совершить свою задачу". При переправе через Ленскую дельту "весьма важную услугу" путешественникам оказал норвежский подданный, проживавший в Булуне, И.И. Торгерсен[137]. Снаряжение экспедиции в Якутске удалось выполнить успешно и в короткие сроки благодаря "энергичному содействию" фирмы Ивана Ивановича Силина. Через эту же фирму в Якутске был найден подрядчик для доставки в кратчайшие сроки транспорта до Верхоянска. Фирма Силина указала Толлю "на государственного ссыльного Михалевича как на единственное лицо, вполне удовлетворяющее" его "требованиям, обязующегося, например, доставить транспорт в 14-дневный срок и притом за сравнительно умеренную цену". В донесении непременному секретарю Академии Толль замечал, что одновременно с транспортом для экспедиции ссыльный

доставлял по подряду и казенную муку в Верхоянск, А.К. Михалевич же пришел на выручку путешественникам, предоставив на маршруте Якутск — Верхоянск "своих лошадей взамен положительно негодных станционных"[138]. Свое донесение Физико-математическому отделению Академии Толль завершал словами: "Не могу закончить этого краткого донесения, не упомянув, хоть вскользь, о добрых нравах инородцев самого севера Сибири. Мы имели дело с ламутами, тунгусами, якутами, долганами и самоедами. Все эти инородцы, живущие вдали от полуцивилизации, отличаются высокой честностью и нравственностью"[139].

Во время Русской полярной экспедиции в связи с кончиной Г.Э. Вальтера в качестве врача на "Зарю" был командирован Виктор Николаевич Катин-Ярцев, "бывший студент выпускного курса императорской Военно-медицинской академии", "поднадзорный из Якутска", дворянин[140]. В феврале — марте 1901 г. в составе экспедиции работали Егор Чикачев (мещанин из Русского Устья); якуты — Василий Горохов, Николай Гулимов; эвены и эвенки — Степан Сергеев, Николай Протодьяконов, Петр Слепцов; юкагиры — Конон Томский, Семен Барабинский. Работа промышленников была распределена следующим образом: пять человек были заняты при собачьих нартах, двое — при оленях и один — на метеорологической станции[141].

С.Е. Мостахов осуществил публикацию документа "Из ходатайства комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции в Министерство внутренних дел России о награждении участников экспедиции Э.В. Толля" от 3 марта 1905 г. В нем названы Кочаровский Болеслав Фелицианович, верхоянский окружной исправник (с его помощью были закуплены для экспедиции собаки, заготовлен собачий корм для вспомогательной партии, осуществлялась доставка грузов и почты); Квасников Павел Александрович, земский заседатель Верхоянского округа (закупил, доставил, "проехав более 3000 верст по глухой, ненаселенной тундре... без сменных оленей свыше 70 собак", участвовал в обеспечении экспедиции провиантом, доставке почты); Санников Яков Федорович, якутский купец (принимал участие в снаряжении санных партий на Новосибирские острова, для партии К.А. Воллосовича заготовил большое количество собачьего корма, безвозмездно, доставил груз из Булуна в Устьянск, одолжал деньги в кредит санным партиям Бруснева); Томский Алексей Архипович, усть-янский улусный голова (содействовал заготовлению корма для собак, причем ему самому неоднократно приходилось ездить для этого на Индигирку", оказывал помощь при отправке почты, переездах

участников экспедиции); Горохов Ефрем и Томский Никита, выборные Усть-янского улуса (участвовали в отправке груза вспомогательной партии и заготовке корма для собак); Горохов Егор Львович, староста Наготского наслега Устьянского улуса (оказывал помощь при снаряжении партий экспедиции на Новосибирские острова); Шитов Василий, якутский мещанин (оказывал содействие при перевозке грузов и денежных переводах); Гулимов Николай Алексеевич, проводник, эвенк Туматского наслега Усть-Янского улуса (работал в экспедиции три года, сопровождал Воллосовича и Толля, "трудолюбивый и исполнительный работник, хороший охотник-промышленник", с его помощью были перевезены коллекции Толля и Воллосовича); Томский Конон Николаевич, проводник, юкагир Усть-янского улуса (работал в составе вспомогательной партии, затем в партии А.А. Бялыницкого-Бирули, "трудолюбивый и исполнительный работник, прекрасный охотник. Благодаря ему партия, летовавшая на о. Фаддеевском, не терпела ни в чем нужды"); Барабинский Семен Алексеевич, проводник, юкагир Усть-янского улуса (работал в экспедиции в течение трех лет, доставил собак для переезда на Котельный Катина-Ярцева в 1902 г., доставил туда почту и инструменты из Казачьего, провел лето на о. Фаддеевском, "был очень полезен своей работой"); Горохов Алексей Николаевич, проводник, эвен Ламанкинского рода Усть-Янского улуса (руководил отрядом по доставке груза вспомогательной партии, сопровождал А.В. Колчака на землю Бунге в 1903 г., был на Новой Сибири, "прекрасный охотник, а потому партия, летовавшая на Новой Сибири в 1903 году, обязана ему тем, что не терпела нужды в пище"); Гулимов Егор, проводник, якут Туматского наслега Усть-Янского улуса (работал в экспедиции два года, в 1902 г. с Н.А. Гулимовым доставил "при невероятном напряжении сил по невозможной дороге" с Котельного в Казачье почту, коллекции Толля и Воллосовича, в 1903 г. с о. Новая Сибирь привез коллекций Бялыницкого-Бирули и Толля, в том же году летовал на о. Фаддеевском, "хороший охотник и стрелок, прекрасный знаток местности"); Сергеев Степан, проводник, эвен Ламанкинского рода Усть-Янского улуса (работал в составе санной партии Бялыницкого-Бирули на Новой Сибири, в 1903 г. — в партии Колчака); Чикачев Егор Николаевич, проводник, верхоянский мещанин (работал в экспедиции три года, "оказал особые услуги при устройстве складов", в 1902 г. работал в партии Бялыницкого-Бирули, в 1903 г. — в партии Колчака); Протодьяконов Василий, эвен Ламанкинского рода Усть-Янского улуса (участвовал в экспедициях

Бунге и Толля, в 1903 г. работал в партии Колчака); Протодьяконов Степан Васильевич, эвен Ламанкинского рода Усть-Янского улуса (принимал участие в работе партии Колчака); Павлов Егор, якут Якутского округа Намского улуса (участник экспедиции Колчака); Горохов Иннокентий, якут Туматского наслега Усть-Янского улуса (участвовал в работе экспедиции Колчака); Хабаров Гаврил, эвен Ламанкинского рода Усть-Янского улуса (работал в партии Колчака)[142]; Степан Иннокентьевич Расторгуев, Петр Иннокентьевич Стрижев закупили в Усть-Янске и Казачьем 20 ездовых собак, а в июне 1900 г. доставили их по заданию Толля в Александровскую гавань, под Мурманском; вошли в состав экспедиции, участвовали в организации угольной базы на о. Диксон, работали проводниками, переводчиками, каюрами, занимались доставкой почты[143].

В работах западного отряда экспедиции И.П. Толмачева — К.А. Воллосовича для изучения побережья Северного Ледовитого океана приняла участие группа якутов, юкагиров, эвенков. Е.Ф. Скворцов, участник путешествия, сообщал о юкагире Егоре Варакине, "услугам и изобретательности которого многим обязана наша экспедиция", "а своими рассказами, особенно ценными для нас благодаря его знанию русского языка, он в значительной степени познакомил нас с жизнью этой далекой окраины". Благодаря рассказам Е. Варакина о походах русско-устьинского промышленника Чикачева, был принят план работы экспедиции от р. Гусиной до Меркушинской стрелки. Путь от Святого Носа до Яны был пройден по картам "исключительного знатока местности" якута Христофора Горохова. Н.А. Июдин, другой участник экспедиции, "исключительно тяжелый путь по Лопатке" прошел с юкагиром Николаем Энкачаном, большим знатоком местности между Индигиркой и Хромой. Июдин попросил Николая Энкачана составить эскиз местности между Индигиркой и Алазей. В связи с этим Скворцов писал: "Мы прямо ахнули, так великолепно у него все было начерчено: и реки, и горы, и направление всех хребтов выдержано, выдержаны страны света, причем наверху на его карте был также север. Мы удивились такому совершенно ясному представлению большого района в сотни квадратных верст... тем более, что географических карт ведь он никогда не видел, также как по грамоте никакого понятия не имеет. Мы очень, очень подивились и подумали, что очень немногие из интеллигентных людей имеют такое наглядное представление о местности". Постоянными сотрудниками, переводчиками работали казаки Дьячков и Турунтаев[144]. Толмачев отмечал особенные способности народов севера Сибири, в

том числе якутов, эвенков, долган к географическим представлениям: "Те, когда говорили о своих районах — часто тысячах и десятках тысяч квадратных верст, казалось, всегда имели перед глазами свою, какую-то им одним видимую, карту, так отчетливы были все их представления"[145].

Дополнительным источником историко-этнографических данных о Северо-Восточной Азии являются материалы Академии наук, содержащие свидетельства о социальной ситуации в регионе.

Среди социальных бед коренного населения Бунге, работая в дельте Лены в 1882—1884 гг., назвал нестабильность рыболовства и, как неизбежное следствие этого, — голод, болезни, в частности, оспу ("бич северных инородцев, свирепствовавшей в селениях по р. Лене и, наконец, добравшийся и до мыса Быкова... Оспа прекратилась в селениях восточной части дельты только к весне, произведя ужасные опустошения. Почти половина населения вымерла"); вымирание (в Балкалахе "считалось мужчин, женщин и детей 26 душ", причем "число их год от году убывает"); дефицит муки и продуктов из нее ("Она появляется у них лишь в виде редкого лакомства"); отсутствие медицинской помощи[146].

В августе 1884 г. товарищем министра внутренних дел был подписан документ о необходимости содействия экспедиции А.А. Бунге и Э.В. Толля на Новосибирские острова и в Приянский край со стороны местных властей. Назывались и причины беспокойства: "особые трудности и даже опасности, с которыми сопряжены переезды и долгое пребывание в суровых и отчасти необитаемых местностях Полярного края"[147]. Учитывая это, Академия наук предоставляла изучение Новосибирских островов "собственному усмотрению" путешественников и "в виду опасности путешествия была бы довольна и тем, если бы, в крайнем случае, осмотрен был хотя бы только один ближайший Ляховский остров"[148]. На основании донесения Бунге из Казачьего от 10 января 1886 г. были составлены заключение комиссии по делам полярной экспедиции (направлено в Физико-математическое отделение Академии наук) и отношение Министерства народного просвещения от 16 июня 1886 г. (направлено в Государственный совет)[149], позволяющее на документальном материале показать "неблагоприятные обстоятельства" деятельности экспедиции, а одновременно беды, выпадавшие на долю коренного населения Севера. Академия наук отмечала, "что встреченные экспедициею трудности все такого рода, что их нельзя было никак предвидеть", что все они были обусловлены "местными несчастными обстоятельствами, по-

стигшими Приянский край в последние два года". По Лене и в Усть-Янском крае эпидемия оспы унесла почти половину населения; "чрезвычайно плохим" был улов рыбы. По свидетельству инородческой управы (прислано А.А. Бунге) в Усть-Янском крае в 1885 г. "вовсе не было улова рыбы", мало рыбы было и на Лене. В связи с этим оказалось невозможным заготовить все заказанное количество рыбы, а за ту, которую закупили, пришлось уплатить по 5 р. 45 к. за пуд (вместо 3 р. 75 к.). Последствием недостатка рыбы, кроме роста цен на нее, явились болезни и падеж собак (в Усть-Янском крае пала половина всех животных), являвшихся важным транспортным средством. Естественно возросли цены и на перевоз рыбы, заготовленной на Лене. Чтобы обеспечить экспедицию необходимым количеством нарт для ее переправы на Новосибирские острова, Бунге был вынужден обратиться на Хрому и Индигирку. Значительно сократилось и число оленей, поэтому их приобретение для поездок по островам обошлось много дороже, нежели предполагалось. При изучении Приянского края путешественники из-за маловодья рек не смогли пользоваться лодками в полной мере ("что было бы несравненно дешевле"); пришлось прибегнуть к лошадям. Однако неурожай сена в Верхоянском округе привел к заметному удорожанию этого способа передвижения. Неурожаем сена Бунге объяснял и задержку почты ("недостаток подводов на почтовых станциях"). Вышеназванные причины, а также неурожай хлеба в Якутской области вызвали голод в крае, рост стоимости рабочей силы, увеличение цен "на все предметы вообще". Кроме того, из-за маловодья Яны в течение трех лет возник дефицит наносного леса, т.е. топлива, которое в Казачьем, например, приходилось возить за 30 верст. Этот материал свидетельствует и об огромной роли природного фактора в жизни населения Севера и о неимоверных трудностях, с которыми сталкивались путешественники во время своих экспедиций[150].

Судя по отчетам и письмам Черского, дефицитом в бассейне Колымы являлись сахар, масло, свечи, мука, мыло, чай, табак, т.е. привозные товары[151]. В письме к Плеске от 6 февраля 1892 г. из Верхнеколымска он писал: "Даже расточительный богач может здесь просидеть иногда без предметов почти первой необходимости". Названные продукты либо вовсе отсутствовали, либо продавались по "неслыханным ценам": "плоховатая крупчатка" — по 20—25 руб. за пуд; ржаная мука — по 14 руб. за пуд (у частных лиц ее можно было купить по 8 руб.); сахар — по 1 руб., свечи — от 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к., мыло от 80 коп. до 1 руб. за фунт; кирпич чая — 3 руб.; табак — от 1 р. 40 к. за

фунт[152]. Причиной высоких цен на Колыме Черский считал географическое положение местности ("полукруг высоких гор, замкнутый недоступным Ледовитым океаном"), дороговизну пересылки товаров из Якутска (которая "обходится до 12 рублей с пуда, вот почему мука там стоит 20 рублей"), а также трудности почтового сообщения ("Почта от Петербурга до Якутска идет 1,5 месяца, а от Якутска до Средне-Колымска от 1,5 мес. до 70 дней... смотря по тому, сколько продержат ее в г. Верхоянске. Такое сообщение с Колымою имеет место 5 раз в год, считая в то два частных случая")[153]. В свою очередь, следствием высоких цен, писал путешественник, были недоступность хлеба ("ржаной хлеб я никогда не любил и не ел, а теперь он служит десертом, только жаль, что такой десерт подается не более одного раза в неделю"); необходимость использовать для освещения вместо свечей камельки либо рыбий жир; употребление золы вместо мыла при стирке белья[154].

К числу социальных бед народов бассейна Колымы Черский относил нестабильность промыслов, когда, "невзирая на замечательное богатство рыб в Колыме, ее притоках и соседних озерах, бывают большие или меньшие неудачи в промысле". Одной из причин явлений ученый считал необеспеченность населения средствами лова. 150 юкагиров и эвенов располагали лишь четырьмя неводами и двумя мережами, "тогда как в действительности им необходимо было бы иметь не менее 8-ми неводов и 4-х мережей". При таких условиях, — писал Черский, — племена эти всего более подвергаются серьезным голодовкам"[155]. Отмечен им и низкий уровень медицинской помощи в крае. В письме к А.А. Штрауху от 30 мая 1892 г. из Верхнеколымска Черский замечал: "Колымский округ остается временно без доктора"[156]. Не меньшим злом ученый считал наличие эксплуатации "здешних юкагиров, ламутов и вообще бедных инородцев"[157].

Ученый сформулировал предложения, претворение которых в жизнь, по его мнению, могло бы изменить в лучшую сторону положение населения края, "столь отдаленного и своеобразного". Среди этих мер им названы: снабжение товарами "из первых рук" с наложением умеренного процента, "а не столь лихоимного, какой здесь практикуется вследствие отсутствия конкуренции", введение "обязательной покупки" предметов первой необходимости (порох, свинец, чай, пенька); организация запасных рыбных магазинов; удешевление "казенного хлеба" при продаже его "инородцам" (он "мог бы стоить здесь не дороже двух рублей за пуд, а продаваемая таким образом пенька — до 8 рублей за пуд");

удешевление всех привозных товаров за счет использования "кратчайших и удобных путей сообщения с портами Восточного океана" (вверх по Колыме, затем по одному из ее притоков до Ямской губы, а также через Чукотскую землю в Гижигу); всемерное развитие земледелия, в том числе огородничества ("как бы это ни казалось неожиданным для лиц, слышавших только о неимоверных морозах и вечномерзлой почве здешнего края"), за которым Черский признавал "великую будущность" в крае[158].

Э.В. Толль, работая в Русской полярной экспедиции, отмечал нестабильность промыслов, голод, "непомерно высокие цены на многие товары", низкие закупочные цены на песца и мамонтовую кость. Он писал о тенденции к исчезновению некоторых народов, например, эвенов ("Эта народность идет по неизвестной нам причине навстречу своей верной гибели или же растворяется в другой народности"), юкагиров (по причине большой детской смертности). Среди причин сокращения населения Толль также называл распространенность различных заболеваний, опустошительность эпидемий[159]. К числу непомерных тягот коренного населения региона он относил содержание ссыльных. Кроме политических ссыльных, писал Толль, в Якутию ссылали и уголовных заключенных "по отбывании принудительных работ или после помилования по амнистии". Политические ссыльные, писал ученый, согласно положению, получали субсидию от казны, что позволяло им "влачить жалкое существование"; уголовных "крестьяне должны были кормить без какого-либо вознаграждения". Администрация губернии, по его словам, распределяла последних между поселениями; при этом "число опекаемых уголовников превышает в этом году (1902. — *Д.Ш.*) число крестьян Жиганского улуса". Толль сообщал о происшествии в 1893 г. на р. Оленек, когда к якуту было прислано пять бывших уголовников на пожизненное попечение, и так как его ходатайства оставались без ответа, он умертвил их и был осужден на каторжные работы. «Как я теперь узнал из источников, заслуживающих доверия, — писал путешественник, — этот случай был не единичным. Якуты прибегали к такому способу, чтобы освободиться от долга "верноподданных"... довольствуются сознанием, что их семья оказалась... избавлена от опеки». К неблагоприятным факторам жизни населения Северо-Востока он относил и завоз большого количества водки, табака, чая ("Не приходится сомневаться в том, что никотин, алкоголь и теин погубили здоровье коренного населения высоких широт Азиатского материка")[160].

В статье Ф. Боаза о Северо-Тихоокеанской экспедиции, изданной в 1903 г., опубликованы сообщение Иохельсона и описание экспедиции Богораза, которые дают возможность на документальном материале показать некоторые стороны жизни народов Северо-Востока. Иохельсон писал, что в районе Гижиги зимой 1899—1900 гг., согласно церковным записям, из-за эпидемии кори скончалось 179 человек, "помимо еще пятисот в других местах между 25 декабря 1899 года и 1 марта 1900 года". В момент, когда группа достигла Гижиги, там свирепствовал грипп и "северные коряки, которые обычно проводят зиму в этом месте, вместе со своими стадами ушли в горы, чтобы избежать опустошающих последствий эпидемии" Ученый замечал, что почти невозможно описать нищету, в которой пребывали коряки, что голод свирепствовал среди юкагиров на Ясачной, а весной 1902 г. в трех юкагирских палатках на Омолоне были обнаружены семьи, умершие от истощения, "даже в Среднеколымске не хватает рыбы и люди вынуждены убивать своих упряжных собак, потому что не могут их прокормить". Иохельсон отмечал нужду в лошадях, северных оленях, которые использовались для связи между Якутском и Колымском. Богораз сообщал об эпидемии кори, распространившейся по чукотским селениям, в связи с чем он не смог нанять команду для путешествия лодкой на север ("вот почему мне пришлось отложить поездку в северные деревни до весны"). Болезнь, занесенная русским торговцем из Владивостока на Камчатку, по его словам, в 1899 г. унесла на территории побережья Охотского и Берингова морей сотни жизней ("в некоторых местах бедствие охватило до 30 % населения"). Летом 1900 г. эпидемия распространилась на тихоокеанское побережье. "Поэтому на летнюю ярмарку, — писал Богораз, — которая проводится в Мариинском посту ежегодно в начале августа, в 1900 году не приехал ни один местный торговец из северных чукчей или из эскимосских деревень". Любопытно его замечание о кереках, ветви приморских коряков. В давние времена, — отмечал ученый, — народ жил преимущественно моржовым промыслом; с приходом американских китобойных судов моржи остались лишь на севере и "теперь кереки в основном вымерли от постоянного голодания"[161].

К.А. Воллосович отмечал следующие трудности в работе экспедиции 1908 г.: недостаток в оленьих пастбищах, многочисленность переправ, сложность передвижения по тундре, залитой водой. И.П. Толмачев, руководитель второго отряда экспедиции, заявлял о серьезных затруднениях с продовольствием в Камчатской области, которое испытывали и

прибрежные чукчи, "не имевшие промысла на окраине, так как летом у берегов стояли нанесенные льды"[162]. В "Дневнике" Е.Ф. Скворцова отмечены безграмотность русского населения; наличие ряда заболеваний, в том числе желудочных, инфекционных, глазных; отсутствие медицинской помощи ("На весь громаднейший Верхоянский округ имеется один доктор, живущий в Верхоянске"); необеспеченность средствами ведения хозяйства ("В волосе нуждаются они весьма серьезно, ибо, в сущности, и все их благополучие зависит от количества сетей, которые они могут пустить в промысел"). Скворцов писал о случайном характере почтовых связей в крае, об отсутствии дорог ("Дорог в нашем смысле в стране вообще совсем нет"; существовал тракт по маршруту Аллаиха — Казачье — Булун (летом пароходом по Лене до Якутска), "этим трактом только и связана Индигирка с остальным миром"; некоторые купцы ездили по побережью в Колымский край)[163]. Средствами помощи населению Скворцов считал обеспечение его необходимым количеством орудий промыслов (сетей для рыбной ловли, ружей для охоты на оленей), организацию запасных казенных продовольственных магазинов, медицинской помощи (три — четыре фельдшера на округ), обучение населения (сельский учитель "разогнал бы тот мрак, в котором живут они")[164]. 30 января 1910 г. была датирована статья Скворцова "Русские на Индигирке", представленная им министру торговли и промышленности. Она завершалось словами о необходимости оказать помощь, облегчить тяжелую жизнь населения, "лишенного самых важных предметов первой необходимости"[165].

Следует отметить, что изученный историко-этнографический материал в большей части представлен различными документами: специальными исследованиями, отчетами, дневниковыми записями, этнографическими коллекциями, изобразительными материалами, свидетельствующими о народах Северо-Востока, процессах, которые имели место в развитии их культуры, экономики и социальной организации. Ученые оставили краткие описания коренных народов Северо-Востока, собрали этнографические коллекции, краниологический материал, выполнили антропометрические измерения. Путешественники собрали предметы быта и культа якутов и чукчей, осуществили сборы лингвистического материала, привели якутские названия ряда растений, птиц и рыб. Была записана якутская сказка, сделаны записи чисел на якутском, эвенском и юкагирском языках и отдельных слов (на русском, юкагирском, якутском), фольклорного материала; воспроизведены якутские названия месяцев, зве-

рей, некоторых заболеваний, якутские имена. Сохранились описания родов якутских женщин и первых дней новорожденных, лекарств и приемов, используемых в якутской народной медицине. Любопытно использование этноязыковых данных якутов при размышлении о времени их появления на Севере. На чукотском языке приведены названия селений, праздников, животных, религиозные термины, понятия, отдельные слова и словосочетания, имена, прозвища. В документальных материалах отложились свидетельства о формах хозяйственной деятельности якутов, юкагиров, эвенов; о национальной кухне якутов; о разделении женского и мужского труда. Путешественниками был доставлен изобразительный материал в форме зарисовок, фотодокументов.

Историко-этнографические данные, собранные в ходе экспедиционной деятельности Академии наук до 1917 г., содержат свидетельства процесса этнического смешения народов Северо-Восточной Азии. Ученые XIX в. отметили пользование русским языком, усвоение образа жизни русских юкагирами (Большой и Малый Анюи, нижнее течение Колымы), якутами (нижнее течение Колымы и Низовья Анюев), чуванцами (Колымский округ). В остальной части Якутской области русское население усвоило язык и обычаи якутского народа. Путешественники писали о смешанном населении Сиктяха (якуты, эвенки, русские); об использовании русскими на севере вида жилища, заимствованного у якутов; отмечали "совершенное" объякучивание русского населения Балкалаха; сообщали о метисации между юкагирами с эвенами; об ассимиляции якутами части русского населения, юкагиров и эвенов в бассейне Колымы; о смешанном населении Верхнеколымска и Нижнеколымска; об обрусении юкагиров Кулымского и якутов Нижнеколымского. В материалах Ленской экспедиции и экспедиции Черского находим свидетельства о том, что при сохранении господства традиционных форм хозяйственной деятельности развивались огородничество, земледелие; что наряду с христианской верой сохранялись традиционные верования; что в одном и том же жилище использовались русская печь и якутский камелек, что последний можно было увидеть у юкагиров и эвенов. Среди материалов экспедиций отложились и описания хозяйственной деятельности, характерной для части населения полярного Северо-Востока (рыболовство, гусевание, ездовое собаководство).

Определенный аспект вопросу придают материалы об участии в деятельности Академии наук коренного населения. Приведенные свидетельства показывают его значение в работе ученых по изучению Северо-Восточной Азии. Кроме того,

данные об участии аборигенного населения в научном освоении края свидетельствуют об их духовном развитии, навыках, уникальной приспособленности к среде обитания, готовности к сотрудничеству представителей разных народов, и социальных слоев общества. В работе академического учреждения участвовали якуты, эвены, эвенки, юкагиры, чукчи, коряки, русские; ссыльные, промышленники, купцы, казаки.

Материалы о социальной ситуации в регионе показывают еще одно направление историко-этнографических исследований. Путешественники писали о сокращении численности населения, подверженности его болезням, отсутствии медицинской помощи, недоступности товаров первой необходимости. Одной из причин существующего положения они называли низкий уровень и недостаточность средств производства. Отмечены исследователями также наличие эксплуатации, сложность и нерегулярность сообщений, рост цен на товары первой необходимости в условиях стихийных бедствий, дороговизна перевозок, высокие цены на привозные товары, сокращение оленьих пастбищ, падеж животных, нестабильность промыслов, незащищенность перед природной стихией. Как видно из документальных материалов, большим бременем для народа были налоги, а также содержание ссыльных. Любопытно, что к этой теме обращались первые исследователи края. В.Н. Иванов отмечает, что еще С.П. Крашенинников писал о фактах эксплуатации, бесчисленных поборах, беззаконии, ограблении населения, обмане людей во время торговых операций[166]. Исследователи предпринимали попытки разработать положения о мерах, которые могли бы облегчить положение народов региона. Ученые считали необходимым развивать земледелие и огородничество; упорядочить, сделать регулярными сообщения путем введения удобных и кратчайших дорог; удешевить все привозные товары (в особенности казенный хлеб, с целью обеспечить им беднейшие слои населения); учредить запасные рыбные магазины; развивать образование. Таким образом, на протяжении десятилетий формировалась программа мероприятий для улучшения жизни северного населения, что связывалось с перспективой развития земледелия и огородничества, изменением политики цен и продажи товаров, улучшением путей сообщения, образованием.

Итогом научных исследований по изучению Северо-Восточной Азии до 1917 г. было формирование представлений об этнографических областях, разработка основы сравнительного изучения населения Северо-Восточной Азии и Се-

веро-Западной Америки. Ученые пришли к заключению о существовании в древности единого комплекса культуры, одновременно сформировавшегося на северо-востоке Старого Света и северо-западе Нового[167]. Так завершилось в начале XX в. изучение Академией наук проблемы сравнительного исследования этносов Азии и Америки.

Литература, документальный материал свидетельствуют, что ученые Академии наук XVIII — начала XX в. выполнили огромную работу по исследованию истории, этнографии народов Северо-Восточной Азии. Были поставлены вопросы о генезисе этносов, о "дорусском" периоде их существования, переселениях, неравномерности общественного развития, последствиях включения региона в состав России. Исследователи обращались к проблемам экономической и социальной ситуации в крае, духовной культуре различных этносов, характеристике их быта, определению роли в научном освоении региона и т.д.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В предлагаемой работе представлены источниковая база темы, ее историография, материалы о деятельности Академии наук, формирование научных проблем, появление и развитие которых непосредственно связано с изучением края. Названные вопросы позволяют представить изучение региона научным центром как единый длительный исторический процесс. Возможность осуществления этой задачи обусловлена предварительным знакомством с деятельностью отдельных экспедиций и привлечением дополнительных документов.

Изучение историографии позволяет показать, что тема в целом не изучалась. В то же время ученые проявляли и проявляют глубокий интерес к академическим экспедициям этого времени. Материалы путешествий используют историки, этнографы, историографы, лингвисты, геологи, географы. В данной работе определены основные направления, достижения отечественной науки в изучении вопроса. Очевидно также, что проблема научного освоения Северо-Восточной Азии Академией наук до 1917 г. практически сведена в отечественной науке к истории отдельных экспедиций с преимущественным вниманием к результатам их деятельности. Не нашла полного освещения работа академического центра по исследованию региона, не обобщены документальные материалы и не подведены итоги историко-этнографических исследований в крае. Кроме того, в существующих монографиях и статьях встречаем порой противоположные, а иногда и ошибочные положения.

Изучение процесса научного освоения северо-востока Азии Академией наук в указанный период позволяет оценить работу Центра по исследованию региона, показать естественно-научные проблемы, которые возникли в непосредственной связи с изучением края, историю их формирования,

расширить представление об историко-этнографическом наследии, касающегося значительного числа народов Сибири, поставить вопрос об участии отечественной науки в формировании и развитии теории общности и различий этносов различных континентов.

Одной из форм деятельности Академии наук была организация экспедиций, разработка задач научных разысканий. Как показал анализ, это направление работы научного центра наиболее полно отражено в комплексе документальных материалов, представленных "инструкциями", "наставлениями", "наказами", "представлениями", "росписями", "определениями", "записками" и др. Определенным итогом исследования является их выявление для всего периода, перевод на русский язык, изучение и обобщение, сравнение. Изучение названных материалов приводит к выводу о внутреннем единстве названных документов, что связано с их предназначением — организацией научного освоения Северо-Востока, выработкой конкретных научно-исследовательских целей и методов деятельности экспедиций.

Однако в отечественной науке нет работ об этом типе документов как особом виде источника по истории изучения Северо-Востока до 1917 г. Как правило, обращение к ним носит локальный характер; наибольшее внимание уделено времени организации и проведения Второй Камчатской экспедиции, путешествия 1839—1849 гг. И.Г. Вознесенского; публикация некоторых из "инструкций" не всегда сопровождается их изучением. Думается, что названные материалы, определение их значения в деятельности Академии наук не привлекли пока внимания исследователей. Этому есть объяснение.

Уместно отметить одно из обстоятельств, которое, по-видимому, в некоторой степени поясняет слабую степень изученности "инструкций" и других идентичных документов и одновременно выявляет одно из направлений проделанного исследования по теме.

Как известно, Петром I была проведена огромная работа по приглашению иностранных ученых в Россию (европейские страны были оповещены об организации в Петербурге Академии наук; русские дипломаты, жившие за рубежом, много сделали для подбора штата ученых). Практика приглашения отечественной Академией ученых из-за границы была предусмотрена и официально утвержденным уставом 1747 г.

Интернациональный характер академической науки был одной из характерных черт того времени. В Англии число

иностранных членов в Академии увеличилось от 22 (1681—1685 гг.) до 147 (середина XVIII столетия); в Берлинской Академии наук в 1707 г. насчитывалось 32 иностранца. Как замечает Б.В. Левшин, "президентом Королевского общества в Англии был немец К. Ольденбург, в Парижской академии наук работали итальянские астрономы из семьи Кассини, в Прусской академии при Фридрихе II было значительно больше французов, чем немцев". Отмечая особую атмосферу "состязания и содружества, свойственную академической жизни XVII—XVIII вв.", Ю.Х. Копелевич пишет об обмене информацией, выборах в академии иностранных членов, объявлении международных конкурсов[1].

Кадровый состав Академии наук, планетарность науки, ее международный характер, естественно, предопределили деятельность научного центра, его изданий (особенно XVIIII — первой половины XIX столетия) на латинском, немецком, французском языках. Написание части инструкций на немецком языке, а также внешний схематизм этого вида источника, трудоемкость его изучения, иногда сложность выявления, происхождения и прочтения явились, как представляется, причинами, которые осложнили работу с ними.

Между тем исследование именно этого вида документального материала позволяет поставить вопрос о первых отечественных программах научного освоения Северо-Востока, показать историю развития научных знаний того времени, привлечь дополнительные сведения о характере участия Академии наук в изучении региона.

Содержание документов свидетельствует, что в Академии наук уже в конце первой четверти XVIII в. были разработаны уникальные материалы, которые неизменно оказывали влияние на деятельность Центра в течение почти двух столетий. Была разработана методика формирования представлений о народах края, изучения их отличительных черт (внешний облик, характер деятельности и общественная организация, государственный строй, материальная и духовная культура, антропологические данные и др.).

Одновременно ученые подошли к формулировке задачи сравнительного изучения этносов. Вопросы их истории, генезиса, расселения, переселений рассматривались как возможность подойти к теме сравнительного народоведения. Важно отметить, что возникновение проблемы сравнительного народоведения в академической отечественной науке относится к XVIII столетию и что в это время она трактовалась как сбор сопоставимого фактического материала, при-

чем мобилизация данных лингвистики и фольклора рассматривались как один из методов исследования.

В Академии наук были сформулированы задачи естественно-научного изучения Северо-Востока, его геологии, флоры, фауны, климатических особенностей и развития органической жизни. Значительное внимание придавалось сбору информации о Мировом океане (соленость, температура, приливы-отливы, течения, ледовый режим и др.).

Сравнительное исследование вышеназванного документального пласта приводит к выводу, что в связи с формированием научных представлений о Северо-Востоке, углублением процесса освоения края, участием отечественных ученых в организации кругосветных путешествий, задачи исследования претерпевали изменения. В конце XVIII столетия Академия наук проявляла повышенный интерес к определению особенностей климата региона. Для начала XIX в. характерна постановка вопросов изучения края в связи с обобщающими проблемами истории жизни на Земле. Прослеживается внимание к тенденциям развития флоры, фауны, человека на нашей планете, этапах заселения ее отдельных регионов. Ученых интересовали данные об изменениях материков, возможных связях между заселением Земли и удалением океанических вод, о глобальных климатических переменах в различных частях планеты, причинах вымирания народов и отдельных видов животных, физика Земли и околоземная атмосфера, Мировой океан. Изучение флоры исследователи все чаще связывали с особенностями почв, сезонных циклов, земледелиём в отдельных областях. Увеличивался интерес к вопросам практического применения растений (красители, лекарства, масло, пища, одежда, обувь и др.). Результатом исследования фауны, по мысли ученых, должны были стать систематизация животных и рыб, выявление специфических признаков, присущих обитателям определенных ареалов.

Таким образом, документы, разработанные учеными Академии наук, позволяют проследить связь между научным освоением Северо-Восточной Азии и развитием отечественной науки, определить роль научного центра в этом процессе.

Определяя задачи экспедиций, Академия предлагала путешественникам разнообразные методы изучения: описания (в том числе ведение журналов и "дневных записок"), зарисовки, сборы, составление карт, "росписей", гербариев, коллекций, перечней, изготовление (либо приобретение) моделей, чучел, чертежей, покупка экспонатов, препарирование, опрос населения, использование материалов предше-

ствующих экспедиций, приобретение сочинений различных авторов.

Документы, регламентирующие деятельность экспедиций, являются материалом, играющим роль первых отечественных программ научного освоения Северо-Восточной Азии.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Содержание упомянутых документов, их сравнительное изучение, выявление истории создания, прямые указания источников свидетельствуют, что они являлись одним из механизмов, обеспечившим научное исследование региона.

Кроме того, названные материалы, а так же, как и разнообразные свидетельства о результатах экспедиционных разысканий, отчеты научных учреждений, данные о заседаниях Физико-математического отделения наук, переписка различных лиц и организаций раскрывают целый спектр работ, которые выполнялись учеными научного центра для изучения региона. Академия выявляла территории, наиболее интересные для научных исследований, определяла маршруты экспедиций, подбирала состав участников для отдельных путешествий, составляла перечни необходимых инструментов, книг, карт, организовывала предварительные занятия для участников экспедиций.

В литературе часто упоминается факт постепенного затухания работы Академии по изучению края. Есть и прямое свидетельство в документе начала XX в. о том, что несмотря на увеличение объема научных работ и числа институтов, средства научного центра почти не возрастают и почти не снаряжаются экспедиции[2]. Предполагаю, что известное влияние оказала и книга Гнучевой об академических экспедициях, материалы которой завершаются концом XIX столетия. Хотелось бы привлечь внимание читателей к следующим фактам. Приблизительно с середины указанного времени Академия начала переходить к новым формам работы в регионе. Научный центр явился одним из инициаторов создания новых научных организаций — РГО и его отделов. Их формирование, содержание исследовательских программ свидетельствуют о непосредственной связи работы общества, его отделов и Академии наук. Кроме того, в самом научном центре были созданы новые структуры. В 1914 г. была сформирована Постоянная полярная комиссия, имевшая задачей изучение Севера как определенной области Земли, исследование народов Северной Сибири, Северного морского пути[3]. В 1915 г. академики А.П. Карпинский, В.И. Вернадский, Н.С. Курнаков, Н.И. Андрусов, Б.Б. Голицын пришли к заключению о необходимости организации

учета и критической переработки данных, собранных Академией по развитию производительных сил страны для определения направлений будущих исследований. Особое внимание они уделили вопросу о связи научных разработок с практической деятельностью. Так выглядело начало создания комиссии для изучения естественных производительных сил и населения страны[4]. В связи с этим интересна записка почетного члена Академии наук, профессора Московского университета Д.Н. Анучина, датированная 1915 г. Огромной производительной силой ученый считал население Сибири, "разнообразное по типу, языкам, стадиям быта, культурным особенностям, историческим судьбам, участию в производительности страны"[5]. Академия становится одним из участников Международной полярной комиссии. В 1917 г. обсуждался вопрос об образовании комиссии по изучению Русского Севера под председательством В.И. Вернадского. В одном из документов 1918 г. находим уточнение: Комиссия по изучению Севера при *Академии наук*[6]. Ученые центра привлекались к работе различных государственных структур; иногда возглавляли экспедиции, посланные различными министерствами, либо участвовали в них в качестве рядовых сотрудников; в ряде случаев они разрабатывали программы научных исследований. Все эти данные содержат информацию о разнообразных, иногда не учтенных формах участия Академии наук в научном освоении Северо-Востока, а также о создании во второй половине XIX — начале XX в. учреждений и академических структур постоянного типа для выполнения систематических наблюдений на территории Северо-Востока.

По-видимому, можно обобщить материал, подвести некоторые итоги исторического опыта организации научного изучения Северо-Восточной Азии 1725—1917 гг. Академией наук. Как свидетельствуют документы, научный центр широко использовал внеакадемические экспедиции для реализации задач исследования региона, что способствовало экономии денежных средств, а также расширяло возможности разысканий. С целью подготовки работ в крае Академия прикомандировывала будущих путешественников к различным академическим структурам, равно как и посылала ученых в распоряжение различных ведомств и научных центров. Эта же форма работы — прикомандирование использовалась и для обработки результатов экспедиций. Часть будущих исследователей Северо-Востока была приобщена к проблемам и методам научного изучения путем ведения обработки материалов путешествий. Научно-исследовательские задачи для них разрабатывали ведущие ученые Академии. Харак-

терной чертой работы Академии наук на территории Северо-Восточной Азии до 1917 г. было сотрудничество, имеющее различные формы. Проводились международные предприятия по изучению физики Земли и народов Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. Иногда ученые различных стран совместно обрабатывали материалы экспедиций. По итогам деятельности путешествий в периодических изданиях Академии печатались работы зарубежных авторов. Научный центр выполнял работы совместно с представителями коренных народов Северо-Востока, репрессированной частью населения, различными министерствами, ведомствами, научными учреждениями страны; принимал участие в формировании новых организационных форм стационарного типа для изучения региона; пытался влиять на законодательство в части организации научных исследований.

Учитывая работы отечественных ученых, авторские публикации (монографии, статьи), остановимся на некоторых вопросах исследования.

Одной из научных проблем, изучением которой занималась отечественная Академия до 1917 г. и которая неотделима от исследования Северо-Востока, является проблема взаимоотношения населения Азии и Америки. В настоящее время ей продолжают заниматься в США в традициях американской школы изучения языков. Объективной основой появления темы, ее последующего исследования была естественная географическая близость, а некогда единство материков, их связь в древние времена через "Берингию", "Берингов мост", по которому двигались народы, животные, растительные организмы. Названная ситуация естественно обусловила предположения о возможной общности этносов, геологических процессов, флоры и фауны. Кругосветные плавания начала XIX в., существование "Русской Америки" способствовали сравнительному изучению континентов.

Вопрос о соотношении Азии и Америки был сформулирован ко времени отправления первого академического отряда на Северо-Восток, то есть к концу первой четверти XVIII столетия. Тогда была поставлена задача поисков пролива между материками. Последующие работы ученых касались сравнительного геолого-палеонтологического исследования Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки, их орнитофауны, ихтиофауны, флоры, этносов.

Результаты исследования темы отечественными учеными были многообразны. Появился Русский отдел американистики, который вошел в Международный союз американистов (основан в 1875 г.). Таким образом, одним из итогов изучения проблемы Академией наук явилась интеграция отече-

ственной науки в мировую. Непосредственным продолжением работ в этом направлении были выступления В.Г. Богораза (впоследствии — одного из вице-президентов Союза) в 20-е гг. нынешнего столетия на конгрессах американистов в Нью-Йорке. Ученый, подчеркивая роль России в изучении Северо-Востока, еще тогда сформулировал положение о необходимости культурного возрождения народов Севера (как известно, по его инициативе в Ленинграде был открыт рабфак северных народностей). В 1928 г. в связи с выборами В.Г. Богораза в действительные члены Академии наук, профессор Колумбийского университета Ф. Боаз писал, что исследователь являлся одним из инициаторов изучения связей между этносами Азии и Америки в области Берингова моря и всего Дальнего Востока.

Как известно, проблема этнических взаимоотношений между Азией и Америкой лежала в основе работ Северо-Тихоокеанской экспедиции. По ее итогам были написаны исследования, ставшие классическими — В.Г. Богораза о чукчах и В.И. Иохельсона о коряках и юкагирах. Сравнительное изучение населения материков обусловило разработку положений о единстве культур народов Тихоокеанского круга.

Уже отмечалось, что в существующей историографии почти не уделяется внимание историко-этнографическому наследию, собранному отечественной Академией наук в процессе работы на Северо-Востоке во второй половине XIX — начале XX столетия. Следует, однако, отметить, что в это время в научном центре были сосредоточены значительные материалы о различных народах региона, разработаны теории их развития.

Особенностью большей части историко-этнографических наблюдений этого времени является их источниковый характер и фрагментарность изложения (специальные исследования в составе отдельных документов, отчеты, дневниковые записи и т.д.). Исследователи собрали уникальные сведения об эвенах (внешний вид, убранство женской головы, одежды, жилище, образцы языка анадырских эвенов, записи чисел на эвенском языке); чукчах (жилище, средства передвижения, предметы быта, брачные обычаи, религиозные воззрения, краниологические данные, имена, прозвища, названия селений, праздников); якутах (национальная кухня, предметы быта, одежда, фольклорный материал, названия растений, птиц, рыб, записи чисел на якутском языке, якутские названия месяцев, зверей, заболеваний, якутские имена, описание родов якутских женщин и первых дней новорожденных, лекарств и приемов лечения якутской народной меди-

цины); юкагирах (образцы языка, записи чисел и отдельных слов на юкагирском языке) и др.

В материалах отложились сведения о формах хозяйственной деятельности на Северо-Востоке, о разделении женского и мужского труда. Собранные данные являлись документальным свидетельством продолжающегося процесса этнического смешения на территории региона, метисации и ассимиляции.

Анализ историко-этнографического комплекса в трудах экспедиций позволяет заключить о значительной роли природного фактора в жизни населения края (расселение, циклы и формы хозяйственной деятельности, устройство жилища, одежда, питание, наличие адаптивного механизма).

В документах нашла отражение специфическая хозяйственная деятельность части населения полярной части Северо-Востока (рыболовство, гусевание, ездовое собаководство).

В историко-этнографическом наследии Академии наук можно выделить различные аспекты исследований. Кроме обширных материалов о национальных культурах имеются сведения о некоторых сторонах социальной ситуации на Северо-Востоке — сокращении численности населения, его подверженности болезням, отсутствии медицинской помощи, недоступности товаров первой необходимости, низком уровне и недостаточности средств производства, эксплуатации, сложности и нерегулярности сообщений, росте цен на товары первой необходимости, дороговизне перевозок, сокращении оленьих пастбищ, падеже скота, нестабильности промыслов и др. Тогда же были предприняты попытки разработать положения о мерах, которые могли бы облегчить положение народа.

Документы содержат и свидетельства об участии коренных народов в научном освоении региона. Источниковый материал, исследование Мостахова знакомят с работами аборигенного населения во время исследования Северо-Восточной Азии, с характером, нравом, личностными особенностями представителей различных этносов.

Учитывая, что Северо-Восточная Азия издавна населена различными этносами (якуты, чукчи, юкагиры, эвены, эвенки и др.), представляется, что тема имеет еще один интересный аспект — история межнациональных отношений. Наличие и развитие межнациональных отношений — процесс совершенно естественный, так как отражает историю жизни человека на Земле. Для науки изучение вопроса о межнациональных отношениях представляет особый интерес в плоскости проблем генезиса народов, их расселения, исторических контактов, взаимовлияний, общности и различий, интеграции. Названные проблемы всегда находились в поле

зрения ученых. На всесоюзной научной конференции "Национальные отношения в регионах СССР: история и современность" в июне 1991 г. состоялось любопытное выступление В.В. Фефеловой, предложившей в качестве метода исследования этногенеза якутов, их истории и расовой принадлежности анализ специфики сцепления генов. В последние годы выходят в свет работы Льва Николаевича Гумилева, в ряде случаев содержащие положения, сформулированные им еще в 30-е гг. Вот некоторые из них: этногенез "не зависит прямо и не коррелирует со временем возникновения новых социально-экономических укладов"; "этнос — феномен природы", связанный с характером окружающей среды, с географическими и климатическими условиями; этнос — частица Космоса, он излучает биохимическую энергию, равно как и получает, абсорбирует ее от Земли и от Космоса, причем получает ее нерегулярно и в далеко неравномерных размерах. Размышления исследователей об этносах позволяют и более широко подойти к толкованию связей между ними.

Вместе с тем очевидно, что отношения между нациями используются как инструмент внутренней, либо внешней политики. Таким образом, естественный процесс развития межнациональных отношений, происходивший и происходящий на нашей планете, не исключает их насильственного построения и конфликтного разрешения.

Рассмотрим некоторые стороны, формы развития межнациональных отношений в нашей стране по материалам деятельности Академии наук на территории Северо-Восточной Азии в XVIII — начале XX в.

Как известно, интересы правительственных кругов в названном регионе до 1917 г. преимущественно состояли в хозяйственном освоении края, фискальной политике, поисках путей интенсификации общенационального рынка и выхода на мировой, военно-стратегических позициях, выявлении и учете естественных богатств края. Особое место занимало научное изучение народов Северо-Востока.

Одной из форм развития межнациональных отношений в процессе научного изучения региона явилось формирование представлений в обществе XVIII — начала XX в. о традиционных культурах якутов, эвенов, эвенков, юкагиров, чукчей, коряков, ительменов. Основу научных представлений о населении Северо-Востока составили разнообразные материалы: рукописные фонды путешествий (отложились в различных архивохранилищах нашей страны); публикации в отечественной периодической печати ("Записки", "Известия" Академии наук и РГО, "Русский антропологический

журнал“ и др.) на русском, немецком и французском языках; монографические исследования и издания типа “Отчетов“, “Предварительных отчетов“, “Трудов“ экспедиций. Часть наблюдений была опубликована за рубежом (Стокгольм, Геттинген, Нью-Йорк, Париж и др.).

В исследованиях этого времени представлен уникальный материал о коренном населении края. Определенным итогом явилось наблюдение об общности исторического развития некоторых народов Азии и Америки. Тогда же были составлены первые коллекции предметов быта, одежды, поделок; собран изобразительный материал в форме зарисовок, фотодокументов и др.; накоплены материалы, позволившие зафиксировать действие адаптивного механизма в условиях сурового климата. Значение этой работы отечественной Академии наук, учитывая историческую тенденцию развития межнациональных отношений, можно прокомментировать словами К.М. Бэра, который в 1846 г. писал: “Различия племенные сглаживаются и будущие историки получат только имена племен, но не найдут в сочинениях нашего времени картины их быта и описания особенностей“[6].

Важным моментом в развитии межнациональных отношений представляется также интеграция усилий исследователей и аборигенного населения при выполнении этой работы. Якуты, эвены, эвенки, юкагиры, чукчи, коряки, ительмены, прекрасно приспособленные к жизни в условиях Крайнего Севера, великолепно знающие географию края, владеющие основным средством общения с населением огромного региона — языком, выполнили огромный комплекс работ по снаряжению экспедиций, обеспечению их средствами передвижения, продовольствием, топливом. Они работали переводчиками, рабочими, лоцманами, метеонаблюдателями; оказывали помощь в составлении карт, информировали о местах залегания ископаемых животных. Это сотрудничество ученых, путешественников и местных жителей обусловило их социальное сближение. Представители отечественной науки выступали с отдельными положениями, иногда с программами, формируя общественное мнение о тяжелых условиях существования человека на территории края.

И.П. Толмачев 3 декабря 1911 г. в библиотеке Морского министерства сказал, что ближайшей и важной целью, непосредственно связанной с организацией Северного морского пути, является подъем благосостояния населения Северной Сибири, насыщение региона дешевыми товарами. Ученый напомнил, что весь Север заселен разноязычными этносами: Чукотский п-ов — чукчами, “заходящими западнее Колы-

мы. В бассейне этой реки к ним присоединяются ламуты, а также ряд почти уже вымерших племен. Ламуты сменяются к западу долганами и тунгусами, западнее Хатанги сменяющимися в свою очередь самоедами. Кроме того, по всему Северу между Анабаром и Колымой живет немало якутов. Русское население есть на Колыме, в устьях Индигирки, Яны, Лены и на Енисее. На Хатанге и северном Енисее оно вымерло, как вымирает теперь на Индигирке". Исследователь подчеркивал исключительное значение для этих народов Сибирской железной дороги, удаленность от которой "в чудовищных размерах увеличивает стоимость доставляемых на Север продуктов... совершенно не позволяет вывоза малоценных".

Интересные наблюдения о народах Северо-Восточной Азии были сделаны В.Г. Богоразом. Решающим условием жизни народов Полярного круга, — писал ученый в 1928 г., — являлось господствующее значение природы. Среди условий, которые объединяли названные этносы, он называл космографический или астрономический элемент ("отношение к положению Земли в эклиптике"), метеорологический, зоологический, наличие вечномерзлых грунтов, специфической растительности. Считая северные народы потомками очень древних племен, учёный сформулировал, как представляется, очень верный взгляд на причину вымирания народов Севера: они исчезают с лица Земли не потому, что не способны воспринимать культуру, а потому, что культура не способна "подойти к ним по-человечески". Умение добывать питание из тундры он считал исключительной чертой северных народов. Именно их он считал "лучшим материальным богатством Севера"; подчеркивал их исключительную одаренность ("изделия туземцев из камня и кости поражают тонкостью своей работы"). Наблюдая технику охоты на тюленя, Богораз отмечал ее поразительную точность: "напоминает точность машинной работы". Художественным произведениям, изделиям из кости, выполненным эскимосами и чукчами, он не видел равных. Однако уже во время работы в Северо-Тихоокеанской экспедиции ученый увидел признаки гибели народов и традиционных культур. Среди них Богораз назвал двуязычие, исчезновение традиций, увеличение смертности в условиях привнесения новых заболеваний, тяготу податей. Духовное обнищание народов он объяснял "административными опытами".

Работами Черского, Толмачева, Богораза и др. в академической науке XIX — начала XX в. было сформировано мнение о бедственном положении народов Северо-Восточной Азии. Одной из причин называлась удаленность региона

от метрополии. Одновременно были предложены меры для изменения положения. Их осмысление приводит к выводу, что именно тогда было сформулировано представление о возможности улучшения жизни народов региона путем их "европеизации". Тезис о тяжелом положении населения края до 1917 г. прочно закрепилось в отечественной общественно-политической мысли. И в наши дни ученые, политики, государственные деятели и деятели культуры в ряде случаев склонны объяснять низкий уровень жизни этносов региона их отдаленностью от центральных областей. По-видимому, это положение пора пересмотреть. Исследование показывает, что появление утверждения было связано с процессом научного изучения края до 1917 г., работами по выявлению его естественных богатств, определенным уровнем транспортных связей, отсутствием медицинской помощи и т.д. В настоящее время на территории края добываются алмазы, золото, уголь, газ, редкоземельные элементы; на международном рынке представлены пушнина, изделия из меха, продукты моря. Северо-Восточная Азия располагает значительными кадрами рабочих, служащих, ученых, политиков; на ее территории работают академические центры, развиваются сельское хозяйство и промыслы. Иначе выглядят транспортные возможности края, медицинское обслуживание населения, образование. Сбылись мечты Черского, Толмачева, но по-прежнему уровень жизни народов края остается низким, стираются этнические особенности, хотя явно просматривается фактическая зависимость Центра от Северо-Восточной Азии в плане естественных природных богатств. Представляется, что ситуация объясняется превращением края в сырьевой придаток к центральной части страны. Таким образом, положение, которое некогда свидетельствовало о прогрессивности научно-общественной мысли, о сопереживании, в наши дни показывает отсутствие интереса общества к народам огромной части Сибири. И лишь сейчас предпринимаются попытки разработки программ национального возрождения, предусматривающих меры по сохранению традиционных культур.

Рассмотрим еще один аспект вопроса о тяжелом положении народов Северо-Востока до революции, укоренившийся в литературе и общественном мнении после 1917 г. Обращаясь к вопросу истории этносов того времени, деятели культуры, науки, политики часто приводят данные о вымирании аборигенного населения в условиях существовавшего политического режима. Свидетельства о деятельности Академии наук, широкий круг документальных материалов XX столетия позволяют уточнить: одна из причин названного

явления — нарушение экологических условий среды обитания, лишение части населения привычных продуктов, в том числе и морских; привнесение незнакомых болезней, к которым у населения отсутствовал иммунитет. Таким образом, в документах зафиксировано одно из последствий распространения цивилизации на территории края.

Следует также отметить, что одним из итогов исследования темы является выявление нового материала, в том числе по смежным отраслям знаний. При определенных условиях, интересе исследователей достоянием науки могли бы стать фольклорный материал, собранный Бунге, Черским, а также третий том "Путешествия" Майделя и др.

Изучение разнообразного комплекса документов и литературы дает возможность сделать следующие выводы. С работами Академии наук связаны формирование представлений о крае, сохранение исторической памяти об этносах, заселявших территорию огромного региона и тенденциях их развития; интеграция этих знаний в мировую науку. Однако деятельность Академии наук, как представляется, была не только одним из условий изучения края и населяющих его народов, одним из способов сохранения свидетельств о традиционных культурах, но, несомненно способствовала противоположному явлению — европеизации этносов, включению Северо-Восточной Азии в политико-административную орбиту Российского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

[1] *Берг Л.С.* Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга. — М.; Пг, 1924 (2-е изд. — Л., 1935; 3-е изд. — М.; Л., 1946).

[2] *Николаев В.* Политическая ссылка в истории изучения Якутского края // В якутской неволе. — М., 1927. — С. 190.

[3] *Гессен Ю.* Экспедиционная компания 1768—74 г. // Вестн. Академии наук СССР. — Л., 1931. — № 7. — С. 23.

[4] *Обручев С.В.* Колымско-Индигирский край: Географический и геологический очерк. — Л., 1931. — С. 3.

[5] *Обручев В.А.* Земля Санникова (Нерешенная проблема Арктики) // Природа. — М., 1935. — № 11. — С. 20, 23—25. Об этом см. также: *Магидович И.П.* Очерки по истории географических открытий. — М., 1957. — С. 602—604.

[6] *Обручев В.А.* История геологического исследования Сибири. Период четвертый (1889—1917). — М.; Л., 1937. — С. 351.

[7] *Обручев В.А.* К 100-летию первой академической экспедиции по изучению вечной мерзлоты // Изв. ВГО. — Л., 1946. — Т. 78, вып. 5/6. — С. 469. Об этом см. также: *Тихомиров Г.С., Сухова Н.Г.* География // История Академии наук СССР. — М.; Л., 1964. — Т. 2. — С. 114; *Сухова Н.Г.* Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX веке. — М.; Л., 1964. — С. 36—37; *Есаков В.А.* География в России в XIX — начале XX века. — М., 1978. — С. 128.

[8] *Обручев В.А.* Земля Санникова существовала // Природа. — М., 1946. — № 10. — С. 64—65.

[9] *Шавров К.Б.* В.И. Иохельсон // Сов. этнография. — 1935. — № 2. — С. 8—9.

[10] *Зеленин Д.К.* В.Г. Богораз — этнограф и фольклорист // Памяти В.Г. Богораза (1865—1936). — М.; Л., 1937. — С. X—XI.

[11] *Бахрушин С.В.* Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.; Л., 1938. — Т. 1. — С. 8—9; *Андреев А.И.* Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Там же. — С. 57.

[12] *Райхенберг М.* Александр Федорович Миддендорф // Наша страна. — Л., 1939. — № 1. — С. 32—33.

[13] *Гнучева В.Ф.* Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков. — М.; Л., 1940. — С. 95, 110, 134, 155—157, 194, 196, 202—203, 248—254, 266—269.

[14] *Бронштейн Ю., Шнакенбург Н.* Записки доктора К. Мерка — участника экспедиции Биллингса—Сарычева в 1785—1793 г. // Сов. Арктика. — Л., 1941. — № 4, апрель. — С. 76—88.

[15] *Андреев А.И.* Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. — М., 1948. — С. 69—71.

[16] *Яников Г.В.* О.Е. Коцебу и его плавание // Коцебу О.Е. Путешествие вокруг света. — 2-е изд. — М., 1940. — С. 14.

[17] *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. — М., 1948. — С. 6. См. также: *Зубов Н.Н.* Отечественные мореплаватели—исследователи морей и океанов. — М., 1954. — С. 252—253; *Пасецкий В.М.* Фердинанд Петрович Врангель. — М., 1975. — С. 75. *Сухова Н.Г.* Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX веке. — С. 32, 76.

[18] *Добровольский А.Д.* Плавание Ф.П. Литке. — М., 1948; *Орлов Б.П.* Федор Петрович Литке. Его жизнь и деятельность (1797—1882 г.) // Литке Ф.П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге "Новая земля" в 1821—1824 годах. — М., 1948; *Он же.* Федор Петрович Литке, замечательный русский путешественник и ученый. — М., 1948; *Зубов Н.Н., Добровольский А.Д.* Предисловие // Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе "Сенявин" 1826—1829 г. — М., 1948; *Зубов Н.Н.* Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов; *Кудрявцев-Скайф С.* Федор Петрович Литке // Русские мореплаватели. — М., 1953; *Антонов А.Е.* Ф.П. Литке. — М., 1955. См. также: *Токарев С.А.* История русской этнографии (Дооктябрьский период). — М., 1966. — С. 149—150; *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (Домарксистский период). — М., 1970. — С. 129; *Есаков В.А.* География в России в XIX — начале XX века. — С. 40—43.

[19] *Фрадкин Н.Г.* Академик Лепехин и его путешествия по России в 1768—1773 гг. — М., 1953. — С. 34—35. См. также: *Дик Н.Е.* Ломоносовский период в развитии русской географии. — М., 1976. — С. 3, 25—52. С содержанием названных документов можно ознакомиться в издании: *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. — М.; Л., 1955. — Т. 9. — С. 198—205, 238—241, 312—315.

[20] *Баумгарт К.К.* Эмилий Христианович Ленц // Ленц Э.Х. Избр. труды. — Л., 1950. — С. 450—451; *Берг Л.С.* Заслуги Э.Х. Ленца в области физической географии // Там же. — С. 457.

[21] *Липшиц Б.А.* Этнографические материалы по северо-западной Америке в архиве И.Г. Вознесенского // Изв. ВГО. — М.; Л., 1950. — Т. 82, вып. 4. — С. 416—419.

[22] *Бломквист Е.Э.* Рисунки И.Г. Вознесенского (Экспедиция 1839—1849 гг.) // Сб. МАЭ. — М.; Л., 1951. — Т 13. — С. 230—303.

[23] *Сарычев Г.А.* Путешествия по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. — М., 1952.

[24] *Лежнева О.А., Ржонсницкий Б.Н.* Эмилий Христианович Ленц. — М.; Л., 1952. — С. 11, 22.

[25] *Вдовин И.С.* История изучения палеоазиатских языков. — М.; Л., 1954. — С. 157—159. О "Кратком словаре двенадцати наречий разных народов, обитающих в северо-восточной части Сибири и на Алеутских островах" М. Робека, опубликованного в книге «Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога и плавание капитана Галла на судне "Черном орле" по Северо-восточному океану в 1791 году» (СПб, 1811. — С. 91—129) см.: *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. — 2-е изд. — Л., 1982. — С. 294—295.

[26] *Вдовин И.С.* История изучения палеоазиатских языков. — С. 158; *Он же.* Очерки этнической истории коряков. — Л., 1979. — С. 178, 252.

[27] *Черский И.Д.* Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском. — М., 1956.

[28] *Белов М.И.* История открытия и освоения Северного морского пути. — М., 1956. — Т. 1. — С. 421. См. также: *Зубов Н.Н.* Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. — С. 250—321.

[29] *Сафронов Ф.Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). — Якутск, 1961. — С. 71.

[30] *Коцебу О.Е.* Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. — М., 1959. — С. 293, 294. Вторым изданием книга вышла в 1981 г.

[31] *Меновщиков Г.А.* Эскимосы. — Магадан, 1959. — С. 13—14.

[32] *Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — М.; Л., 1960. — С. 10, 13—17, 19—22, 24—25, 27, 28, 83—86, 88, 91, 93—94, 117, 124, 138—139, 142, 147, 149, 153, 156, 165.

[33] *Юргенсон П.Б.* Значение академика А.Ф. Миддендорфа в русской зоогеографии // Бюлл. Моск. об-ва испытателей природы. Отд. биолог. — М., 1961. — Т. 16, вып. 1. — С. 138.

[34] *Юргенсон П.Б.* Неведомыми тропами Сибири. — М., 1964. — С. 10.

[35] *Косвен М.О.* Этнографические результаты Северной экспедиции 1733—1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. — М.; Л., 1961. — Т. 3. — С. 170.

[36] *Сухова Н.Г.* Сибирские экспедиции Миддендорфа // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. геолог. и географ. — Л., 1961. — № 6, вып. 1. — С. 144.

[37] *Сухова Н.Г.* Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX веке. — С. 167. См. также: *Николаев В.* Политическая ссылка в изучении Якутского края. — С. 188.

[38] *Черников А.М.* Экспедиция И.И. Редовского в Якутию и к Охотскому морю (1806—1807 гг.) // Географическое общество СССР: Материалы Отделения истории географических знаний. — Л., 1962. — Вып. 1: Географическое изучение Сибири XVII—XIX вв. — С. 7—39; *Черников А.М., Сыроватский А.Д.* Экспедиция И.И. Редовского в Якутию и к Охотскому морю (1806—1807 гг.) // Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея им. Е. Ярославского. — Якутск, 1966. — Вып. 4. — С. 172—190. Основой для публикации явился перевод текста дневника с немецкого языка на русский, сделанный в 1940 г. д-ром геогр. наук Н.Г. Поспеловой; *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М., 1978. — С. 123.

[39] *Райков Б.Е.* Карл Бэр. Его жизнь и труды. — М.; Л., 1961. — С. 48. Об этом см. также: *История* Академии наук СССР. — М.; Л., 1964. — Т. 2. — С. 110, 203; *Пасецкий В.М.* Фердинанд Петрович Врангель. — С. 10, 101. Отмечая поддержку академиков К.М. Бэра, Э.Х. Ленца, Г.П. Гельмерсена, А.Я. Купфера при публикации трудов Ф.П. Врангеля, В.М. Пасецкий пишет: "Замечательной стороной научной деятельности Врангеля является его тесное сотрудничество с Академией наук".

[40] *Есаков В.А.* Морские кругосветные плавания, их цели, научные задачи и результаты // Есаков В.А., Плахоткин А.Ф., Алексеев А.И. Русские океанические и морские исследования в XIX — начале XX в. — М., 1964. — С. 12—13, 24—26, 48—53; *Он же.* География в России в XIX — начале XX века. — С. 13—24, 37—40; *Лебедев Д.М., Есаков В.А.* Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 года. — М., 1971. — С. 308—310, 328. См. также: *Григорьев А.А.* Развитие физико-географической мысли в России в XIX — начале XX в. — М., 1961. — С. 27; *Тихомиров Г.С., Сухова Н.Г.* География. — С. 112—113.

[41] *Лебедев Д.М., Есаков В.А.* Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 года. — С. 363—364.

[42] *История* Академии наук СССР. — М.; Л., 1964. — Т. 2. — С. 111, 342, 343, 521, 531—532, 549.

[43] *Наумов Г.В.* Русские географические исследования Сибири в XIX — начале XX в. — М., 1965. — С. 25, 33, 131—132.

[44] *Пасецкий В.М.* О чем шептали полярные маки. — М., 1965. — С. 133.

[45] *Пасецкий В.М.* Арктические путешествия россиян. — М., 1974. — С. 43—45, 58—59, 117—118, 119—123.

[46] *Пасецкий В.М.* Фердинанд Петрович Врангель. — С. 94—104.

[47] *Пасецкий В.М.* Метеорологический центр России: История основания и становления. — Л., 1978. — С. 76.

[48] *Пасецкий В.М.* Разгадки тайна ждет. — Л., 1983. — С. 32.

[49] *Токарев С.А.* История русской этнографии. — С. 144—145, 157, 170—171, 376.

[50] *Алексеев А.И.* Гавриил Андреевич Сарычев. — М., 1966. — С. 38.

[51] *Алексеев А.И.* Путешествия И.Г. Вознесенского по Дальнему Востоку и Русской Америке в 1839—1849 годах // История географических знаний и историческая география. — М., 1970. — Вып. 4: Этнография. — С. 36—37; *Он же.* Сыны отважные России. — Магадан, 1970. — С. 156; *Он же.* Илья Гаврилович Вознесенский (1816—1871). — М., 1977. — С. 14—17, 136, 138. О результатах деятельности И.Г. Вознесенского см. также: *Гнучева В.Ф.* Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков. — С. 194; *Степанова М.В.* И.Г. Вознесенский и этнографическое изучение северо-запада Америки // Изв. ВГО. — М.; Л., 1944. — Т. 76, вып. 5; *Липшиц Б.А.* Этнографические материалы по Северо-Западной Америке в архиве И.Г Вознесенского; *Бломквист Е.Э.* Рисунки И.Г. Вознесенского (Экспедиция 1839—1849 гг.); *Токарев С.А.* История русской этнографии. — С. 156.

[52] *Мостахов С.Е.* Сподвижники путешественников и исследователей. — Якутск, 1966. — С. 81—123.

[53] *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири. — С. 127—128. В.Н. Иванов считает, что Н.А. Хвостов и Г.И. Давыдов "продолжили тенденции, намеченные в описаниях Крузенштерна и Лисянского" (*Иванов В.Н.* Русские ученые о народах северо-востока Азии. XVII — начало XX в. — Якутск, 1978. — С. 126.)

[54] *Переписка* Карла Бэра по проблемам географии. — Л., 1970. — С. 172.

[55] *Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. — М., 1971. — С. 224, 252.

[56] *Колесницкая И.М.* В.Г. Богораз-Тан — фольклорист // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. — М., 1971. — Нов. сер. Т. 95, вып. V — С. 144, 145, 154.

[57] *Сакс В.Н., Яншин А.Л.* Деятельность Академии наук по изучению геологии и полезных ископаемых Сибири и Дальнего Востока // Геология и геофизика. — Новосибирск, 1974. — № 5(173). — С. 7—8.

[58] *Кулешова Н.Ф.* В.Г Тан-Богораз. — Минск, 1975. — С. 55—56.

[59] *Лукина Т.А.* Иоганн Фридрих Эшшольц. — Л., 1975. — С. 75, 90, 111—114, 164—165.

[60] *Шибанов Ф.А.* И.И. Исленьев — астроном-географ и картограф XVIII века // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. Геология-география. — Л., 1973. — № 18, вып. 3. — С. 133—139.

[61] *Титова З.Д.* Введение // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции / Сост. З.Д. Титова. — Магадан, 1978. — С. 8—18.

[62] *Иванов В.Н.* Русские ученые о народах северо-востока Азии. XVII — начало XX в. — С. 31—34, 38—44, 124, 129—136, 166—172 и др.; *Он же.* Историческая мысль в России XVIII — середины XIX в. о народах северо-востока Азии. — М., 1989. — С. 88—108, 120—123, 125—130, 157—161.

[63] *Туголуков В.А.* Этнография народов Северо-Восточной Сибири // Развитие гуманитарных исследований в Якутии. — Новосибирск, 1981. — С. 35.

[64] *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. — 2-е изд. — Л., 1982. — С. 89—90, 95—97. Первое издание книги состоялось в 1972 г.

Глава II

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСПЕДИЦИЙ. ПЕРВЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ НАУЧНОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

[1] *Гнучева В.Ф.* Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков. — М.; Л., 1940. — С. 38—70.

[2] *Вдовин И.С.* История изучения палеоазиатских языков. — М.; Л., 1954. — С. 40—43. О задании Академии и сборах лингвистического материала экспедицией см. также: *Токарев С.А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). — М., 1966. — С. 84; *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. — 2-е изд. — С. 65.

[3] *Косвен М.О.* Этнографические результаты Северной экспедиции 1733—1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. — М.; Л., 1961. — Т. 3. — С. 170, 178, 181—182, 196, 200.

[4] *Дивин В.А.* Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. — М., 1971. — С. 101—105.

[5] *Гессен Ю.Г.* Экспедиционная кампания 1768—74 гг. // Вестн. Акад. наук СССР. — 1931. — № 7. — С. 19—20.

[6] *Фрадкин Н.Г.* Инструкция для академических экспедиций 1768—1774 гг. // Вопр. географии. — 1950. — Сб. 17: История географических знаний. — С. 215—218.

[7] *Фрадкин Н.Г.* Академик Лепехин и его путешествия по России в 1768—1773 гг. — М., 1953. — С. 42. "Роспись для собирания и сохранения достопамятных сибирских животных" упомянута и Ф.А. Шибановым (*Шибанов Ф.А.* Исленьев — астроном—географ и картограф XVIII века // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. геолог. и географ. — Л., 1961. — № 6, вып. 1. — С. 135).

[8] *Греков В.И.* Из истории организации академических экспедиций 1768—1774 гг. // Изв. Акад. наук СССР. Сер. геогр. — 1971. — № 4. — С. 138, 140—142.

[9] *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII века. — М.; Л., 1946. — С. 71; *Любименко И.И.* Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. — М.; Л., 1937. — С. 21.

[10] Подробнее об этом см.: *Андреев А.И.* Ломоносов и астрономические экспедиции Академии наук 1761 г. // Ломоносов М.В. Сб. статей и материалов. — М.; Л., 1946. — Т. 2. — С. 248—264; *Павлова Г.Е.* Степан Яковлевич Румовский. — М., 1979. — С. 59—62.

[11] *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. — М.; Л., 1953. — Т. 9. — С. 212, 215.

[12] Там же. — С. 346—349. Об этом см. также: "Доношение Канцелярии" от 27 ноября, "Особое мнение" от 23 декабря 1760 г. и "Определение Канцелярии" от 3 января, "Инструкцию Н.И. Попову" от 14 января, "Выписку из журнала Канцелярии" от 17 января 1761 г. (*Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. — Т. 9. — С. 349—363).

[13] *Мейер Христиан.* Изъяснение прохождению Венеры по Солнцу, бывшему мая 23 дня 1769 г. — СПб., б/г. — С. 96.

[14] Публикация полного текста "Представления" осуществлена в кн.: *Румовский С.* Наблюдения явления Венеры в Российской империи в 1769 г. учиненные. — СПб., 1771. — С. 8—12.

[15] Там же. — С. 8—9, 12—13, 19, 21, 23, 25—26.

[16] Там же. — С. 41—46.

[17] ЦГИА, ф. 733, оп. 12, д. 534, л. 109—120об.; 141—148об.

[18] Следует отметить, что участники "физических" экспедиций также осуществляли определенные задачи изучения животного мира, флоры, занимались сбором различных этнографических коллекций, в том числе культовых. Об этом свидетельствуют материалы переписки Академии наук за 1769 г. (см. письма П.С. Палласа, Г.Ф. Миллера, И.А. Эйлера в кн.: *Любименко И.И.* Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. — М.; Л., 1937. — С. 154—155, 158, 161, 162).

[19] *Андреев А.И.* Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. — М., 1948. — С. 68; *Визе В.Ю.* Моря советской Арктики. — М.; Л., 1948. — С. 249; *Зубов Н.Н.* Гавриил Андреевич Сарычев // Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. — М., 1952. — С. 5—6; *Он же.* Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. — М., 1954. — С. 124—125; *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века // История открытия и освоения Северного морского пути. — 1956. — Т. 1. — С. 421; *Шведе Е.Е.* Гавриил Андреевич Сарычев // Отечественные физико-географы. — М., 1959. — С. 117;

Алексеев А.И. Гавриил Андреевич Сарычев. — М., 1966. — С. 38; *Он же.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. — М., 1982. — С. 106; *Макарова Р.В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. — М., 1968. — С. 156; *Иванов В.Н.* Русские ученые о народах северо-востока Азии (XVII — начало XX в.). — Якутск, 1978. — С. 38.

[20]*Бронштейн Ю. Шнакенбург Н.* Записки доктора К. Мерка — участника экспедиции Биллингса—Сарычева в 1785—1793 гг. // Сов. Арктика. — 1941. — № 4; *Андреев А.И.* Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. — С. 69—71; *Сарычев Г.А.* Путешествие по Северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. — М., 1952; *Зубов Н.Н.* Гавриил Андреевич Сарычев // Русские мореплаватели. — М., 1953. — С. 130—133; *Он же.* Гавриил Андреевич Сарычев // Там же. — С. 132—136; *Он же.* Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. — М., 1954. — С. 129—131; *Вдовин И.С.* История изучения палеоазиатских языков. — М., Л., 1954. — С. 75—78; *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. — С. 430—433; *Меновщиков Г.А.* Эскимосы. — С. 13—14; *Шведе Е.Е.* Гавриил Анд- реевич Сарычев. — С. 118, 120—121; *Алексеев А.И.* Гавриил Андреевич Сарычев. — М., 1966; *Он же.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. — С. 109; *Токарев С.А.* История русской этнографии. — С. 133, 134, 182; *Макарова Р.В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. — С. 156—157; *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (Домарксистский период). — М., 1970. — С. 54; *Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. — М., 1971. — С. 224, 252; *Лебедев Д.М., Есаков В.А.* Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 года. — М., 1971. — С. 277—280; *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. — Л., 1972. — С. 294—295; *Иванов В.Н.* Русские ученые о народах северо-востока Азии (XVII — начало XX в.). — С. 38—43; *Есаков В.А.* География в России в XIX — начале XX века. — С. 9; *Этнографические* материалы Северо-Восточной географической экспедиции. / Сост. *Титова З.Д.;* Русская тихоокеанская эпопея / Сост. *Дивин В.А.* — Хабаровск, 1979. — С. 376—392; *Ляпунова Р.Г.* Коллекция Северо-Восточной географической экспедиции Биллингса—Сарычева (1785—1794) в собрании МАЭ // Сб. МАЭ. — 1980. — Т. 35. — С. 173—177.

[21]*Боднарский М.С.* Очерки по истории русского землеведения. — М., 1947. — С. 182; *Андреев А.И.* Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. — С. 68; *Бизе В.Ю.* Моря советской Арктики. — С. 249; *Зубов Н.Н.* Гавриил Андреевич Сарычев. — С. 6; *Он же.* Гавриил Андреевич Сарычев // Русские мореплаватели. — С. 126; *Он же.* Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. — С. 124—125; *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. — С. 422—423; *Шведе Е.Е.* Гавриил Андреевич Сарычев. — С. 117;

Алексеев А.И. Гавриил Андреевич Сарычев. — С. 38—39; *Он же.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. — С. 106—108; *Макарова Р.В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. — С. 150—151, 155; *Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. — М., 1971. — С. 52.

[22]Текст "Указа" от 8 августа 1785 г. был опубликован: *Путешествие* флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение осьми лет, при Географической и Астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год (СПб., 1802. — С. 1—10. Ч. 1—2). В 1811 г. состоялась публикация текста "Наставления из Государственной Адмиралтейств-коллегии" (См.: *Сарычев Г.А.* Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога и плавание капитана Галла на судне "Черном орле" по Северо-Восточному океану в 1791 г. — СПб., 1811. — С. 143—189). Г.Д. Лавренцовой в 1952 г. названные документы были подготовлены к повторной публикации в кн.: *Сарычев Г.А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. — М., 1952. — С. 31—35, 280—299. Текст указа Екатерины II см. также в издании: *Русская* тихоокеанская эпопея / Сост. *Дивин В.А.* — Хабаровск, 1979. — С. 363—367.

[23]*Сарычев Г.А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири... — С. 32, 33, 282, 283, 287.

[24]Там же. — С. 283.

[25]Там же. — С. 233.

[26]*Грот Я.* Филологические занятия Екатерины II // Рус. архив. — М., 1877. Кн. 1, № 1—4. — С. 434. Об этом см. также: *Вдовин И.С.* История изучения палеоазиатских языков. — С. 61, 75.

[27]*Бронштейн Ю., Шнакенбург Н.* Записки доктора К. Мерка... — С. 79. Об этом см. также: *Титова З.Д.* Введение. — С. 7.

[28]*Андреев А.И.* Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. — С. 69.

[29]*Вдовин И.С.* История изучения палеоазиатских языков. — С. 75.

[30]*Алексеев А.И.* Гавриил Андреевич Сарычев. — С. 38.

[31]*Комков Г.Д., Левшин В.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР. Изд. 2-е. — М., 1977. — Т. 1. — С. 135.

[32]*Титова З.Д.* Введение. — С. 15.

[33]*Ляпунова Р.Г.* Коллекция Северо-Восточной географической экспедиции... — С. 174.

[34]Следует отметить, что ни в специальной работе В.Ф. Гнучевой "Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков", ни в "Истории

Академии наук СССР" (М.; Л., 1958. Т. 1) материалы экспедиции И.И. Биллингса—Г.А. Сарычева не рассматриваются.

[35]СПбО АРАН, ф. 37, оп. 1, д. 5, л. 1—7об.

[36]Перевод текста "Инструкции" талантливо осуществлен специально для данной работы физиком Ю.А. Ромащенко.

[37]*Сарычев Г.А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири... — С. 282—283.

[38]*Гнучева В.Ф.* Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков. — С. 133—142.

[39]Там же. — С. 135.

[40]Там же. — С. 140.

[41]*Гнучева В.Ф.* Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков. — С. 136; *Андреев А.И.* Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. — С. 25; *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. — С. 392; *Ефремов Ю.К.* Петр Симон Паллас // Отечественные физико-географы и путешественники. — М., 1959. — С. 141.

[42]*Гнучева В.Ф.* Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков. — С. 148, 153.

[43]Ученым назван печатный текст инструкции М.В. Севергина, опубликованный в "Сев. Вестн.". — СПб., 1804. — № 2, 3 //*Невский В.В.* Первое путешествие россиян вокруг света. — М.; Л., 1951. — С. 37.

[44]Об этом см. также: *Есаков В.А.* Морские кругосветные плавания, их цели, научные задачи и результаты // Есаков В.А., Плахоткин А.Ф., Алексеев А.И. Русские океанические и морские исследования в XIX — начале XX в. — М., 1964. — С. 12; *Он же.* География в России в XIX — начале XX века (Открытия и исследования земной поверхности и развитие физической географии). — М., 1978. — С. 13.

[45]*Есаков В.А.* Морские кругосветные плавания... — С. 12—13, 24—26; *Он же.* География в России в XIX — начале XX века. — С. 13—24; *Он же.* Русские географические открытия и исследования XIX — начала XX века. — С. 308—310.

[46]*Пасецкий В.М.* Иван Федорович Крузенштерн. — М., 1974. — С. 32.

[47]Цгада, ф. 183, оп. 1, д. 89, л. 19—19об.

[48]СПбО АРАН, ф. 1, оп. 2—1803, д. 5, л. 1—10об.

[49]Там же, л. 1—12об., 13—30. В Конференцию документ был представлен 18 мая.

[50]Там же, ф. 37, оп. 1, д. 3, л. 1—5.

[51]Там же, ф. 1, оп. 1а—1805, д. 16, л. 53. См. ниже текст об экспедиции в составе посольства в Китай.

[52]Там же, ф. 4, оп. 2—1805, д. 526, 2об.—3об.

[53]Там же, д. 37, оп. 1, д. 3, л. 1—5.

[54]Там же, ф. 1, оп. 1а—1805, д. 16, л. 53.

[55]Там же, ф. 4, оп. 2—1805, д. 526, л. 82об.

[56]Там же, ф. 37, оп. 1, д. 3, л. 1—5.

[57]Там же, ф. 1, оп. 2—1805, § 200, л. 1—9об.

[58]Там же, оп. 2—1806, д. 20, л. 2—4об.

[59]Инструкция для проведения минералогических исследований найдена лишь для экспедиции И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского и поэтому рассмотрена в предшествующем разделе работы. Однако можно предположить, что с ее текстом были знакомы и ученые этого отряда.

[60]СПбО АРАН, ф. 4, оп. 2—1805, д. 526, л. 3, 18—18об., 46об., 47, 54, 55, 57об., 63, 70.

[61]ЦГИА, ф. 733, оп. 12, д. 525, л. 8. Из письма от 4 октября 1812 г. А.К. Разумовскому: "Императорской Академии наук адъюнкт Адамс в 1806-м году отправлен был из Иркутска от графа Юрия Александровича Головкина до устья реки Лены" (ЦГИА, ф. 733, оп. 12, д. 525, л. 27).

[62]ЦГИА, ф. 733, оп. 12, д. 525, л. 8—8об. "Сей рисунок, весьма худо сделанный, доселе хранится в Академическом Архиве" (*Тилезиус фон Тиленау В.Г.* Описание остова сибирского мамонта // Тр. Акад. наук. — 1821. — Ч. 1. — С. 123).

[63]Отрывок из путешествия г. Адамса к Ледовитому морю для отыскания мамонта // Сиб. вестн. — 1820. — СПб. — Ч. 10. — С. 308. См. также "Письмо президенту Академии наук Н.Н. Новосильцову из Якутска о посылке рисунка и описания трупа животного, обнаруженного... в бухте Ледовитого океана близ горы Мастак" (СПбО АРАН, разр. 1, оп. 133, д. 9).

[64]ЦГИА, ф. 733, оп. 12, д. 525, л. 8об.

[65]СПбО АРАН, ф. 24, оп. 1, д. 111, л. 4об., 5.

[66]*Гнучева В.Ф.* Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков. — С. 157; *Андреев А.И.* Изучение Якутии в первой половине XIX в. // Учен. зап. Ин-та языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР. — 1958. — Вып. 5. — С. 53; *Черников А.М. и Пидотти О.А.* Путешествие ботаника И.И. Редовского в 1806—1807 гг. в Якутию и к Охотскому морю (к 200-летию со дня рождения) // Бот. журн. — 1974. — Т. 59, № 3. — С. 451.

[67]*Гнучева В.Ф.* Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков. — С. 158.

[68]СПбО АРАН, ф. 4, оп. 2—1805, д. 526, л. 82.

[69]По-видимому, речь идет об инструкции Т.А. Смеловского "Краткое наставление путешественнику по части ботанической" от 27 марта 1805 г., написанной перед отправлением посольства в Китай.

[70]СПбО АРАН, ф. 4, оп. 2—1805, д. 526, л. 82об.

[71]Там же, ф. 1, оп. 2—1806, д. 22, § 261, л. 1. На л. 2—3об. см. текст на латинском языке — перечень "растений, произвольно в Сибири произрастающих".

[72]СПбО АРАН, ф. 37, оп. 1, д. 4, л. 1—5об.; ф. 1, оп. 2—1806, д. 20, § 241, л. 1—1об.

[73]СПбО АРАН, ф. 37, оп. 1, д. 2, л. 1—3об.

[74]Тексты "Записок" в Олекму, Якутск, Киренск, Гижигинск см.: СПбО АРАН, ф. 37, оп. 1, д. 13, л. 2об., 6, 17об., 52об. Публикацию текста "Записки, что именно надобно знать географической части примечания достойных предметов о Якутской области" см.: *Ширина Д.А.* Академическая экспедиция 1806—1807 гг. по Якутии и Охотскому побережью // Развитие гуманитарных исследований в Якутии. — С. 50.

[75]*Пасецкий В.М.* Арктические путешествия россиян. — М., 1974. — С. 83; Об этом см. также: *Пасецкий В.М.* Фердинанд Петрович Врангель. — М., 1975. — С. 29.

[76]*Пасецкий В.М.* Фердинанд Петрович Врангель. — С. 41—42.

[77]ЦГИА, ф. 733, оп. 56, д. 273, л. 12—12об.; л. 13—14; ЦГА ВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 33—33об.

[78]ЦГА ВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 41.

[79]ЦГИА, ф. 733, оп. 56, д. 273, л. 16—16об.

[80]ЦГА ВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 151; ЦГИА, ф. 733, оп. 56, д. 273, л. 15—15об., 17.

[81]ЦГА ВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 151; ЦГИА, ф. 733, оп. 56, д. 273, л. 26—27об., 28—28об., 32об.

[82]Публикация инструкции осуществлена в издании: *Ленц Э.Х.* Избранные труды. — Л., 1950. — С. 9—15.

[83]Тексты донесений В. Прейса, Э.Х. Ленца, Э.К. Гофмана см. в кн.: Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом. — СПб., 1826. — Ч. 11. — С. 403—414.

[84]*Донесения* от ученых, бывших в путешествии на шлюпе "Предприятие", поданные 2 августа 1826 года // Зап. Гос. адмиралтейского департамента. СПб., 1826. — Ч. 11. — С. 403, 406, 410.

[85]*Нозиков Н.* Русские кругосветные мореплаватели. — М.; Л., 1941. — С. 134.

[86]*Алексеев А.И.* Федор Петрович Литке. — М., 1970. — С. 108—109; Здесь же на с. 167—173 см. полное подробное описание результатов деятельности экспедиции.

[87]СПбО АРАН, ф. 2, оп. 1—1826, д. 4, л. 4—5.

[88]Там же, ф. 733, оп. 12, д. 308, л. 1—2.

[89]Там же, ф. 2, оп. 1—1826, д. 4, л. 12; ЦГИА, ф. 733, оп. 56, д. 462, л. 28об.

[90]Текст инструкции см.: ЦГАДА, ф. 30, разр. XXX, оп. 1, д. 59, ч. II, л. 22—32; Записки Гос. адмиралтейского департамента. — СПб., 1827. — Ч. 12. — С. I—XXVI. В "Энциклопедическом словаре" Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (СПб., 1904. — С. 49) есть упоминание о Николае Прокофьевиче Щеглове (1793—1831, физик; обучался во Владимирской семинарии; с 1810 г. — в педагогичес-

ком институте, откуда вышел в 1814 г. со степенью магистра физики; в 1817 г. назначен адъюнктом при том же институте, а в 1822 г. — профессором физики в Петербургском университете и корреспондентом императорской Академии наук).

[91]ЦГИА, ф. 733, оп. 1, д. 547, л. 1—2; оп. 12, д. 485, л. 3, 6—7, 24—25; оп. 95, д. 4, л. 16; ф. 735, оп. 1, д. 531, л. 9—9об., 13об.; *Путешествие* вокруг света, совершенное по повелению государя императора Николая I на военном шлюпе "Сенявин" в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах флота капитаном Федором Литке. — СПб., 1836. — Ч. 3; *Бородин И.* Коллекторы и коллекции по флоре Сибири // Тр. Ботан. музея имп. Акад. наук. — 1908. — Вып. 4. — С. 78; *Литвинов Д.И.* Библиография флоры Сибири // Там же. — 1909. — Вып. 5. — С. 145; *Литке Ф.П.* Путешествие вокруг света на военном шлюпе "Сенявин". — М., 1948. — С. 11.

[92]*Гнучева В.Ф.* Материалы для истории экспедиции Академии наук в XVIII и XIX веках. — М.; Л., 1940. — С. 194, 196. См. также: *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР. — М., 1977. — Т. 1. — С. 248.

[93]*Степанова М.В.* И.Г. Вознесенский и этнографическое изучение северо-запада Америки // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. — 1944. — Т. 76, вып. 5. — С. 277—278; *Степанова М.В.* Из истории этнографического изучения бывших русских владений в Америке // Советская этнография. — М.; Л., 1947. — № 3. — С. 143—144.

[94]*Ляпунова Р.Г.* Экспедиция И.Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки // Сб. Музея антропологии и этнографии. — 1967. — Вып. 24. Культура и быт народов Америки. — С. 5—33.

[95]*Алексеев А.И.* Илья Гаврилович Вознесенский. — М., 1977. — С. 20—22. Об этом см. также: *Алексеев А.И.* Сыны отважные России. — Магадан, 1970. — С. 157—158.

[96]*Райхенберг М.* Александр Федорович Миддендорф. Наша страна. — Л., 1931. — № 1. — С. 32, 33.

[97]*Гнучева В.Ф.* Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков. — С. 202—203. О роли К.М. Бэра в подготовке и проведении экспедиции см.: *Райков Б.Е.* Карл Бэр: Его жизнь и труды. — М.; Л., 1961. — С. 203; *Леонов Н.И.* Александр Федорович Миддендорф. — М., 1967. — С. 34, 37, 50.

[98]В оригинале используемого источника далее: "этнографическом". У В.А. Обручева опущено.

[99]*Обручев В.А.* К 100-летию первой академической экспедиции по изучению вечной мерзлоты // Изв. ВГО. — Л., 1946. — Т. 78, вып. 5/6. — С. 469—470. Об этом см. также: *Тихомиров Г.С., Сухова Н.Г.* География // История Академии наук СССР. — М.; Л., 1964. — Т. 2. — С. 114; *Сухова Н.Г.* Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX веке. — М.; Л., 1964. — С. 36—37; *Она же.* Сибирская экспедиция Миддендорфа // Вестн. Ленинград. гос. ун-та. Сер. геолог. и географ. — Л., 1961. —

№ 6, вып. 1. — С. 145; *Есаков В.А.* География в России в XIX — начале XX века. — С. 128; *Батюшкова И.В., Иванов А.Н.* Геология // История Академии наук СССР. — М.; Л., 1964. — Т. 2. — С. 245; *Наумов С.П.* Александр Федорович Миддендорф. — С. 325; *Юргенсон П.Б.* Значение академика А.Ф. Миддендорфа в русской зоогеографии // Бюл. Моск. об-ва испытателей природы. Отд-ние биолог. — М., 1961. — Т. 16, вып. 1. — С. 138; *Он же.* Неведомыми тропами Сибири. — М., 1964. — С. 10; *Пасецкий В.М.* О чем шептались полярные маки. — М., 1965. — С. 133; *Наумов Г.В.* Русские географические исследования Сибири в XIX — начале XX в. — М., 1965. — С. 36—37; *Леонов Н.И.* Александр Федорович Миддендорф. — С. 22, 34—37, 51—52, 76; *Алексеев А.И.* Сыны отважные России. — С. 216; *Есаков В.А.* География в России в XIX — начале XX века. — М., 1978. — С. 128.

[100]*Сухова Н.Г.* Сибирская экспедиция Миддендорфа. — С. 144, 146; *Она же.* Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX веке. — С. 38—39. Об этом см. также: *Леонов Н.И.* Александр Федорович Миддендорф. — С. 65, 69.

[101]*Юргенсон П.Б.* Значение академика А.Ф. Миддендорфа в русской зоогеографии. — С. 138.

[102]*Юргенсон П.Б.* Неведомыми тропами Сибири. — С. 10.

[103]*Райков Б.Е.* Карл Бэр: Его жизнь и труды. — С. 203.

[104]*Пасеций В.М.* О чем шептались полярные маки. — С. 133.

[105]Полный текст документа см.: ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 262, л. 44—46об.

[106]ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 262, л. 1—4.

[107]Beitrage zur Kenntniss des russischen Reiches uns der angränzenden Lander Asiens. Abt. 2. — St. Petersburg, 1855. — Bd 9. — S. 417—449. Тексты "Общей инструкции" и "Инструкции для ботанических наблюдений" под названиями "Instruction générale" и "Instruction spéciale pour la Botanique" были опубликованы также в "Bulletin de la Classe Physico-mathématique de l'Académie impériale des Sciences de Saint-Petersbourg" — N 13, T. 1. — S. 177—192. (Здесь, как и в "Beiträge", тексты документов опубликованы на немецком языке).

[108]Ibid. — S. 417—419, 421.

[109]Ibid. — S. 419. И далее: "Этот пробел тем желательнее заполнить, что здесь как нигде материк простирается наиболее глубоко на Север; также именно в этой области можно найти верный масштаб для определения способности Крайнего Севера к производству органической жизни".

[110]В "Общей инструкции" есть пометка: "Будет приложена особая инструкция для этого вида наблюдений" и далее "Она не публикуется" (Beitrage zür Kenntnis... — S. 422).

[111]Ibid. — S. 419.

[112]Здесь же есть пометка: "по приложенной специальной инструкции" (Ibid. — S. 422). О задачах работы экспедиции в Якутске и его окрестностях см. выше раздел 6 статье В.А. Обручева.

[113]Ввиду того, что Академия наук нуждалась в дополнительном материале о вечномерзлых почвах, "точная и детальная инструкция" для этого вида работ не была разработана. "Вместо специальной инструкции" должна была послужить, по-видимому, "Сводка всех имеющихся сведений о вечномерзлой почве и ископаемых льдах Сибири" ("Собрание существовавших до сих пор приблизительных неопределенных наблюдений"). (Ibid... — S. 424—425).

[114]Ibid. — S. 425—427.

[115]Ibid. — S. 427, 430, 431. К.А. Мейер замечал: "Мы имеем на далеком Севере кустарникоподобную лиственницу, о которой еще не решено, есть ли это своеобразный род, или нет". (Ibid. — S. 431).

[116]Ibid. — S. 437—443.

[117]Ibid. — S. 444—446.

[118]*Ответы* Чукотской экспедиции на вопросы академика Бэра // Изв. СОРГО. — 1871. — Т. 2, № 1—2. — С. 60—68; *Майдель Г.Л.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах. — СПб., 1894. — Ч. 2. — С. 190, 517, 525.

[119]*Майдель Г.Л.* Путешествие... — Т. 1. — С. 257.

[120]СПбО АРАН, ф. 2, оп. 1, 1869, д. 9, л. 7—9.

[121]О задачах экспедиции см. также: *Семенов П.П.* История полувековой деятельности ИРГО. — СПб., 1896. — Т. 1. — С. 234; *Наумов Г.В.* Русские географические исследования Сибири в XIX — начале XX в. — С. 127, 128; *Лебедев Д.М., Есаков В.А.* Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 года. — М., 1971. — С. 451; *Алексеев А.И.* Сыны отважные России. — С. 269.

[122]*Гнучева В.Ф.* Экспедиция Академии наук XVIII—XIX вв. — М.; Л., 1940. — С. 248—250.

[123]*Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — М.; Л., 1960. — С. 10.

[124]*Тихомиров Г.С., Сухова Н.Г.* География // История Академии наук СССР. — М.; Л., 1964. — Т. 2. — С. 342.

[125]*ЦГИАЛ СССР*, ф. 733, оп. 142, д. 835, л. 38; *Шренк Л.И.* Об экспедиции, снаряженной Императорскою Академиею на Новосибирские острова и в Приянский край // Зап. Имп. Академии наук. — 1886. — Т. 52, кн. 1. — С. 74—75.

[126]*ЦГИАЛ СССР*, ф. 733, оп. 142, д. 835, л. 36; *Шренк Л.И.* Указ. соч. — С.75—76.

[127]*ЦГИАЛ СССР*, ф. 733, оп. 142, д. 835, л. 35—36; *Шренк Л.И.* Указ. соч. — С. 74—78, 81—82.

[128]Там же, л. 36об., 37; СПбО АРАН, ф. 2, оп. 1—1883, д. 7, л. 34; *Шренк Л.И.* Указ. соч. — С. 79—82; Извлечение из прото-

колов Физико-математического отделения // Зап. Акад. наук. — 1884. — Т. 49. — С. 40; о задачах экспедиции см. там же: *Бунге А.А.* Предварительный отчет об экспедиции на Новосибирские острова // Изв. ИРГО. — 1887. — Т. 23, вып. 5. — С. 574. Отчет Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1884 год. — СПб., 1886. — С. 2—6.

[129]*Гнучева В.Ф.* Указ. соч. — С. 230—251.

[130]*СПбО АРАН*, ф. 1, оп. 1а—1890, д. 137, л. 119 об.; д. 141, л. 38; Отчет о деятельности Имп. Академии наук... за 1890—1891 год. — СПб., 1891. — С. 8.

[131]*СПбО АРАН*, ф. 1, оп. 1а—1890, д. 137, л. 119 об.

[132]Там же.

[133]В "Отчете о деятельности Императорской Академии наук за 1890—1891 гг." (СПб., 1891, с. 9) необходимость экспедиции на более продолжительный срок рассматривалась и как условие приобретения доверия "туземцев, сохраняющих в тайне находки вымерших животных".

[134]*СПбО АРАН*, ф. 1, оп. 1а—1890, д. 137, л. 120—120об.; оп. 1а—1892, д. 139, л. 33 об. О задачах экспедиции см. также: *Ширина Д.А.* Летопись экспедиции... — С. 107—108; *Скалон В.И.* Введение к "Этнографическим заметкам" И.Д. Черского // Черский И.Д. Неопубликованные статьи... — С. 242.

[135]*Там же*, л. 120; Отчет о деятельности Императорской Академии наук... за 1890—1891 год. — С. 11.

[136]Отчет о деятельности Императорской Академии... 1891—1892 год. — СПб., 1892. — С. 10; Отчет о деятельности Императорской Академии... за 1893 год. — СПб., 1893. — С. 8, 9; *Толль Э.В.* Об экспедиции на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана от Святого Носа до Хатангской Губы // Зап. Имп. Акад. наук. — 1894. — Т. 75, кн. 1. — С. 42.

[137]ЦГА ЯАССР, ф. 12-и, оп. 1, т. 2, д. 9484, л. 120, 121; *Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — С. 35; *Наумов Г.В.* Русские географические исследования Сибири. — С. 135.

[138]*СПбО АРАН*, ф. 1, оп. 2—1892, д. 401, л. 1—2об., — С. 7; ЦГА Республики Саха (Якутия), ф. 12-и, оп. 1, д. 9464, л. 83; См. также: Отчет о деятельности Императорской Академии наук... за 1891—1892 год. — С. 8; *Толль Э.В.* Экспедиция Императорской Академии наук 1893 года на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана // Изв. ИРГО. — 1894. — Т. 30, вып. 8. — С. 436.

[139]*Толль Э.В.* Экспедиция Императорской Академии наук 1893 года на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана. — С. 438; *Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — С. 37.

[140]*СПбО АРАН*, ф. 1, оп. 1а—1899, д. 146, л. 171.

[141]*Там же.*

[142]*Там же,* л. 172—173об.; см. также: Отчет о деятельности Императорской Академии... за 1899 год. — СПб., 1899. — С. 68—69.

[143]*Отчет* о деятельности Императорской Академии... за 1899 год. — С. 69.

[144]*Там же*; История Академии наук СССР. — Т. 2. — С. 545, 734, 744, 757.

[145]*Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — С. 65.

[146]*Сибирская* советская энциклопедия. — Новосибирск, 1929. — Т. 1. — С. 525; История Академии наук СССР. — Т. 2. — С. 738.

[147]*Боллосович К.А.* Отчет начальнику Русской полярной экспедиции о личном составе вспомогательной санной партии и ее работах по устройству спасательных депо // Изв. Акад. наук. — СПб., 1902. — Т. 16. — С. 244; ЦГА ЯАССР, ф. 12-и, оп. 2, т. 1, д. 297, л. 37; Н.М. Орлов после инспекций метеорологических станций в Верхоянске, Устьянске, Русском устье возвратился в Якутск и проследовал на запад (ЦГА ЯАССР, ф. 25, оп. 1, д. 2457, л. 79об.).

[148]*Воллосович К.А.* Отчет... — С. 244.

[149]*Николаев В.* Политическая ссылка в изучении Якутского края. — С. 190.

[150]*Колесницкая И.М.* В.Г. Богоразд — этнограф // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и морфологии. Нов. сер. — М., 1971. — Т. 95, вып. 5. — С. 144—145, 154.

[151]*Boas F.* The Jesup North Pacific Expedition // The Amer. Museum Journ. — 1903. — N. 55, Vol. 3. — P. 74, 77.

[152]Ibid. — P. 98.

[153]*Сибирский* отдел Северо-Тихоокеанской экспедиции, снаряженной американским Музеем натуральной истории при содействии Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества // Рус. антропол. журн. — 1900. — № 2. — С. 113—114; *Buas F.* op. cit. — P. 101.

[154]*Сибирский* отдел Северо-Тихоокеанской экспедиции... — С. 114.

[155]Там же. — С. 114—115.

[156]*СПб АРАН*, ф. 2, оп. 1, 1908, д. 21, л. 1—2, 4об.

[157]Там же, л. 7, 13 ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 140, д. 187, л. 2—2об.

[158]Там же, л. 26—23 об.

[159]Омелянский В.Л. Бактериологическое исследование сангаюряхского мамонта и прилегающей почвы // Архив биол. наук. — 1910. — Т. 10, вып. 1. — С. 356—357.

[160]ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 1377, л. 146; ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 18, д. 1012, л. 4—4 об.; Отчет о деятельности Императорской Академии наук... за 1909 г. — С. 48.

[161]*ЦГАВМФ,* ф. 404, оп. 2, д. 1377, л. 53.

[162]*СПб АРАН*, ф. 1, оп. 1а, д. 158, л. 108 об.—109; ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 18, д. 1017, л. 1.

[163]*Толмачев И.П.* По Чукотскому побережью Ледовитого океана. — СПб., 1911. — С. 1—2.

[164]*НАГО,* ф. 19, оп. 1, д. 4, л. 1; д. 31, л. 47—47 об.

Глава III

ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

[1]В наиболее обобщенном виде данные источников и литературы представлены в исследованиях автора: *Ширина Д.А.* Летопись экспедиций Академии наук на северо-востоке Азии в дореволюционный период. — Но- восибирск, 1982; *Она же.* Экспедиционная деятельность Академии наук на северо-востоке Азии. 1861—1917 гг. — Новосибирск: Наука, 1993.

[2]*Скалон В.Н.* Русские землепроходцы XVII века в Сибири. — М., 1951; *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. — М.; Л., 1960. — Вып. 1: XVII в. — С. 21—23; *Токарев С.А.* История русской этнографии (Дооктябрьский период). — М., 1966. — С. 44—56.

[3]ЦГИА, ф. 733, оп. 95, д. 5, л. 18об.

[4]*Реклю Э.* Земля и люди: Всеобщая география. — СПб., 1892. — Т. 6. — С. 462.

[5]ЦГИА, ф. 733, оп. 95, д. 5, л. 18об.—19.

[6]Там же, д. 6, л. 27—27об.

[7] Там же, л. 27об.—28. Текст, содержащий вопросы Академии наук и ответы на них Ф. Шергина, см. в "Журнале Министерства народного просвещения" в разделе "Новости и смесь" (СПб., 1839. — Ч. 21, № 2. — С. 29—30).

[8]ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 262, л. 85—87.

[9]*Майдель Г.Л.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах. СПб., 1894. — Т. 1. — С. 581; *Толль Э.В.* Ископаемые ледники Новосибирских островов, их отношение к трупам мамонтов и к ледниковому периоду // Зап. ИРГО по общей географии. — 1897. — Т. 32. — С. 3.

[10]Текст письма Г.Л. Майделя от 1891 г. см.: *Толль Э.В.* Ископаемые ледники Новосибирских островов... — С. 26—38.

[11]Там же. — С. 25, 38.

[12]*Шумский П.А.* Очерк истории исследования подземных льдов. — Якутск, 1959. — С. 8.

[13]*Сарычев Г.А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. — М., 1952. — С. 88.

[14]ЦГИА, ф. 733, оп. 12, д. 525, л. 8.

[15]Там же, л. 8—8об.

[16]СПбО АРАН, разр. 1, оп. 133, д. 9 (Отрывок из путешествия г. Адамса к Ледовитому морю для отыскания мамута), с. 308.

[17]ЦГИА, ф. 733, оп. 2, д. 525, л. 8об.

[18]Из письма М.И. Адамса от 18 августа 1808 г. (ЦГИА, ф. 733, оп. 12, д. 525, л. 4). Непременный секретарь Академии наук писал о сохранности остова животного: "Остов мамонта неполный, ибо почти половина ребр сделана из дерева и разные кости поделаны из алебастра" (ЦГИА, ф. 733, оп. 12, д. 525, л. 6об.).

[19]ЦГИА, ф. 733, оп. 12, д. 525, л. 6—6об.

[20]СПбО АРАН, ф. 2, оп. 1, 1869, д. 9, л. 7.

[21]*Майдель Г.Л.* Путешествие ... — СПб., 1894. — Т. 1. — С. 136. Bericht über neuerdings im Norden Sibirien's angeblich zum Vorschein gekommene Mammuthe, nach brieflichen Mittheilungen des Hrn. Gerh v. Maydell, nebst Bemerkungen über den Modus der Erhaltung und die vermeintliche Häufigkeit ganzer Mammuthleichen. Von Dr. Leop. v. Schrenck. (Zu le 9 février 187 1.) // Bull. de l'Acad. imp. des sciences de St. — Pétersbourg. — 1871. — T. XVI, N 2 (Feuilles 5—11). — S. 149,151.

[22]*Майдель Г.Л.* Путешествие... — С. 151; СПбО АРАН, ф. 2, оп. 1—1869, д. 9, л. 7. Следует также упомянуть, что найдено свидетельство переписки Г.Л. Майделя с Ф.П. Литке и Ф.Р. Остен-Сакеном. В документах сохранилось упоминание о письме Г.Л. Майделя и Ф.П. Литке от 23 февраля 1869 г. и о депеше путешественника на имя Ф.Р. Остен-Сакена ("несколько строк из Анюйской крепосцы от 2 апреля". — ЦГАДА, ф. 30, оп. 1, д. 40, 47).

[23]*Bericht* über neuerdings... — S. 151, 152, 153.

[24]СПбО АРАН, ф. 2, оп. 1—1869, д. 9, л. 8об.

[25]ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 495, карт. 2052, л. 68. Президент Академии наук в письме генерал-губернатору от 17 февраля 1870 г. сообщал: "По распоряжению моему Комитет правления императорской Академии наук отослал в Главное казначейство ассигновку за № 69 для отправления в Якутское областное казначейство и сумм Академии тысячи пятисот руб. ..." (Там же, л. 76). Есть и свидетельство о том, что пакет за № 2195, "полученный от президента императорской Академии наук на имя начальника Чукотской экспедиции барона Майделя, заключающий в себе инструкции и сочинения... отослан к нему". (Из донесения Якутского областного управления в Совет главного управления Восточной Сибири от 21 авг. 1870 г. — ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 495, карт. 2052, л. 89.)

[26]Академик Л.И. Шренк зачитал содержание письма на заседании Физико-математического отделения 25 августа 1870 г. (см.: *Извлечения* из протоколов заседаний Академии: Физико-математическое отделение. Заседание 25 августа 1870 г. // Зап. Имп. Акад. наук. — 1871. — Т. 18. Кн. 1—2. — С. 93. В письме Г.Л. Майдель сообщал, что посылал "надежного якута" к месту первой находки. "Из этой поверки оказалось, что означенный труп... весьма неполон, т.к. якутом найдены... лишь одна нога... совершенно не имевшая на себе мясных частей и только около копыта прикрытая лоскутом кожи, да кроме того, на дне пади, вероятно скатившийся туда череп").

[27]Bericht... S. 155, 157, 158; Записки императорской Академии наук. — 1871. — Т. 18, Кн. 1—2. — С. 93; Т. 19. — С. 109—110.

[28]*Майдель Г.Л.* Путешествие... — Т. 1. — С. 583.

[29]Bericht... S. 161, 162.

[30]*Бунге А.А.* Описание путешествия к устью р. Лены 1881—1884 гг. // Тр. Рус. полярной станции в устье Лены. — СПб., 1895. — Ч. 1. — С. 44—47, 50—54; *Юргенс Н.Д.* Экспедиция к устью Лены с 1881 года по 1885 год. — СПб., 1885. — С. 23, 27, 28.

[31]*Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — М.; Л., 1960. — С. 10, 13, 15—17, 19—21.

[32]*Отчет* о деятельности императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям в первое полугодие 1890 года. — СПб., 1891. — С. 23.

[33]СПбО АРАН, ф. 1, оп. 1а—1890, д. 137, л. 42—42об.

[34]*Отчет* о деятельности императорской Академии наук... в первое полугодие 1890 года. — С. 23; *Обручев В.А.* История геологического исследования Сибири: Период четвертый (1889—1917). — М.; Л., 1937. — С. 484—486.

[35]*Извлечение* из протоколов заседаний Академии // Зап. Имп. Акад. наук. — 1893. — Т. 71. — С. 212, 213.

[36]СПбО АРАН, ф. 1, оп. 1а, д. 139, л. 33об.

[37]*Черский И.Д.* Письмо Ф.Д. Плеске (6 февр. 1892 г., Верхне-Колымск) // Черский И.Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском. — Иркутск, 1956. — С. 233.

[38]*Черский И.Д.* Письмо М.М. Санникову (январь 1892 г., Верхне-Колымск) // Черский И.Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники. — С. 225, 226, 227.

[39]СПбО АРАН, ф. 1, оп. 1а, д. 139, л. 49об.; Записки императорской Академии наук. — 1892. — Т. 69, кн. 1. — С. 54.

[40]СПбО АРАН, ф. 1, оп. 1а, д. 139, л. 49об.; НАРС (Якутия), ф. 12-и, оп. 1, Т. 2, д. 9464, л. 57.

[41]*Отчет* о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1893 год. — СПб., 1893. — С. 8.

[42]*Черский И.Д.* Дневник 1892 г. (Плавание по Колыме) // Черский И.Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники. — С. 275; *Он же.* Предварительный отчет об исследованиях в области рек Колымы, Индигирки и Яны // Зап. Имп. Акад. наук. — 1893. — Т. 23. — С. 28.

[43]*Толль Э.В.* Экспедиция императорской Академии наук 1893 года на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана // Изв. ИРГО. — 1894. — Т. 30, вып. 4. — С. 437.

[44]СПбО АРАН, ф. 2, оп. 1—1893, д. 13, л. 10; д. 140, л. 114; НАРС (Якутия), ф. 12-и, оп. 1, т. 2, д. 9464, л. 121, 132, 173; *Толль Э.В.* Экспедиция Императорской Академии наук 1893 года... — С. 46, 49; *Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — С. 37, 43.

[45]*Толль Э.В.* Ископаемые ледники Новосибирских островов, их отношение к трупам мамонтов и к ледниковому периоду // Зап. ИРГО по общей географии. — 1897. — Т. 32. — С. 125; *Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — С. 200, 212, 213.

[46]*Толль Э.В.* Об экспедиции на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана от Святого Носа до Хатангской губы: Донесение, читанное в заседании Физико-математического отделения Академии наук 12 января 1894 г. // Зап. Имп. Акад. наук. — 1894. — Кн. 1. — С. 48.

[47]*Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — С. 211.

[48]*Отчет* о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1905 год. — СПб., 1905. — С. 50; *Отчет* о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1906 г. — СПб., 1906. — С. 358—359.

[49]*Протоколы* заседаний Физико-математического отделения Императорской Академии наук. — СПб., 1906. — № 176.

[50]Там же.

[51]*Омелянский В.Л.* Бактериологическое исследование Санга-Юряхского мамонта и прилегающей почвы // Архив биол. наук. — 1910. — Т. 16, вып. 1. — С. 358—359; *Etude* bactériologique du mammouth de Sanga Jourach et du sol adjacent. Par V.L. Omélian-sky // Там же. — 1911. — Т. XVI, вып. 4.

[52]СПбО АРАН, ф. 1, оп. 1а, д. 156, л. 117, 124об. Публикация осуществлена в "Известиях императорской Академии наук". — СПб., 1909. — Сер. 6, № 6, 7.

[53]*Отчет* о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1908 год. — СПб., 1908. — С. 70.

[54]СПбО АРАН, ф. 2, оп. 1—1908, д. 21, л. 57, 59, 61.

[55]*Известия* Императорской Академии наук. — Сер. 6, № 6. — С. 457—458.

[56]*Омелянский В.Л.* Бактериологическое исследование... — С. 359.

[57]*Гельвальд Фр.* В области вечного льда: История путешествий к Северному полюсу с древнейших времен до настоящего. — Изд. 2-е. — СПб., 1884. — С. 865—869. О выступлениях К. Вайпрехта в 1875 г. см. также "Записку В. Виттенбурга об исследованиях во время Международного полярного года 1882—1883 гг." (СПбО АРАН, ф. 47, оп. 2, д. 45, л. 2).

[58]*Извлечение* из протоколов заседаний Академии // Записки Императорской Академии наук. — 1878. — Т. 31, кн. 1. — С. 373.

[59]*Отчет* Императорского Русского географического общества за 1881 год. — СПб., 1882. — С. 12; *Кремер Б.А.* Первые полярные станции // Природа. — 1974. — № 6. — С. 66.

[60]Отчет Императорского Русского географического общества за 1881 год. — С. 12.

[61]*Корявов П.Н.* Список действительных членов Академии наук с 1803 по 1917 г. // История Академии наук СССР. — Л., 1964. — Т. 2. — С. 720; *Лежнева Б.А.* Физика // История Академии наук СССР. — Л., 1964. — Т. 2. — С. 320.

[62]*Отчет* Императорского Русского географического общества за 1881 год. — С. 13.

[63]*Извлечение* из протоколов заседаний Академии // Зап. Имп. Акад. наук. — 1881. — Т. 39, кн. 1. — С. 19.

[64]Там же. — С. 17.

[65]Там же. — С. 19.

[66]*Отчет* Императорского Русского географического общества за 1880 год. — СПб., 1880. — С. 35; *Отчет* императорского Русского географического общества за 1881 год. — С. 15; *Юргенс Н.Д.* Экспедиция к устью реки Лены с 1881 года по 1885 год. — СПб., 1885. — С. 2.

[67]*Сведения* о полярной метеорологической станции на устье р. Лены // Изв. ВСОИРГО. — 1884. — Т. 14, № 4—5. — С. 33, 34.

[68]*Отчет* Императорского Русского географического общества за 1880 год. — С. 35; *Отчет* императорского Русского географического общества за 1881 год. — С. 14, 15; *Отчет* Императорского Русского географического общества за 1883 год. — СПб., 1884. — С. 52; *Юргенс Н.Д.* Экспедиция... — С. 23.

[69]*Отчет* Императорского Русского географического общества за 1881 год. — С. 58; *Кремер Б.А.* Первые полярные станции. — С. 67.

[70]*Отчет* Императорского Русского географического общества за 1881 год. — С. 58—59.

[71]*Отчет* Императорского Русского географического общества за 1882 год. — СПб., 1883. — С. 19; *Рыкачев М.А.* Первая междуна-

родная полярная экспедиция 1882—1883 гг. и добытые ею результаты // Морской сборник. — 1889. — Т. 133, № 9. — С. 71.

[72]На заседании Физико-математического отделения Академии от 26 окт. 1882 г. академик Г.И. Вильд представил карту, изготовленную по предложению Международной полярной комиссии географическим заведением Юстуса Пертеса в Готе, на которой были обозначены 12 международных полярных станций в арктической области (Зап. Имп. Академии наук. — 1882. — Т. 43. — С. 11).

[73]*Пасецкий В.М.* Метеорологический центр России. — Л., 1978. — С. 201.

[74]*Отчет* Императорского Русского географического общества за 1882 год. — С. 25, 26.

[75]Там же. — С. 23—25; *Бунге А.А.* Описание путешествия к устью р. Лены. 1881—1884 гг. // Тр. Рус. полярной станции на устье Лены. — СПб., 1895. — Ч. 1. — С. 6.

[76]*Юргенс Н.Д.* Экспедиция... — С. 35, 38—54.

[77]НАГО, ф. 69, оп. 1, д. 1, 2, 5.

[78]ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 443.

[79]*Юргенс Н.Д.* Экспедиция... — С. 13, 35—36. См. также приложение к названной работе. — "Журнал северных сияний" // Тр. рус. полярной станции на устье Лены. — СПб., 1895. — Ч. 1. — С. 144—166.

[80]СПбО АРАН, ф. 47, оп. 2, д. 30, 224.

[81]*Извлечение* из протоколов Физико-математического отделения // Зап. Имп. Акад. наук. — 1883. — Т. 47, кн. 1. — С. 47.

[82]*Отчет* Императорского Русского географического общества за 1880 год. — С. 35.

[83]*Отчет* Императорского Русского географического общества за 1882 год. — С. 25. О работе И.Д. Черского в Преображенском во время 1-го Международного полярного года см.: *Ильин П.И.* Работа И.Д. Черского в области метеорологии // Черский И.Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники. — С. 62—64.

[84]*Ильин П.И.* Работа И.Д. Черского... — С. 63.

[85]*Виттенбург П.В.* Записка об исследованиях во время Международного полярного года 1882—1883 гг. — СПбО АРАН, ф. 47, оп. 2, д. 45, л. 6.

[86]*Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века // История открытия и освоения Северного морского пути. — М., 1956. — Т. 1. — С. 429—433, 439, 549.

[87]*Гнучева В.Ф.* Академические экспедиции XVIII—XIX веков. — М.; Л., 1940. — С. 148—153; *Зубов Н.Н.* Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. — М., 1954. — С. 154—155.

[88]*Пасецкий В.М.* Метеорологический центр России: История основания и становления. — Л., 1978. — С. 76.

[89]*Пасецкий В.М.* Арктические путешествия россиян. — М., 1974. — С. 117, 118.

[90]О наблюдениях Э.Х. Ленца в области океанографии см.: *Берг Л.С.* Заслуги Э.Х. Ленца в области физической географии // Ленц Э.Х. Избранные труды. — С. 458—462.

[91]*Баумгарт К.К.* Эмилий Христианович Ленц: Краткий биографический очерк // Ленц Э.Х. Избранные труды. — С. 450; Подробно о деятельности Э.Х. Ленца в экспедиции см.: *Лукина Т.А.* Иоганн Фридрих Эшшольц. — Л., 1975.

[92]ЦГИА, ф. 733, оп. 56, д. 401, л. 1; д. 491, л. 3.

[93]Там же, оп. 1, д. 547, л. 1—2; оп. 12, д. 485; л. 3, 6—7, 24—25; оп. 95, д. 4, л. 16; ф. 735, оп. 1, д. 531; л. 9—9об., 13об.

[94]*Литке Ф.П.* Путешествие вокруг света на военном шлюпе "Сенявин". — М., 1948. — С. 11.

[95]*Там же*; см. также: *Литвинов Д.И.* Библиография флоры Сибири. Музея Имп. Академии наук. — СПб., 1909. — Вып. 5. — С. 145. О передаче естественно-исторических коллекций экспедиции в Академию наук см.: СПбО АРАН, ф. 5, оп. 1, д. 322.

[96]*Литвинов Д.И.* Библиография флоры Сибири. — С. 145.

[97]*Бородин И.* Коллекторы и коллекции по флоре Сибири // Тр. Ботан. музея императорской Академии наук. — 1908. — Вып. 4. — С. 78.

[98]ЦГИА, ф. 733, оп. 142, д. 547, л. 1—1об.

[99]Там же, оп. 12, д. 485, л. 3, 4об., 6об.

[100]Там же, д. 485, л. 6об.

[101]Там же, л. 6об.—7.

[102]Там же, л. 24—25.

[103]*Протоколы* заседаний Общего собрания Императорской Академии наук. — 1866. — № 1. Заседание 14.1. 1866 г., § 17.

[104]ЦГИА, ф. 735, оп. 1, д. 531, л. 6.

[105]Там же, л. 9—10.

[106]Там же, л. 13об.

[107]Там же, ф. 733, оп. 142, д. 547, л. 1—2.

[108]Там же, оп. 12, д. 308, л. 35.

[109]Там же, л. 37.

[110]*Нозиков Н.* Русские кругосветные мореплаватели. — М.; Л., 1941. — С. 203.

[111]Об этом см. также: *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР. — М., 1977. — Т. 1. — С. 248.

[112]*Ляпунова Р.Г.* Экспедиция И.Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки. — Л., 1967. — С. 5—33.

[113]*Алексеев А.И.* Илья Гаврилович Вознесенский (1816—1871). — М., 1917. — С. 14—17.

[114]Там же. — С. 138, 139—141.

[115] *Гнучева В.Ф.* Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков. — С. 248.

[116] *Рыкачев М.А.* Первая международная полярная экспедиция 1882—1883 гг. // Морской сб. — 1883. — № 1; *Визе В.Ю.* Международный полярный год. — Л., 1932; *Кремер Б.А.* Первые полярные станции. — С. 65—72.

[117] *Извлечение* из протоколов заседаний Академии // Зап. имп. Академии наук. — 1881. — Т. 39, кн. 1. — С. 19.

[118] *Бунге А.А.* Предварительный отчет об экспедиции на Новосибирские острова // Изв. ИРГО. — 1887. — Т. 23, вып. 5. — С. 574.

[119] *Отчет* Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1886 г. — СПб., 1887. — С. 7.

[120] *Отчет* Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1889 г. — СПб., 1890. — С. 22—23; *Обручев В.А.* История геологического исследования Сибири... — С. 34, 348—349.

[121] *Отчет* Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1889 г. — С. 23; *Обручев В.А.* История геологического исследования Сибири. — С. 349.

[122] *Бялыницкий-Бируля А.А.* Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири // Зап. имп. Акад. наук. — СПб., 1907. — Т. 18, № 2. — С. I, III, IV.

[123] Там же // Там же. — С. IV, XXII, XXIII, 105—107.

[124] *Отчет* о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1909 г. — СПб., 1909. — С. 82.

[125] *Линко А.К.* Зоопланктон Сибирского Ледовитого океана по сборам Русской полярной экспедиции 1900—1903 гг. // Зап. Имп. Акад. наук. VIII сер. — 1913. — Т. 39, № 4.

[126] *Колчак А.В.* Лед Карского и Сибирского морей // Там же. — 1909. — Т. 36, № 1.

[127] *Бухтеев А.М.* Основные астрономические пункты Русской полярной экспедиции 1900—1903 г., определенные астрономом экспедиции Ф.Г. Зебергом в 1900, 1901 и 1902 гг. // Там же. — 1911. — Т. 26, № 2.

[128] *Бухтеев А.М.* Основные астрономические пункты Русской полярной экспедиции 1900—1903 гг. // Там же. — С. 19—20.

[129] *Бялыницкий-Бируля А.А.* Журнал наблюдений над полярными сияниями во время первой зимовки Русской полярной экспедиции в 1900—1901 г. на рейде "Заря" у северного берега Западного Таймыра. // Там же. — 1912. — Т. 26, № 3.

[130] *Бухтеев А.М.* Приливы у сибирского побережья Северного Ледовитого океана по наблюдениям Русской полярной экспедиции в 1900—1903 гг. // Там же. — 1912. — Т. 26, № 4.

[131]*Отчет* о деятельности императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1904 год. — СПб., 1904. — С. 63.

[132]*Обручев В.А.* История геологического исследования Сибири... — С. 355, 357, 360—361; *Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — С. 230.

[133]*Обручев В.А.* История геологического исследования Сибири. С. 356. Об этом см. также: *Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — С. 197.

[134]*Обручев В.А.* История геологического исследования Сибири... — С. 356.

[135]*Там же.*

[136]*Там же.* — С. 356—357. О работах М.И. Бруснева см. также: *Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — С. 209, 210, 215, 221.

[137]*Отчет* о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1905 год. — СПб., 1905. — С. 50; *Отчет* о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1906 г. — СПб., 1906. — С. 69, 72.

[138]*Известия* императорской Академии наук. VI серия. — СПб., 1908. — Сер. 6, Т. 2. — С. 481.

[139]*Протоколы* заседания Физико-математического отделения Академии наук. — СПб., 1914. § 388. О геологических исследованиях экспедиции см.: *Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — С. 192—230.

[140]ЦГА ВМФ, ф. 404, оп. 1, д. 492, л. 2, 4, 7, 9; оп. 2, д. 1227, л. 21.

[141]НАГО, ф. 19, оп. 1, д. 31, л. 49.

[142]*Толмачев И.П.* По чукотскому побережью Ледовитого океана. — СПб., 1911. — С. 84.

[143]Там же. — С. 85.

[144]НАГО, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 1.

[145]Там же, оп. 3, д. 20, л. 2.

[146]ЦГА ВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 1663, л. 27; д. 1789, л. 307.

[147]Там же, д. 1663, л. 74.

[148]*Насонов Н.В.* Зоологические коллекции, собранные Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана на "Таймыре" и "Вайгаче" в 1910—15 годах и представленные Зоологическому музею императорской Академии наук // Изв. Имп. Акад. наук. VI сер. — 1916, № 16. — С. 1493—1504. См. также: *Медер Г.Р.* Отчет о собирании естественно-исторических коллекций во время плавания Гидрографической экспедиции в Восточный океан в 1914 г. // Ежегод. Зоол. музея Имп. Акад. наук. — 1915. — Т. 20, № 3. — С. XXII—XCI; *Старокадомский Л.М.* Зоологические станции транспорта "Таймыр" в 1913 г. // Там же. — С. XXII—

XXV; Землеведение. — М., 1913. — Т. 20, кн. 3. — С. 153; ЦГА ВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 1663, л. 225.

[149]Заседание Физико-математического отделения Академии, состоявшееся 28 сентября 1916 г., было посвящено специально вопросу о научных результатах экспедиции в связи с поступившими сборами в Зоологический музей (*Насонов Н.В.* Зоологические коллекции...); См. также: *Насонов Н.В.* О коллекциях, поступивших от морских врачей Л.М. Старокадомского и Э.Е. Арнгольда в Зоологический музей императорской Академии наук в 1910 г. // Изв. Акад. наук. — 1911. — Т. 5, № 10. — С. 751—752; *Насонов Н.В.* Сборы зоологических коллекций Гидрографической экспедиции Восточного океана в 1913—1914 гг. в Охотском море, поступившие в Зоологический музей императорской Академии наук // Там же. — 1915. — Т. IX, № 16. — С. 1727—1730.

[150]*Токарев С.А.* История русской этнографии (Дооктябрьский период). — С. 376.

[151]*Колесницкая И.М.* В.Г Богораз-Тан — фольклорист // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. — М., 1971. Нов. сер. — Т. 95, вып. 5. — С. 144, 145, 154.

[152]СПбО АРАН, ф. 75, оп. 1, д. 13, л. 2, 7, 12—12об.; ф. 75, оп. 1, д. 24, л. 3.

[153]ЦГА ВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 1663, л. 27, 41, 77; д. 1789, л. 307.

[154]СПбО АРАН, ф. 2, оп. 1—1914, д. 42, л. 3—5об., 10—11, 13, 38об.—42. Об отношениях с Международной Полярной Комиссией, ее составе см.: там же, оп. 1—1907, д. 26, л. 3, 5, 18—19об., 24, 26.

Глава IV

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

[1]*Иванов В.Н.* Историческая мысль России XVIII — середины XIX в. о народах северо-востока Азии. — М., 1989. — С. 216, 217.

[2]*Андреев А.И.* Изучение Якутии в XVIII веке // Учен. зап. ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. — 1956. — Вып. 4; *Он же.* Очерки по источниковедению Сибири. XVIII век (первая половина). — М.; Л., 1965; *Токарев С.А.* История русской этнографии (Дооктябрьский период). — М., 1966; *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (Домарксистский период). — М., 1970; *Иванов В.Ф.* Историко-этнографическое изучение Якутии XVII—XVIII вв. — М., 1974; *Иванов В.Н.* Русские ученые о народах северо-востока Азии. — Якутск, 1978; *Он же.* Историческая мысль в России XVIII — середины XIX в. о народах северо-востока Азии.

[3]СПбО АРАН, ф. 37, оп. 1, д. 10, л. 76об.

[4]Там же, д. 10, л. 79 и 79об.

[5]Там же, л. 62об.

[6]О причинах, ходе переселения, условиях жизни переселенцев см.: *Сафронов Ф.Г.* Охотско-Камчатский край. — Якутск, 1958. — С. 16—17.

[7]СПбО АРАН, ф. 37, оп. 1, д. 10, л. 6, 8, 10об.

[8]ЦГА ВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 781, л. 153; ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 451, 456, 502; *Записки* Государственного адмиралтейского департамента. — 1827. — Ч. 13. — С. 179.

[9]*Записки* Государственного Адмиралтейского департамента. — Ч. 13. — С. 215.

[10]*Алексеев А.И.* Федор Петрович Литке. — М., 1970. — С. 108—109, 167—173; *Ширина Д.А.* Академия наук и экспедиция М.Н. Станюковича—Ф.П. Литке // Изв. СО РАН. — 1991. — Вып. 2. — С. 22—28.

[11]*Литке Ф.П.* Путешествие вокруг света на военном шлюпе "Сенявин". — М., 1948. — С. 11.

[12]*Майдель Г.Л.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. — СПб., 1894. — Т. 1. — С. 61.

[13]*Там же.* — С. 61, 64, 66, 69, 71, 76.

[14]*Туголуков В.А.* в связи с этим пишет: «"Эвены (ламуты) представляют собой северо-восточную ветвь тунгусов и до начала 1930-х годов обычно не выделялись как самостоятельная этническая группа". И далее: "Ламутами в XIX — начале XX в. называли преимущественно камчатских, анадырских и колымских эвенов. Общим же для всех эвенов, как и для эвенков, было название "тунгусы"» (*Туголуков В.А.* Эвены. // Этническая история народов Севера. — М., 1982. — С. 155).

[15]*Майдель Г.Л.* Путешествие... — С. 61—64, 226, 450.

[16]*Там же.* — С. 451, 452.

[17]*Там же.* — С. 62, 64—66, 68, 69, 72—74, 77, 86, 87, 201—204, 220, 451.

[18]*Там же.* — С. 92, 441.

[19]*Там же.* — С. 78—80, 97.

[20]*Там же.* — С. 154.

[21]*Там же.* — С. 62, 68—70.

[22]*Там же.* — С. 76, 238—239.

[23]*Там же.* — С. 66.

[24]*Там же.* — С. 430—432.

[25]*Там же.* — С. 152—153.

[26]*Там же.* — С. 145—146.

[27]*Там же.* — С. 162, 180, 434.

[28]*Там же.* — С. 402.

[29]СПбО АРАН, ф. 1, оп. 1а, д. 141, л. 80об.

[30]*Записки* Императорской Академии наук. — 1874. — Т. 24, № 1—4. — С. 217.

[31]*Горцевская В.А.* Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. — Л., 1959. — С. 17.

[32]*Юргенс Н.Д.* Экспедиция к устью реки Лены с 1881 года по 1885 год. — СПб., 1885. — С. 6; *Бунге А.А.* Описание путешествия к устью реки Лены 1881—1884 г. // Тр. Рус. полярной станции на устье Лены. — СПб., 1895. — Ч. 1. — С. 10—11.

[33]*Юргенс Н.Д.* Экспедиция к устью реки Лены... — С. 15, 16, 29; *Бунге А.А.* Описание путешествия к устью реки Лены... — С. 15, 21.

[34]*Юргенс Н.Д.* Экспедиция к устью реки Лены... — С. 29.

[35]*Бунге А.А.* Описание путешествия к устью реки Лены... — С. 21.

[36]*Юргенс Н.Д.* Экспедиция к устью реки Лены... — С. 21.

[37]*Юргенс Н.Д.* Экспедиция к устью реки Лены... — С. 17.

[38]*Там же.* — С. 17.

[39]*Там же.* — С. 19, 30.

[40]*Бунге А.А.* Описание путешествия к устью реки Лены... — С. 22.

[41]*Там же.* — С. 77.

[42]СПбО АРАН, ф. 47, оп. 2, д. 30, 224.

[43]*Извлечение* из протоколов физико-математического отделения // Зап. имп. Акад. наук. — 1884. — Т. 49. — С. 37—38.

[44]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции императорской Академии наук для исследования рр. Колымы, Индигирки и Яны. I. Сведения об экспедиции императорской Академии наук для исследования рр. Колымы, Индигирки и Яны. II // Там же. — 1893. — Т. 21, Прил. № 8. — С. 2, 11, 12, 14, 27; *Он же.* Предварительный отчет об исследованиях в области рек Колымы, Индигирки и Яны // Там же. — 1893. — Т. 33. Прил. № 5. — С. 16.

[45]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции... II. — С. 12.

[46]*Черский И.Д.* Предварительный отчет об исследованиях в области рек Колымы, Индигирки и Яны. — С. 16; *Он же.* Сведения об экспедиции императорской Академии наук для исследования рр. Колымы, Индигирки и Яны. — II. — С. 11, 16—17.

[47]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции императорской Академии наук для исследования рр. Колымы, Индигирки и Яны. II. — С. 13, 14.

[48]*Там же.*

[49]*Там же.*

[50]*Черский И.Д.* Предварительный отчет об исследованиях в области рек Колымы, Индигирки и Яны. — С. 7.

[51]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции... II. — С. 19; *Он же.* Предварительный отчет... — С. 18.

[52]*Черский И.Д.* Предварительный отчет... — С. 18; *Он же.* Сведения об экспедиции... II. — С. 19.

[53]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции... I. — С. 15; *Он же*. Сведения об экспедиции... II. — С. 19; *Он же*. Предварительный отчет... — С. 19.

[54]*Черский И.Д.* Предварительный отчет... — С. 16.

[55]*Черский И.Д.* (Письмо) Ф.Д. Плеске (11 июня 1891 г., Якутск) // Черский И.Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском. — Иркутск, 1956. — С. 205—206, 209. По переписи 1901 в Якутске было 7097 жителей, 9 каменных и 922 деревянных дома (*Обручев С.В.* Комментарии // Черский И.Д. Неопубликованные статьи... — С. 237).

[56]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции... I. — С. 1; *Он же*. Сведения об экспедиции... II. — С. 27, 28; *Он же*. Этнографические заметки // Черский И.Д. Неопубликованные статьи... — С. 244—245.

[57]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции... I. — С. 2, 23, 25.

[58]*Там же*. — С. 3.

[59]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции... II. — С. 12—13.

[60]*Черский И.Д.* Дневник 1892 г. Плавание по Колыме // Черский И.Д. Неопубликованные статьи... — С. 290.

[61]*Там же*. — С. 291.

[62]*Там же*. — С. 293.

[63]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции... II. — С. 5—7.

[64]*Там же*. — С. 7. В дневниковой записи от 24 июня 1891 г. И.Д. Черский отметил: "Невзирая на обилие грибов, якуты их не едят по неизвестной мне причине". (СПбО АРАН, ф. 47, оп. 2, д. 182, л. 107).

[65]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции Императорской Академии наук... II. — С. 8—9.

[66]*Там же*. — С. 9—10.

[67]*Там же*. — С. 11, 13; *Черский И.Д.* Дневник 1892 г. — С. 290.

[68]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции... II. — С. 15—16; *Он же*. Этнографические заметки // Черский И.Д. Неопубликованные статьи. — С. 247, 248.

[69]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции... II. — С. 16; *Он же*. Дневник 1892 г. — С. 291; *Он же*. Этнографические заметки. — С. 246—247, 249.

[70]СПбО АРАН, ф. 47, оп. 2, д. 182, л. 64. Д. Арылахов пишет: "Якутские народные лекари — отосуты с помощью тена (кусочек трута из полыни обыкновенной) лечили многие заболевания прижиганием, — таким образом, оказывалось воздействие на определенные нервные центры, боль подавлялась и стимулировалась активность организма". (*Арылахов Д.* Слово о полыни // Якутская неделя, 1988. — № 9. — 25 февр. 1988 г.).

[71]*Толль Э.В.* Плавание на яхте "Заря". — М., 1959. — С. 283, 285, 292, 301.

[72]*Там же.* — С. 294.

[73]*Там же.* — С. 276, 277, 293.

[74]*Там же.* — С. 295.

[75]*Там же.* — С. 287, 288.

[76]*Там же.* — С. 280.

[77]*Там же.* — С. 290.

[78]*Там же.* — С. 282.

[79]*Отчет* о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1907 год. — СПб., 1907. — С. 164—165.

[80]*Бруснев М.И.* Отчет начальника экспедиции на Новосибирские острова для оказания помощи барону Толлю // Изв. Имп. Акад. наук. — 1904. — Т. 20, № 5. — С. 165—166.

[81]*Там же.* — С. 184. Впрочем, М.И. Бруснев замечал: "По голой земле даже слабо нагруженную нарту собаки не могут тащить без помощи людей" (*Там же.* — С. 185).

[82]*Там же.* — С. 171—172.

[83]*Там же.* — С. 190.

[84]*Там же.* — С. 177, 192.

[85]*Бялыницкий-Бируля А.А.* Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири // Зап. Имп. Акад. наук. VIII сер. — 1907. — Т. 18, № 2. — С. XXXV—XXXVI.

[86]*Иохельсон В.И.* Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана // Изв. ИРГО. — 1908. — Т. 43. — С. 64.

[87]*Boas F.* The Jesup North pacific: Expedition // The Amer. Museum Journ. — 1903. — Vol. 3, № 5. — P. 74.

[88]*Ibid.*

[89]*Ibid.* — P. 81, 85, 86, 89, 90, 93, 94, 97.

[90]*Ibid.* — P. 102—109; *Иохельсон В.И.* Кумысный праздник у якутов и орнаментация кумысных сосудов. (Пер. с англ. Н. Мальцевой) // Архив ЯФ СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 132, л. 1.

[91]*Boas F.* The Jesup North pacific Expedition. — P. 109—115.

[92]*Результаты* Джезуповской экспедиции на северо-восток Сибири // Рус. антропол. журн. — 1901. — № 3, 4, кн. 12—13. — С. 234.

[93]*Ibid.* — P. 115.

[94]*Протоколы* заседаний Общего собрания Императорской Академии наук. — СПб., 1904, § 217; 1905, § 172; *Отчет* о деятельности императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1905 год. — СПб., 1905. — С. 70, 74.

[95]*Иохельсон В.И.* Об азиатских и американских элементах в мифах коряков // Землеведение. — М., 1904. — Кн. 3. — С. 33—41.

[96] *Иохельсон В.И.* Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана // Изв. ИРГО. — 1908. — Т. 43. — С. 88—90.

[97] *Иохельсон-Бродская Д.Л.* К антропологии женщин племен крайнего северо-востока Сибири // Рус. антропол. журн. — 1907. — № 1—2. — С. 4.

[98] *Там же.* — С. 5, 15.

[99] *Иохельсон В.И.* Международные конгрессы американистов. Древние и современные подземные жилища племен Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. — СПб., 1908. — С. 20—48.

[100] *Францев Ю.П.* Предисловие редактора // Богораз В.Г. Чукчи. — Л., 1939. — Т. 2: Религия. — С. VII.

[101] *Богораз В.Г.* Чукчи. — Т. 2. — С. 11, 61, 69, 92, 95, 97, 101, 106, 107, 108, 134, 135, 137, 160—164, 180.

[102] *Богораз В.Г.* Древние переселения народов в Северной Евразии и в Америке. — Л., 1927. — С. 38, 39.

[103] *Толмачев И.П.* По Чукотскому побережью Ледовитого океана. — СПб., 1911. — С. 86—88.

[104] *Скворцов Е.Ф.* В прибрежных тундрах Якутии: Дневник астронома Ленско-Колымской экспедиции 1909 г. // Тр. Комис. по изуч. Авт. Сов. Соц. республики. — Л., 1930. — Т. 15. Ленско-Колымская экспедиция 1909 г. — С. 41.

[105] ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 522, л. 6об. С. 71, 72, 19.

[106] *Скворцов Е.Ф.* В прибрежных тундрах...

[107] Об изолированности Колымско-Индигирского края, последствиях подробно см.: *Каменецкая Р.В.* Русские старожилы в низовьях р. Индигирки // Фольклор Русского Устья. — Л., 1986. — С. 338—339.

[108] А.Г. Чикачев считает, что заселение Индигирки шло преимущественно с юга на север, началось в середине XVII в., было связано с освоением территорий, богатых песцом, хотя не отрицает, что часть населения проникла в бассейн морским путем (*Чикачев А.Г.* К истории русского населения по р. Индигирке // Фольклор Русского Устья. — Л., 1986. — С. 366). С.Н. Азбелев, учитывая различные версии преданий, пишет, что «предки "коренных фамилий" Русского Устья прибыли в эти места морским путем в XVII или даже в XVI столетии из Европейской России, откуда они, по словам самих старожилов, отправились еще при Иване Грозном, спасаясь от "одушья"» (*Азбелев С.Н.* Послесловие к статье Чикачева А.Г. "К истории русского населения по р. Индигирке" // Фольклор Русского Устья. — С. 369).

[109] *Скворцов Е.Ф.* В прибрежных тундрах... — С. 73.

[110] *Там же.* — С. 74, 75.

[111] *Там же.* — С. 75.

[112] *Там же.* — С. 75—76, 77; ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 522, л. 8, 8об.

[113]*Отчет* о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1910 год. — СПб., 1910. — С. 102.

[114]ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 495, карт. 2052, л. 132, 132об.

[115]*Нейман К.К.* Исторический обзор действий Чукотской экспедиции // Изв. СОРГО. — Иркутск, 1871. — Т. 1, № 4, 5.

[116]СПбО АРАН, ф. 1053, оп. 2, д. 28, л. 1об. Далее в деле см. листы "к маршруту Чукотской экспедиции".

[117]*Майдель Г.А.* Путешествие... — Т. 2. — С. 59—60.

[118]*Там же.* — С. 62, 63.

[119]Записки Императорской Академии наук. — СПб., 1871. — Т. 20, кн. 1—2. — С. 132.

[120]*Иохельсон В.И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. — СПб., 1900. — Ч. 1. — С. 231.

[121]*Юргенс Н.Д.* Экспедиция к устью Лены. — СПб., 1885. — С. 15, 26. Об этом см.: *Мостахов С.Е.* Русские путешественники-исследователи Якутии. — Якутск, 1982. — С. 147. См. также: *Он же.* Сподвижники путешественников и исследователей. — Якутск, 1966. — С. 102.

[122]*Бунге А.А.* Описание путешествия к устью р. Лены... — С. 37, 64—65, 74, 82, 87.

[123]*Там же.* — С. 28. Об этом см.: *Мостахов С.Е.* Русские путешественники... — С. 147—148.

[124]*Бунге А.А.* Описание путешествия к устью р. Лены... — С. 46.

[125]О помощи населения при заготовке рыбы для экспедиции см. также: *Мостахов С.Е.* Сподвижники путешественников... — С. 110.

[126]СПбО АРАН, ф. 2, оп. 1—1883, д. 7, л. 90, 95; ЦГИА, ф. 733, оп. 142, лл. 72об., 73об., 74.

[127]СПбО АРАН, ф. 2, оп. 1—1883, д. 7, л. 90; ЦГА ЯАССР, ф. 12-и, оп. 1, д. 3298, л. 60об., 172 об.

[128]СПбО АРАН, ф. 1а—1890, л. 137, л. 46. См. также: *Мостахов С.Е.* Сподвижники путешественников... Указ. соч. — С. 110—111; *Он же.* Русские путешественники-исследователи Якутии. — Якутск, 1982. — С. 152. В одном из рапортов губернатору Якутской области А.А. Бунге сообщал, что собирается совершить путешествие на Котельный "вместе с одним из купцов, торгующих на севере Якутии", что "вступил в сношения с г. Степаном Николаевичем Харитоновым насчет общего путешествия" (НАРС (Якутия), ф. 12-и, оп. 1, д. 3298, л. 57). В материалах СПбО АРАН сохранился текст контракта от 1885 г. между А.А. Бунге и якутским мещанином Степаном Николаевым Харитоновым. Согласно документу, С.Н. Харитонов с группой рабочих должен был отправиться с экспедицией на о. Котельный весной 1886 г. и провести там лето. В его обязанности входило: обеспечение путешественников нартами

с собаками, кормление собак, наблюдение (поочередно с членами экспедиции) за оленями; участие во всех работах по укладке и разгрузке нарт, в устройстве первоначальных помещений для людей и багажа, в постройках жилищ на осеннее и зимнее время. Со своей стороны начальник экспедиции должен был предоставить возможность С.Н. Харитонову и его группе заниматься в свободное время поисками мамонтовой кости ("для этого промысла Бунге должен уступить 1/2 рабочих"). Вся найденная на острове мамонтовая кость должна была поступить в собственность Харитонова С.Н. (СПбО АРАН, оп. 1—1883, д. 7, л. 65—70). О составе экспедиции на Новосибирские о-ва А.А. Бунге писал в "Предварительном отчете": "Толль, Бунге, два казака якутского казачьего полка, Семен Корякин и Аким Баишев... четыре якута, два тунгуса" (Изв. ИРГО. — СПб., 1887. — Т. 23, вып. 5. — С. 580).

[129]*Мостахов С.Е.* Сподвижники путешественников... — С. 115—116. О С.И. Растопгуеве см. также: ЦГА ЯАССР, ф. 12-и, оп. 1, Т. 2, д. 9464, л. 46, 64.

[130]*Черский И.Д.* Письмо Ф.Д. Плеске (11 июня 1891 г., Якутск) // *Черский И.Д.* Неопубликованные статьи... — С. 207, 208; *Черский И.Д.* Дневник 1892 г. (Плавание по Колыме) // Там же. — С. 290.

[131]*Черский И.Д.* Письмо А.А. Штрауху (29 июля 1891 г., Оймякон) // *Черский И.Д.* Неопубликованные статьи... — С. 213, 214, 215. Позднее в письме к Ф.Д. Плеске от 12 сентября 1891 г. из Верхнеколымска И.Д. Черский напишет: "Не сделай же Кривошапкин столь великодушной... и столь выгодной для экспедиции уступки, после расплаты с ним я сидел бы в Верхнеколымске без денег да еще пользовался бы ныне мукою по среднеколымской цене и в кредит" (*Черский И.Д.* Письмо Ф.Д. Плеске (12 сент. 1891 г., Верхне-Колымск) // *Черский И.Д.* Неопубликованные статьи... — С. 218—219); Записки Императорской Академии наук. — СПб., 1892. — Т. 69, кн. 1. — С. 54.

[132]*Черский И.Д.* Этнографические заметки // *Черский И.Д.* Неопубликованные статьи. — С. 255, 257; *Скалон В.Н.* Введение к "Этнографическим заметкам" // *Черский И.Д.* Неопубликованные статьи... — С. 243.

[133]*Обручев С.В.* Комментарии к "Этнографическим заметкам" И.Д. Черского // Черский И.Д Неопубликованные статьи... — С. 259.

[134]*Черский И.Д.* Этнографические заметки. — С. 255—258.

[135]*Обручев С.В.* Основные этапы жизни и творчества И.Д. Черского // Черский И.Д. Неопубликованные статьи... — С. 16; *Черский И.Д.* Открытый лист М.П. Черской // Там же. — С. 299.

[136]*Отчет* о деятельности императорской Академии наук... за 1894 год. — С. 72; ЦГА ЯАССР, ф. 12-и, оп. 1, т. 2, д. 9464, л. 132—132об., 173об. *Толль Э.В.* Об экспедиции на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана от Святого Носа до

Хатангской губы. — СПб., 1894. — С. 47, 51; *Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — М.; Л., 1960. — С. 36—39; *Наумов Г.В.* Русские географические исследования Сибири в XIX — начале XX в. — М., 1965. — С. 135.

[137]СПбО АРАН, ф. 1, оп. 1а—1894, д. 141, л. 120; ЦГА ЯАССР, ф. 12-и, оп. 1, т. 2, д. 9464, л. 120об. О награждении наиболее активных участников "первых двух экспедиций Э.В. Толля" см.: *Мостахов С.Е.* Сподвижники путешественников... — С. 110—111.

[138]*Толль Э.В.* Об экспедиции на Новосибирские острова... — С. 44; СПбО АРАН, ф. 2, оп. 1—1893, д. 13, л. 34, 34об.; НАРС (Якутия), ф. 12-и, оп. 1, т. 2, д. 9464, л. 120. Об А.К. Михалевиче см. также: *Мостахов С.Е.* Сподвижники путешественников... — С. 109.

[139]*Толль Э.В.* Об экспедиции на Новосибирские острова... — С. 54.

[140]*Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. — С. 78—79; ЦГА ЯАССР, ф. 12-и, оп. 2, т. 1, д. 297, л. 148, 150об., 151; *Сибирская* советская энциклопедия. — М., 1931. — Т. 2. — С. 831.

[141]*Воллосович К.А.* Отчет начальнику Русской полярной экспедиции о личном составе вспомогательной санной партии и о ее работах по устройству спасательных депо // Изв. Имп. Акад. наук. — 1902. — Т. 16, № 5. — С. 245. Об этом см. также: ЦГА ЯАССР, ф. 25, оп. 1, д. 2457, л. 79.

[142]*Мостахов С.Е.* Сподвижники путешественников... — Якутия, 1966. — С. 194—196.

[143]*Там же.* — С. 107—109. О составе Русской полярной экспедиции см. также: *Николаев Н.* Политическая ссылка в изучении Якутского края. — М., 1927. — С. 191.

[144]*Скворцов Е.Ф.* Введение // Тр. Комис. по изуч. Якут. авт. сов. соц. республики. — Л., 1930. — Т. 15. Ленско-Колымская экспедиция 1909 г. под начальством К.А. Воллосовича. — С. 6; СПбО АРАН, ф. 47, оп. 2, д. 152, л. 5; *Скворцов Е.Ф.* В прибрежных тундрах Якутии... — С. 131.

[145]*Толмачев И.П.* По Чукотскому побережью... — С. 86.

[146]*Юргенс Н.Д.* Экспедиция к устью реки Лены. — С. 15, 16, 26, 30; *Бунге А.А.* Описание путешествия к устью реки Лены... — С. 22.

[147]ГАИО, ф. 24, оп. 10, д. 69, карт. 2720, л. 1об; НАРС (Якутия), ф. 12-и, оп. 1, д. 3298, л. 4об.

[148]*Отчет* Императорской Академии наук за 1886 г. — С. 7.

[149]СПбО АРАН, ф. 2, оп. 1—1883, д. 7, л. 94—96об.; ЦГИА, ф. 733, оп. 142, л. 72—75об.

[150]О помощи населения при заготовке рыбы для экспедиции см. также: *Мостахов С.Е.* Сподвижники путешественников... — С. 110.

[151]*Там же*. — С. 4—5; Черский И.Д. Письмо Ф.Д. Плеске (6 февр. 1892 г., Верхне-Колымск) // *Черский И.Д.* Неопубликованные статьи... — С. 234—235.

[152]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции... II. — С. 5; *Черский И.Д.* Письмо Ф.Д. Плеске (12 сент. 1891 г., Верхне-Колымск) // Черский И.Д. Неопубликованные статьи... — С. 217; *Черский И.Д.* Письма Ф.Д. Плеске (6 февр. 1892 г., Верхне-Колымск) // Там же. — С. 234—235.

[153]*Черский И.Д.* Письма Ф.Д. Плеске (7 мая 1891 г., Качуг) // Черский И.Д. Неопубликованные статьи... — С. 204.

[154]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции... II. — С. 5.

[155]Там же. — С. 11, 13, 17.

[156]*Черский И.Д.* Письмо А.А. Штрауху (30 мая 1892 г., Верхне-Колымск) // Черский И.Д. Неопубликованные статьи... — С. 236.

[157]*Черский И.Д.* Сведения об экспедиции... II. — С. 7.

[158]*Там же*. — С. 17—19.

[159]*Толль Э.В.* Плавание на яхте "Заря". — С. 273, 274, 282, 292.

[160]*Там же*. — С. 281, 285, 292, 297, 301, 302.

[161]*Boas F.* The Jesup North Pacific Expedition // The Amer. Museum Journ. — 1903. — Vol. 3. — P. 102—109.

[162]ЦГА ВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 1377, л. 194об., 207.

[163]*Скворцов Е.Ф.* В прибрежных тундрах Якутии. — С. 76, 77, 78; ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 522, л. 9, 16об., 17.

[164]*Скворцов Е.Ф.* В прибрежных тундрах Якутии. — С. 77, 78.

[165]ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 522, л. 17.

[166]*Иванов В.Н.* Историческая мысль в России XVIII — середины XIX в. о народах северо-восточной Азии. — С. 100, 101.

[167]В.Н. Иванов, обращаясь к работе Второй Камчатской экспедиции пишет, что главным вкладом "в данной области служило предположение, что Американский континент был заселен человеком со стороны Азии и выполнение этой исторической миссии принадлежало корякам и чукчам" (*Иванов В.Н.* Историческая мысль в России... — С. 106).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

[1]Подробно об истории академий, в том числе Петербургской см.: История Академии наук СССР. — М.; Л., 1959. Т. 1—2; 2-е изд. — 1964; *Вернадский В.И.* Первые годы Академии наук // Природа. — 1973. — № 9; *Левшин Б.В.* Создание Академии наук в России // Природа. — 1974. — № 1; *Копелевич Ю.Х.* Возникновение научных академий. Середина XVII — середина XVIII в. — Л., 1974; *Она же.* Основание петербургской Академии наук. — Л.,

1977; *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР: Крат. истор. очерк. — 1724—1917. — М., 1977. — Т. 1.

[2] *Отчет* о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1905 г. — СПб., 1905. — С. 9.

[3] СПбО АРАН, ф. 2, оп. 1—1914, д. 42, л. 41об.

[4] Там же. оп. 1—1915, д. 27, л. 1.

[5] Там же, л. 18.

[6] ЦГВИА, ф. 398, оп. 73, д. 29 775, л. 1—1об.; ф. 382, оп. 6, д. 6272, л. 2—3.

[7] ЦГАДА, Госархив, ф. 30, оп. 1, д. 35, л. 76об.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИНСТРУКЦИЯ

**господину доктору Мерку, состоящему в службе
в качестве естествоиспытателя и путеописателя
при господине капитане Биллингсе,
командире тайной морской экспедиции**

Поскольку Вы, будучи зачисленным по предписанию Е.И.В. вместо ушедшего в отставку ввиду болезненного состояния господина асессора Патрина, в морскую экспедицию, конечной целью каковой явилось бы описание еще неизведанных северо-восточных побережий Сибири и островов между Сибирью и Америкой, то прежде всего ожидается от Вас, что Ваша проницательность и Ваше усердие в науке и в службе и свойственное Вам честолюбие к выполнению долга позволят Вам принять участие в этом, тем такожды и паче, что Е.И.В. всемилостливейше надежно заверила все нижние чины при экспедиции о своей свидетельствующей милости и вознаграждении, после благополучно оконченного путешествия и по мере исполнения службы.

Но дабы Вам, при Вашем исполнении поручения при экспедиции, получить более содержательные результаты, каковые могли бы быть при определенных событиях при экспедиции, я считаю необходимым уведомить Вас непременно о тех Инструкциях-пунктах, составленных господину асессору Патрину и уточненных Е.И.В.

1

Окромя всего протчего надлежит Вам, будучи состоящим при экспедициях, в коих согласно оных инструкций Вы должны сопровождать руководителя в предписанных поездках к инородцам и по стране, соответствующие наблюдения натуральной истории полезным делать обособленно, дабы после окончания путешествия, по совместному возвращению с руководителем экспедиции в Санкт-Петербург, можно было бы Ваши наблюдения, журналы и собранные достопримечательные предметы природы* передать по назначению соответствующим ведомствам.

---

*...Далее вставка. Написана неразборчиво.

2

В течение всего Вашего путешествия прежде всего надлежит Вам обращать внимание именно на те области, каковые еще до Вас не были посещены ни одним из исследователей и путешественников, особливо потребуются Ваше прилежание и усердие окрест Пенжинской губы, реки Колымы, Северо-восточного сибирского мыса, островов между Камчаткой и Америкой и побережья этой оконечной части света.

Окромя протчего, совершенную полноту Ваших путеописаний крайне обязательно надлежит соотнесть со многими собраниями, фактами предыдущих наблюдателей, оставивших после себя важные наблюдения, заметки, дабы Вы також все остальные проезжаемые области с такой же точностью смогли бы отнаблюдать и описать.

Надлежит Вам також во время всего путешествия вести полный топографический и исторический журнал, в коем Вы должны будете ежедневно отмечать области, реки, ручьи, озера, горы и их отроги, побережья и острова, все достопримечательное из трех царств природы, встречающихся жителей и вообще все, что Вам может показаться любопытным.

Надлежит Вам либо самому, либо благодаря помощникам по экспедициям, коих Вы, возможно, сможете выбрать среди лекарей, метеорологические наблюдения обычным образом провести и встретившиеся феномены отмечать и описывать.

Также надлежит Вам составить по сообщениям туземцев общие обозрения обычной погоды тех удаленных областей, сезон и время, когда замерзают и вскрываются реки.

3

Ежели точнее и обстоятельнее говорить, то должны Вы тщиться направить свои устремления к выяснению главенствующего направления и простирания встретившихся горных цепей; расположение и сцепление оных с другими горными кряжами; круты или отлоги ихние уклоны; обыкновенные, либо особенным образом примечательные отдельные горы, либо вершины и скалы, либо ихняя высота.

Далее следует выяснить свойства оных поверхностей: богатые они источниками, либо иссушенные; плодородные, либо различным образом неплодородные; безлесные они, либо лес, покрывающий оные, состоит из кустарников, либо деревьев.

И затем, прежде всех обстоятельств, желательно было бы обратить внимание на земляные пласты, залежи, либо горные породы; из чего состоят подножия, середина и верхушки гор; на прогибание и направление пластов; как различные горные породы слагаются в залеже: лежат оные одна над другой, либо друг друга перекрывают; такожды на трещины, жилы и хода, либо виды руд, которые оные содержат; на их мощность, направление, падение и высоту; такожды на встретившиеся Вам структуры и продукты ныне действующих, либо на следы старых потухших вулканов.

И еще обратить внимание на встретившиеся вдоль больших рек и особливо вдоль Колымы скелеты и кости, может быть даже покрытые кожею и сухожилиями; а в промерзлом грунте за время многих столетий — на содержащиеся остатки слонов, носорогов и других южных зверей; ихнее залегание в земле, какими они покрыты земляными породами: либо из продуктов морского, либо сухопутного происхождения.

Из всех встретившихся особливо примечательных каменных и земляных толщей, из горных и жильных пород, руд, твердых и благородных каменьев, окаменелостей, вулканических продуктов, солей и горючих минералов должны Вы отобрать достаточно представительные и поучительные образцы и штуфы. И именно все это в 2-х экземплярах, собственно для Ея Императорского Величества и для Кабинета Императорской Академии Наук. И все это надлежащим образом пронумеровать, составить опись и хорошенько упаковать, дабы передать на сохранение в приспособленном месте до отправки назад.

Среди обкатанных каменьев в реках, ручьях и на морском побережье постарайтесь насобирать також всяческих достопримечательностей. И в особенности, ежели станет возможным, поскольку Ея Императорское Величество очень благосклонно относится ко всему такому, твердых каменьев и которые имеют добротные полосатые слои разных цветов и могущие служить для камей или благородных резных гемм, к примеру: оникс, каламин с молочно-белыми либо просветленными слоями, карнеол с белыми либо темными полосами и так далее.

4

При намерении топографического описания объезжаемых земель необходимо неустанно отмечать образование и состояние поверхности этих местностей; какая почва среди оленной земли, какие приметные повышения и понижения; холмистые эти земли или болотистые. Подобным же образом отнаблюдать лесистость дальних больших болот.

Также следует наблюдать озера, течение и истоки рек и ручьев; качество этих вод и речные русла; способность вод к омылению или каким путем идут реки; их соседство с другими реками и возможность их соединения; водопады, качество и продукты берегов, места притонения; породы рыб и возможность рыболовства. Такожды примечайте острова и морское побережье с их достопримечательностями и со всем тем, что во время мореплавания может Вам послужить материалом, каковой можно занесть в дневник.

5

Среди еще малоизвестных народностей, каковые Вам при путешествии в восточных краях и островах будут попадаться, отмечайте все в отношении ихнего телосложения и нравственного качества,

ихнего уклада жизни и расположения духа, быт, жилища, одежды, мастерство и рукоделие, охоту, рыболовство, суеверные и другие церемонии и праздники.

Далее необходимо примечать о положении у них женского пола и о воспитании детей, об их пище, о лекарствах и красителях; об их обычных растениях, кореньях и плодах; об их перемещениях и об сути их веры; и, наконец, об их языке.

Касательно в отношении языков, то высочайшим требованием Ея Импер. Вел. должны Вы принять на себя обязанность по собиранию языковых проб; по приложенным образцам словарных списков необходимо заполучить не токмо на все встретившиеся главные языки, но також и диалекты оных главных и притом изображать язык иностранных слов необходимо как можно более точнее и вернее сверхгерманским (готическим.— *Д.Ш.*) и русским шрифтом.

Об одеяниях и физиономиях, примечательных идолах и церемониях, о национальных жилищах, приспособлениях разного рода, средствах передвижения, ловушках на зверя и инструментах для рыбной ловли — частично необходимо составить подробный перечень; частично же прихватить с собою при возвращении в виде отдельных или полных моделей, или же в виде оригинальных образцов, особливо те из них, которые не будут Вам в тягость.

Встретившаяся старина, могильные памятники, такожды равно и примечательные скалы и высоты, или виды (перспективы) интересных областей, — все должно быть запечатлено в виде рисунков, с каковой целью художник экспедиции должен быть снабжен камерой обскурой.

6

Особливо хотелось бы ожидать от Вас, что Вы с неустанным усердием и точностью сможете точно отнаблюдать во всех пересекаемых Вами областях, как на суше, так и на воде, все встретившиеся Вам растения, кустарники и деревья.

С помощью субхирургов и других специально обученных людей необходимо хорошо засушить между листами бумаги экземпляры во множестве, и ежели где будет возможным, то вместе с кореньями, цветами и плодами. При этом кажного вида и подвида в местах произрастания (Locum natalem), образующих возможную провинцию (ареал) и при сем чтоб были отмечены окраска, цветы и время зацветения. И где также случится возможность, от всех растениев собранные семена надлежащим образом просушить и хранить потом в холоде.

У туземного населения надо будет справляться о пользовании в хозяйстве, медицине, також в виде краски или для дубления кореньев, ботвы и плодов или також может в качестве яда или сонного зелья и обо всем этом усердно отмечать.

Из новых и примечательных растениев нужно, ежели достаток времени и обстоятельства путешествия позволят, сделать описание

и рисунки, желательно красками, и строение цветов и цвет ботвы упомянутых растений.

Такожды от всех древесных пород, пригодных к употреблению, насобирать в достаточных пробах коры, смолы (живицы), камеди, особливых плодов и кореньев и надлежаще упаковать.

7

Таким же образом надлежит Вам прилежно наблюдать во всем путешествии четвероногих животных, птиц, рыб, амфибий, островных морских и земляных червей, раковины, кораллы, губки и другие зоофиты.

Все примечательное при этом необходимо зарисовать. Новые виды, особливо из китов и других крупных морских животных, необходимо полно описать, препарировать и изготовить при этом хорошие зарисовки. И от всех редких или новых видов нужно будет препарировать по две штуки, принадлежащих к каждому полу и попытаться доставить в неиспорченном виде с собою.

Шкуры с наиболее крупных четвероногих животных, на коих при этом зубы и лапы с когтями должны присутствовать, с мездровой стороны надлежит пересыпать мелкоистолченною серою и перцем и, обстоятельно высушенные, упаковать в хорошо просмоленные ящики. С мелких же животных наряду с птицами изготовить чучелы и такожды упаковать в просмоленные ящики. Також и рыб упаковать после просушки, а кожу ихнюю, или половину или целиком, сохранять також высушенною. А ежели они невелики размерами, то надлежит содержать их в бочонках с крепкой выдержанной водкою, також, как и амфибии, а мягких морских червей содержать надлежит в стеклянных бутылках.

Сохранение внутренностей раковин и высушенных зоофитов проводить надлежит с осторожностию, упаковывая пробы в плотно склеенные и просмоленные ящики.

8

Метеорологические наблюдения, особливо в местностях, в коих Вы долго обретаетесь, должны содержать термометрические и барометрические таблицы. Происходящие феномены, такие как солнечное гало (Towrhelien), сполохи (Feuerzeichen), северные сияния и сопровождающие при сем явления, особливо таковые, как замеченное отклонение магнитной стрелки, либо проявление воздушного электричества, отмечать при этом особенно тщательно.

В высоких северных широтах должны быть проведены опыты с неоднократно очищенной серебристой ртутью в свободном ее состоянии, запасы каковой должны быть в достатке у командора экспедиции; при этом должна быть доподлинно установлена посредством измерения по винно-спиртовому термометру точная точка замерзания сего металла, как при естественном, так и при искусственном холоду.

А еще должны Вы указывать на примечательную неодинаковость форм снежинок в различных северных широтах; возникновение первых подвижек и становление рек; посредством наблюдения должны также отмечаться скорость звука при очень высоких градусах холода.

Суровые холода в северных странах наблюдать, главным образом, посредством винно-спиртового термометра.

Еще наблюдать, как глубоко летом земля оттаивает в различных областях и нельзя ли в высоких широтах через промерзшую почву уверенную глубину промерзания к Рождеству указать.

И, наконец, не упустить главного из следующего: господствующие и меняющиеся ветры каждой области; а при морском путешествии течение, различные свойства, соленость и температуру морской воды, а такожды высоту приливов и отливов на побережье и т.д.

9

Не упустите такожды и болезни в отдаленном крае; справляйтесь також в проезжающих областях об эпидемиях как домашней скотины, так и дикого зверя. И об этом сделайте приметы на Ваш взгляд, как врача.

10

По окончании экспедиции Вы должны тщательно проконтролировать все собранные экспонаты, особливо из зверей и из растительного мира. Перед обратным путешествием очистите все от червоточины, пересушите, перетрясите. А зверей и птиц запакуйте в ящики очень плотно, но осторожно, как только можно, с мохом или коноплею, высушенных до того в печке, или в картонки с шерстью. После этого оные ящики засмолите добротно и обтяните сыромятною кожею, с тем, дабы все это в лучшем виде и на установленном месте могло следовать далее.

11

Поскольку историческое и топографическое описание путешествия поручено Вам и ожидается предпочтительно от Вас, то всякий раз, ежели будет требование командора экспедиции, Вы время от времени передавайте ему в сокращенном виде Ваши замечания для его сообщений о всем необычном, или в форме особого сообщения или же дополнительно прилагаемому к сообщению командора экспедиции. И оные сообщения нумеруйте и отмечайте по порядку, дабы чего-либо при этом не утерять. Причем каждый раз копии этих донесений держите при себе.

Основную массу Ваших наблюдений, описаний и журналов, возможно також основную массу собранных раритетов, окромя разве некоторой части от этого, приготовленной к отправке, в самом

хорошем виде, которая должна главой экспедиции депешей либо курьером присылаться сюда, должны Вы под Вашим хранением и наблюдением до возвращения оставлять при себе, дабы можно было иметь возможность сдать все это властям, назначенным Ея Императорским Величеством.

Зато все собранные растения, семена и коренья, особливо хорошо пригодные к садовым культурам, спешно, как только можно, при депешах не мешкая, переправить в столицу с тем, дабы они не потеряли по происшествии времени силу своей всхожести.

12

Было бы наилучшим, если бы Вы охотно приложили бы свое усердие командору экспедиции по старой части, поскольку Ваши познания и ученость могли бы быть экспедиции весьма полезными в том, чтобы искренне содействовать и всеми мерами способствовать пользе экспедиции.

Напротив, в силу этой инструкции можете Вы от командора экспедиции ожидать и испрашивать все необходимое в вспомогательных средствах, как то людей, лошадей, различное имущество и денежные расходы.

Вы можете також с его согласия и так часто, как позволят обстоятельства и покажется по службе, потребовать произвесть небольшие окрестные путешествия, просмотр достопримечательных областей и местностей. При этом можете Вы истребовать у командора экспедиции средства для безопасности и необходимые вспомогательные средства. Также не нужно отказываться Вам от пользования художниками и другими в Ваших делах необходимыми людьми, как и особенно приставленными для помощи к Вам охотников и мастеров по чучелам. Все вышеупомянутые пункты инструкции были мной высочайше препровождены за моей подписью господину асессору Патрину, и поскольку теперь его место и дела передаются Вам, то считаю я своим долгом тем самым после этого переправить Вам эти заметки.

Санктъ-Петербург, 30 сентября 1786 г.

П.С. Паллас

СПбО АРАН, ф. 37, оп. 1, д. 5, л. 1—7об.

Instruction

für den bey der geheimen [illegible] Expedition
unter Commando des Herrn Capitains Billings
als Naturforscher und Reisebeschreiber
angestellten Herrn Doctor Merck

Da Sie an die Stelle des wegen seiner kränklichen Umstände entlassenen Herrn Assessor Patrin bey der von Ihro Kayserlichen Majestät selbst angeordneten [illegible] Expedition, welche die Beschreibung der noch unbekannten nordöstlichen Länder von Sibirien und der Inseln zwischen [illegible] America zum Endzweck hat, angestellt sind, so erwartet man von Ihnen alles was Ihren Kenntnissen, Ihr Eifer für die Wissenschaften und für den Dienst [illegible] Ihnen zur Pflicht machen; um so viel mehr da Ihro Kayserliche Majestät [illegible] Expedition allergnädigst zugesichert [illegible] nach glücklich geendeter Reise [illegible]

Фрагмент "Инструкции...", составленной П.С. Палласом для К.Г. Мерка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВСОИВ	— Архив востоковедов Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения
АВПР	— Архив внешней политики России
ВСОИРГО	— Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
НАГО	— Научный архив Географического общества
НАРС	— Научный архив Республики Саха (Якутия)
РАЕН	— Российская Академия естественных наук
РО БАН	— Рукописный отдел Библиотеки Академии наук
СО РАН	— Сибирское отделение Российской Академии наук
СО РГО	— Сибирский отдел Русского географического общества
СПбО АРАН	— Санкт-Петербургское отделение Архива Российской Академии наук
ЦГА ВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского флота
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Ширина Данара Антоновна

ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК И СЕВЕРО-ВОСТОК 1725—1917 гг.

Редакторы *М.П. Щекотихина, Т.В. Романенко*
Художник *В.И. Шумаков*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *С.М. Погудина, Л.А. Щербакова*

ИБ № 1090

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 20.09.94. Подписано в печать 25.11.94.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская. Офсетная печать. Усл. печ. л. 14,28.
Уч.-изд. л. 17,8. Тираж 700 экз. Заказ № 208.

Ордена Трудового Красного Знамени ВО "Наука", Сибирская издательская фирма. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.
Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.
Новосибирская типография № 4 ВО "Наука". 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.